ТЕЛЕСКОПЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Октября 21 го дня 1832 года.

Цензоръ Николай Лазаревъ.

1832 N 17

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

РИМСКОЕ ПРАВО.

Tu regere imperio populos, Romane, memento,
Hae tibi erunt artes, pacisque imponere morem,
Parcere subjectis et debellare superbos.

Aeneidos. VI.

Востокъ изъ нѣдръ вѣчной пребываемости воздвигъ идею человѣчества, на разнородныхъ лицахъ экватора и полюса отсвѣчивающую единствомъ крови и духа. Египетъ, какъ корень, глубоко лежащій въ землѣ, далъ отпрыски на свободномъ Греческомъ воздухѣ; образовательная сила государствъ созрѣла на Аѳинской площади и въ Академіи Платона; Греческіе нравы дали бытіе философіи. Итакъ творческія и образовательныя силы законодательствъ уже исполнили мѣру своего напряженія;

надлежало отыскать вещество, на которомъ бы онѣ показали ихъ образовательное могущество. Вещество для великаго законодательства открылось въ нравахъ народа малочисленнаго, медленно образуемаго, но подающаго надежды мужественнаго и прочнаго образованія. Сей народъ, дивный въ лѣтописяхъ міра, суть Римляне.

Римъ есть міръ, въ которомъ всѣ противуположныя силы природы человѣческой вступаютъ въ рѣшительную борьбу и оканчиваютъ великую драму древняго міра. Здѣсь геній востока съ величественнымъ спокойствіемъ возлежитъ на колоннахъ Капитолія, и посмѣевается плебейской свободѣ, шумно толкущейся на Римской площади (forum). Геніи Египта и Греціи стоятъ лицомъ къ лицу, и спорятъ о владычествѣ надъ гражданскимъ міромъ. Измѣрить средства сихъ противниковъ, видѣть ихъ взаимную борьбу, истощаніе силъ и окончательное примиреніе, значитъ представить постепенное образованіе Римскаго Законодательства. Итакъ приступимъ.

Первое историческое явленіе на Европейской землѣ суть Пелазги, занимавшіе берега Эгейскаго, Адріатическаго и Тир-

ренскаго морей. Изъ Греціи ихъ вытѣснили (а нѣкоторыхъ покорили) Эллины и на ихъ жилищахъ развили Греческую цивилизацію. Въ Италіи они не болѣе имѣли счастія. Съ сѣверной стороны Альповъ являются, (вѣроятно, тѣснимые Кельтами и Германцами), горные обитатели, Этруски, вторгаются въ земли Палазговъ-Тирренцевъ, и производятъ шумное колебаніе въ народахъ всей Италіи. Этруски на берегахъ Арно, въ нынѣшней Тосканѣ, которой они дали свое имя (Tuscus, Etruscus), утвердили постоянное мѣстопребываніе, проявели стиль гражданственности, который ни съ какимъ другимъ не имѣетъ родственнаго сношенія. Сами Этруски всѣ истины, къ общежитію и религіи относящіяся, приписываютъ откровенію карла (nain) *Тагеса* а), возникшаго изъ нѣдръ земли и обладавшаго всѣми знаніями. Сей вымыслъ показываетъ оригинальность или туземность Этрусской цивилизаціи б). Сія по-

---

а) Этрусскій Тагесъ есть выкопанный изъ земли мальчикъ съ старческою мудростію — изъ нѣдръ земли изшедшій даръ пророчества — сынъ генія и внукъ Юпитера, учитель двенадцати народовъ Италіи. Онъ есть Гермесъ Италійскій — гражданское разумѣніе. Kreuzers Symbolik.

б) Niebuhr, Römische Geschichte. II. 925—929. I. 156.

слѣдняя достигла полной зрѣлости въ третьемъ вѣкѣ Римской Исторіи, и имѣла характеръ религіозно-образованный, являющій сходство съ Греческою, особенно же съ Египетскою. Слѣды ея открываются даже теперь въ памятникахъ архитектуры и ваянія. Благородное Римское юношество до временъ вторженія въ отечество Греческихъ наукъ и искусствъ воспитывалось въ Этрусскихъ знаніяхъ, заключавшихся въ астрономическомъ календарѣ, богослужебныхъ обрядахъ, гаданіи по внутренностямъ животныхъ и полету птицъ, въ Медицинѣ и Естественной Исторіи. Этруски имѣли книги, кои подобно книгамъ Моусея, содержали жреческое право, правила архитектуры, публичное право, раздѣленіе жителей на куріи, трибы, центуріи, и военныя правила а). Но гораздо для Исторіи Римскаго законодательства важнѣе извѣстія объ Этрусской конституціи. Вся земля ихъ, по свидѣтельству Рим-

а) Niebuhr, Römische Geschichte. I. 157,158. Примѣч. До временъ Императоровъ волшебники и скоморохи Этрусскіе ходили по Италіи, и привлекали къ себѣ суевѣрную любознательность ея обитателей, точно также, какъ по завоеваніи Египта астрологи и гадатели сей земли разсѣялись по всей Римской Имперіи. Ibid.

скихъ историковъ, раздѣлена была на двѣнадцать городовъ или округовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свои храмы, своихъ боговъ и законы; и всѣ округи вмѣстѣ составляли федеративную республику, соединявшуюся во времена общей опасности, но чаще раздираемую междусобіями. Каждый городъ составлялъ особую республику военныхъ жрецовъ, называемыхъ *Лукумонами.* Сіи жрецы-воины образовали изъ себя могущественный патриціатъ и властвовали надъ народомъ, имѣвшимъ права несравненно ниже правъ Греческой черни или Римскихъ плебейцевъ. Вся власть городовыхъ патриціевъ сосредоточивалась въ Сенатѣ, коего члены обыкновенно назывались *Principes Etruriae.* Сколь ни велико было разстояніе сей военно-жреческой касты отъ простаго народа, но сама въ себѣ она была чисто демократическая; посему олигархія не замедлила укорениться въ ихъ конституціи, а съ симъ вмѣстѣ начались изгнанія слабѣйшихъ благородныхъ домовъ. Такъ цѣлый родъ (gens) Тарквиніевъ былъ изгнанъ изъ отечества и принужденъ искать убѣжища въ Римѣ. Съ другой стороны сильный деспотизмъ господствующей касты, убивая силы народа, сдѣлалъ его

неспособнымъ къ отраженію свободной Римско-плебейской пѣхоты. Римляне скоро явились повелителями Этруріи. Оскорбленная гордость Лукумоновъ хотѣла возстановить независимость націи дарованіемъ вольности народу; но было уже поздо. Римскіе легіоны подъ предводительствомъ Силлы положили конецъ ея существованію a). Мы увидимъ, что побѣдоносный Римъ не избѣгнулъ вліянія имъ побѣжденной Этруріи.

До Нибура никто не сомнѣвался, что Римъ основанъ Ромуломъ за 753 года до Рождества Христова b); но съ появленія его Римской Исторіи всѣ начали требовать отчета въ основныхъ и необходимыхъ причинахъ возникновенія и исполинскаго могущества Рима. Хотя предначертанія и воля одного человѣка много значатъ въ историческихъ событіяхъ; но существенная сила, движущая ими, есть сложная сила

---

a) Niebuhr, Rom. Gesch. B. I. s. 140, 141.

b) Одинъ Ж. Б. Вико, Неаполитанскій ученый, за 90 лѣтъ до Нибура чувствовалъ недостаточность сего мнѣнія. Въ своей Scienza Nuova онъ даже утверждалъ, что Римскіе Цари были олицетворенныя силы Рима. Онъ глубоко видѣлъ начала Римской Конституціи, кои Нибуромъ только развиты и уяснены. Открытіе принадлежитъ Вико, а повѣрка Нибуру.

времени, мѣста и народа. Геній не имѣетъ законодательной власти въ произшествіяхъ; ему принадлежитъ только власть исполнительная: и потому голая мудрость и воля Ромула по законамъ новѣйшей критики пріемлются только въ объясненіе ближайшихъ причинъ сооруженія Рима. Самое лице Ромула по предположенію Нибура есть не болѣе какъ символъ первобытнаго Рима. *Повѣсть временъ старыхъ, дѣла минувшихъ лѣтъ! !*

Рота, говоритъ онъ, слово не Латинское а), означалъ не большой городъ Сикуловъ, или Тирренцовъ, построенный на Палатинской горѣ, и основываясь на преданіи, предполагаетъ, что онъ, въ качествѣ свободнаго округа, признавалъ надъ собою верховную власть Альбы Лонги.

Римъ занималъ Палатинскую гору и, отдѣляясь отъ Этруріи рѣкою Тибромъ, имѣлъ въ сосѣдствѣ другія высоты: Авентинъ, Целіусъ и ближайшую изъ нихъ Квириналъ. Слово *Quirinal* Нибуръ производитъ не отъ *Quires* (мечь), а отъ горы *Cures*, по которой и городъ, стоящій на

а) Такъ думали сами Римляне.

ней назывался *Curium* или *Quirium*. Сей последній, по всей вѣроятности, былъ обитаемъ Сабинянами. Не смотря на весьма близкое разстояніе одного города отъ другаго, они первоначально не составляли одного цѣлаго, какъ нѣкогда старый Данцигъ съ новымъ, или старый Кёнигсбергъ съ новымъ Кёнигсбергомъ. Но какъ они оба соприкасались одинъ другому стѣна объ стѣну; то между ими не избѣжны были частыя сношенія, взаимные споры, совѣщанія и нерѣдко обоестороннее ополченіе противъ общихъ враговъ. Междуградіе, куда сходились для совѣщанія дипломатическіе чиновники, называлось посему *comitia* (сходка). Для взаимной коммуникаціи каждый городъ прорубилъ въ своей стѣнѣ дверь — *janua*, которая во время мира обыкновенно была заперта, (ибо юноши Палатинской горы были удалые молодцы, противъ которыхъ отцы Сабинскихъ семействъ были весьма осторожны), а при общей опасности во время войны была отворена для взаимнаго вспомоществованія. Вотъ, по мнѣнію Нибура, историческое значеніе двулицаго *Януса*, котораго боготворили Римляне до позднѣйшихъ временъ. Итакъ двулицый Янусъ есть символъ двуглаваго

Рима. Кромѣ сего, самое названіе Рима имѣетъ значеніе двуполаго царства, что̀ было совершенно въ духѣ Римскаго національнаго мышленія. У Римлянъ вездѣ встрѣчается законъ двойственнаго пола: animus et anima есть общая формула ихъ представленій о всѣхъ предметахъ природы а). Римъ назывался *Romus*, а другой городъ, меньшій его братъ, *Romulus*. Вотъ почему — (Нибуръ полагаетъ) — мнимый *Romulus* по пре-

---

а) Римъ въ самомъ основаніи есть двуполое царство. Ромулъ запахалъ черту города запряженными въ одинъ плугъ (conjugium) коровой и воломъ, какъ символами внутрь-семейственнаго и внѣ-семейственнаго плодородія:

Inde premens stivam designat moenia sulco
Alba jugum nives cum bove vacca tulit.
Ovid. Fast. IV. 825. 19.

Въ этомъ же смыслѣ Ромулъ проситъ покровительства городу у Марса и Весты:

Vox fuit haec Regis:
Condenti, Jupiter, urbem
Et genitor Mavors! Vestagem
Mater ades!
Ovid. Fast. IV. 827, 19.

Въ Капитоліи на щитѣ, посвященномъ невѣдомому божеству — хранителю города — была слѣдующая надпись: „Genio urbis Romae, sive mas sit, sive foemina.“ Conjugium вола и коровы въ политическомъ отношеніи знаменуетъ, что основаніе Рима есть семейство, супружество мужа и жены, выражавшееся въ словахъ: „Ubi tu Cajus, ego Caja.“ — Patria et populus. — Семейственный и политическій бытъ Римлянъ. Kreuzers Symbolik. B. II. 1000,1001.

селеніи къ небожителямъ, велѣлъ себя чтить подъ именемъ *Quirinus*. Это было моментомъ соединенія *Romus* и *Quirium* въ одно нераздѣльное цѣлое — соединеніемъ души и тѣла. Но, какъ въ тоже время въ словѣ *Romulus* заключается и *Romus*, то первое и принято за значеніе цѣлаго. Послѣ сего взаимнаго соединенія произошло совершенное претвореніе двухъ народовъ въ одинъ. Оба города составили одинъ Сенатъ, и начали имѣть одного Царя. Съ сихъ поръ сей двуглавый народъ сталъ называться *Populus Romanus et Quirites*, и просто безъ союза: *Populus Romanus Quirites*. Два народа составили двѣ трибы, изъ коихъ первая называлась Ромуловою (Ramnenses), вторая Таціевою (Tatienses). Но вступаетъ на престолъ Туллъ Гостилій, и — съ нимъ вмѣстѣ появляется третья триба, коей члены назывались *Luceres*. Мнѣнія о сихъ послѣднихъ различны. Одни называли ихъ Этрусками, другіе Тирренцами, а Нибуръ видитъ въ нихъ жителей города *Люцера*, который должно искать на горѣ *Caelius*, сосѣдней двумъ первымъ высотамъ; но какъ Туллъ Гостилій, по сказанію древнихъ, былъ основателемъ города на сей высотѣ, заселеннаго Албанскими фамиліями

(gentes): то по всей вѣроятности *Luceres* были не что̀ иное, какъ Туллова триба, состоящая изъ Албанцевъ. Тѣ, кои приписываютъ симъ тремъ царямъ раздѣлъ Римскихъ полей, ошибаются только въ томъ, что раздѣлъ сей принимаютъ за раздачу земли, которой будтобы у жителей не доставало, тогда какъ онъ былъ напротивъ соединеніемъ трехъ разныхъ земель (territoires) въ одну Римскую, и законнымъ признаніемъ владѣнія тѣхъ, кои и безъ того уже владѣли.

Три народа составили три трибы, но съ неравными преимуществами. Первыя двѣ считали себя старшими (*majores gentes*), а Люцеровъ младшими (*minores gentes*); сихъ послѣднихъ сперва не допускали имѣть своихъ членовъ въ Сенатѣ, не давали участія въ общей сходкѣ (comitium), а Римляне считали ихъ даже подвластными себѣ. Въ сіе - то время началось развитіе двойственнаго начала Римскаго Государства: 2 трибы, 200 Сенаторовъ, 4 первосвященника подъ начальствомъ пятаго Великаго Первосвященника (Pontifex Maximus), избираемаго поочереди изъ двухъ трибъ, 4 Весталки, 2 Фламина, 20 Феціаловъ, 2 *Duumviri perdullionis*

и т. д. Потомъ когда триба Luceres получила право посылать отъ себя 100 членовъ въ Сенатъ; то развитіе и другихъ чиновъ началось тройственнымъ шагомъ, и продолжалось въ видѣ 3 и 3×10. Первыя двѣ сотни сенаторовъ удержали однакожъ прежній эпитетъ и назывались *patres majores*, а третья *patres minores*; при чемъ предсѣдательство въ Сенатѣ принадлежало 10 декуріонамъ изъ Римскихъ фамилій. Сенатъ раздѣленъ былъ на 30 декурій (декадъ, десятковъ), и каждая декурія соотвѣтствовала куріи, составляющей десятую часть трибы, отсюда слово *decurio* — сенаторъ. Во время междуцарствія первые десять сенаторовъ — *decemprimi* отправляли должность царя; цари избирались такъ, что одна триба избирала въ другой, а третья утверждала выборъ. Трибы состояли изъ *gentes*. Подъ словомъ *gentes* разумѣются роды фамилій — коихъ члены безъ различія чиновъ назывались *patres*, отсюда общее названіе фамилій *patricii*. Организація родовъ была ли у Римлянъ естественною или искусственною, утвердительно сказать нельзя. Во первыхъ можно полагать, что каждый родъ образовался отдѣльно отъ другаго, каждый отдѣль-

но отъ своего родоначальника, и былъ обществомъ родственниковъ; во вторыхъ, можетъ быть, въ древнія времена триба раздѣлилась на разныя роды по мѣстнымъ отношеніямъ, такъ что произвольно обмежеванный участокъ земли содержалъ многіе не родственные роды, подобно какъ въ Аѳинахъ Клисѳенъ изъ 4 коренныхъ трибъ сдѣлалъ 10. Въ томъ и въ другомъ случаѣ слѣдствія одинаковы. *Gentes*, составленныя изъ семействъ неродственныхъ, могли перероднится между собою и составить какъ бы отрасль одного родоначальника. Они имѣли общій храмъ, общихъ боговъ, празднества и пр. Отсюда въ Римѣ являются *gentiles* на взаимно родственныхъ отношеніяхъ. Въ случаѣ несостоятельности одной фамиліи къ понесенію повинностей государственныхъ, взносовъ въ казну, въ случаѣ плѣна и тому подобныхъ обстоятельствъ, всѣ фамиліи одного рода (gens) отвѣтствовали за несостоятельнаго, однакожъ подъ условіемъ: если кліенты несостоятельной фамиліи равно были несостоятельны. Кромѣ тягостей были обоюдныя выгоды. Имущество послѣ бездѣтныхъ или неоставившихъ близкихъ родственниковъ шло къ однородцамъ (gentiles).

Каждая триба имѣла 10 родовъ (gentes) a), каждый родъ 10 фамилій, итого всѣхъ патриціанскихъ фамилій было 300. Все, что было внѣ сихъ родовъ, считалось безфамильнымъ, неимѣющимъ предковъ (novus homo). Одни патриціи имѣли фамиліи.

Въ Римскихъ *gentes* усматривается зародышъ государства, неподвижныя точки, на которыхъ сновалась органическая матерія Рима. Первое явленіе сего членотворенія суть Римскіе кліенты (clientes). Происхожденіе ихъ, по сознанію Нибура, столь же безвѣстно, какъ и начало самаго Рима. Между тѣмъ есть поводъ предполагать, что происхожденіе кліентовъ находится въ связи съ бывшимъ тогда въ употребленіи Италійскимъ правомъ *jus applicationis et jus exulandi* (правомъ приписи и правомъ выселенія). На основаніи сего права граждане Италійскихъ городовъ, состоящихъ съ Римомъ на отношеніяхъ народнаго права (jus gentium), могли основать жительство въ Римѣ, но съ обязанностію найти себѣ патрона между природными гражданами. Исторія подтверждаетъ, что большая часть сихъ пересе-

---

a) *Gens* однозначительно съ genus, γένος.

ленцевъ были преступники, избѣгающіе родственной мести, (что̀ весьма часто бывало въ Аѳинахъ), коихъ не могли удерживать въ отечественномъ городѣ. Къ сословію кліентовъ должно отнести отпущенниковъ *per vindictam et censum*, вмѣстѣ съ иностранцами составлявшихъ мастеровыя гильдіи (maîtrises), коихъ при Нумѣ считалось до девяти а). Состояніе Римскаго кліента можно сравнить съ невыгоднымъ состояніемъ Германскаго вассала, или Аѳинскаго метека, который самъ собою никакъ не могъ относиться въ судебныя мѣста, а избиралъ патрона (*προστάτης*), который всѣ судебныя его дѣла велъ отъ своего имени и защищалъ его въ судѣ. По праву первобытному, всѣ несчастные, гонимые судьбою, считались за отверженныхъ богами. Кто не имѣлъ своихъ боговъ, своего рода, тотъ искалъ покровительства у чуждыхъ пенатовъ, у чуждыхъ семействъ. Въ такомъ случаѣ онъ допускался къ семейственнымъ празднествамъ, но вмѣстѣ съ симъ

а) Niebuhr, Römische Geschichte. I. 659—662. Иностранцы и отпущенники, записанные въ ценсъ, по изъясненію его первоначально не имѣли полнаго права гражданства, и назывались *aerarii*.

подвергался всей власти отца семейства, законодательной и судебной. Римскіе патроны имѣли полную судебную власть надъ своими кліентами. Обязанности патрона: покровительство, дарованіе участка земли кліенту, наставленіе въ законахъ, ходатайство предъ судомъ; права: право отеческой власти, наслѣдованіе послѣ бездѣтнаго кліента, право на уваженіе, на денежныя и всякаго рода пособія для уплаты долга, для выдачи дочери замужъ и пр.; обоюдная обязанность: отеческое попеченіе и сыновняя преданность, обоюдная вѣрность, освященная правомъ божественнымъ. Посему патронъ и кліентъ въ гражданскомъ отношеніи составляли одно лице, и всякаго рода судебныя дѣла между ими запрещались. Въ случаѣ злостнаго нарушенія обязанностей тотъ и другой предавались проклятію: „Патронъ, дѣйствующій во вредъ кліента, и наоборотъ, да будетъ проклятъ a).“

Еслибъ составныя силы Рима заключались въ однихъ патриціяхъ и кліентахъ; то Исторія Рима ни чѣмъ не отличалась бы отъ Исторіи федеративной Этруріи. Но

a) XII. tabb. —

священный патриціатъ Рима ожидала другая участь. Вспомнимъ, что къ Палатинской горѣ сперва присоединился Квириналъ, потомъ высота Целіусъ, и каждый разъ присоединеніе изображено преемствомъ государей. Мы видѣли, что Туллъ Гостилій покорилъ Альбу, а Патриціевъ сего города переселилъ на гору *Caelius*. За Тулломъ Гостиліемъ слѣдуетъ Анкъ Марцій, которому также приписываютъ раздѣлъ Римскихъ полей, и сверхъ сего утвержденіе плебейскаго обычнаго права. Сіе преданіе Нибуръ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Когда Туллъ Гостилій покорилъ Альбу, то кромѣ выведенныхъ патриціанскихъ фамилій оставались въ ней многіе благородные домы, а сверхъ того Альбѣ повиновался обширный округъ *Latium*, заключавшій въ себѣ тридцать городовъ; земля Албанская принадлежала въ собственность Риму, съ предоставленіемъ однакожъ владѣнія ея жителямъ. Анкъ Марцій предпринялъ еще переселить часть ея жителей на гору Авентинъ, но какъ трибы имѣли уже полный комплектъ: то сіи переселенцы принуждены были остаться на простыхъ правахъ, и напротивъ Римскаго патриціата образовали простый Рим-

скій народъ (*plebs Romana*). Съ сихъ поръ Авентинъ сталъ главною квартирой плебейскихъ силъ; и какъ права его были ниже правъ патриціевъ (populus Romanus), то между патриціями и плебейцами началась продолжительная, тактическая борьба; а съ симъ вмѣстѣ начало исполинскаго возрастанія Рима. Сія *plebs*, принимаемая за Римскую чернь, имѣла однакожъ великій характеръ, ибо въ нее вошли многія благородныя фамиліи Альбы; посему она скоро обнаружила великіе таланты и явила себя достойной соперницей достопочтеннаго патриціата. Жители Альбы, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, удержали навсегда Латинскія права: муниципальную свободу, религію, законы, безъ участія однакожъ въ Римскихъ комиціяхъ; а переселенные на Авентинъ составили народъ Анка Марція, и приложились къ народу Ромула, Нумы или Тація и Тулла Гостилія. (а). Принявъ предположе-

---

а) Что касается до послѣднихъ Римскихъ Царей: Тарквинія Древняго, Сервія Туллія и Тарквинія Гордаго, то мнѣніе Нибура колеблется между двумя предположеніями. Въ имени Тарквинія Приска, разсматривая слово *Priscus*, онъ видитъ въ немъ имя народа (Присковъ), смѣшаннаго съ Албанцами; слѣдовательно самаго Тарквинія считаетъ не лицемъ, а благород-

ніе Нибура, оправдываемое памятниками древняго Рима, что Римскій патриціатъ былъ организованъ по образцу Этрусскому легко можемъ себѣ представить непреклонную волю патриціевъ, которые всегда и во всемъ хотятъ господствовать надъ народомъ безфамильнымъ, незнающимъ Этрусскаго календаря и законодательства.

ными фамиліями, переселенными Тулломъ на гору *Caelius* вмѣстѣ съ Люцерами. Симъ объясняетъ онъ и деспотизмъ Тарквинія Гордаго, который опираясь на партію Присковъ, недовольную правомъ *minorum gentium*, могъ легко утѣснять старшія трибы (*gentes majores*). Съ другой стороны, Нибуръ разсматривая въ именѣ Тарквинія Приска слово *Tarquinius* — имя Этрусскаго города — и то, что Тарквиній по преданію назывался Лукумонъ (т. е. Этрусскій Патрицій), и наконецъ принимая гору *Caelius*, на которой поселились *Luceres*, за имя одного Этрусскаго бандита *Caelés Vibenna*, сходнаго съ Италіянскими *Condottieri* среднихъ вѣковъ, пришедшаго на помощь Римскому царю и занявшаго высоту *Caelius*, Нибуръ полагаетъ, что въ основаніи Рима лежитъ важная доля Этрусскаго элемента. Временемъ пришествія Этрусскаго вождя, который могъ быть самъ Тарквиній Древній, онъ полагаетъ эпоху мнимаго Ромулова царствованія. Изъ сего предположенія Нибуръ выводитъ второстепенныя предположенія, что самый Римъ могъ быть завоеванъ Этрусками, поселившимися на горѣ *Caelius*, и образованъ ими на Этрусскій штиль. Симъ объясняетъ онъ исторію Сервія Туллія, пришедшаго вмѣстѣ съ Вибенной и основавшагося на горѣ *Caelius*; Этрусскій характеръ Римскаго Патриціата, священнаго Римскаго права, центуріи Сервія Туллія, трибы, куріи, воспитанія юношества, и коренные законы Римскаго народа. Niebuhr. I. 417—430.

Съ другой стороны Римская *plebs*, частію благородная, большею частію свободная, всегда возрастающая въ вещественныхъ силахъ, никакъ не могла пресмыкаться предъ патриціями. Первоначально вся земля принадлежала патриціямъ, а народъ безмолвно повиновался ихъ законамъ и учрежденіямъ. Вскорѣ народъ, получивъ внутреннюю организацію по образцу патриціанской, вступилъ въ политическое соединеніе съ патриціями. Сіе постановленіе, приписываемое Сервію Туллію, раздѣлившее весь Римскій народъ на трибы и центуріи, не уничтожило первоначальнаго двойства Государственныхъ началъ. Сила патриціанская заняла первыя центуріи, а плебейская послѣднія, весьма стѣсненныя въ своихъ правахъ, и потому въ центуріальныхъ собраніяхъ перевѣсъ всегда оказывался на сторонѣ патриціевъ. Партіи долго ожесточались; наконецъ оскорбленные плебейцы рѣшительно отказались повиноваться патриціямъ, если они не утвердятъ закона, въ слѣдствіе котораго защищеніе правъ народныхъ возложено на трибуновъ съ властію останавливать всякое покушеніе патриціевъ противу правъ плебейскихъ. Эпоха поста-

новленія трибуновъ была началомъ торжества плебейцевъ надъ патриціями. Съ сихъ поръ аристократія постоянно ослабѣвала, а демократія постепенно возвышалась въ своихъ силахъ. Плебейское могущество возрастало въ хронологическомъ порядкѣ a).

---

a) Въ 245 г. установлены апелляція къ народу (ad plebem),
— 260 — — — — Трибуны Народа (plebis).
— 309 — — — — пріобрѣтены права на супружество съ Патриціями,
— 333 — — — — на Квесторство,
— 380 — — — — на Консульство.
— 385 изданъ законъ противъ непомѣрнаго увеличенія помѣстныхъ владѣній.
— 389 — — — — Курульный Эдилитетъ,
— 399 — — — — Диктаторство,
— 409 — — — — Цензорство,
— 418 — — — — Преторство.
— 452 — — — — Первосвященство,
— 660 — исключительное право избирать жрецовъ.
При семъ должно замѣтить, что Римская plebs была слишкомъ положительна и умна, чтобъ возвыситься до безразсуднаго требованія *déclaration des droits de l'homme*. Она любила дѣло и никогда не выступала изъ границъ размѣренныхъ цѣлей; она дѣйствовала изподоволь, разрушая патриціанскія привилегіи медленно, вѣрно, отчетливо. Посему весьма справедливо нѣкоторые думаютъ, что все законодательство Рима есть рядъ отрицательныхъ величинъ — отъ перваго народнаго Трибуна до совпаденія сей грозной власти съ властію Первосвященника и Консула. Патриціямъ принадлежитъ *rogo*, Плебейцамъ *veto*, всегда упорное, твердое, неуклонимое. На сторонѣ Патриціевъ было положительное законодательство, созрѣвшее въ творческій періодъ семейственнаго быта Римлянъ. Они имѣли

Послѣднія времена республики ознаменованы кровавыми тріумфами плебейцевъ надъ патриціями. Всѣ великіе таланты становились на сторону народа, который разточалъ верховную власть своимъ любимцамъ. Августъ былъ величайшій и послѣдній демагогъ, сосредоточившій въ себѣ всѣ власти республики.

Образованіе Римскаго Права шло совершенно вровень съ побѣдами плебейцевъ. Римскія сказанія гласятъ, что Ромулъ далъ своему городу три имени: 1) таинственное, извѣстное однимъ богамъ и ихъ любимцамъ на землѣ, 2) жреческое, извѣстное однимъ жрецамъ, 3) политическое, или народное. Первое имя любовь, анаграмма (по изъясненію нѣкоторыхъ) слову *Roma* (Amor), второе *Flora* — цвѣтущій

уже все, и постепенно должны были не пріобрѣтать, но терять, слѣдственно исторія Римскаго законодательства есть исторія отрицанія Патриціанскихъ привилегій. Уравненіе отрицательнаго права съ положительнымъ есть эпоха Имперіи, и Римскій Императоръ, если угодно, есть тождество или безразличіе плебейца и патриція — Первосвященника и Трибуна. Princeps legibus solutus est, абсолютная величина! Римъ есть міръ войны: хотя нецарочно, но удивительно вѣрно сказалъ Цицеронъ въ рѣчи своей за Марцелла: „Цезарь, ты побѣдилъ войну" т. е. ты побѣдилъ существенную силу Рима, т. е. ты побѣдилъ Римъ.

Римъ; третье, политическое имя *Roma* (ῥῶμη) Valentia Roma — могущественный Римъ а). Кто усомнится, что сіе тройственное имя Рима есть символъ развитія могущества Римскаго по тремъ преемственнымъ періодамъ: семейственному, подъ владычествомъ любви, какъ таинственнаго начала обществъ, патриціанско-политическому, цвѣтущему героическими подвигами, политическому, какъ торжественному откровенію народной силы (Valentia Roma) и власти. Сія мистико-философическая формула Рима есть первообразъ его историческаго синтеза.

а) Было сказаніе у Римлянъ, что Римъ первоначально назывался *valentia*, или *valeria*, что на Греческомъ языкѣ значитъ *Ῥῶμη*. Новѣйшій филологъ А. В. Шлегель производитъ *roma* отъ *ruma* (mamma — млекопитающіе сосцы). Питающая близнецовъ волчица соотвѣтствуетъ дикой смоковницѣ, которая служила символомъ Италійскихъ городовъ *); ибо и волчица приходила питать Ромула и Рема подъ фиговое дерево, которое называлось *ficus ruminalis*. Есть также преданіе, что Римъ первоначально назывался *Saturnia*; но *Saturnus* отъ *Satur*, также означаетъ мужественнаго, сильнаго: слѣд. *Saturnia* тождественно съ *Ῥῶμη*. Kreuzers Symbolik. B. II. 1004.

*) У Римлянъ фиги употреблялись для подарковъ въ новый годъ въ ознаменованіе счастливаго начала и конца, подобно какъ у Христіанъ привѣтствуютъ другъ друга въ Свѣтлый День краснымъ яйцомъ, которое имѣетъ также таинственное знаменованіе. Kreuzers Symb. II. 914.

Историческое образованіе Римскаго права можно раздѣлить на подобные періоды;

Первый періодъ — отъ начала Государства до изданія XII таблицъ — съ характеромъ жреческимъ, семейственнымъ.

Вторый періодъ — отъ изданія XII таб. до Т. Корунканія или до появленія юриспрудентовъ — съ характеромъ ослабѣвающимъ патриціанскимъ.

Третій періодъ — отъ начала юриспрудентовъ до Августа съ характеромъ возвышающимся демократическимъ.

Четвертый періодъ — отъ Августа до Константина Великаго — съ характеромъ монархическимъ.

Отъ Константина В. до Юстиніана и т. д. количество законовъ умножалось, но система законодательства не возвышалась, а юриспруденція постепенно упадала.

Первый періодъ можно назвать семеймейственнымъ, Римскимъ; вторый продолженіемъ его въ періодѣ политическомъ; третій былъ совершенно политическій, Италійскій; четвертый — гражданскій, философскій, вселенскій.

Разсмотримъ сіи періоды:

Періодъ жреческій. Древнѣйшій памятникъ Римскаго законодательства есть право Папиріево (jus Papirianum). Мнѣнія о составленіи сего кодекса различны. Діонисій Галикарнасскій a) повѣствуетъ, что Анкъ Марцій возобновилъ жреческое право (jus Pontificium) Нумы Помпилія, и издалъ его для всеобщаго употребленія; но оно скоро пришло въ забвеніе: и потому первосвященникъ Кай Папирій собралъ его вновь и издалъ въ свѣтъ. Помпоній въ сочиненіи о произхожденіи права (de origine juris) утверждаетъ, что по изгнаніи царей народъ хотѣлъ лучше управляться неположительными законами (jure incerto), нежели положительными, но для него ненавистными, и потому рѣшился предать законы и все царское забвенію. Въ семъ случаѣ первосвященникъ Секстъ или Публій Папирій, зная важность царскихъ постановленій, въ которыхъ содержалось и жреческое право, предпринялъ ихъ собрать и вмѣстѣ съ *Leges Curiatae et Centuriatae,* изданными при царяхъ, предохранить отъ совершеннаго забвенія a). Германскій профессоръ Цим-

---

a) Denys Halic. II. 36.
a) Mackeldey, Lehrbuch des Röm. Recht. B. I. s. 25.

мернъ a), основываясь на томъ, что жрецы патриціи, твердо державшись политики всячески устранять народъ отъ знанія законовъ, не могли издать въ свѣтъ подлинныхъ царскихъ законовъ, и что Папиріево Право вѣроятно составлено въ началѣ республики или позднѣе самими патриціями въ пользу своего сословія, но для большей важности издано подъ именемъ царскихъ законовъ. Во времена Цезаря юриспруденцъ *Granius Faccus* писалъ комментаріи на сіе право; но какъ подлинникъ, такъ и комментаріи до насъ не дошли. Всё, что̀ теперь имѣемъ отъ сего права, состоитъ въ отрывкахъ, собранныхъ западными юриспруденцами b). Изъ отрывковъ, собранныхъ въ одно цѣлое, извѣстное подъ именемъ Папиріева Права, должно заключить, что законодательство во времена царей имѣло исключительно священный характеръ, а Маккельдей c) называетъ его даже требникомъ жреческимъ (Formularbuch). Главное его содержаніе составляютъ семейственные

---

a) Geschichte des Röm. privat.-Rechts. B. I. c. 90.

b) Terrasson, Histoire de la Jurisprudence Rom. 22. утверждаетъ, что Пап. Право писано на языкѣ Италійскаго народа Осковъ.

c) Lehrbuch des R. R. S. 25

законы: отеческая власть, супружество, усыновленіе, патронатъ; всѣ сіи виды права текутъ изъ религіознаго источника, не изключая даже межеваго права a).

Не смотря на первоначальное господство священнаго права, скоро открывается двойственное его происхожденіе. Первый источникъ есть право религіозныхъ преданій, современное Риму, и состоявшее въ родственныхъ связяхъ съ Этрусскимъ богослуженіемъ и съ ихъ военно-жреческой конституціей. Сіе право облечено было въ священные обряды и содержало всё, что относилось къ знанію природы и высшему управленію государства (à la haute politique): теорію гаданій и пророчества о судьбѣ Рима. Но подлѣ сего таинственнаго источника Римскаго Права является другій, свѣтлый, открытый для низшаго разумѣнія. Это *mores majorum* (обычаи предковъ), коихъ начало теряется во мракѣ незапамятныхъ временъ, и облечено піитическимъ, прозрачнымъ покровомъ. Какъ тотъ, такъ и другій источникъ составляютъ не-

---

a) „Si quis terminum exarasset, ipse bovesque sacri sunto.“ Lex III Numae Pompil.

подвижное основаніе, патриціатъ Римскаго законодательства.

Еслибъ законодательство Рима остановилось на неподвижномъ основаніи религіознаго и обычнаго права, то оно было бы священно-піитическимъ, національнымъ, но никогда не разрѣшилось бы въ многосложную послѣдовательную исторію его усовершенствованія, точно также, какъ одинъ патриціатъ не составилъ бы исторіи Рима. Но къ симъ священнымъ памятникамъ права привилась живая, плебейская отрасль права, называемаго Римлянами *jus gentium*. Въ началѣ своемъ оно имѣло весьма ограниченный объемъ. Его не должно принимать въ первомъ періодѣ за *jus gentium* вѣка юриспрудента Муція Сцеволы, еще менѣе Ульпіана, Папиніана и Павла, напротивъ оно было запасомъ чуждыхъ преданій, притомъ заимствованныхъ не отъ обширныхъ и образованныхъ государствъ, но отъ незначущихъ племенъ, родовъ (gentes) и фамилій, сосѣдственныхъ Риму a). Главное его достоинство состояло въ томъ, что оно могло измѣняться,

---

a) Zimmern, Geschichte des Röm. Privat.-Rechts. B. I. c. 45—51.

улучшаться и отбрасываться по обстоятельствамъ Рима, безъ всякаго оскорбленія памяти предковъ Римскихъ. Это было право ходячее, условное или произвольное, принятіе котораго предполагаетъ сравненіе, выборъ, мышленіе: изъ него Римляне развивали историческую систему права, потомъ теорію положительныхъ законодательствъ, наконецъ философію права и науку правовѣденія. Оно совершило также три періода развитія: 1) преданія, 2) исторіи, 3) философіи, и во всѣхъ періодахъ удержало характеръ *juris gentium*. Исторія Римскаго законодательства есть противоборство права Римскаго съ народнымъ. Первое на всемъ стремилось положить печать жречества, таинственности; второе — самое священное право вскрыть взорамъ народа и обратить въ предметъ свободнаго мышленія: первое стремилось остановить движеніе законодательства на твердыхъ формулахъ; второе сообщить ему дѣятельнѣйшее развитіе и вынести его за предѣлы Италіи.

Плебейское начало права народнаго, присоединившись къ священно-политическому, не замедлило обнаружить свою силу. По изгнаніи царей вся власть респуб-

лики осталась въ рукахъ патриціевъ. Судебная власть, наровнѣ съ другими, отчасу болѣе пріобрѣтала характеръ жречества, по которому дѣла, рѣшаемыя даже по обычаямъ предковъ, или, такъ названному плебейцами, праву неположительному, подверглись строжайшей дисциплинѣ жреческаго календаря, всѣмъ ухищреннымъ обрядамъ, формамъ и формуламъ выдуманнымъ патриціями a). Одни патриціи и ихъ кліенты могли вести порядочно свои дѣла, а плебейцы отъ совершеннаго незнанія сокровенной юриспруденціи подвергались опасности потерять процессъ и придти въ совершенное разореніе. Все, что здравый смыслъ плебейцевъ противупоставлялъ нарядному авторитету законодательства, было отражаемо шарлатанскою премудростію патриціевъ. Они всячески противились письменности, редакціи и обнародыванію законовъ, представляя, что законы гласные никогда не могутъ быть такъ полны, какъ опытность и мудрость, достаточныя на всякій случай, на всѣ времена. Наконецъ негодованіе свободнаго народа отразилось

---

a) Dabelow, Römische Staats- und Rechts Geschichte. X. 5. SS.

въ законѣ Трибуна К. Теренція Арсы (въ 293 году) слѣдующаго содержанія: „*Нарядить пятерыхъ выборныхъ людей съ Консульскою властію для написанія законовъ, и что̀ народъ (populus) укажетъ, то Консулъ приведетъ въ исполненіе, дабы съ сихъ поръ никто свою волю не считалъ закономъ*“ а). Діонисій Галикарнасскій б) распространяетъ сіе обстоятельство совѣтомъ къ патриціямъ бывшаго Консуломъ Ромилія: „Послать выборныхъ людей въ Италійскіе Греческіе города и въ Аѳины для собранія наилучшихъ законовъ, приличныхъ республикѣ. Сей совѣтъ принятъ опредѣленіемъ Сената (Senatus consulto) и указомъ народа (plebiscita). Помпоній в) упоминаетъ, что число выборныхъ простиралось до 10. Они отправились въ 300, а возвратились назадъ въ 302 году. Вскорѣ постановлено избрать децемвировъ для редакціи, а когда она приведена къ окончанію, выставить законы на X таблицахъ публично, дабы всякій могъ ихъ видѣть и дѣлать свои замѣчанія. Законы были раз-

---

а) Liv. III. 9.

б) Denys Halyc. X, 52.

в) De origine juris, lib. II. § 4.

сматриваемы всѣми, и когда никто уже не имѣлъ ничего противъ нихъ сказать, то Сенатъ опредѣлилъ утвердить сіи законы. Народъ со всею священною церемоніею конфирмовалъ уложеніе X таблицъ. Въ слѣдующіе выборы власть децемвировъ продолжена еще на годъ, дабы они осмотрѣлись, и чего не доставало въ кодексѣ, дополнили своими соображеніями. Въ слѣдствіе сего Аппій Клавдій, одинъ изъ искуснѣйшихъ редакторовъ, прибавилъ къ X еще II таблицы, изъ коихъ одною запрещены навсегда браки патриціевъ съ плебейцами. Такимъ образомъ составились славныя XII таблицъ, на коихъ основалось величественное зданіе Римскаго законодательства a).

Римляне позднѣйшихъ временъ столько уважали сіе уложеніе, что предпочитали

---

a) Отъ XII таблицъ мы не имѣемъ ни подлинника ни копіи. Подлинникъ сгорѣлъ во время нашествія Галловъ. Но поелику XII табб. ходили по рукамъ въ безчисленныхъ копіяхъ, а Римское юношество съ младенчества учило ихъ на изустъ uti carmen necessarium, и писатели основывали на нихъ свои мнѣнія, то множество положеній сего драгоцѣннаго законодательства разсѣяно въ сочиненіяхъ Римскихъ юриспруденцовъ, историковъ и ораторовъ. Они потеряли оригинальность, получили подновленный языкъ, обороты, а въ нѣкоторыхъ сохранилось только по одному слову изъ цѣлаго предложенія. Zimmern, Geschichte des Röm. Rechtes... Ч. I. с. 106.

его всѣмъ существующимъ сочиненіямъ. Цицеронъ совѣтуетъ оратору наиболѣе изучать XII таблицъ a): „Законы XII таблицъ суть живый и вѣрный образъ древности; въ нихъ хранится образъ выраженія, нравы, обычаи предковъ. Кто хочетъ научиться юриспруденціи, тотъ найдетъ въ нихъ мудрыя правила по всѣмъ отраслямъ права и управленія; кто любитъ выспреннюю философію, тотъ найдетъ въ нихъ начала и основанія для философскихъ собесѣдованій. Пусть другіе говорятъ объ нихъ что̀ угодно, а я не промѣняю ихъ на всѣ существующія библіотеки. Въ нихъ памятникъ древности, обширность знаній, любовь къ добродѣтели и казнь преступникамъ.“ Ливій называетъ ихъ источникомъ публичнаго и частнаго права b). Юстиніанъ отдаетъ справедливую похвалу XII таблицамъ за безчисленное добро, сдѣланное ими роду человѣческому, за ихъ благородную простоту, которая одна достойна законодательства c).

Благородная Римская гордость нисколько не оскорблялась тѣмъ, что предки ихъ

---

a) De Oratore, cap. XLIII.
b) L. III. 34.
c) Terrasson, Hist. de la Jurispr. Rom. p. 94.

считали себя ниже Грековъ въ наукѣ законодательства, и съ восторгомъ вѣрятъ, что въ XII табб. содержится вся мудрость современныхъ законодательствъ. Они вѣрятъ, что законы Солона, Залевка и Харонда положены въ основаніе ихъ безсмертнаго уложенія. Между тѣмъ юриспруденты XVIII вѣка Вико а), Бонами б) и послѣдователи Исторической Школы XIX вѣка оспориваютъ или подлинность посольства въ Грецію, или включеніе Греческихъ законовъ въ XII табб. или наконецъ, признаютъ маловажность вліянія Греческихъ законовъ на Римскіе в).

а) Science Nouvelle, traduite par Michelet. c. 31.

б) Terrasson, p. 77—79. Cic. de leg. lib. II. cap. XXIII.

в) Нибуръ объясняетъ изданіе XII таблицъ слѣдующимъ образомъ. Съ 281 по 295 годъ Римъ подверженъ были великимъ физическимъ бѣдствіямъ: въ 282 году обнаружилась сильная язва, голодъ и землетрясенія и около 292 года страшныя знаменія на небѣ; многіе знаменитые патриціанскіе домы и фамиліи вымерли. Въ то время, когда плебейскія трибы по прекращеніи бѣдствій комплектовали себя пришельцами со всѣхъ сторонъ и быстро возстановляли народонаселеніе, потеря патриціанскихъ домовъ ничѣмъ не вознаграждалась. Слѣдствіемъ сего было то, что между фамиліями, потерявшими равновѣсіе, начала возникать олигархія, и сильно налегла на плебейскія трибы. Второе слѣдствіе бѣдъ, постигшихъ Римъ, было важнѣе перваго. Для народа не всегда вредно имѣть хотя и сильныхъ враговъ, но такихъ, которымъ онъ можетъ противупоста-

Законы XII таблицъ суть не столько гражданское уложеніе, какъ коренный го-

---

вить свои силы; онъ можетъ ими изощрять и даже совершенствовать свой характеръ; но бѣдствія физическія, противъ которыхъ всѣ человѣческія силы ничего не значатъ, ожесточаютъ народъ, и если онъ суевѣренъ, заставляютъ его изыскивать виновниковъ народныхъ бѣдствій, и часто наводятъ всю ярость его на слабую сторону правительства. Во время общественныхъ бѣдствій народъ ищетъ, на чемъ бы ему сорвать свою досаду, и большею частію находитъ. Плебейцамъ не нравилась конституція, особенно обширная власть консуловъ, недостатокъ обезпеченій въ уголовномъ правѣ и жестокость законовъ противъ должниковъ, кои чрезвычайно размножились во время бѣдствій. Ихъ цѣль была троякая: тѣснѣе связать и уравнять сословія, на мѣсто консуловъ поставить чиновниковъ съ меньшею властію, и наконецъ постановить для всѣхъ прибъ общее гражданское право. Главный недостатокъ тогдашняго Римскаго законодательства состоялъ въ неписьменности, безгласности и зависимости обычнаго права отъ произвола консуловъ. Послѣднее въ сіе время производило у Римлянъ тѣ же замѣшательства, какія терпѣли Италіанскіе города среднихъ вѣковъ отъ поколѣннаго разнозаконія. Римъ составленъ изъ разныхъ народовъ; посему Римляне имѣли свои законы, Сабинцы свои, прибы свои; роды, фамиліи также — каждая *gens* имѣла наслѣдственныя обычаи, равно какъ наслѣдственное нарѣчіе и богослуженіе. 292 годъ былъ эпохой перерожденія Римскихъ *gentes* въ политическое бытіе; слѣд. почувствована вполнѣ необходимость обобщенія, однообразія необходимость развитія семейственнаго права въ политическое. Восемь лѣтъ патриціи упорствовали дать конституцію плебейцамъ; наконецъ въ 300 году утвердили указъ объ обнародованіи гласнаго законодательства. Нибуръ не отвергая посольства въ Грецію и Аѳины, не признаетъ никакого сходства между Римскимъ и Аѳинскимъ правомъ; а заимствованіе частнаго права рѣ-

сударственный актъ или договоръ между патриціями и плебейцами, утверждающій равенство ихъ предъ закономъ, предѣлы судебной власти, и образъ судопроизводства a). Между тѣмъ изъ него же почерпаемы были въ послѣдствіи всѣ начала частнаго гражданскаго права b). Всѣ XII табб. можно раздѣлить на законы публичнаго, и приватнаго (семейственнаго и вещественнаго) и наконецъ, уголовнаго права.

Jus triplex, tabulae quod ter sanxere quaternae;
Sacrum, privatum, populi commune, quod usquam est."
Auson. Idyll. X. V. 61. sqq.

Извлечемъ важнѣйшія положенія законовъ XII табб.

А. По праву публичному:

Привилегіи запрещаются.

Между патриціями и плебейцами браки запрещаются.

Судъ о лишеніи жизни, свободы гражданина и семейственныхъ правъ долженъ

тительно отвергаетъ. Если Римскіе посланные что-либо заимствовали изъ Аѳинъ, то вѣрно изъ права публичнаго, притомъ не Солонова, а позднѣйшаго. Участіе Ефесанина Гермодора въ редакціи законовъ XII табб. Нибуръ не отвергаетъ. Niebuhr, Römische Geschichte, Ч. II. с. 343—320, 9—349. —

a) Mackeldey, Ч. I. Zimmern, Ч. I. с. 98.

b) Tit. Liv. III. 34.

быть производимъ въ центуріальныхъ собраніяхъ народа.

Судьи уголовные должны быть опредѣляемы народомъ, а гражданскія дѣла рѣшаетъ преторъ.

Б. По праву частному: а) семейственному.

Женщина, цѣлый годъ прожившая съ мужчиной не отсутствовавъ и трехъ ночей, даже безъ совершенія обряда, да принадлежитъ ему какъ жена.

Отецъ надъ законными дѣтьми имѣетъ право живота и смерти и троекратной продажи а).

Какъ отецъ завѣщаетъ о своемъ имуществѣ и объ опекѣ, такъ тому и быть.

Если отецъ умеръ безъ завѣщанія, то наслѣдуютъ дѣти, а если ихъ нѣтъ, *agnati*, (родственники съ мужеской стороны) а если и сихъ нѣтъ, *gentiles*.

Послѣ бездѣтнаго отпущенника наслѣдуетъ патронъ и его дѣти.

б). По праву вещественному.

Если будетъ у претора спорное дѣло о имѣніи, то преторъ рѣшитъ дѣло

а) Т. Ливій отеческую власть называетъ majestas patria (отеческое величество). Ульпіанъ самихъ отцевъ — principes familiae: IV, I. и т. д. Senec. de beneficiis, III. II.

въ пользу того, кто владѣетъ, а въ дѣлѣ свободы въ пользу ищущаго свободы (разумѣется, въ случаѣ равновѣсія правъ).

Бревно приставленное къ зданію или къ винограду да не требуется и да не отнимается.

Помѣстья пріобрѣтаются двухлѣтнимъ владѣніемъ, а движимыя вещи годовымъ.

в) По праву обязательствъ.

Кто какое обязательство далъ на свою вещь, или отчуждилъ, то согласно его рѣчамъ, такъ и быть.

Если чье четвероногое животное нанесло кому убытокъ, то хозяинъ да заплатитъ за убытокъ, или отдаетъ животное.

Если кто обидитъ другаго, заплатитъ ему штрафу 25 ассовъ.

В. По праву уголовному.

Патронъ, дѣйствующій во вредъ кліента, да будетъ проклятъ.

Кто волхвованіемъ или ядомъ кого умертвитъ, тотъ повиненъ смерти.

Кто изломаетъ у кого какой-либо членъ, у того самаго изломать такой же членъ.

Убившій ночнаго вора на дѣлѣ не подлежитъ наказанію а).

Изъ приведенныхъ положеній XII таблицъ явствуетъ, что онѣ суть формулы, или слишкомъ общія, или слишкомъ частныя; посему при первомъ поступленіи впередъ Римской образованности встрѣтятся неудобства или отъ общности, или чрезмѣрной частности закона. Необходимо развитіе законодательства. Оно совершается или внутреннимъ или внѣшнимъ способомъ — относительно содержанія, или относительно формы. Въ то время, какъ право по содержанію своему развивается во всѣ стороны, родственныя черты законовъ изглаждаются, связь между ими слабѣетъ, въ то время усиливается внѣшняя сторона права; разсѣянныя гномы вводятся въ общія правила, а изъ сихъ возникаютъ простѣйшія начала юриспруденціи.

Недостаточно имѣть хорошіе законы, нужно владѣть средствомъ ими воспользоваться. Для сего необходимы новые законы — судопроизводства. Патриціи чувствовали сію необходимость; они не замедлили каж-

---

а) См. Истор. Рим. Права, Г. Цвѣтаева.

дый текстъ закона оградить приличной формой, и исполнили сіе тѣмъ охотнѣе, что въ семъ родѣ законоположенія они провидѣли возможность отнять отъ гласности XII табб. всю пользу, какой отъ ней чаяли плебейцы. На сей разъ они имѣли *legis actiones*, кои не что̀ иное значили, какъ опредѣленный и общій для каждаго способъ отыскивать или передавать другимъ права. Соблюденіе сихъ формулъ требовалось во всѣхъ актахъ: въ контрактахъ, отпущеніи на волю, усыновленіи, въ отдѣлѣ, въ отчужденіи, во всѣхъ случаяхъ договора очнаго stipulationis a). При чемъ требовалось, чтобъ штиль во всѣхъ актахъ, порядокъ мыслей, расположеніе словъ и обороты употреблялись строжайше по предписанному образцу. Наконецъ требовалось, чтобъ всякій дѣйствовалъ въ торжественныхъ актахъ самъ за себя, а не ставилъ на свое мѣсто стряпчаго, и что̀ сдѣлано, то не поворачивалось, дабы порядокъ дѣлопроизводства симъ не нарушался, и не было излишней проволочки. Съ распростра-

---

a) Сіи обряды состояли не только въ формѣ актовъ, но въ движеніяхъ, хожденіи, ударенія, и весьма походили на символич. дѣйствія богослуженія. Zimmern. Ч. II. 110—115.

неніемъ граждан. частныхъ отношеній появились *формулы* для законныхъ дѣйствій, неизбѣжныя для дѣйствительности правъ. Квинтиліанъ выразилъ характеръ Римскихъ обрядовъ въ двухъ словахъ: *qui virgulâ cadit, causâ cadit.* Кромѣ сихъ юридическихъ церемоній въ рукахъ патриціевъ былъ календарь, въ которомъ всѣ дни года раздѣлялись на судебные, несудебные и полусудебные, т. е. когда позволялось и когда не позволялось совершать акты и вести свои дѣла. Такимъ образомъ патриціи снова затмили разумѣніе плебейцевъ и держали его въ строгой зависимости отъ своего сословія.

Въ 446 году, когда число судебныхъ формулъ накопилось такъ, что сами изобрѣтатели въ нихъ начали путаться, Сенатъ поручилъ Аппію Клавдію Слѣпому купно съ жрецами сіи формы собрать и привести въ порядокъ. Редакторамъ показалось мало собрать то, что̀ было введено отъ изданія XII табб. Они вознамѣрились поискать образцевъ въ жреческихъ архивахъ и собравъ составить полный кодексъ формулярной юриспруденціи. Къ счастію плебейцевъ, въ обществѣ редакторовъ открылся измѣнникъ, именно секре-

шарь главнаго редактора, отпущенникъ Кай Флавій. Онъ тайно списалъ копію съ Аппіева кодекса и издалъ его въ народъ, а Титъ Ливій упоминаетъ, что онъ сдѣлавшись эдилемъ, выставилъ на доскѣ (in albo) и календарь, дабы всякій могъ съ нимъ справляться по своимъ дѣламъ. Сенаторы, услышавъ о сей измѣнѣ, до такой степени огорчились, что сбросили кольца съ рукъ своихъ, а благодарный народъ произвелъ Флавія въ трибуны народа, потомъ въ курульные эдили и въ сенаторы. Кодексъ, похищенный Флавіемъ, называется *Jus Flavianum* a).

Патриціи не теряли надежды сдѣлать безполезными болѣе и болѣе распространяющіяся въ народѣ свѣдѣнія. Они весьма справедливо думали, что вся власть ихъ держится на высокомъ мнѣніи народа объ ихъ мудрости и самомъ невѣжествѣ народа, и — должно отдать справедливость Римскимъ патриціямъ за ихъ твердое политическое поведеніе. Они снова занялись формулами и составили знаки (notae, siglen) a). Они были совершенно условныя, такъ что безъ ключа не льзя было понимать ихъ:

---

a) Онъ до насъ не дошелъ.

a) Zimmern, Ч. I. с. 419.

Въ 553 году Элій Катъ, курульный эдиль, обнародовалъ ихъ и тѣмъ заключилъ періодъ патриціанской юриспруденціи а). Сколь ни странно, и, можетъ быть, предосудительно неблагопріятство патриціевъ къ плебейцамъ; но его не должно рѣшительно и безусловно осуждать. Имъ обязана позднѣйшая юриспруденція твердостію своего національнаго характера, именемъ науки, а республика славою и счастливымъ равновѣсіемъ вѣрованія и мышленія. Плебейцы, уничтоживъ священный патриціатъ, въ свою очередь подпали желѣзному жезлу Иллирійскихъ солдатъ.

(до слѣдующей книжки).

—⁂—

II.

Д у х и.

Итакъ, она меня любила!
Она со мной разлучена...
Непостижимой тайной силой
Меня влекла къ себѣ она.

Намъ рокъ коварно улыбался;
Мы были радости полны...
И, Ангелъ свѣта намъ являлся
И намъ дарилъ златые сны!..

а) Terrasson., 205.

Но демонъ темный, духъ сомнѣнья,
На насъ незримо нападалъ,
Смущалъ онъ наши наслажденья,
Онъ наши радости смущалъ!..

Безумный, я стою у гроба...
Но вотъ ударитъ скоро часъ!
Узнаю, духи, кто вы оба,
И кто сильнѣй теперь изъ насъ!

* * *

III.

ИСПАНСКІЙ ГРАНДЪ.

(БАЛЬЗАКА)

Въ 1823 и 24 годахъ, послѣ экспедиціи въ Испанію Людовика XVIII для спасенія Фердинанда VII отъ конституціи, мнѣ случилось быть въ Турѣ, по пути за Пиренеи.

Наканунѣ отъѣзда былъ я на балѣ у одной любезнѣйшей женщины въ этомъ городѣ, гдѣ веселятся гораздо лучше чѣмъ въ провинціальныхъ столицахъ. Передъ ужиномъ — (тамъ еще ужинаютъ) — я подошелъ къ нѣсколькимъ разговаривавшимъ мущинамъ, которымъ незнакомый мнѣ человѣкъ что-то разсказывалъ.

Онъ пріѣхалъ туда, кажется съ обѣда у окружнаго Генерала и сѣлъ за экар-

ше, часто пасовалъ наконецъ побѣжденный карабинернымъ подпоручикомъ, кончилъ къ большому удовольствію проигрывавшихъ за него закладчиковъ, и съ горя вмѣшался въ разговоръ объ Испаніи, обыкновенный предметъ безконечныхъ и безполезныхъ разсказовъ.

Въ продолженіе разговора съ невольнымъ любопытствомъ вглядывался я въ лицо и осанку разскащика. Онъ былъ изъ числа тѣхъ на всѣхъ похожихъ существъ, которыя оставляютъ наблюдателя въ сомнѣніи — причислить ли ихъ къ незамѣченнымъ геніямъ или обыкновеннымъ пройдохамъ.

Къ тому же онъ носилъ красную ленточку, хотя этотъ пышный значекъ ничего не придавалъ его особѣ. Платье зеленое, когда приличіе велитъ быть въ черномъ; на башмакахъ вмѣсто бантиковъ стальные пряжки; казимировые истасканные панталоны и галстухъ небрежно повязанный. Словомъ все говорило, что онъ не слишкомъ занимался нарядомъ, словно артистъ.

Ухватки его были какъ-то пошлы; лицо, побагровѣвшее отъ труднаго пищеваренія, ни одною рѣзкою чертой не возвышало его посредственности; лобъ открытый,

волосъ мало. Судя по всему этому, я не зналъ, почесть ли его Совѣтникомъ Префектуры или старымъ Военнымъ Комисаромъ; но лишь онъ поподъячески положилъ руку на рукавъ сосѣда, я спустилъ его въ класъ писарей, канцеляристовъ и ябедниковъ.

Наконецъ я совершенно убѣдился въ точности наблюденій моихъ, замѣтя, что его слушали только за разсказъ его, и никто не дарилъ его тѣми внимательными, искательными взглядами, которыми пользуются люди уважаемые.

Представьте себѣ человѣка безпрестанно нюхающаго табакъ, который говоритъ торопливо, боясь что его не дослушаютъ, но говоритъ легко, плавно, выражаетъ однимъ словомъ, и шутливъ какъ полковой весельчакъ.

Чтобъ избѣжать скуки безпрерывныхъ отступленій, позволяю себѣ оставить разговорный слогъ и дать моему разсказу повѣствовательный, необходимый, когда бѣглый разговоръ переходитъ къ печать.

Вскорѣ по занятіи Мадрита, Великій Герцогъ Бергскій пригласилъ значительнѣйшихъ жителей на праздникъ, данный Французскою арміею завоеванной столицѣ. Не смотря на шумъ пиршества, Испанцы

были не слишкомъ веселы, дамы ихъ танцовали мало, вообще гости играли, выигрывали и проигрывали много.

Сады были освѣщены ярко, и дамы могли прогуливаться также безопасно, какъ среди дня. . . . Праздникъ былъ царскій; ничего не было упущено, чтобы дать Испанцамъ высокое понятіе объ Императорѣ, если бъ они стали судить о немъ по его воинамъ.

Въ одной бесѣдкѣ, близь палатъ, часу во второмъ ночи, многіе Французскіе офицеры толковали о бивачныхъ похожденіяхъ и не слишкомъ пріятной будущности, которую предсказывала имъ самая наружность Испанцевъ на пышномъ праздникѣ.

— „Правду сказать" — говорилъ одинъ Французъ, повидимому корпусной докторъ — „вчера я рѣшительно просилъ увольненія у Мюрата. Хотя я и не боюсь положить за Пиренеями голову, но предпочитаю отправиться лечить раны, наносимыя добрыми нашими сосѣдями Нѣмцами: ихъ оружіе не такъ глубоко входитъ въ тѣло, какъ кинжалы Кастильскіе. . . . . Притомъ страхъ Испанцевъ обратился у меня почти въ суевѣріе. . . Съ дѣтства читалъ я Испанскія книги, это сборище мрачныхъ приключеній и повѣстей,

которое поселило во мнѣ отвращеніе отъ страны сей и ея нравовъ. . . . . И вотъ, со вступленія нашего въ Мадритъ, мнѣ уже случилось быть, если не героемъ, по крайней мѣрѣ участникомъ въ произшествіи мрачномъ и таинственномъ, какъ романъ Леди Радклифъ. . . . Какъ я сильно вѣрю предчувствіямъ, то завтра же отправляюсь. . . . Мюратъ вѣрно мнѣ не откажетъ, ибо у нашей братьи, благодаря особеннымъ тайнымъ услугамъ, бываетъ всегда сильное покровительство. " . .

„Такъ, какъ ты уносишь отсюда свою башку, то раскажи намъ свое приключеніе!" — закричалъ одинъ Полковникъ, старый республиканецъ, не гонявшійся за красотами языка и придворными учтивостями.

Тутъ корпусной хирургъ, внимательно осмотрѣвшись, какъ бы вглядываясь въ окружающихъ, и не замѣтя ни одного Испанца, началъ говорить:

— „Здѣсь кажется все Французы — извольте, Полковникъ:

Дней съ семь тому назадъ, часовъ въ 11 вечера, спокойно шелъ я домой отъ Генерала Латура, живущаго близехонько въ одной со мной улицѣ; мы вмѣстѣ были у дежурнаго Генерала, гдѣ порядкомъ подгуляли.

Вдругъ, на углу улицы, двое незнакомыхъ, или лучше два чорта, бросились на меня и окутали руки съ головой въ огромный плащь. Я закричалъ, какъ бѣшеная собака; но сукно перехватило мнѣ горло... потомъ перетащили меня съ чудесною быстротою въ карету... и когда мои товарищи освободили меня изъ-подъ проклятаго плаща, я услышалъ женскій голосъ, который на дурномъ Французскомъ языкѣ заговорилъ слѣдующія не очень ласковыя слова:

„Если вы закричите или вздумаете бѣжать, если сдѣлаете одно сомнительное движеніе, то господинъ, который сидитъ напротивъ, немедленно пронзитъ васъ. Сидите жь смирно! Теперь скажу о причинѣ вашего похищенія... Если вы потрудитесь протянуть ко мнѣ руку, то между насъ ощупаете свои хирургическіе инструменты, которые мы взяли у васъ же, отъ вашего имени — они безъ сомнѣнія вамъ понадобятся. — Мы веземъ васъ въ домъ, гдѣ ваше присутствіе необходимо. Должно спасти честь одной дамы. Она даритъ своего любовника ребенкомъ — безъ вѣдома мужа. Хоть сей послѣдній рѣдко покидаетъ жену, въ которую влюбленъ страстно, и надзираетъ за ней со всею заботливостію Испанской ревности, она успѣла утаить

отъ него свою беременность. Онъ почитаетъ ее больною. Мы веземъ васъ принять. Итакъ вы видите, что здѣсь нѣтъ для васъ ничего опаснаго: только будьте послушны — или другъ этой дамы, который сидитъ противу васъ и ни слова не знаетъ по Французски, заколетъ васъ при малѣйшей неосторожности." . .

— А кто вы? — спросилъ я говорившую, схвативъ руку ея, которую нашелъ обернутую въ мундиръ.

„Я камаристка ея, повѣренная, и готова наградить васъ хотя собою, если вы искусно пособите въ нашемъ положеніи."

— Охотно, — отвѣчалъ я, видя себя насильно завлеченнымъ въ это опасное приключеніе.

Тогда, благодаря темнотѣ, я началъ повѣрять, согласнали наружность повѣренной съ идеею, которую внушилъ мнѣ звукъ ея голоса.

Казалось, она напередъ приготовилась ко всѣмъ случайностямъ этаго страннаго произшествія, ибо хранила самое снисходительное молчаніе, и десяти минутъ не проѣхали мы по Мадриту, какъ она получила и возвратила мнѣ страстный поцѣлуй.

Господинъ, сидѣвшій напротивъ, совсѣмъ не обижался нѣсколькими толчками, которые совершенно невольно я подарилъ ему ногою; но какъ онъ не понималъ по Французски, то полагаю не обратилъ на то вниманія.

„Только съ условіемъ я могу быть вашею любовницею!“ сказала мнѣ камеристка въ отвѣтъ на глупости, съ которыми приступалъ я къ ней, увлекаясь пылкостію нечаянной страсти, коей все мѣшало.

— Съ какимъ?....

„Вы не станете разыскивать, кому я принадлежу.“ —

Между тѣмъ карета подъѣхала къ садовой стѣнѣ.

„Дайте мнѣ завязать вамъ глаза“ — сказала она — „держитесь за мою руку, я сама поведу васъ.“

Тутъ завязала она мнѣ толстымъ платкомъ глаза и накрѣпко стянула его на затылкѣ.

Я услышалъ, что осторожно вложили ключь въ замокъ небольшой двери; безъ сомнѣнія это сдѣлалъ молчаливый любовникъ, ѣхавшій противъ меня, и вскорѣ ловкая горничная повела меня по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ сада и доведя куда-то остановилась.

„По звуку шаговъ нашихъ мнѣ казалось, что мы подошли къ дому.

Теперь молчите жь" — сказала она мнѣ на ухо — „и берегите сами себя!.. Не спускайте съ меня глазъ, наблюдайте каждый мой знакъ, потому что мнѣ нельзя больше говорить; это намъ обоимъ опасно; отъ теперешней минуты зависитъ жизнь ваша."

Потомъ тихонько прибавила:

„Госпожа въ нижнемъ этажѣ, но къ ней пройти надобно чрезъ комнату мужа, мимо его постели; идите смирно, не кашляйте, держитесь за меня, чтобы не споткнуться на мебель или не соступить съ ковра, который я нарочно послала....."

Тутъ любовникъ заворчалъ глухо, какъ будто недовольный этимъ замедленіемъ. Камеристка замолкла, отворилась дверь, пахнуло тепломъ изъ комнаты, и мы пошли на цыпочкахъ, крадясь, какъ воры.

Наконецъ нѣжная ручка сняла съ меня платокъ. Я очутился среди большой, высокой комнаты, тускло освѣщенной одною дымною лампою. Окошки были открыты, но съ толстыми желѣзными рѣшетками, по милости ревниваго мужа; я чувствовалъ,

что попалъ въ мѣшокъ, изъ котораго вылѣзть трудно.

На полу, на тюфякѣ, лежала прелестная женщина; голова ея была накрыта кисейнымъ покрываломъ; полные слезъ глаза блистали сквозь, какъ звѣзды. Крѣпко держала они во рту батистовый платокъ, и такъ сильно его стиснула, что прокусила зубами насквозь..... Она корчилась отъ боли, какъ струна, брошенная въ огонь. Несчастная уперлась ногами въ комодъ и держалась за ножку стула обѣими руками, коихъ жилы страшно напружились. Она походила на подсудимаго въ мученіяхъ пытки.

Впрочемъ, ни крику, ни шуму, кромѣ глухаго хрустѣнія суставовъ; мы стояли всѣ трое безмолвные, неподвижные.

Мужъ храпѣлъ съ утѣшительною правильностію.

Мнѣ хотѣлось разсмотрѣть камаристку, но она надѣла маску, которую вѣрно снимала дорогою, и я видѣлъ только цару черныхъ глазъ и роскошныя формы, охваченныя мундиромъ. Любовникъ былъ также замаскированъ. Взошедши онъ тотчасъ набросилъ салфетку на ноги страждущей и вдвое сложилъ покрывало на ея лицѣ.

Внимательно посмотрѣвъ на нее, я призналъ, по нѣкоторымъ припадкамъ, замѣченнымъ мною прежде при подобномъ несчастномъ случаѣ, что ребенокъ уже умеръ, и наклонился къ служанкѣ сказать ей это.

Тотчасъ недовѣрчивый любовникъ выхватилъ кинжалъ: но я успѣлъ уже увѣдомить горничную и она шопотомъ быстро сказала ему два слова.

Услышавъ мое замѣчаніе, любовникъ вздрогнулъ; дрожь пробѣжала по немъ съ ногъ до головы, какъ молнія, и мнѣ казалось, что лице его поблѣднѣло подъ черною, бархатною маскою.

Служанка, пользуясь мгновеніемъ, когда онъ въ отчаяніи глядѣлъ на умирающую, уже посинѣвшую, показала мнѣ на стаканы лимонада, близь стоявшіе, и сдѣлала отрицательный знакъ.

Я понялъ, что не должно было пить, не взирая на страшный жаръ, обдавшій меня потомъ.

Въ ту же минуту любовникъ жадно схватилъ одинъ стаканъ и отпилъ половину.

Тутъ дама сдѣлала судорожное усиліе, ручавшееся за благопріятный оборотъ... я взялъ ланцетъ и пустилъ ей изъ правой

руки кровь весьма удачно. Служанка приняла на салфетку кровь, сильно пошедшую, и больная впала въ безчувствіе, благопріятное моей операціи... Я ободрился и успѣлъ въ теченіе часа вынуть ребенка по частямъ.

Испанецъ не думалъ болѣе отравить меня; чувствуя, что я спасъ жизнь его любовницѣ, онъ рыдалъ подъ своею маскою и крупныя слезы выкатывались на черный плащь его.

Она не испустила ни малѣйшаго вопля; только грызла платокъ, изгибаясь, какъ пойманный звѣрь, и потъ выступалъ по ней крупными каплями.

Въ одну страшно рѣшительную минуту она сдѣлала движеніе, указывая на комнату мужа: онъ пошевелился на постелѣ; изъ четырехъ насъ только она одна услышала шорохъ одѣяла, шелестъ занавѣса.

Мы остановились... служанка и любовникъ, сквозь отверстія масокъ своихъ, обмѣнялись огненными взглядами...

Въ эту минуту страшнаго бездѣйствія я протянулъ руку къ стакану, отпитому любовникомъ; но онъ вообразивъ, что я хочу взять одинъ изъ полныхъ стакановъ, прыгнулъ, какъ кошка, протянулъ длинный кинжалъ на оба отравленные стакана и подалъ свой, давая знакъ, чтобы я допилъ

остальное. Въ этомъ знакѣ, въ этомъ быстромъ движеніи столько было мыслей и чувствъ, что я почти простилъ ему страшное намѣреніе убійства, для совершеннаго истребленія всякой памяти объ этомъ приключеніи.

Онъ пожалъ мнѣ руку, когда я пересталъ пить; потомъ съ судорожною дрожью самъ тщательно свернулъ части своего младенца; и когда послѣ двухъ часовъ работы и страха, мы съ служанкою уложили госпожу, онъ снова сжалъ мнѣ руку и опустилъ тихонько въ карманъ свертокъ бриліантовъ. Но, сказать мимоходомъ, такъ какъ я незналъ объ его богатомъ подаркѣ, слуга мой по утру обокралъ меня — и бѣжалъ.

Высказавъ на ухо служанкѣ всѣ предосторожности, какія должно наблюдать съ больною, я объявилъ желаніе быть свободнымъ. Служанка осталась при госпожѣ; это меня потревожило, но я рѣшился быть готовымъ на все. Любовникъ взялъ дитя, окровавленное бѣлье, и, крѣпко свернувъ все, спряталъ подъ плащъ, закрылъ мнѣ глаза рукою — какъ бы говоря, чтобъ я зажмурился — и пошелъ впередъ, приказавъ держаться ему за полу — что я и сдѣлалъ, взглянувъ еще разъ на служанку.

Видя, что Испанецъ выходитъ, она сняла маску, и я увидѣлъ прелестнѣйшее личико.

Я проходилъ за любовникомъ чрезъ рядъ комнатъ и выбравшись въ садъ на свѣжій воздухъ, почувствовалъ, что у меня гора съ плечь свалилась.

Я шелъ на благородномъ растояніи отъ моего путеводителя, тщательно наблюдая малѣйшія его движенія.

Подошедши къ калиткѣ, онъ взялъ меня за руку и приложилъ къ губамъ моимъ печать, бывшую у него въ перстнѣ на лѣвой рукѣ. Я понялъ всю силу этого краснорѣчиваго знака. Мы вышли на улицу, гдѣ вмѣсто кареты ждали насъ двѣ верховыя лошади. Мы сѣли на лошадей, Испанецъ схватилъ поводъ свой зубами, взялъ лѣвою рукою мой, а въ правой держалъ окровавленный свертокъ — и мы пустились какъ вихрь. Я не успѣлъ замѣтить нималѣйшаго признака, по которому бы могъ узнать дорогу. Къ разсвѣту я очутился у дверей своего дома, а Испанецъ поскакалъ къ Атошскимъ воротамъ. "

— „И вы ничего не примѣтили, почему бы можно было узнать даму?" спросилъ оператора нѣкто изъ офицеровъ.

— „Одно только“. . отвѣчалъ онъ. „Когда я пускалъ ей кровь, то замѣтилъ почти на серединѣ руки маленькое родимое пятнышко, съ горошинку — обросшее черными волосами. . . . . Домъ мнѣ показался великолѣпнымъ, огромнымъ, ему не видать было конца.“ . .

Тутъ нескромный докторъ остановился и поблѣднѣлъ. Взоры всѣхъ слѣдовали за направленіемъ его глазъ, и Французы увидѣли Испанца, завернутаго въ плащь; глаза его сверкали въ темнотѣ, посреди померанцовыхъ кустовъ.

Онъ изчезъ съ быстротою привидѣнія, какъ одинъ молодой подпоручикъ бросился къ нему.

— „Кончено, друзья мои!“ вскричалъ докторъ: „этотъ змѣиный взглядъ леденитъ меня. У меня звенитъ въ ушахъ, прощайте. . . вы меня здѣсь схороните.“

„Трусъ!“ . . сказалъ Полковникъ Шаррень. „Лекамусъ погнался за Испанцемъ, онъ развѣдаетъ все.“

— Ну что, Лекамусъ? — закричали офицеры запыхавшемуся подпоручику.

„Чортъ возьми.“ . . отвѣчалъ сей послѣдній . . . „онъ словно прошелъ сквозь стѣну . . . я не думаю, чтобъ это былъ колдунъ. . .

но вѣрно здѣшній, который знаетъ всѣ закоулки.“ . .

— „Я погибъ!“ . . . . сказалъ докторъ мрачнымъ голосомъ.

— Полно, будь спокоенъ! — вскричали офицеры — мы поочереди станемъ караулить тебя до самаго отъѣзда. . . и проводимъ теперь же! —

Въ самомъ дѣлѣ трое молодыхъ проигравшихся офицеровъ, которымъ дѣлать было нечего, проводили доктора до дому и остались у него ночевать.

Назавтра онъ получалъ отпускъ во Францію и готовился ѣхать съ одною дамою, которой Мюратъ далъ значительное прикрытіе. На прощальномъ обѣдѣ съ пріятелями, слуга сказалъ, что его хочетъ видѣть одна молодая женщина. Докторъ съ тремя офицерами вышелъ, но незнакомка успѣла только вскричать: берегись! и упала мертвая.

Это была камеристка, которая чувствуя себя отравленною, спѣшила спасти доктора.

Отрава совершенно ее обезобразила.

— Чортъ побери! — вскричалъ Лекамусъ: — вотъ что называется любить!

Только Испанка можетъ бѣжать къ любовнику отравленная!..

Докторъ сдѣлался очень грустенъ. Потомъ, чтобы заглушить мучительную тревогу, сѣлъ за столъ и началъ пить съ товарищами круговую. Наконецъ всѣ полупьяные легли на покой.

Ночью докторъ проснулся отъ рѣзкаго визга колецъ занавѣса, сильно рванутаго. Онъ привсталъ на постелѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, отъ механическаго сотрясенія нервовъ, при нечаянномъ пробужденіи, и увидалъ прямо передъ собой Испанца, закутаннаго въ плащъ. Онъ бросалъ на него тѣ же самые огненные взгляды, которые оцѣпенили его на праздникѣ.

— „Спасите.... товарищи!".. вскричалъ докторъ....

На сей вопль отчаянія Испанецъ отвѣчалъ горькою улыбкою.

„Опіумъ растетъ для всѣхъ!" примолвилъ онъ.

Потомъ, произнесши сей родъ приговора, указалъ на троихъ, глубоко заснувшихъ товарищей, быстро выдернулъ изъ-подъ плаща отрѣзанную женскую руку, и подставивъ ее доктору, указалъ на признакъ, такъ неосторожно имъ описанный.

„Тотъ ли?" спросилъ онъ.

При свѣтѣ фонаря, поставленнаго на кровати, докторъ, охолодѣвшій отъ страха, утвердительно кивнулъ головою, и мужъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ погрузилъ кинжалъ ему въ сердце.

„Повѣсть ваша" — сказалъ кто-то изъ слушавшихъ — слишкомъ жестока и — вмѣстѣ невѣроятна; ибо скажите пожалуйте, кто жъ вамъ ее пересказывалъ: убитый, или Испанецъ?.

— Милостивый государь — отвѣчалъ говорунъ, оскорбленный замѣчаніемъ — такъ какъ по счастію ударъ кинжала, данный мнѣ, проскользнулъ немного вправо, вмѣсто того чтобъ идти влѣво, то позвольте мнѣ лучше васъ знать собственное мое приключеніе... Божусь вамъ, что и теперь иногда ночью чудятся мнѣ эти сверкающіе глаза...

Старый докторъ вдругъ замолкъ, поблѣднѣлъ и остановился, разиня ротъ, какъ пораженный апоплексическимъ ударомъ.

Мы оборотились къ залѣ. Въ дверяхъ стоялъ высокій Испанецъ, *afrancesados* въ изгнаніи, недѣли съ двѣ тому назадъ прибывшій съ семействомъ своимъ въ Туръ. Онъ въ первый разъ явился въ обществѣ; и, пріѣхавъ поздно, проходилъ залу съ женой, у которой правая рука не шевелилась

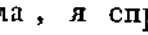
Мы молча разступились, чтобы дать дорогу этой четѣ, на которую смотрѣли съ глубокимъ участіемъ.

То была истинная картина Мурилло! Мужъ съ пламенными, глубоко ввалившимися глазами ... лицо изсохшее, голова плѣшивая, ужасно тощій... Жена!... представьте себѣ ... но нѣтъ ... этого нельзя представить!.. Станъ чудесный; блѣдная, но все еще прекрасная; цвѣтъ лица, что рѣдко бываетъ между Испанками, бѣлизны ослѣпительной; взгляды жгли, какъ брызги расплавленнаго металла; прелестное чело, украшенное жемчугомъ, походило на надгробный мраморъ — мертвецъ таился въ сердцѣ!.... Это была горесть Испанская во всей роскоши!

Не нужно сказывать, что докторъ исчезъ мгновенно.

Къ концу бала, я спросилъ Графиню: какимъ образомъ лишилась она руки?

„Въ войнѣ за независимость!“ — отвѣчала она мнѣ.



IV.

ВОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ ДАНТА.

(изъ вильменя).

Уже пять вѣковъ, какъ остроумнѣйшая нація Европы, созданная исключительно для изящныхъ искусствъ, гордится Божественной Комедіей Данта. Поэма сія осталась образцовымъ и доселѣ не подражаемымъ памятникомъ. Подражали Шекспиру, составляли трагедіи по образцу его драматическихъ піэсъ. Шиллеръ иногда равнялся съ нимъ. Но никто не слѣдовалъ по стопамъ Данта; сей наперстникъ поэзіи ни кому не оставилъ своей милости и не одушевилъ ни одного генія своимъ вдохновеніемъ.

Какого же рода этотъ возвышенный, недоступный геній, который явился только одинъ разъ? Къ какому роду поэтическихъ произведеній должно отнести Дантово твореніе? Можно ли назвать его эпическою поэмою? Существуютъ ли разные виды эпическихъ поэмъ? Могутъ ли онѣ быть свойственны различнымъ эпохамъ государства, или развиваются только во время юности и простодушія, во

дни пылкости воображенія народовъ, по прошествіи коихъ исчезаютъ невозвратно? Вотъ какіе умозрительные вопросы возбуждаетъ твореніе Данта! Къ нимъ надлежитъ присовокупить множество литературныхъ изысканій объ искусствѣ, изобрѣтательности, естественности, поэзіи мыслей и выраженій поэта.

Изслѣдуемъ прежде всего, можно ли назвать Дантову комедію эпическою поэмою? Что̀ есть эпическая поэма? Въ чемъ состоитъ сущность и отличительныя черты ея? Монтеске, любившій рѣшать вопросы шутками, насмѣхается надъ всѣми, которые думаютъ, что существуютъ только двѣ эпическія поэмы и что не возможно произвесть ихъ болѣе; но мнѣ кажется, что люди сіи совершенно правы. По моему мнѣнію эпическая поэма есть самый полный памятникъ всѣхъ умственныхъ и религіозныхъ идей народа. Въ семъ отношеніи она можетъ быть свойственна единственно вѣкамъ небогатымъ познаніями, вѣкамъ, въ кои умѣютъ только сильно чувствовать и пламенно воображать. Подобное твореніе должно быть энциклопедіею своего времени и своего народа. Можно ли составить въ наше время

эпическую поэму изъ сего безконечнаго множества разнообразныхъ свѣденій и умственныхъ занятій, сдѣлавшихся потребностью для нашего дѣятельнаго многосложнаго общества? Какъ изобрѣсти идеалъ, которой бы превратился въ предметъ вѣрованія? Какъ изложить такое множество идей и фактовъ? Въ самой продолжительной поэмѣ не возможно представить даже части тѣхъ мыслей, тѣхъ изобрѣтеній, тѣхъ наукъ, кои занимаютъ нашихъ современниковъ, нельзя удовлетворить ихъ ненасытимому любопытству. Посему-то Иліада и Одиссея, обширныя какъ міръ, когда онъ еще не казался безпредѣльнымъ, должны считаться единственными эпическими поэмами; признаемъ ли оныя съ Аристотелемъ и всею древностію за твореніе одного генія; или вмѣстѣ съ Вико почтемъ случайнымъ, неподражаемымъ соединеніемъ всѣхъ поэтическихъ произведеній тогдашняго вѣка. Какъ бы то ни было, въ Иліадѣ соединены всѣ идеи, всѣ чувства Гомерова времени, начиная отъ выспренней ѳеогоніи до самопростѣйшихъ ремеслъ; отъ возвышенной нравственности, дышащей въ молитвахъ, до искусства позлащать рога жертвеннаго тельца. Свя-

щенныя книги Евреевъ носятъ отпечатокъ древней эпопеи. Отъ мѣлочныхъ и строгихъ обрядовъ, коими надлежало обуздывать буйство народа, до религіозныхъ, поэтическихъ восторговъ; отъ земледѣльческихъ и пастушескихъ упражненій до художествъ, заимствованныхъ Евреями во время торговли съ Офиромъ, даже до труднаго искусства вырѣзывать на драгоцѣнныхъ камняхъ: словомъ все, что̀ было предметомъ ихъ занятій, находится въ Еврейской эпопеѣ.

Но заключаются ли въ Энеидѣ всѣ познанія Римлянъ? Въ царствованіе Августа могла ли она быть выраженіемъ мыслей и свѣденій Римскаго народа, переродившагося среди междоусобныхъ войнъ и развращенія? Нѣтъ! она есть ученое развлеченіе и трудъ чисто литературный. Заботливость Виргилія исправить и очистить грубыя сказанія Гомеровой миѳологіи и сблизить оныя съ Римскою образованностью, не доказываютъ ли, что вѣкъ сего поэта не есть вѣкъ эпическій? Что̀ же сказать о поэмахъ во время упадка Латинской Литературы? Всѣ онѣ носятъ на себѣ слѣды подражанія, а не печать генія. Человѣкъ, который не могъ

возникнуть, въ продолженіе многихъ вѣковъ, со времени Гомера, человѣкъ, который бы зналъ все извѣстное его современникамъ, умѣлъ всѣ сіи познанія довести до созерцанія, высшаго изящества, могъ ли таковой человѣкъ родиться въ среднихъ вѣкахъ? Явился ли онъ въ сію эпоху или никогда уже не можетъ возникнуть: ибо не должно ожидать его въ наше время? Для рѣшенія сихъ вопросовъ обратимся къ психологической исторіи рода человѣческаго, въ изслѣдованіе коей углублялась Германская Литература. Проницательная и таинственная, она любитъ восходить къ источнику мыслей не только каждаго недѣлимаго, но цѣлыхъ поколѣній въ различныя эпохи міра. Принявъ отъ созерцательной философіи религіозное направленіе, она утверждаетъ, что при началѣ міра существовалъ періодъ божественныхъ вдохновеній и власти духовенства: сей періодъ названъ божественнымъ. Когда жъ со властію вѣры соединилось могущество силы, когда завоеватели раздѣлили оную со жрецами; когда люди, еще грубые, начали получать вдохновеніе не изъ одного святилища алтарей, но почувствовали въ себѣ порывы къ великимъ предпріятіямъ:

тогда начался періодъ героическій. Наконецъ наступилъ вѣкъ человѣческій, въ которомъ мы живемъ и который продолжается неопредѣленно.

Въ сей системѣ, въ семъ отвлеченномъ созерцаніи духовнаго развитія человѣчества эпическая поэзія постановлена принадлежностію божественнаго періода или, лучше сказать, она помѣщена между предѣлами эпохъ божественной и героической. Гомеръ явился въ такое время, когда вниманіе народа поражаемо было не одними священными гимнами. Пѣсни о подвигахъ Героевъ мѣшались съ таинственными преданіями о богахъ. Сіе соединеніе отразилось въ Иліадѣ.

Ссылаясь на сей примѣръ, Нѣмецкіе критики утверждаютъ, что въ новѣйшія времена повторилось сіе явленіе. Имъ кажется, что въ средніе вѣки возобновились различныя эпохи древности. Власть духовенства, утвержденная на развалинахъ Имперіи, довѣренность къ житіямъ святыхъ и чудесамъ, по ихъ мнѣнію, составляютъ періодъ божественный; феодализмъ и различные ордена рыцарства изображаютъ вѣкъ героическій. Не отрицая правдоподобія таковыхъ сравненій, при-

знаемся, что духъ человѣческій, свободный и разнообразный въ своихъ дѣйствіяхъ, не можетъ быть связанъ узами системы. Онъ не можетъ идти неуклонно по одному пути; въ теченіе многихъ вѣковъ не явилось двухъ произведеній совершенно сходныхъ. Возвышаясь, онъ никогда не останавливается: упадая, сохраняетъ нѣкоторыя воспоминанія о прошедшемъ. Въ семъ смыслѣ мы можемъ сказать утвердительно, что ни одинъ протекшій періодъ не можетъ возродиться со всѣми своими признаками. Такимъ образомъ, въ простонародномъ баснословіи легендъ, въ воинственныхъ нравахъ Бароновъ представляется только наружное сходство съ божественнымъ и героическимъ періодами Греціи. Между нами существуетъ великое различіе: средніе вѣка богаты воспоминаніями и остатками Римской образованности. Нашъ божественный и героическій періоды вступили въ наслѣдіе любознательныхъ Грековъ и Латинъ. Отъ сего-то вы встрѣчаете здѣсь ученые и утонченные формы мышленія среди порывовъ и грубости возникающаго общества. Средніе вѣка не могли изгладить слѣдовъ ученой и глубокомысленной древности, имъ пред-

шествовавшей, не могли помрачить лучей просвѣщенія, отвсюду проникавшихъ во мракъ ихъ. Древняя философія облеклась въ формы схоластики; съ нравственностью Платона, высочайшимъ произведеніемъ мудрости человѣческой, доведенной до божественнаго идеала въ Евангеліи, смѣшались варварскія привычки: но сіе соединеніе дало среднимъ вѣкамъ новую физіономію; отъ сего-то не возможно сравнивать ихъ ни съ какимъ другимъ періодомъ. Средніе вѣка представляютъ смѣсь разнородныхъ элементовъ, нестройную массу, въ коей остатки Римской образованности, подобно допотопнымъ ископаемымъ, пережили наводненіе варварства и сохранились цѣлыми, ощутительными среди новыхъ произведеній. Здѣсь соединены два общества: одно мертвое и распадшееся; но его языкъ, его законы, его писанія вошли въ составъ возникающаго общества и при всей юности онаго, передали ему воспоминаніе и опытность старинной гражданственности.

Такимъ образомъ въ сочиненіяхъ XIII вѣка вы примѣтили искры древней философіи, которыя можно назвать зарею новѣйшей образованности. Эгинардъ мыслитъ

и выражается, какъ добродѣтельнѣйшій человѣкъ просвѣщеннаго вѣка. Онъ по своимъ воспоминаніямъ и по своей образованности принадлежитъ не къ своему вѣку. По остаткамъ Римской образованности онъ предугадалъ нашу. Вотъ что наслѣдовали средніе вѣки и чего не существовало для героическаго періода Греціи! Отсюда видно, что первобытная простота, плодовитая, но не обширная оригинальность, воображеніе, объемлющее весь современный міръ и незнающее ничего болѣе, свойственныя первому періоду древности, не принадлежатъ вѣкамъ новѣйшимъ. Ежели бы Гомеръ существовалъ въ средніе вѣки, ему бы надлежало быть истолкователемъ не одной феодальной жизни, представителемъ не только божественнаго и героическаго періода; ему надлежало бы пробудить въ умѣ своемъ воспоминанія объ отжившей Римской Имперіи, о Цезарѣ, Августѣ, Константинѣ, Цицеронѣ, Виргиліи. Ему надлежало знать прошедшее. Посему онъ не могъ быть простосердечнымъ живописцемъ одного только своего времени. Какъ бы ни была велика сила его генія и свѣжесть выраженія, онъ не могъ бы совершенно свергнуть съ себя иго подража-

нія. Онъ не могъ бы освободиться отъ ученыхъ оборотовъ, которыми испещрена новѣйшая литература. Ибо онъ родился въ такомъ вѣкѣ, который загроможденъ воспоминаніями.

Хотя героическій періодъ не могъ возродиться въ средніе вѣка, но въ нихъ раскрылось множество явленій благопріятныхъ для поэтическаго вдохновенія. Одно чисто ученое предпріятіе воспѣть предъ другими повѣсть о чудесныхъ происшествіяхъ, будетъ слабо, безжизненно. Въ средніе вѣка, не смотря на смѣшеніе двухъ общественныхъ организацій, не смотря на Римскія преданія, вредившія простотѣ; умы людей были полны внутренняго огня и вѣры. Все, что̀ заимствовали они изъ прошедшаго, облекалось въ формы ихъ времени. Мы уже видѣли, что Александръ былъ у нихъ первымъ рыцаремъ; Виргилій, стихи котораго не переставали приводить въ свидѣтельство въ самыхъ безсмысленныхъ хроникахъ, былъ не просто поэтомъ, но пророкомъ, чародѣемъ. Сіи мечты начались съ III столѣтія Христіанской эры. Константинъ въ первый день Пасхи, говоря слово въ Каѳедральной Цареградской церкви, толковалъ, какъ про-

рочество о рожденіи Мессіи, слѣдующіе стихи.

Ultima Cumaei venit jam carminis aetas! Сія мечта, которую предразсудокъ соединилъ съ геніемъ великаго поэта, существовала во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Было сочинено житіе Виргилія. Повѣствуютъ, что онъ имѣлъ волшебное зеркало, въ которомъ видѣлъ будущее.

Итакъ вы видите сходство и различіе среднихъ вѣковъ съ героическими временами древности. Первые не имѣли сей простоты, сего невѣжества, у котораго нѣтъ ни какихъ воспоминаній; они были окружены предшествовавшею образованностью; но, подобно послѣднимъ, были проникнуты энтузіазмомъ и поэтическимъ легковѣріемъ.

Еслибы для такого энтузіазма, который при созерцаніи настоящаго проникнутъ воспоминаніями протекшаго, нашелся предметъ, имѣющій высокую занимательность для современниковъ; то возникло бы образцовое, хотя бъ то было ученое, сочиненіе. Таковымъ предметомъ для среднихъ вѣковъ была будущая жизнь. Всѣ дѣйствія людей стремились къ сей жизни. Слѣ-

ды ея видны повсюду. Вельможи давали свободу рабамъ, дѣлали вклады въ монастыри, для избѣжанія страшнаго суда Божія (propter proximum Dei judicium). Кончина міра, воскресеніе мертвыхъ болѣе всего занимали воображеніе людей. Несправедливое изъясненіе Евангельскаго текста долго ужасало людей близкимъ разрушеніемъ вселенной. Какимъ образомъ жили въ это время? Какъ въ государствѣ, по коему пронеслась кровавая революція или опустошительная язва. Когда безпрерывный страхъ слабѣлъ отъ долговременности, тогда люди стремительно предавались наслажденіямъ и заботамъ жизни, потомъ снова возвращались къ ужаснымъ господствующимъ мыслямъ: кончинѣ міра, чистилищу, аду.

Въ началѣ моего курса я привелъ свидѣтельство, показывающее, какъ церковное краснорѣчіе и политика Папъ пользовались легковѣріемъ народа для утвержденія своей власти. Проповѣди XI и XII столѣтія безпрерывно представляютъ взорамъ людей изображенія Страшнаго Суда. Геніальный поэтъ, обладая почти всѣми современными свѣдѣніями, естественно долженъ былъ из-

брать таковый предметъ. И если въ душѣ его таилась пламенная меланхолія, то сей предметъ сдѣлался бы для него еще приличнѣе. Я не буду подражать Италіянскимъ критикамъ, которые, потушивъ въ себѣ любовь къ отечеству, искали слѣдовъ Дантова сочиненія въ Провансальскомъ романѣ: Несчастный Герикъ и въ другихъ стихотворныхъ сказкахъ. Не буду также изслѣдовать, чѣмъ обязанъ онъ прежнему своему учителю Брюнетто-Латини. Послѣдній въ аллегорической поэмѣ разсказываетъ что, онъ узнавъ объ изгнаніи друзей своихъ Гвельфовъ, омраченный скорбію, заблудился въ лѣсу и пришелъ къ подошвѣ горы, покрытой безчисленнымъ множествомъ людей и животныхъ, которыя по гласу жены, досязавшей до небесъ главою, безпрерывно раждались и умирали. Сія жена, изображающая природу, объяснила ему тайну творенія, показала путь, ведущій изъ лѣсу и средства достигнуть философіи и любви. Поэтъ повинуется и встрѣчаетъ Виргилія, который дѣлается его путеводителемъ. Не буду изслѣдовать, могла ли сія холодная выдумка воспламенить Данта. Я разберу лучше произведенія его юности, дабы отыскать въ нихъ при-

знаки генія, которому предоставлено было начертать картину неба и ада, отпечатокъ коихъ нашелъ онъ въ духѣ своего времени. Если вы хотите узнать что вдохновило Мильтона, то найдете въ его сочиненіяхъ, въ его Тетрахордѣ, подъ безобразною кучею схоластики, блистательный очеркъ Потеряннаго Рая. Поэтъ пробуждается. Вы увидите, что этотъ человѣкъ, среди гражданскихъ и религіозныхъ войнъ, среди сваръ и преній Парламента, безпрерывно занятъ размышленіемъ о высокомъ твореніи, которое носитъ въ душѣ своей. Подобнымъ образомъ я ищу въ прежнихъ сочиненіяхъ Данта тайны и слѣдовъ его вдохновенія. Первое оригинальное произведеніе Данта, въ которомъ можно узнать человѣка, долженствовавшаго создать Рай, Чистилище и Адъ, есть Новая Жизнь (la Vita Nuova). Это любовная повѣсть; это исповѣдь поэта, не только питающаго сильную и нѣжную любовь, но имѣющаго способности и ученость. Здѣсь вы увидите въ немъ отпечатокъ тогдашняго вѣка, странную смѣсь энтузіазма и педантизма. Сюда же надлежитъ отнести 14 сонетовъ, сочиненныхъ Дантомъ въ честь Беатриксы. Каждый сонетъ имѣетъ отличительный приз-

знакъ. Въ нихъ можно видѣть жизнь Флорентинцевъ въ концѣ XIII столѣтія около 1295 года. Терзаемая раздорами Гвельфовъ и Джибелиновъ, Флоренція кипѣла веселостью и праздниками. Собранія, прогулки, танцы, свиданія въ храмахъ, были главнѣйшими занятіями ихъ сладострастной жизни. Трогательные обряды, подобные ново-Греческимъ, мѣшались съ погребальными церемоніями. Они-то развернули поэтическій талантъ и меланхолическую наклонность Данта. Ибо геній сего великаго поэта ознаменованъ не печатію Италіи, но печатью мечтательности, унынія, выспренности. Ежели бы онъ не былъ такъ простъ, я назвалъ бы его Германскимъ.

Представлю вамъ одинъ изъ его сонетовъ:

„Творцу угодно было призвать въ храмъ „славы своей одну изъ прекраснѣйшихъ и „любезнѣйшихъ женъ нашего града. Я зрѣлъ „во гробѣ остатки ея, оплакиваемые подру„гами самымъ трогательнымъ образомъ. „Вспомнивъ, что она была другомъ мо„ей красавицы, я не могъ удержать слезъ „и, стеная, рѣшился сказать нѣсколько словъ „въ память той, которая была неразлуч„на съ моей красавицей!“

Но всего болѣе обнаруживаетъ душу Данта и показываетъ, что онъ былъ проникнутъ піитическимъ вдохновеніемъ, продолжительная повѣсть, помѣщенная въ Vita Nuova, изъ которой я не смѣю ничего выбросить. Такъ оригинальны, такъ достаточны для изображенія его Генія, помѣщенныя въ ней выраженія. Нѣтъ нужды, какъ вы ни назовете ее, сномъ, думою, или просто грезою. Ежели вы найдете въ ней что нибудь необычайное, несообразное съ требованіями разсудка; то замѣтьте, что съ холоднымъ и черствымъ чувствомъ не возможно было приступить къ созданію выспреннихъ сценъ Божественной Комедіи. Вспомните слова Сенеки, что во всякомъ великомъ умѣ есть примѣсь глупости. Nullum est magnum ingenium sine mixtura dementiae. Сильное воображеніе, живая чувствительность, составляющія душу поэзіи, не могутъ выходить изъ обыкновенныхъ предѣловъ, не погружаясь въ грезы. Вамъ надобно познакомиться съ симъ геніемъ; и вы увидите, что у него были свои минуты безумія.

„Спустя нѣсколько дней, я почувство-„валъ болѣзненную слабость въ тѣлѣ. Въ

„продолженіе многихъ дней безпрерывно „чувствовалъ жесточайшую боль, которая „довела меня до такого разслабленія, что „я какъ человѣкъ, немогущій двинуться, „принужденъ былъ лежать въ постелѣ. Въ „девятый день болѣзнь моя сдѣлалась нес„терпимою, я началъ думать о своей воз„любленной. Помечтавъ о ней нѣсколько „времени, обратилъ я мысли на угасающую „жизнь мою и, видя сколь она сомнитель„на, даже въ здоровомъ состояніи, пожа„лѣлъ отъ всего сердца о ея бренности. „Потомъ, вздохнувъ болѣзненно, сказалъ: „прекрасная Беатриса также умретъ нѣ„когда!“ — Послѣ сего я впалъ въ такое не„истовство, что, закрывъ глаза, началъ „бросаться подобно сумасшедшему въ раз„ныя стороны, и воображать тысячу при„видѣній. Въ мечтахъ разстроеннаго вообра„женія мнѣ представились привидѣнія жен„щинъ съ растрепанными волосами, которыя „кричали: „и ты также умрешь!“ Послѣ сего „явились другіе чудовищные призраки жен„щинъ и бормотали: „ты умеръ!“ Воображе„ніе мое такъ разстроилось, что я не „зналъ, гдѣ нахожусь. Мнѣ казалось, что „женщины съ растрепанными волосами ис„пускаютъ вой и показываютъ неизъяснимую

„печаль; что солнце меркнетъ, звѣзды „превращаются въ кровь, и земля колеб„лется въ своемъ основаніи. Изумясь и „ужаснувшись такого видѣнія, я узрѣлъ „друга, который мнѣ говорилъ: „твоя воз„любленная переселилась изъ сего міра.“ Я „зарыдалъ и не въ одномъ только во„браженіи, но дѣйствительно обливал„ся слезами. Потомъ возвелъ глаза къ „небу и узрѣлъ сонмы Ангеловъ восходя„щихъ. Надъ ними неслось бѣлое облако; „они пѣли хвалебный гимнъ; я слышалъ „осанна въ вышнихъ! Послѣ сего почувст„вовалъ, что мое, исполненное любви серд„це шептало: „итакъ твоя возлюбленная „умерла!“ Мнѣ казалось, что я пошелъ „взглянуть на тѣло, въ которомъ обита„ла сія благородная, блаженная душа; об„манъ воображенія былъ такъ живъ, что „я, казалось, видѣлъ женщинъ, прикры„вавшихъ главу моей возлюбленной бѣлою „тканью; лице ея было такъ спокойно, „что повидимому выражало: я переселе„лась въ жилище вѣчнаго мира. Во время „сихъ мечтаній я звалъ смерть: „при„ди ко мнѣ предметъ моихъ желаній; „сжалься надъ тѣмъ, коего уже заклеймила „ты своей печатью!“ Когда кончились всѣ

„плачевные обряды, совершаемые надъ мер„твыми, я казалось возвратился въ свое „жилище и возвелъ на небо глаза свои: „моя мечта была такъ жива, что я на„чалъ кричать громкимъ голосомъ: „святая „душа! какъ блаженъ тотъ, кто видитъ „тебя!“

„Между тѣмъ какъ испуская болѣзнен„ные стоны, я произносилъ слова сіи и „звалъ смерть, юная дѣва, сидѣвшая въ „отдаленіи отъ моей кровати, думая, что „слова и вопли мои происходятъ отъ не„стерпимой боли, начала рыдать отъ ужа„са. Подруги вывели изъ комнаты юную „мою родственницу и возвратясь стара„лись пробудить меня, думая, что я гре„жу. „Проснись и не унывай!“ говорили онѣ. „Въ сіе время я готовъ былъ воскликнуть: „о Беатрикса! да будетъ миръ съ тобою!“ „Я уже произнесъ: „о Бектрикса!“ повер„нулся, открылъ глаза и узналъ мое заблуж„деніе; хотя я вымолвилъ имя сіе, но „слова мои, задушаемыя вздохами и рыда„ніями, кажется, ни кѣмъ не были раз„слышаны.“

Сіе благовѣйное изступленіе, сіе таинственное видѣніе, сіи Ангелы, являющіеся при воспоминаніи о Беатриксѣ, все сіе не

показываетъ ли источника, изъ котораго почерпнуто вдохновеніе для Божественной Комедіи? Нужно ли искать его въ какихъ-то стихотворныхъ повѣстяхъ? Не ясно ли, что Дантъ носилъ его въ себѣ самомъ, даже во время горячки, въ часы умоизступленія?

Вы знаете таинственныя мечтанія, набожныя видѣнія, служившія поэту основою его творенія; теперь надлежитъ показать техническіе элементы науки или лучше сказать схоластику поэзіи среднихъ вѣковъ, которую заимствовалъ Дантъ у своихъ современниковъ.

Мы ошибаемся, почитая сочиненія среднихъ вѣковъ случайными произведеніями внутренняго чувства и мгновеннаго вдохновенія. Они были слѣдствіемъ трудолюбивой учености. Я покажу вамъ черты, отличающія сіи творенія отъ древнихъ Греческихъ, черты повсюду видимыя. Какимъ образомъ писалъ сей отецъ новѣйшей поэзіи, сей Дантъ, столь изобрѣтательный во время пламенныхъ восторговъ юности? При всей оригинальности, при всей необузданности генія онъ пишетъ по правиламъ, по образцамъ. Онъ совѣтуется съ Библіею, съ Аристотелемъ, Виргиліемъ,

Схоластиками! Любовь и мечтательность пробудили въ немъ идею о Дѣвѣ, окруженной сонмомъ Ангеловъ; изученіе Христіанскихъ догматовъ преобразило ее въ символъ Богословской Науки, которая руководствовала его въ странствованіяхъ небесныхъ. Онъ подражаетъ поэтическимъ твореніямъ древнихъ, приводя въ порядокъ созданія, доселѣ невѣдомыя. Онъ размышляетъ о заглавіи и расположеніи своей поэмы по ихъ правиламъ. Онъ не случайно назвалъ ее Комедіею. Въ одномъ письмѣ его, могущемъ служить предисловіемъ къ его сочиненію, онъ изъясняетъ причины сего названія.

„Комедія" — говоритъ онъ — „есть „поэтическое произведеніе, отличное отъ „всѣхъ другихъ. Она отличается отъ Траге„діи тѣмъ, что послѣдняя, изящная и спокой„ная при началѣ, оканчивается ужаснымъ. „Напротивъ того Комедія, начинаясь по„ложеніями затруднительными, отчаянны„ми, оканчивается счастливою развязкою, „что можно видѣть въ сочиненіяхъ Терен„ція. Отъ сего-то нѣкоторые поэты въ „дружескихъ привѣтствіяхъ желаютъ тра„гическаго начала и комическаго окончанія. „Онѣ различаются также слогомъ. Языкъ

„Трагедіи, по словамъ Горація, долженъ ды-
„шать величіемъ и высокостью; а слогъ
„Комедіи простотою. По сей причинѣ на-
„стоящее сочиненіе названо Комедіею. На-
„чало въ ней ужасно, чудовищно: это
„Адъ! но конецъ счастливъ, восхитите-
„ленъ: это Рай! Слогъ въ ней не напыщен-
„ный, а простой: ибо она писана просто-
„народнымъ нарѣчіемъ, которымъ выража-
„ются женщины."

Сіе умствованіе покажется слишкомъ утонченнымъ при всей простотѣ своей. Странно видѣть сравненіе рая съ окончаніемъ Комедіи. Но въ семъ безобразномъ смѣшеніи мыслей вы увидите, съ какою силою владычествовала древность надъ умами ученыхъ среднихъ вѣковъ. Отъ ней были свободны одни только простые трубадуры, сочинившіе нѣсколько стиховъ въ честь своихъ дамъ, и не заботившіеся ни о чѣмъ болѣе на свѣтѣ. Но какъ скоро предпринимали что либо важное, то подвергались вліянію древности. Странно видѣть, что Дантъ для подкрѣпленія своихъ фантастическихъ идей ссылается на Горація; изслѣдуемъ предметъ, дѣйствіе, форму, цѣль, названіе сочиненія и философическія понятія. Аббатъ Боссю, разбирая И-

ліаду, поступилъ такимъ же образомъ. Но думаете ли вы, что Гомеръ принимался за свое твореніе съ подобною схоластическою осмотрительностью? Не ясно ли видны отличительныя черты между простою и сердечною оригинальностью старины и между запутанною и кропотливою ученостью среднихъ вѣковъ?

Замѣтивъ всѣ сіи отличія, мы увидимъ, что самое произведеніе, сей памятникъ творческаго генія, становится гораздо оригинальнѣе по своей сущности и мечтательности, чѣмъ по изобрѣтенію, выражая высочайшую ненависть и любовь, объемля всѣ источники изящнаго, заключая въ себѣ сѣмена всѣхъ современныхъ страстей и познаній: богословіе и междоусобныя войны. Одаренный двоякимъ душевнымъ расположеніемъ, съ одной стороны тонкимъ и пламеннымъ, съ другой кропотливымъ и схоластическимъ, Дантъ могъ произвести свое твореніе. Въ семъ-то расположеніи скрывается причина выспреннихъ красотъ, также странныхъ и утомительныхъ для потомства подробностей, наполняющихъ его пѣсни.

Для столь подробнаго изображенія Ада необходимо было занимать воображеніе симъ

предметомъ долгое время. Геній поэта восторжествовалъ надъ симъ затрудненіемъ. Ему предстояла еще большая трудность въ послѣдствіи. Для воображенія труднѣе изображать блаженство, чѣмъ мученія человѣка. Поэтъ находитъ менѣе предметовъ для описанія Рая, чѣмъ Ада. Его воображеніе истощается и онъ вдается въ ученую схоластику, излагаетъ ее съ удивительною выразительностію; но при всемъ томъ конецъ поэмы дѣлается для насъ скучнымъ и утомительнымъ. Я говорю для насъ: ибо требованія нашего вѣка противоположны требованіямъ временъ Данта. Мистическія тонкости, умствованія С. Бонавентуры и С. Ѳомы, имѣли высочайшую дидактическую назидательность для современниковъ Данта. Хотя сіи подробности уже не трогаютъ; но мы не менѣе должны удивляться великому и простому творенію поэта и возвышенному единству его трилогіи.

Воспоминанія древности, знаніе богословія, пылкость воображенія и страстей, вотъ отличительныя принадлежности Данта, вотъ элементы его поэмы! Они соединяются и поддерживаютъ себя взаимно съ невыразимою непринужденностью.

Обожатель Виргилія, онъ находилъ самымъ приличнымъ представить сего языческаго поэта первенцемъ горняго Христіанскаго міра. Но превыше Виргилія, превыше самой поэзіи, онъ помѣщаетъ Богословіе, науку священную. И въ какомъ видѣ она ему представляется? Въ видѣ Беатриксы, изображенной въ его Vita Nuova. Его аллегоріи вообще холодны. Пламенный Дантъ представляетъ въ нихъ апотеозъ вѣры и любви! Воспоминаніе, непобѣдимое чувство прежней любви его, напечатлѣло во всей поэмѣ образъ Беатриксы. Невидимая при началѣ, она покровительствуетъ Данта издалека, посылая къ нему Виргилія. Но при вратахъ Рая сама встрѣчаетъ его. Сіе прекрасное видѣніе есть первое изъ всѣхъ небесныхъ наслажденій, описанныхъ поэтомъ. Беатрикса, одѣянная свѣтомъ, устремляетъ взоры свои на солнце. Поэтъ, влекомый непреодолимою силою, воспаряетъ къ Беатриксѣ. Таинственная и возвышенная аллегорія, дышущая трогательною поэзіею!

Чтобы облечь въ слово сіи новыя и возвышенныя созданія, чтобы сдѣлать сей идеалъ естественнымъ и понятнымъ, надлежало оживить ихъ изяществомъ и вѣрно-

стію выраженія. Можетъ быть сіе самое и составляетъ отличительнѣйшій характеръ Данта. Онъ обезсмертилъ себя совершенствомъ языка, только-что возникшаго, и сдѣлалъ оный столь плодовитымъ и богатымъ, что его твореніе служитъ неизчерпаемымъ источникомъ для Италіянскихъ нарѣчій. Не возможно передать или возсоздать на иностранномъ языкѣ сіе совершенство, столь привлекательное для соотечественниковъ. Я предложу вамъ нѣкоторые опыты буквальнаго перевода. Языкъ Данта имѣетъ великое сходство съ Провансальскимъ. Въ немъ тѣ же обороты, та же простая живость. Чрезъ это связуются и сближаются наши изслѣдованія о среднихъ вѣкахъ. Слогъ Данта есть языкъ генія между всѣми современными языками, о которыхъ мы упоминали въ предыдущихъ изысканіяхъ. Но сіе превосходство не истребляетъ сходства, которое мы постараемся передать въ переложеніи. Языкъ Данта часто сходенъ со стариннымъ Французскимъ, имѣя какую-то краткость, выразительность, огонь, о которыхъ сожалѣлъ Фенелонъ и которыхъ мы не можемъ возсоздать.

Возмемъ въ примѣръ самое начало сочиненія. Дантъ повѣствуетъ, что, находясь на половинѣ жизненнаго пути, онъ заблудился въ темномъ лѣсу и ждалъ нападенія лютыхъ звѣрей; вдругъ представляется ему нѣкто, потерявшій, по видимому, отъ долговременнаго молчанія, даръ слова.

„Когда я узрѣлъ его въ сей великой „дебри, то воскликнулъ: — „кто бы ты ни „былъ, привидѣніе или человѣкъ, сжалься „надо мною!“ — „Я теперь не человѣкъ, „но былъ человѣкомъ. Родители мои были „Ломбардцы изъ Мантуи. Я родился не „задолго до смерти Цезаря; жилъ во времена милосердаго Августа и вѣрилъ ложнымъ богамъ. Я былъ поэтъ; воспѣлъ „благочестиваго сына Анхизова, который „удалился изъ Трои, когда былъ сожженъ „Иліонъ. Но для чего ты блуждаешь по „сему роковому лѣсу? Для чего не стремишься на сію прелестную гору, начало и причину всякаго восторга?“ — „Итакъ, это ты, Виргилій, тотъ источникъ, изъ котораго излилась величественная рѣка краснорѣчія!“ воскликнулъ „я, весь покраснѣвши. „О слава! О свѣтило „поэтовъ! Съ какою неутомимостью, съ

„какою любовію изучалъ я твои творенія!
„Ты мой наставникъ, ты мой образецъ,
„у тебя научился я изяществу слога, ко-
„торымъ прославился.„

Виргилій обѣщаетъ руководствовать его въ царствѣ вѣчности. Они пускаются въ путь. „День склонился къ вечеру, потемнѣвшій воздухъ навѣялъ успокоеніе отъ трудовъ на земныхъ жителей.“ Тогда Виргилій открылъ причину, приведшую его къ Данту.

„Я находился“ — говорилъ онъ — „въ
„числѣ тѣхъ, коихъ участь была нерѣшена.
„Вдругъ прекрасная и святая жена призы-
„ваетъ меня. Я ждалъ ея велѣній. Очи ея
„блистали ярче звѣздъ. Она ангельскимъ
„голосомъ, на своемъ языкѣ, произнесла
„слова сіи:

„Великодушный сынъ Мантуи! твоя
„слава оглашаетъ міръ и будетъ всегда
„оглашать его! Мой другъ, гонимый судь-
„бою, остановленъ въ непроходимой деб-
„ри и отъ ужаса готовъ возвратиться
„вспять.

„Его мольбы, слышанныя мною съ не-
„беси, заставляютъ опасаться что онъ
„зашелъ слишкомъ далеко и что я опозда-
„ла придти къ нему на помощь. Иди и

словомъ твоимъ и всѣмъ, что̀ можетъ спасти его, помоги ему и успокой меня. Я Беатрикса, повелѣваю идти тебѣ. Я пришла оттуда, куда желаю возвратиться; любовь привела меня и заставила говорить. Когда я предстану предъ Господомъ, буду о тебѣ молить Его." Она замолчала."

Виргилій оканчиваетъ сей разсказъ, въ которомъ участвуютъ еще двѣ таинственныя женщины, одна безимянная, а другая подъ именемъ Люціи, представляетъ Благодать Божію. Онѣ-то извѣстили Беатрису объ опасности, въ которой находится ея возлюбленный.

Вотъ прелестное вступленіе, которымъ начинаетъ Тосканскій поэтъ. Вождь его напомянувъ о вышесказанныхъ женахъ, говоритъ ему: „По чему ты не имѣешь смѣлости и довѣрія, когда три святыя жены покровительствуютъ тебя свыше!" Какая неизъяснимая прелесть въ сихъ выраженіяхъ и какую противуположность представляютъ онѣ въ послѣдствіи! Подъ материнскимъ покровительствомъ трехъ небожительницъ, осѣняющихъ поэта, при кроткомъ гласѣ Виргилія, пересказывающаго Данту слова ихъ, вдругъ раздается го-

лось, выходящій изъ ада: „Здѣсь путь въ жилище плача!“

„Per me si va nella cita dolente!“

„Мною достигаютъ жилища плача; мною „идутъ въ муку вѣчную; мною проника„ютъ къ тѣнямъ осужденныхъ. Правосу„денъ, великъ творецъ мой! я созданіе „божественнаго могущества, высочайшей „премудрости и чистѣйшей любви! Преж„де меня существовала одна только вѣч„ность; я безсмертенъ. Оставьте здѣсь на„дежду, всѣ вступающіе!“

Такимъ-то образомъ поэтъ безпрерывно поражаетъ насъ противуположными изображеніями и производитъ удивительное разнообразіе въ монотоніи своего ужаснаго предмета. Не вѣрьте легкомысленному Вольтеру, который утверждаетъ, что въ цѣлой чудовищной поэмѣ Данта находятся только два или три отрывка, написанные прекраснымъ слогомъ. Безъ сомнѣнія геній, особливо при возрожденіи наукъ, имѣетъ особенную возвышенность и паденіе, особенную выспренность и слабость, но Дантъ блескомъ своихъ выраженій безпрерывно поддерживаетъ самаго себя и рѣдко ослабѣваетъ. Кромѣ эпизодовъ, которымъ столько удивлялись, кромѣ необы-

кновенной противоположности восхитительнаго и отвратительнаго, кромѣ Франчески Римини и Уголино, поэма Данта на каждой страницѣ наполнена удивительными красотами. Съ простыми формами новаго слога счастливо переплетается обработанность древнихъ. Такимъ образомъ Дантъ смѣло можетъ поставить себя въ число тѣхъ великихъ людей, произведенія коихъ онъ изучилъ. Ничто не можетъ быть остроумнѣе и прелестнѣе вступленія Данта въ подземное жилище, гдѣ содержатся души великихъ язычниковъ. Въ то мгновеніе, когда Виргилій вступилъ въ среду ихъ:

„Я услышалъ слова сіи", говоритъ „Дантъ: „воздайте почтеніе великому по„эту; тѣнь его возвратилась." Когда умолкъ „сей голосъ, четыре великія тѣни къ „намъ приблизились. Въ нихъ не замѣтно „были ни веселости ни печали. Мой руко„водитель сказалъ мнѣ: „Посмотри на то„го, который съ мечемъ въ рукѣ предше„ствуетъ другимъ; это Гомеръ, вели„чайшій поэтъ; второй сатирикъ Гора„цій, третій Овидій, послѣдній Луканъ." „Такимъ образомъ я узрѣлъ всѣхъ собра„товъ великаго наставника высокой поэзіи,

„который, подобно орлу, паритъ, выше „всѣхъ поэтовъ. Поговоривъ нѣсколько вре„мени между собою, они обратились ко „мнѣ съ дружескимъ привѣтомъ. Мой руко„водитель улыбнулся; они удостоили меня „еще большей чести: они приняли меня „въ свое общество; я занялъ шестое мѣс„то между сими великими геніями."

Въ семъ-то училищѣ древнихъ, Богословъ, Схоластикъ, неустрашимный вождь Бѣлыхъ (Blanchi), мстительный изгнанникъ, изучилъ науку стихотворства. Отъ сего-то соединенія учености съ геніемъ произошла чудная выразительность слога, иногда простаго, невозвышеннаго, подобно слогу Гомерову; иногда сатирическаго, подобно Гораціеву; превосходящаго богатствомъ и разнообразіемъ слогъ Овидія; твердостью и выспренностью слогъ Лукана.

(окончаніе слѣдуетъ).

V

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— повѣсти Михаила Погодина. *Три Части. Москва, въ Тип. С. Селивановскаго*, 1832.

— вечера на хуторѣ близь Диканьки. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Вторая Книжка. СПБ. въ тип. А. Плюшара*, 1832.

— Андрей безымянный. *Старинная Повѣсть. СПБ. въ тип. III. Отд. Собств. Е. И. В. Канцел.* 1832.

— досуги инвалида. *Часть Первая.* I. Матушка Мадамъ. II. Марихенъ. *Москва, въ тип. Н. Степанова*, 1832.

Въ современныхъ Европейскихъ литературахъ повѣсти играютъ роль весьма важную. Кромѣ журналовъ и альманаховъ, для которыхъ онѣ служатъ, можно сказать, насущнымъ хлѣбомъ, книжныя лавки ежедневно наполняются ими, въ отдѣльныхъ брошюркахъ и многотомныхъ собраніяхъ. Писатели, болѣе или менѣе посягающіе на литературную славу, отъ паркетныхъ мандаторовъ, волнующихъ гостиныя и будуары, до суровыхъ государственныхъ мужей, располагающихъ судьбами народовъ, оказываютъ особенное пристрастіе къ сей, по видимому, пошлой, мѣлочной формѣ словесной производительности, которая въ старину составляла вездѣ, а на востокѣ составляетъ и нынѣ, незавидное ремесло бродягъ и скомороховъ. Величественныя

имена Шатобріана и Бенжаменя - Констана блестятъ въ ряду повѣствователей подлѣ классическаго парика Бульи и романтическаго чепца Меланіи Вальдоръ. Мудрецъ Якоби, славный въ лѣтописяхъ Германской философіи, пріобщается къ одной категоріи съ болтуномъ Клауреномъ и Алексисомъ Виллибальдомъ. Коротко сказать, повѣсть считается теперь дѣломъ совмѣстнымъ со всѣми направленіями дѣятельности, со всѣми степенями ума, со всѣми родами генія.

Откудажь такое всеобщее, рѣшительное предрасположеніе? Если подъ повѣстью разумѣть, по обыкновенному значенію слова, просто расказъ, созидаемый воображеніемъ для забавы скучныхъ минутъ праздности, то конечно ея достоинство и употребленіе должно быть весьма ограничено и односторонно. Повѣсть, понимаемая такимъ образомъ, будетъ не болѣе какъ поэтическая игрушка, свойственная досугу младенчества человѣческаго, но мало достойная той возмужалости, коей мы теперь хвалимся. Таковы *Тысяча и Одна Ночь!* Таковы рыцарскія, волшебныя и любовныя сказки среднихъ вѣковъ, даже въ той классически-обработанной формѣ, которая дана имъ въ Декамеронѣ Бокачіо и въ Кантербюрійскихъ Повѣстяхъ Чаусера! Если мы и нынѣ еще съ наслажденіемъ перечитываемъ сіи произведенія, то потому, что въ нихъ слышится лепетъ младенчествующаго человѣчества во всей его простодушной искренности: точно такъ съ наслажденіемъ смотримъ мы на игры дѣтей, напоминающія намъ дни собственной нашей юности!

Но современникамъ забавлять насъ серьозно подобными игрушками было бы весьма неумѣстно. Стало быть, повѣсть, въ наши времена, должна имѣть другой особый смыслъ, который сближаетъ ее съ настоящимъ возрастомъ жизни!

Какъ художественное произведеніе творческой фантазіи, существенно отличное отъ прозаическаго анекдота и исторической были, повѣсть принадлежитъ къ категоріи романа. Она есть и должна быть не что иное, какъ одушевленный разсказъ происшествій, поэтическое представленіе жизни. Отъ романа она отличается только объемомъ. Тамъ жизнь представляется въ обширной галлереѣ картинъ; здѣсь въ тѣсныхъ рамахъ одного сокращеннаго очерка. Коротко сказать, повѣсть не что иное какъ — романъ въ миніатюрѣ! Почему романъ есть форма, преимущественно приличная современному возрасту человѣческаго образованія, мы имѣли нѣсколько разъ случаи разсуждать и догадываться. Своей всеобъемлющей вмѣстимостью онъ удовлетворяетъ вполнѣ главной и существенной потребности настоящаго періода жизни — представлять не одно во всемъ, а все въ единомъ. Въ романѣ жизнь обозрѣвается со всѣхъ сторонъ, изслѣдуется во всѣхъ смыслахъ. Романъ разработываетъ ее со всѣхъ точекъ, какъ пучину страстей, какъ ткань чувствъ, какъ эхо идей. Точно также и повѣсть! И здѣсь причина ея современной всеобщности! Теперь она не есть только пріятный досугъ воображенія, играющаго калейдоскопически призраками дѣйствительности, но живой эскизъ

яркая черта, художественная выдержка изъ книги жизни. Великіе геніи высказываютъ въ ней свои глубокіе взгляды: поверхностные говоруны разсыпаютъ свои бѣглыя впечатлѣнія. Изъ нашихъ повѣстей составляется, можно сказать, живописный альбомъ современной наблюдательности!

И такъ нынѣшняя повѣсть, подобно роману, есть художественное представленіе жизни со всѣхъ точекъ зрѣнія. Таковыхъ точекъ можетъ быть только *три*; ибо жизнь человѣческая слагается изъ трехъ главныхъ элементовъ: мыслей, дѣйствій и чувствованій, слѣдовательно и представляться можетъ *трояко*: какъ изліяніе чувствъ, какъ выраженіе мыслей, какъ сцѣпленіе дѣйствій. Въ романѣ, коего рамы просторны, сіи три точки зрѣнія всѣ могутъ совмѣщаться легко и свободно. Но въ повѣсти, коея кругъ слишкомъ ограниченъ, одна изъ нихъ должна преимущественно господствовать и сообщать ей цвѣтъ опредѣленный, рѣшительный. Такимъ образомъ, повѣсти, не измѣняя своей сущности, могутъ быть и дѣйствительно бываютъ *троякаго* рода: *философическія*, *сантиментальныя* и собственно *дѣепи-сательныя*.

Повѣсть *философическая* представляетъ избранный моментъ жизни, какъ развитіе идеи, какъ рѣшеніе умозрительной задачи! Что жизнь человѣческая своими явленіями можетъ рѣшать важнѣйшія умственныя проблемы, это было дознано изстари. Отсюда происхожденіе апологовъ, притчей, парамиій, кои въ вещественныхъ событіяхъ жизни воображали, аллегоризировали умственныя понятія. Но сей процессъ аллегоризи-

рованія, столь свойственный и любезный младенческимъ лѣтамъ человѣчества, не можетъ держаться при возмужалости образованія. Основаніе аллегоріи есть насиліе. Она самовластно распоряжаетъ явленіями жизни, дабы превратить ихъ въ символъ понятія; сглаживаетъ съ нихъ вещественныя черты и растворяетъ произвольными вымыслами, дабы дать имъ кристальную прозрачность иносказанія. Это насиліе убиваетъ въ ней жизнь: и потому аллегорія, подобно призраку фантасмагоріи, можетъ забавлять дѣтей своею радужною яркостью, но для возмужалаго духа мертва, бездушна. Смыслъ жизни долженъ находиться въ ней самой: и *философическая* повѣсть должна его не вносить, а указывать. Въ прошломъ вѣкѣ, Вольтеръ и его школа покушались изображать жизнь *философически*. Но увлекаясь духомъ ложной, односторонней системы они умышленно отрывали отъ великой картины лоскутки, не имѣющіе цѣлости, и лукаво заставляли ихъ лжесвидѣтельствовать въ свою пользу. Не таково истинное, благородное значеніе *философической* повѣсти, угаданное въ наши времена. Она представляетъ различные моменты жизни безпристрастно, въ ихъ глубокой, неискаженной истинѣ, и тѣмъ даетъ видѣть ихъ цѣльный, подлинный смыслъ, ихъ вѣчное, самостоятельное значеніе. Таковы повѣсти первоклассныхъ Германскихъ писателей, гдѣ жизнь представляется торжественнымъ оправданіемъ высшихъ философическихъ идей, философіей въ лицахъ. Между ними первое мѣсто неоспоримо принадлежитъ *Гофману* и *Тику*. Современные Фран-

цузскіе повѣствователи иногда покушаются стать на сію точку зрѣнія. Но, за исключеніемъ нѣсколькихъ повѣстей *Бальзака* и нѣкоторыхъ главъ въ романахъ *В. Гюго*, покушенія ихъ, вращающіяся въ ограниченномъ кругѣ современныхъ политическихъ идей, не имѣютъ истинно философической глубины и общности.

Сантиментальная повѣсть изображаетъ жизнь, какъ отголосокъ чувствованій, есть отрывокъ изъ біографіи сердца. Струны сердца безчисленны: но, со временъ рыцарства, чувство любви предоставило себѣ какъ будто исключительное право наполнять собой всю его неистощимую дѣятельность. Отсюда кругъ *сантиментальной* повѣсти, въ продолженіе многихъ вѣковъ, почти ограничивался представленіемъ однихъ любовныхъ страданій и наслажденій. Доколѣ любовь сохраняла свою первобытную, рыцарскую чистоту, это могло быть терпимо. Но въ атмосферѣ дворовъ Людовика XIV и XV, сіе чувство исказилось совершенно, унизившись до грубаго животнаго сладострастія. Надлежало подрисовывать искусственно это пламя, потерявшее свою дѣйствительную теплоту, дабы сохранить ему въ поэзіи ту силу, которою оно владѣло по преданію. Но сіи насильственныя мѣры не могли возвратить жизнь трупу: и посему *сантиментальная* повѣсть, въ концѣ прошлаго столѣтія, сдѣлавшаяся во Франціи дамскимъ рукодѣльемъ, достигла до такой степени приторности, что возбудила всеобщее отвращеніе, даже обезславила имя, ею носимое. Только добродушные, мечтательные Нѣмцы сохраняли еще

искреннюю вѣру въ древнюю святость любви, если не на шумномъ позорищѣ свѣтской жизни, то по крайней мѣрѣ въ тихихъ нѣдрахъ жизни семейной. Отсюда, ихъ *Семейственныя Картины* (Familiengemählde), во вкусѣ *Августа Лафонтеня*, нѣсколько времени пригвождали къ себѣ живое, искреннее участіе. Но при слишкомъ тѣсной ограниченности рамъ, въ коихъ двигались сіи картины, занимательность ихъ скоро истощилась однообразіемъ. Наконецъ почувствовали, что жизнь человѣческая не есть идиллія, что блаженная Аркадія любви, съ своими нѣжными мечтами, страданіями и наслажденіями, есть анахронизмъ въ настоящемъ возрастѣ человѣческой жизни. Это чувство преимущественно пробудилось въ современной Франціи, гдѣ бурныя, волканическія сотрясенія, ежедневно возобновляющіяся, обнажили сердце человѣческое до самыхъ сокровеннѣйшихъ нѣдръ и, если можно такъ сказать, вытянули всѣ его жилы. Бездна неистощимая открылась взорамъ наблюдателей: и *сантиментальная* повѣсть, возвысившись на степень *Картины Нравовъ* (Tableau de Moeurs), сдѣлалась полною, всеобъемлющею біографіею сердца. Картины сіи, преслѣдуя явленія жизни, безъ всякой пощады и скромности, до сокровеннѣйшихъ глубинъ внутренней лабораторіи, гдѣ онѣ зачинаются, часто бываютъ отвратительны и ужасны. Этотъ упрекъ преимущественно можно отнести къ *Жюлю-Жаненю*, и отчасти къ *Бальзаку*. Но сей недостатокъ есть недостатокъ перваго свѣжаго взгляда, отыскивающаго въ яркой пестротѣ предпочтительно темныя пятна, на

которыхъ можнобъ было остановиться, перваго жаднаго рвенія, не полагающаго себѣ никакихъ предѣловъ, никакой мѣры.

Остается третій родъ повѣсти, который мы назвали собственно *дѣеписательнымъ*. Сей родъ проще и обыкновеннѣе прочихъ. *Дѣеписательная* повѣсть есть изображеніе жизни, какъ сцѣпленія дѣйствій, есть вѣрная копія ея матеріяльнаго содержанія. Подобно историческому роману, она только подводитъ подъ эстетическій пунктъ зрѣнія дѣйствительныя событія жизни. Но здѣсь могутъ быть два случая. Или событія сіи, принадлежа ко временамъ минувшимъ, заимствуются изъ хранилища воспоминаній, суть собственно историческіе факты; или, повторяясь ежедневно въ жизни, какъ національные идіотизмы, сбираются наблюденіемъ съ живой игры народной физіономіи, суть наглядныя современныя сцены. Въ первомъ случаѣ повѣсть можетъ собственно назваться *историческою*, въ послѣднемъ *народною*. Повѣсть *историческая*, въ наше время, наровнѣ съ историческимъ романомъ, подчиняется строгимъ условіямъ поэтической истины, есть настоящій эпизодъ исторіи въ лицахъ. Но никто не умѣлъ такъ смѣло и такъ удачно распространить сію строгость даже до буквальной вѣрности исторической истины, какъ извѣстный Французскій *Жакобъ Библіофилъ*, коего легенды, изданныя подъ именемъ *Вечеровъ Вальтера-Скотта*, суть не что иное, какъ переложеніе старинныхъ Французскихъ хроникъ въ разговоры и сцены. Повѣсть *народная*, пред-

ставляющая національный духъ въ лицахъ и событіяхъ, распространяется теперь по всей Европѣ и уже прославлена многими знаменитыми именами.

Явно теперь, почему повѣсть вообще пользуется такимъ предпочтеніемъ въ современныхъ Европейскихъ литературахъ. Она представляетъ въ себѣ гибкую, прозрачную, всеобъемлющую форму, гдѣ мыслители могутъ олицетворять свои идеи, наблюдатели излагать свои замѣтки, живописцы оковывать свои мимолетные, одушевленные взгляды на жизнь и ея волненія. И здѣсь мы должны отдать пальму первенства *Бальзаку*, который не рѣдко умѣетъ, въ краткомъ миніатюрѣ повѣсти, совмѣщать всѣ три, изложенные нами, взгляда и представлять философическую исторію современной жизни съ глубокою психологическою прозорливостью. Особенно укажемъ на третью часть его новыхъ *Сценъ Частной Жизни* (*Scènes de la Vie Privée*), которую по справедливости можно назвать, какъ и предполагалъ-было издатель-книгопродавецъ, *Исторіей Женщины* (*Esquisses d' une Femme*).

И у насъ повѣсти примѣтно начинаютъ умножаться. Но до сихъ поръ ихъ всеобъемлющее значеніе не было еще постигнуто. *Философической* повѣсти у насъ не было пока вовсе, да и можетъ быть долго не будетъ. . . Повѣсть *сантиментальная*, въ устарѣлой любовной формѣ, введена была къ намъ легкимъ перомъ *Карамзина;* но естественно не могла принятьcя. Всѣ являющіяся теперь у насъ повѣсти большей частію принадлежатъ къ послѣдней категоріи. Только въ

прекрасныхъ созданіяхъ *Марлинскаго* иногда сверкаетъ лучь высшаго, всеобъемлющаго прозрѣнія. О повѣстяхъ, подавшихъ намъ поводъ къ настоящему разсужденію, скажемъ наше мнѣніе порознь.

Досуги Инвалида кажутся намъ ниже прочихъ, хотя никакъ не льзя отказать имъ совершенно въ достоинствѣ. Сіе достоинство состоитъ въ умѣньи писать легко и свободно, которое однако весьма слабо обуздывается благоразуміемъ и потому очень часто переходитъ въ скучную, утомительную болтливость. Относительно внутренняго, художественнаго, истинно поэтическаго, достоинства, изъ двухъ повѣстей, составляющихъ первую вышедшую часть *Досуговъ*, *Марихенъ* рѣшительно ничего не значитъ. Это безжизненное подражаніе Лафонтеневскимъ семейственнымъ картинамъ, вставленное въ Русскія рамки. За то *Матушка - Мадамъ* не безъ занимательности, какъ вѣрный, хотя и бѣглый, очеркъ временъ Очаковскихъ. Дѣйствія и здѣсь не много: но для насъ довольно уже, что мы имѣемъ наслажденіе провесть нѣсколько минутъ въ походной ставкѣ *великолѣпнаго Князя Таврическаго*, подъ стѣнами Очакова.

Съ сей же точки зрѣнія не льзя отказать въ занимательности и *Андрею Безымянному*. Какъ художественное созданіе, повѣсть сія весьма незначительна. Въ ней сдавлено слишкомъ много произшествій, кои, не имѣя простора въ тѣсныхъ рамахъ повѣсти, сталкиваются другъ съ другомъ театральными случайностями, ро-

манническими внезапностями старинной школы. Но какъ вѣрный очеркъ Русскаго быта во времена Петровы, она имѣетъ достоинство. Конечно, въ ней нѣтъ никакихъ собственно новыхъ подробностей: но замѣчательно, что многіе характеристическіе анекдоты, давно читаемые по Французски и по Нѣмецки, здѣсь въ первый разъ высказаны по Русски. Слогъ повѣсти изобличаетъ мастера писать; но не рѣдко пестрится галлицизмами.

Гораздо высшее, во всѣхъ отношеніяхъ, значеніе имѣютъ *Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки*. Здѣсь очаровательная поэзія Украинской народной жизни представлена во всемъ неистощимомъ богатствѣ родныхъ неподдѣльныхъ прелестей. *Рудый Панько* владѣетъ кистью смѣлою, роскошною, могущественною. Его картины кипятъ жизнью. Вторая часть *Вечеровъ* вполнѣ достойна первой. Замѣтимъ въ ней особенно *Странную Месть*, старинную быль. Здѣсь рѣшается задача, до какой высокой степени можетъ быть поэтизирована Славянская народная фантазмагорія!

Повѣсти Погодина не могутъ быть подведены подъ одну категорію. Онѣ весьма разнообразны. Изъ нихъ нѣкоторыя, какъ н. п. *Черная Немочь* и *Невѣста на Ярмаркѣ*, коей послѣднюю часть составляетъ *Счастіе въ Несчастіи*, отъ простыхъ народныхъ сценъ переходятъ къ усиліямъ рѣшить важнѣйшія задачи умственнаго и нравственнаго человѣческаго организма. *Адель* и *Сокольницкій Садъ* можно назвать біографическими записками сердца. Но особенное располо-

женіе *Г. Погодинъ*, кажется, имѣетъ къ *народной* повѣсти. Поприще прекрасное! У *Г. Погодина* нѣтъ недостатка въ средствахъ, быть вѣрнымъ живописцемъ Русскаго народнаго быта. Разработывая лоно Русской старины, онъ долженъ сжиться и свыкнуться съ духомъ, который, не умирая, вѣетъ во всѣхъ движеніяхъ нашей народной жизни. Его Русская душа умѣетъ понимать и цѣнить все Русское. Но справедливость требуетъ замѣтить, что его лучшія народныя повѣсти доселѣ изобличаютъ какую-то небрежность и неоконченность. Русская народная рѣчь, которою онъ владѣетъ легко и свободно, упадаетъ иногда до тривіальности. Это недостатокъ, происходящій безъ сомнѣнія отъ недосмотра, слѣдовательно легко исправимый. Мы замѣчаемъ это потому, что надѣемся отъ *Г. Погодина* многаго для Русской повѣсти.

VI.

ПРОЦЕССЪ

ФРИДРИХА БЕНУА

ВЪ ПАРИЖѢ.

(Іюль 1832.)

Гласность судопроизводства, съ давнихъ временъ существующая въ Англіи и теперь составляющая одно изъ главныхъ составныхъ началъ политическаго организма Франціи, обогатила исторію человѣчества многими важными, поучительными фактами. Жизнь, это бездонное море, таящее въ недосягаемой глубинѣ своихъ нѣдръ столько дивныхъ, часто ужасныхъ, но всегда назидательныхъ чудесъ, предъ лицемъ судилища обнажаетъ свои сокровеннѣйшія таинства. Лѣтописи преступленія можно назвать тайными записками человѣческой природы.

Процессъ, который мы намѣрены здѣсь представить по оффиціальнымъ документамъ, въ нынѣшнее лѣто занималъ собой всю читающую Европу. Открытіе тайной связи между двумя преступленіями, совершенными въ разныхъ мѣстахъ, въ разныя времена, облекало ужасъ истины поэтической занимательностью. Перстъ небеснаго правосудія, бдящій надъ злодѣяніями, обнаруживается здѣсь новымъ торжественнымъ опытомъ, утѣшительнымъ для вѣры въ Провидѣніе. Формы судопроизводства, изобличившаго сіи преступленія, по-

казываютъ, до какой степени доведена сія вѣтвь государственнаго устройства во Франціи.

1829 года Ноября 3 дня утромъ, Г. Бенуа, мирный судья въ Вузье, уѣхалъ изъ города на мѣльницу, находившуюся въ 4 миляхъ отъ города; ему надлежало возвратиться на другой день.

Въ отсутствіе его, дома оставались только Гжа Бенуа съ сыномъ Фридрихомъ и племянницей Луизой Фёшеръ, которая исправляла у ней должность служанки.

Гжа Бенуа спала въ темномъ кабинетѣ нижняго жилья; изъ сего кабинета былъ потаенной выходъ въ столовую, а изъ сей послѣдней въ другую спальню, въ которой имѣлись два окна со ставнями, запиравшимися изъ-внутри; окна сіи были обращены на городскую площадь. Тутъ же между окномъ и каминомъ находился шкапъ, а съ другой стороны альковъ съ постелью, возлѣ сего алькова дверь въ кабинетъ, гдѣ спала Гжа Бенуа. Потаенный выходъ, о коемъ говорено, отдѣлялъ кабинетъ сей отъ кухни, въ коей находилась постель Луизы Фёшеръ, на разстояніи почти девяти футовъ отъ постели ея тетки. Фридрихъ занималъ комнату во второмъ этажѣ почти надъ самымъ помѣщеніемъ двоюродной сестры своей, упомянутой Луизы Фёшеръ.

Какъ будто въ слѣдствіе предчувствія, Гжа Бенуа заперла окна старательнѣе обыкновеннаго. Примѣтивъ, что крючокъ на одномъ ставнѣ легко снимался, она привязала его снуркомъ, вѣроятно для того, дабы онъ могъ сопротивляться усиліямъ, дѣлаемымъ снаружи, посредствомъ трясе-

нія ставня. Сіе окно было то, возлѣ коего находился шкапъ со столовымъ бѣльемъ.

Въ нижней части сего шкапа находилась шкатулка съ деньгами, между прочимъ съ мѣшкомъ, въ коемъ содержалось 6,000 франковъ золотомъ. Но о существованіи сей шкатулки и назначеніи ея не зналъ никто, ниже конторщикъ Г. Бенуа, равно какъ и Сусанна Форжетъ, бывшая въ семъ домѣ служанкой въ теченіе года.

Во время отсутствія мужа своего Гжа Бенуа имѣла предосторожность класть иногда ночью мѣшокъ съ золотомъ къ себѣ подъ подушку.

Въ теченіе года, проведеннаго Сусанною Форже у Г. Бенуа, два раза случалось ей замѣчать, что Гжа Бенуа забывала въ постелѣ мѣшки съ серебромъ и золотомъ; она тотчасъ увѣдомляла о томъ Гжу Бенуа, которая и прибирала деньги. Около 12 часовъ, въ ночь, послѣдовавшую за отъѣздомъ Г. Бенуа, съ 8 на 9 Ноября, Доссеро, лѣкарь живущій въ домѣ, прилегающемъ къ дому Г. Бенуа, былъ разбуженъ крикомъ Фридриха, который звалъ его со стороны двора. Онъ всталъ съ поспѣшностію и думая, что у сосѣда его пожаръ, разбудилъ брата своего Доссеро - Сорле, съ коимъ жилъ вмѣстѣ. Сей послѣдній вышелъ первый въ рубашкѣ и встрѣтилъ у двери Фридриха, который сказалъ ему: „скорѣе, насъ обокрали, воры у насъ!“ Оба побѣжали къ дому; Фридрихъ, входя въ комнату, закричалъ: „воры выскочили въ окно, не видали ли вы ихъ? — Я видѣлъ женщину; вотъ она бѣжитъ по площади!“ — Доссеро выскочилъ

на улицу, осмотрѣлъ площадь, но не видя никого, хотя луна была въ полномъ сіяніи, возвратился домой, одѣлся и чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ опять.

Въ то время какъ Доссеро выходилъ изъ дома Бенуа, братъ его лѣкарь входилъ въ оный. Фридрикъ сказалъ ему: „Г. Доссеро, насъ обокрали.“ Доссеро начиналъ уже дѣлать поиски въ домѣ, какъ Фридрикъ прибавилъ: „Г. Доссеро, да кликните маминьку.“ Доссеро кликнулъ два раза Гжу Бенуа и не получивъ отвѣта, спросилъ, гдѣ она спитъ: „вотъ здѣсь!“ сказалъ Фридрихъ, указывая на темный кабинетъ. Доссеро отворилъ дверь и при свѣчѣ, которая была у него въ рукѣ, увидѣлъ на постелѣ тѣло Гжи Бенуа и полъ улитый кровью. Онъ отступилъ, воскликнувъ: „какой ужасъ! другъ мой, твоя мать зарѣзана!“ и бросился требовать помощи.

Сосѣди сбѣжались толпою; мѣстное начальство, полицейскіе чиновники и лѣкаря явились на мѣсто преступленія и освидѣтельствовали все подробно.

По предположеніямъ лѣкарей, Гжа Бенуа уже съ часъ лишена была жизни; смерть по видимому настигла ее во время сна, ибо не было замѣтно никакого безпорядка въ постелѣ, на коей она лежала. Она находилась въ положеніи заснувшей особы и съ перваго взгляда тѣло ея не представляло никакого слѣда поврежденія; но когда подняли голову, склоненную нѣсколько къ груди, то увидѣли весьма большую рану, простиравшуюся на передней и боковой части шеи, длиною въ 7, глубиною въ $2\frac{1}{2}$

дюйма; сія рана, весьма рѣзкая, долженствовала быть слѣдствіемъ удара, нанесеннаго орудіемъ острымъ, хорошо направленнымъ, находившимся въ рукѣ твердой, за коимъ смерть непосредственно должна была слѣдовать, такъ что жертва не могла ни разу крикнуть, ибо дыхательное горло было совершенно перерѣзано и не имѣло уже сообщенія со ртомъ.

На подушкѣ находилась фланелевая юбка, очень намоченная кровью, хотя по видимому кровь не могла брызнуть въ эту сторону. Предположили, что убійца, нанеся смертельный ударъ, употребилъ эту юбку, для закрытія головы Гжи Бенуа, дабы она не закричала.

Въ спальнѣ одно изъ оконъ, обращенныхъ на площадь, и ставень его, были открыты, хотя по словамъ Фридриха, самъ онъ съ матерью, вечеромъ заперъ ихъ и Гжа Бенуа сверхъ того привязала снуркомъ крючокъ ставня, который легко выходилъ изъ петли. Одно изъ стеколъ окна было разбито въ верхнемъ углу: отверстіе составляло въ длину 6 дюймовъ, а въ ширину 3; края его были усѣяны острыми обломками стекла; оно было такъ узко, что весьма казалось труднымъ просунуть сквозь него руку, не изрѣзавшись.

Шкапъ, находившійся въ той же комнатѣ, былъ отпертъ; шкатулка, придѣланная къ низу сего шкапа, разломана, и изъ ней похищена сумма 6,000 фр. золотомъ, заключавшаяся въ мѣшкѣ, который Г. Бенуа положилъ въ сію шкатулку предъ своимъ отъѣздомъ. Другой мѣшокъ съ 2,000 фр. серебромъ, нѣсколько серебря-

ной посуды и бѣлье, вынутые изъ того же шкапа и шкатулки, были брошены на полу, гдѣ и нашли ихъ первые свидѣтели. Дверь съ улицы была заперта, замокъ находился въ цѣлости и ключь всунутъ въ замокъ извнутри; постель въ альковѣ той комнаты, гдѣ покража совершилась, была нѣсколко измята. Замѣтили съ удивленіемъ, что въ сей комнатѣ небыло никакимъ слѣдовъ ни грязи ни крови, хотя злодѣи, пришедшіе извнѣ, неминуемо должны были проходить чрезъ сію комнату для того, чтобы войти въ кабинетъ Гжи Бенуа и возвратиться изъ него. Не замѣтно было также никакихъ слѣдовъ прохожденія ихъ ни на внутренней, ни на наружной части открытаго окна. Наконецъ ничто не доказывало, чтобы они совершили кражу и убійство при огнѣ.

Фридрихъ, будучи на другой день допрошенъ, показалъ: что наканунѣ, онъ, мать его и Луиза Фёшеръ, легли спать около половины девятаго часа; что въ 10 часовъ, чувствуя себя нездоровымъ сходилъ онъ внизъ, спросилъ у двоюродной сестры своей ключь отъ шкапа, въ коемъ находился сахаръ, (того самаго, изъ котораго украдены 6,000 фр. золотомъ) что взялъ ключь сей на каминѣ, разогрѣлъ въ кухнѣ воды, не зажигая свѣчи, выпилъ воду, разведя въ ней сахаръ, и пошелъ на верхъ, оставивъ ключи въ замкѣ шкапа; что онъ не затворялъ дверей, дабы не разбудить скрипомъ ихъ матери; что около полуночи глухой крикъ Г. Бенуа разбудилъ его; думая, что она видѣла дурной сонъ, какъ то съ нею часто случалось, онъ всталъ поспѣшно и надѣвъ чулки и нижнее платье, сбѣжалъ внизъ,

клича нѣсколько разъ свою мать; что въ сіе время услышалъ онъ звукъ, подобный происходящему отъ усилій, дѣлаемыхъ человѣкомъ, котораго рветъ; что сошедши, увидѣлъ при входѣ въ комнату, гдѣ бралъ сахаръ, открытое окно, разбросанныя вещи, и пораженный страхомъ побѣжалъ въ кухню, кликалъ мать свою изо всѣхъ силъ и велѣвъ Луизѣ держать дверь, бросился на дворъ, откуда позвалъ братьевъ Доссеро, послѣ чего, отворяя дверь съ улицы, увидѣлъ женщину разутую, бѣгущую по площади въ направленіи къ дому Г. Марнике. Онъ прибавилъ, что извѣстился о убіеніи матери своей, только по восклицанію лѣкаря Доссеро.

Луиза Фёшеръ объявила съ своей стороны, что легла въ 9 или 9½ часовъ, взявши свѣчку отъ Гжи Бенуа, которая уже находилась въ постелѣ. Она прибавила, что не слыхала никакого шума, до той минуты, какъ разбудилъ ее Фридрихъ, соскочивъ съ постели; тогда ей показалось, что кто-то бѣжитъ, что Фридрихъ, отперевъ дверь на улицу, сказалъ ей, что онъ сію минуту видѣлъ женщину, бѣжавшую къ дому Г. Марнике; что послѣ сего взошла она въ комнату, гдѣ учинилась покража; что Фридрихъ просилъ ее нѣсколько разъ кликнуть мать его; что она тщетно звала ее; послѣ чего подошедъ къ кабинету, увидѣла бездушное тѣло тетки своей и вскрикнула: „Боже мой, она мертва!“ что когда она выходила, Г. Доссеро вошелъ въ кабинетъ. Существованіе шкатулки, которую сломали, и обыкновеніе Г. Бенуа класть въ нее деньги, не были извѣстны никому постороннему, ни-

же домашнимъ. Но Фридрихъ и Луиза знали о шкатулкѣ и ея назначеніи. Они сознались въ томъ. Фридрихъ объявилъ, съ перваго раза, что украдено отъ 5 до 6,000 фр. золотомъ; онъ прибавилъ, что отецъ его наканунѣ своего отъѣзда, взялъ 1,500 фр. серебромъ. Г. Бенуа, возвратившійся послѣ сихъ показаній, объявилъ, что точно предъ отъѣздомъ взялъ 1,500 фр., но не думалъ, чтобы кто нибудь зналъ о томъ, ибо удалялся для сощитанія ихъ въ заднюю комнату.

Соображая всѣ сіи произшествія, необходимо надлежало предположить: вопервыхъ, что виновные въ сихъ двухъ преступленіяхъ знали совершенно обитателей дома и порядокъ обыкновенно въ немъ соблюдаемый; вовторыхъ, что если не совсѣмъ не возможно, то по крайней мѣрѣ весьма трудно было открыть извнѣ ставень, который запирался из-внутри и котораго крючекъ былъ сверхъ того прикрѣпленъ снуркомъ; втретьихъ, не понятно, какимъ образомъ ни Фридрихъ, ни Гжа Бенуа, ни Луиза, не могли услыхать, какъ воры отпирали чрезъ узкое отверстіе въ стеклѣ задвижку рамы, разбили стекло, открыли раму, вошли въ комнату, отперли шкапъ, изломали шкатулку; вчетвертыхъ, отъ чего не осталось никакихъ слѣдовъ или орудій злодѣянія ни извнѣ, ни внутри дома; впятыхъ, какую выгоду могли найти чужіе воры въ томъ, чтобъ убить Гжу Бенуа, когда они по видимому безпрепятственно обокрали ее? Всѣ сіи обстоятельства должны были возбудить подозрѣнія начальства на счетъ двухъ лицъ,

остававшихся въ сію несчастную ночь съ Гжею Бенуа и давшихъ столь неудовлетворительный отчетъ о необыкновенныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ сіе злодѣяніе, равно какъ и о собственномъ ихъ поведеніи.

Однакожъ Фридрихъ и Луиза не обратили на себя вниманія правительства, изумленнаго ужасомъ преступленія, коего виновниковъ оно отыскивало. Судьи города Вузье знали Фридриха съ хорошей стороны, и не могли подумать, чтобъ этотъ молодой человѣкъ, едва имѣвшій 17 лѣтъ отъ роду, могъ сдѣлаться виновнымъ въ кражѣ, совершенной посредствомъ матереубійства. Имъ также не приходило въ голову, чтобъ Луиза Фёшеръ, также семнадцати-лѣтняя дѣвушка, принятая въ домъ тешкою, осыпанная ея благодѣяніями, могла участвовать въ столь ужасномъ злодѣяніи.

Мысль, что злодѣи пришли извнѣ, подтверждалась еще найденнымъ въ трехъ чутахъ отъ открытаго окна деревяннымъ крюкомъ, посредствомъ коего, какъ думали, можно было отпереть ставень. Г. и Гжа Бенуа имѣли трехъ сыновей, изъ коихъ первый служитъ въ судѣ и пользуется заслуженнымъ уваженіемъ. Сначала подозрѣвали втораго, по имени Августа, по причинѣ худаго поведенія его; сей послѣдній жилъ тогда въ Реймсѣ. Но по собраннымъ справкамъ, оказалось, что этотъ молодой человѣкъ не былъ въ отлучкѣ изъ Реймса въ то время, когда преступленіе совершилось.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, Г. Бенуа получилъ письмо, съ ложной подписью, въ коемъ грозили убить его. Узнали почеркъ одного Лабова, мясника, имѣвшаго собственность въ Вузье; его взяли подъ стражу; онъ сознался, что дѣйствительно писалъ сіе письмо, а какъ было извѣстно, что онъ проигралъ много тяжебъ въ Мирномъ Судѣ (justice de paix) и что былъ за то въ большой досадѣ на Г. Бенуа, то и не имѣли никакого сомнѣнія, чтобъ онъ не былъ виновникомъ убійства его жены.

Генерал-Прокуроръ Мецскаго Суда, потребовалъ, чтобъ было произведено новое слѣдствіе по сему дѣлу, и чтобъ Лабовъ былъ допрошенъ.

Важныя обстоятельства свидѣтельствовали противъ него. Одна женщина, по имени Мальваль, бывшая въ числѣ свидѣтелей, объявила: что проходя нѣсколько разъ, часу во второмъ ночи, мимо дома Лабова, видѣла его въ рубашкѣ; что онъ у ней спрашивалъ, что случилось, и услышавъ отъ ней о произшедшемъ, вдругъ ушелъ и чрезъ нѣсколько минутъ явился съ женой въ домѣ Гжи Бенуа.

Другой свидѣтель показалъ: что почти въ половинѣ втораго часа ночи, онъ видѣлъ, человѣка въ бѣломъ колпакѣ и сѣрой куртке, который бродилъ вокругъ дома Бенуа и наконецъ убѣжалъ. На Лабовѣ точно была сѣрая куртка; всѣ сіи обстоятельства казалось служили вѣрнѣйшими уликами несчастнаго мясника. Онъ оправданъ былъ Арденскимъ Судомъ, по

причинѣ рѣдкаго и почти чудеснаго раздѣленія присяжныхъ голосовъ *шести* противъ *шести*.

Такое оправданіе не могло однако разсѣять подозрѣнія. Одинъ изъ судей рѣшительно сказалъ женѣ Лабова: „мужъ твой хотя и оправданъ, но онъ виноватъ!“

Лабовъ спасся отъ казни, но не получилъ свободы; его отослали въ Исправительную Полицію за то, что онъ написалъ письмо съ ложною подписью, въ коемъ грозился убить Г. Бенуа, за что̀ и былъ осужденъ на пятилѣтнее заключеніе въ тюрьму, послѣ чего опредѣлено отдать его на десять лѣтъ подъ надзоръ Полиціи.

Между тѣмъ какъ Лабовъ претерпѣвалъ сіе наказаніе въ Клервосской тюрьмѣ, случилось происшествіе, которые бросило новый свѣтъ на сіе ужасное преступленіе.

1832 года, Іюля 21 дня, въ 11 часовъ вечера, два молодые человѣка явились въ Версали, на улицѣ Помпъ, прося ночлега въ гостинницѣ *Бани* (de Bains). Имъ отказали по причинѣ поздняго времени. Они отправились къ Шеврё винопродавцу; Шеврё, который не имѣлъ комнатъ для ночлега, отвелъ ихъ къ Вуазеню, въ той же улицѣ Помпъ. Здѣсь записались они одинъ подъ именемъ писца Парижскаго Нотаріуса, Іоанна Франциска Клемана, 18 лѣтъ, другой подъ именемъ Николая Оберта, 20 лѣтъ, чиновника таможеннаго, рожденнаго и живущаго въ Парижѣ.

На другой день утромъ, между пяти и шести часовъ, они возвратились въ гостинницу Бани, содержимую Жоберомъ, и жалуясь, что у Вуазеня на могли заснуть по причинѣ кло-

повъ, требовали комнаты; ихъ отвели въ 8 N0.

Сей N0 смѣженъ съ 7 N0, и имѣетъ двѣ двери, одну въ корридоръ, а другую въ упомянутый 7 N0. Войдя въ комнату одинъ изъ молодыхъ людей легъ на диванъ, а другой на постель. Въ полдень одинъ вышелъ, удалился спокойно и не пришелъ опять. Въ 7 часовъ вечера Жоберъ послалъ въ номеръ человѣка спросить у оставшагося, не имѣетъ ли онъ въ чемъ надобности. Слуга стучалъ и кликалъ безполезно, наконецъ пошелъ чрезъ 7 N0 и нашелъ трупъ зарѣзаннаго молодаго человѣка.

Трупъ лежалъ на полу въ трехъ футахъ отъ двери въ корридоръ, спиной къ стѣнѣ съ сей стороны. На горлѣ была у него рана въ 5 дюйма глубиной и $7\frac{1}{2}$ длиной. На щекахъ, губахъ и даже на мѣстахъ головы, покрытыхъ волосами, нащитано 16 ранъ, нѣкоторыя крестъ на крестъ, на указательномъ пальцѣ правой руки порѣзъ въ нѣсколько линій и на лѣвомъ боку багровое пятно, произшедшее повидимому отъ сильнаго давленія колѣномъ. На воротникѣ несчастнаго были съ обѣихъ сторонъ весьма ровные и довольно длинные разрѣзы.

По глубинѣ раны на шеѣ и пятну на боку, заключили, что первый ударъ былъ нанесенъ убитому во время сна его на диванѣ. Рана на горлѣ хоть смертельная, не могла однакожъ, по мнѣнію лѣкарей, воспрепятствовать несчастному сопротивляться убійцѣ, встать и ходить нѣсколько минутъ; но онъ не могъ уже издать ни малѣйшаго крика по причинѣ совершеннаго

разсѣченія дыхательнаго горла. Люди гостинницы также не слыхали ничего въ сей комнатѣ, что бы могло внушить подозрѣнія.

Полъ, мебели, даже стѣны во многихъ мѣстахъ были замараны кровью. Подушка и тюфякъ дивана были ею напитаны; она находилась на занавѣсѣ постели и на подошвахъ умершаго.

Нашли на полу, на занавѣси, на одѣялѣ, на ночномъ столикѣ, небольшіе клочья волосъ, вырванные изъ головы убитаго.

На одѣялѣ и занавѣси замѣтили кровавыя полосы; повидимому убійца обтиралъ послѣднее орудіе свое, котораго впрочемъ тщетно искали: одѣяломъ же вытеръ онъ сапоги свои. Нижняя часть занавѣса была смята, замочена чѣмъ то желтымъ, издающимъ запахъ... Изъ чего заключили, что убійца вымылъ... руки и обтеръ ихъ объ занавѣсъ. Дѣйствительно люди не поставили воды, и начальство взойдя нашло на диванѣ горшокъ и въ немъ немного... съ кровью.

На постелѣ нашли согнутой листъ бѣлой почтовой бумаги, въ которомъ по видимому было завернуто нѣчто четвероугольное, длиною въ 6 дюймовъ и шириною въ 10 или въ 12 линій. Попробовали завернуть въ такую же точно бумагу футляръ съ двумя бритвами, и складки оказались точно такія же какъ у найденной бумаги.

Засвидѣтельствовали наконецъ, что дверь въ коридоръ была заперта и ключь унесенъ, хотя было сказано молодымъ людямъ, чтобы они, если пойдутъ, ключь оставили у привратника. У убитаго не найдено никакихъ бумагъ, по коимъ можно бъ было узнать кто онъ такой. Сви-

дѣтели Версальскіе могли только показать, что сей убитый одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые наканунѣ были у Жобера, потомъ у Шёврё, наконецъ у Вуазеня, у котораго ночевали, послѣ опять у Жобера, гдѣ занимали 8 No. Тѣло перевезли въ Парижъ, выставили въ Моргѣ (la Morgue), гдѣ наконецъ узнали, что это былъ семнадцатилѣтній Александръ Формажъ, сынъ винопродавца въ Валетшѣ.

Вскорѣ узнали, что сей молодой человѣкъ имѣлъ развратныя связи съ Фридрихомъ Бенуа, который по смерти матери своей нѣсколько разъ и не на короткое время пріѣзжалъ въ Парижъ. Узнали также, что 21 Іюля Формажъ говорилъ съ Бенуа нѣсколько часовъ въ Палерояльскомъ саду и объявлялъ намѣреніе свое ѣхать въ тотъ же день съ другомъ своимъ Бенуа въ Версаль.

Узнали, что Фридрихъ живетъ въ гостинницѣ на улицѣ Ж. Ж. Руссо. Его арестовали 25 Іюля. Будучи допрошенъ, онъ сознался, что имѣлъ связи съ Формажемъ, но не взирая на противныя утвержденія свидѣтелей, говорилъ, что не видался съ нимъ около двухъ мѣсяцевъ, и утверждалъ, что онъ со всѣмъ не былъ въ Версали 21 Іюля.

Доказано по слѣдствію, что обвиняемый съ 21 на 22 Іюля не ночевалъ въ квартирѣ своей на улицѣ Ж. Ж. Руссо. Онъ сознается самъ, что не ночевалъ около этаго времени, но не знаетъ опредѣлительно, въ которую ночь. Когда отъ него настоятельно требовали, чтобъ онъ сказалъ, какъ провелъ эту ночь, то онъ давалъ

объясненія ложныя или противорѣчащія, отъ коихъ въ послѣдствіи отчасти отперся; замѣшательства и безпорядка отвѣтовъ своихъ иначе объяснить онъ не могъ, какъ тѣмъ, что имѣетъ причины не объявлять начальству, какъ провелъ эту ночь.

Въ Моргѣ (la Morgue) Фридрихъ не узналъ трупа своего друга и оказалъ ужасное равнодушіе. Ему сказали, что онъ блѣднѣетъ; онъ заспорилъ противъ того, и требовалъ чтобы въ протоколѣ не было о томъ упомянуто. Одинъ изъ свидѣтелей замѣтилъ, что очень естественно быть ему Бенуа тронутымъ при видѣ друга, такъ ужасно зарѣзаннаго, когда самъ онъ (свидѣтель) чувствуетъ себя весьма разтроганнымъ. . „Дайте этому господину стаканъ воды! онъ упадетъ въ обморокъ!“ отвѣчалъ холодно и насмѣшливо Фридрихъ.

На другой день, послѣ того какъ онъ былъ взятъ, его отвезли въ Версаль и привели въ комнату, гдѣ совершилось убійство. Тамъ освидѣтельствовали его три лѣкаря. На большихъ пальцахъ обѣихъ рукъ найдены у него легкія раны, учиненныя острымъ орудіемъ, а на кожѣ лѣвой ноги небольшую царапину. Обвиненнаго раздѣли, подвели къ дивану (на коемъ по видимому спавшій былъ убитъ), велѣли положить правое колѣно на тюфякъ дивана; и нашлось, что горизонтальная перекладина дивана совершенно соотвѣтствовала вышинѣ царапины, на лѣвой ногѣ находившейся.

Черновыя письма, найденный въ бумагахъ Формажа, подкрѣпили сильно возникшія подозрѣнія. Въ одномъ изъ сихъ писемъ, писанномъ изъ Парижа, отъ 2 Іюля 1831 года, къ Фридриху, находившемуся тогда въ Вузье у отца, Формажъ настоятельно требуетъ отъ него 150 франковъ, въ коихъ имѣлъ нужду. Онъ угрожаетъ ему, что если не получитъ сихъ денегъ черезъ недѣлю, то поѣдетъ самъ въ Вузье и откроетъ роднымъ и знакомымъ его *тайну*, *злодѣяніе*, которое ему такъ нужно скрывать.

Сіе письмо показывало, что Формажъ узналъ или по довѣренности или случайно тайну, коей открытіе могло быть пагубно для Фридриха. Если письмо было (какъ и надобно по всему думать) переписано и послано по адрессу, то онымъ объяснялось возвращеніе Фридриха въ Парижъ, его разговоръ съ Формажемъ въ Палерояльскомъ саду, поѣздка въ Версаль и убійство, бывшее нужнымъ для безопасности виновнаго. Между тѣмъ какъ правосудіе собирало справки по сему дѣлу, Лабовъ объявилъ изъ Клервоской тюрьмы, что обвиняетъ Фридриха Бенуа въ матереубійствѣ и желаетъ быть доносчикомъ по сему дѣлу.

Декабря 16 1831 года, Парижскій Судъ вытребовалъ къ себѣ оба дѣла. Производство ихъ дополнило изобличеніе Бенуа. Обвинительный актъ, составленный въ судѣ, объявилъ несомнительнымъ, что онъ былъ убійцею матери своей, равно какъ своего друга. Письмо Формажа отъ 2 Іюля изобличаетъ первое злодѣяніе и причи-

ны втораго. И то и другое были совершены одинакими средствами, съ тѣми же предосторожностями, и многія обстоятельства ихъ сходны.

Свидѣтели изъ Вузье, будучи снова допрошены, объявили о такихъ обстоятельствахъ, которыя въ первомъ слѣдствіи не были въ виду, по причинѣ предубѣжденія, что злодѣи пришли извнѣ. Сіи обстоятельства доказываютъ, что убійство Гжи Бенуа было дѣломъ сына ея Фридриха и Луизы Фешёръ.

Другіе свидѣтели изъ Нанси объявили, что Фридрихъ, посланный въ сей городъ отцомъ, вскорѣ послѣ смерти Гжи Бенуа, дабы заниматься въ конторѣ Нотаріуса, издерживалъ очень много денегъ, что у него онѣ бывали въ большомъ количествѣ золотомъ.

Наконецъ узнали, что обвиняемый, пріѣхавъ въ Парижъ, вмѣсто того, чтобы по желанію отца заниматься въ конторѣ Нотаріуса, проводилъ время въ праздности, посѣщалъ игорные домы, развращалъ своей щедростью и посулами молодыхъ людей, съ коими предавался постыднѣйшему пороку; что онъ долго жилъ въ такихъ сношеніяхъ съ молодымъ Формажемъ, выдавая его за своего слугу; что Формажъ за нѣсколько времени предъ смертью объявилъ въ одномъ случаѣ, гдѣ честность его была въ подозрѣніи, что еслибы онъ былъ безчестнымъ человѣкомъ, то могъ бы воспользоваться 6,000 фран. золотомъ, находившимися у друга его Бенуа въ чемоданѣ, отъ коего ключь ему былъ довѣренъ. У Гжи Бенуа, въ ту ночь, когда она была убита, именно такая же сумма украдена золотомъ.

Въ Парижской квартирѣ Фридриха найденъ футляръ для двухъ бритвъ, изъ коихъ одной не было, и 2,400 фр. золотомъ, въ четырехъ свертцкахъ, обернутые журналомъ *Constitutionel*, на которой отецъ его подписывался; на журналѣ стояло число 26 Января 1828 года.

Фридрихъ утверждалъ, что сіе золото прислано ему отчасти отцемъ, отчасти же выиграно имъ самимъ въ карты. Но доказано, что въ игрѣ онъ постоянно проигрывалъ и не могъ получить отъ отца столь значительной суммы, особенно золотомъ.

Послѣ сего онъ рѣшился сказать, что чрезъ нѣсколько дней по смерти матери, нашелъ въ одномъ ящикѣ 1,800 фр. золотомъ, спрятанныхъ Гжею Бенуа, изъ коихъ безъ вѣдома отца взялъ 1,500 фр. Но сіе притворное сознаніе очевидно есть не что иное, какъ средство, употребленное обвиняемымъ для отвращенія другихъ важнѣйшихъ подозрѣній, которыя обладаніе симъ золотомъ на него навлекаетъ.

Между тѣмъ какъ отвсюду собирали доказательства противъ Фридриха, правосудіе узнало, что Луиза Фёшеръ умерла въ Парижѣ, спустя нѣсколько дней послѣ арестованія ея двоюроднаго брата. Она также оставила домъ дяди своего и пріѣхала въ Парижъ, гдѣ вела безпутную жизнь и умерла наконецъ 30 Іюля 1831 года въ тюрьмѣ Маделонетъ. Передъ смертью она часто изъявляла признаки глубокой горести и угрызенія совѣсти, коихъ причины узнать никто не могъ. Во время болѣзни, отъ коей она умерла, печаль ея увеличилась. Чувствуя приб-

лиженіе смерти, она созналась, ходившимъ за нею женщинамъ, *что по согласію съ двоюроднымъ братомъ своимъ убила тетку за* 6000 *франковъ*. Въ слѣдствіе всего вышесказаннаго, Николай-Фридрихъ-Теодоръ Бенуа обвиненъ:

1) что въ Ноябрѣ 1829 года убилъ добровольно и съ преднамѣреніемъ мать свою Полину Кардо Бенуа;

2) что въ Іюлѣ 1831 года убилъ добровольно и съ преднамѣреніемъ Александра Формажа.

Сіи злодѣянія предусмотрѣны статьями 13 и 302 Уголовнаго Кодекса.

Пренія о семъ дѣлѣ начались 11 Іюля 1832 года. Налицо собралось до 100 свидѣтелей.

(до слѣдующей книжки)

VII

НОВАЯ КЛАССИФИКАЦІЯ ЖИВОТНЫХЪ,

основанная

НА ОРГАНИЗАЦІИ ИХЪ ТѢЛА a).

Животными называются тѣла живыя, организованныя, чувствующія и произвольно движущіяся.

---

a) Составлена ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи и ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Испытателей Природы Вицепрезидентомъ Г. И. *Фишеромъ* и напечатана въ Bulletin de la Societè IMPERIALES Naturalistes de Moscou. Tom. III. Ann. 1831. p. 329 et sqq.

I. Однѣ изъ нихъ имѣютъ внутри тѣла спинный столбъ, составлённый изъ позвонковъ и соединенный съ черепомъ. Въ сихъ двухъ вмѣстилищахъ заключаются *спинный мозгъ* (въ позвоночномъ столбѣ) и *головный мозгъ* (въ черепѣ), дающія начала нервамъ чувствъ и произвольныхъ движеній. Сверхъ того въ нихъ находится особенная нервная система, извѣстная подъ именемъ узловатой, или нерва сочувственнаго, управляющаго дѣйствіями органовъ грудныхъ и брюшныхъ. Всѣ онѣ снабжены сердцемъ, кровеносными и пасочными сосудами и красною кровью. Полы у нихъ на разныхъ недѣлимыхъ. Эти животныя составляютъ одно большое отдѣленіе, извѣстное подъ названіемъ *позвоночныхъ* (spondylophora; spiniyertebralia — *Latreille*; vertebrata superiora — *Geoffroy*) и *кровеносныхъ* (hematophora — *Aristotelis*).

II. Другія, составляющія самую большую часть животныхъ, не имѣютъ ни суставчатаго скелета, ни мозга. Вмѣсто сего послѣдняго они снабжены *нервнымъ поясномъ*, окружающимъ пищепріемникъ (encephaloida — *Latreille*), нервными нитями и узлами, замѣняющими спинный мозгъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ есть кровеносная система, но съ раздѣльными сердечными желудочками, похожая по устроенію своему на подобную систему рыбъ и лягушекъ. Другія имѣютъ вдоль спины біющуюся жилу, которая замѣняетъ мѣсто сердца безъ артерій и венъ. Кровь у нихъ, выключая животныхъ кольчатыхъ, бѣлая; полы у многихъ находятся на разныхъ недѣлимыхъ, а у другихъ соединены въ одномъ и томъ

же недѣлимомъ. Животныя сіи называются *безпозвоночными* (aspondylophora).

Впрочемъ это отдѣленіе животныхъ опять можетъ быть раздѣлено на два разряда:

Первый составляютъ животныя, имѣющія мозгъ зачаточный (rudimentum encephali) и нервной пищепріемниковой узелъ — cephalidia, *Latreille*.

Второй животныя, у которыхъ нѣтъ и слѣда ни мозга, ни пищепріемниковаго узла — acephalaea, *Latreille*.

Такимъ образомъ, сдѣлавъ краткій обзоръ организаціи животныхъ, авторъ приступаетъ къ распредѣленію ихъ по классамъ, принявъ за главное основаніе классификаціи органы дыханія.

ЖИВОТНЫЯ.

I. позвоночныя.

A. *Лёгкимъ - дышущія* (pneumatopnunta) дышущія:

1. *Легкими*, свободно висящими въ грудной полости, имѣющія сердце двужелудочное и двуушковое; кровь красную и теплую.

a. *Живородящія* (vivipara).

I. млекопитающія (mammalia, L).

b. *Яйцеродныя* (ovipara).

Тѣло четырех-ногое, покрытое волосами.

II. птицезвѣри (metataxymera, *Fischer*. monotremata, *Geoffroy*).

2. *Легкими, приросшими къ ребрамъ.*

Тѣло двуногое, крылатое.

III. птицы (aves, L.)

3. *Легкими пузырчатыми.*

Сердце двужелудочное и двуушковое; кровь

красная и холодная; тѣло покрытое чешуями, черепомъ и превращенію не подверженное.

IV. гады (reptilia, L.)

Сердце одножелудочное и одноушковое; тѣло голое, подверженное правращенію.

V. лягушки (batrachia, *Merreni;* amphibia, *Latr. Blainv.*).

B. *Жабродышущія* (branchiopnunta), дышущія:

a. *Жабрами*, прикрѣпленными снаружи и непокрытыми жаберною крышкою.

VI. рыбокожія (ichthyodera, *Geoffr*).

b. *Жабрами* свободными, покрытыми жаберною крышкою.

VII. рыбы (pisces, L.)

II. БЕЗПОЗВОНОЧНЫЯ (aspondylophora).

A. *Жабродышущія.*

* *Безногія или съ ногами безсуставчатыми; тѣло покрыто епанчою* (слизняки), дышущія жабрами:

1. *Жабрами наружными, листоватыми, кистеобразными.* Тѣло, заключенное въ мѣшкообразной епанчѣ; сердце тройное, раздѣленное; голова снабжена щупальцами; глаза явственные. Полы на разныхъ недѣлимыхъ (особяхъ).

I. головоногія (cephalopoda, *Cuvier*).

2. *Жабрами наружными простирающимися вдоль спины.* Тѣло снабженное плава-

тельными перьями, сердце простое; голова зачаточная; полы соединены въ одномъ и томъ же недѣлимомъ.

II. пероногія (pteropoda, *Cuv.*).

3. *Жабрами перистыми и многораздѣльными, или посредствомъ внутренней сосудистой перепонки.* Голова снабжена щупальцами и глазами; на брюхѣ мясистый кружокъ, служащій вмѣсто ноги. Большая часть изъ нихъ заключена въ раковинѣ или только покрыта раковиною.

III. брюхоногія (gasteropoda, *Cuv.* peltocochlides, *Latr.*).

4. *Жабрами гребешкообразными лежащими подъ долями епанчи.* Тѣло заключенное въ двучерепной раковинѣ и прикрѣпленное или къ ножкѣ или къ нижнему черепу; два сердца. Щупальцы окружаютъ ротъ наподобіе губъ; они суть или волосообразныя или винтообразныя.

IV. руконогія (brachiopoda, *Cuv.*)

5. *Жабрами листовато-сѣтчатыми, лежащими подъ долями епанчи.* Тѣло свободное или прикрѣпленное, заключенное всегда въ двучерепной, а иногда въ многочерепной раковинѣ. Сердце одно.

V. раковиноносныя или черепоносныя (conchifera, *Latr.*),

6. *Жабрами внутренними, перепончатыми, заключающими въ себѣ кишки,*

какъ въ мѣшкѣ. Тѣло заключено во влагалищѣ или хрящеватомъ или студенистомъ. Два отверстія, одно жаберное (ротъ), а другое — порошица; желудочекъ начальственной артеріи (ventriculus aorticus) есть представитель сердца; снабжены нервною узловатою системою.

VI. асциди (ascidiae, *Savigny;* chitonophora, *Fisch.* tunicata, *Lam.*).

7. *Жабрами наружными бахрамистыми.* Тѣло безсуставчатое, короткое или нѣсколько длинное, очень часто поддерживаемое посредствомъ черешка; Вмѣсто ногъ имѣютъ суставчатые усы; Сердце имѣетъ положеніе подъ спиною; Покрышы дву-черепною или одно-черепною раковиною; Живутъ въ моряхъ.

VII. усоногія (cirrhipeda, *Lam.* strophota, *Fisch.*).

8. *Жабрами бахрамистыми, вѣтвистыми, лежащими или на боку тѣла, или въ срединѣ его.* Тѣло червеобразное, суставчатое свободное или прикрѣпленное; имѣютъ артеріи и вены; кровь красная; Нѣкоторыя изъ нихъ заключены во влагалищѣ, а другія голыя. Однѣ изъ нихъ живутъ на землѣ, а другія въ водѣ.

VIII. кольчатыя (annulata, *Cuv.*).

Ноги суставчатыя. Животныя подверженныя или только скидыванію кожи, или полному превращенію; суставчатоногія (condylopoda, *Latr.*):

9. *Дышущія жабрами дуго-вѣтвистыми.* Тѣло покрытое известковымъ черепомъ и снабженное не менѣе какъ десятью ногами; Голова и грудь сросшіяся между собою (cephalothorax, *Latr*); четыре усика; Сердце лежитъ подъ спиною; Половые органы двойные.

IX. РАКООБРАЗНЫЯ (crustacea, *Cuv.*).

B. *Трещинко-дышущія* (rhigmatopnunta). *Дышущія посредствомъ трещинокъ или продолговатыхъ скважинъ, или посредствомъ пузырьковъ устланныхъ внутри вѣтчатыми перепонками.* Имѣютъ подъ спиною сосудъ или сердце, заключенное въ мѣшечкѣ; при основаніи соединенія головы съ грудью или подъ брюхомъ находятся трещинки, числомъ отъ двухъ до десяти, служащія для дыханія. Ротъ вооруженъ рожками, похожими на рачьи клешни или щипце-образными усиками; наружныхъ челюстей нѣтъ, внутреннія кусальцеобразныя; голова соединена съ грудью; глазъ и глазокъ (ocelli) отъ двухъ до осьми; половые органы двойные.

X. ПАУКОПОДОБНЫЯ (arachnoida, *Lam.*).

B. *Дыхалодышущія* (stigmatopnunta). Дышущія посредствомъ круглыхъ или щочечныхъ отверстій (stigmata).

1. *Дыхалы, расположенныя рядомъ по краямъ тѣла.* Тѣло суставчатое, составленное изъ многихъ колецъ, къ ко-

имъ прикрѣплены ноги. Половые органы простые.

XI. многоногія (myriapoda, *Latr.* apigoroda, *Sav.*).

2. *Дыхала расположенныя по обоимъ бокамъ брюха.* Имѣютъ спинной сосудъ, но нѣтъ ни артерій, ни венъ; подвержены полному превращенію; тѣло въ совершенномъ состояніи шестиногое; половые органы простые.

XII. насѣкомыя (insecta, *Linn.*).

3. *Дыхала жаброподобныя заключенныя въ кожѣ.* Тѣло продолговатое или пузырчатое; живутъ внутри другихъ животныхъ.

XIII. глисты (enthelmintha, entozoa, *Rudolphi.*).

D. *Трубкодышущія* (siphonopnunta), *дышущія:*

1. *Посредствомъ трубочекъ короткихъ и усатыхъ.* Тѣло разнообразное; ротъ и порошица отдѣльныя; имѣютъ двѣ нервныя нити; половые органы на разныхъ недѣлимыхъ; живутъ въ наружныхъ частяхъ животныхъ водяныхъ, а наиболѣе на рыбахъ.

XIV. глистоподобныя (helminthogama, *Latr.* epizoaires, *Lam.* epizoa, *Fischer*).

2. *Посредствомъ трубочекъ пузырчатыхъ, вѣтвистыхъ, оканчивающихся подлѣ порошицы.* Тѣло свободное, оди-

нокое, продолговатое, цилиндрическое; ротъ окруженъ выпускными щупальцами.

XV. голотуриды (holothurida, *Latr*).

3. *Посредствомъ выпускныхъ трубочекъ расположенныхъ въ тѣлѣ симметрически.* Тѣло свободное, одинокое, покрытое известковымъ черепомъ.

XVI. твердокожія (echinodermata, *Latr*).

4. *Посредствомъ трубочекъ щупальцеобразныхъ.* Тѣло облечено кожистымъ покровомъ; сосудовъ нѣтъ.

XVII. цвѣтовидныя (helianthoida, *Latr.*).

5. *Посредствомъ трубочекъ придаточныхъ или посредствомъ прибавковъ, способныхъ для сосанія и для дыханія.* Животныя мягкія, одинокія, свободныя; тѣло кружковатое.

XVIII. жгучія (acalephae, *Cuv.*).

6. *Посредствомъ трубочекъ длинныхъ, винтообразныхъ.* Животныя поддерживаются однимъ или многими воздушными пузырями; состоятъ какъ бы изъ трехъ сортовъ щупальцевыхъ отростковъ, изъ которыхъ одинъ служитъ для питанія, другой для рожденія, третій для дыханія.

XIX. пузырчатыя (physeta, *Fisch.* acalephae hydrostaticae, *Cuv.*, *Latr.*).

E. *Кожедышущія* (dermatopnunta), *не имѣютъ явнаго органа дыханія; слѣдовательно кожа отправляетъ должность онаго.*

1. Животныя продолговато-тонкія, снабженныя *осьмью щупальцами*; жилище или домикъ, къ которому они прикрѣплены, есть *живый*, *органическій*; живущъ въ моряхъ.

xx. однодомныя (homothalami, *Fisch.* polypi tubuliferi, *Lam*).

2. Животныя продолговато-тонкія, снабженныя щупальцами, голыя или живущія въ домикахъ каменнисто-известковыхъ, или гибкихъ роговыхъ; живущъ нѣкоторыя въ сладкихъ водахъ, но большая часть въ моряхъ.

xxi. полипы (polypi, *Lam.*).

3. Животныя продолговато-тонкія или разнообразныя; *ротъ окруженъ волосками, находящимися въ круговращательномъ движеніи*; животныя наливчатыя.

xxii. круговертки (rotatoria *Ehrenberg.*).

4. Животныя мѣлкія, имѣющія тѣло многообразное, *ротъ голый* или окруженный *волосками*, который у весьма немногихъ находится въ покойномъ состояніи; животныя наливчатыя весьма мѣлкія, подверженныя измѣненіямъ.

xxiii. наливчатыя или безвидныя (amorphota, *Fischer*).

перев. А. Л. . . цкій.

NB. Разборъ сей системы *Г. Фишера* обѣщанъ нами *Г. Максимовичемъ*. *Изд.*

1832 N 18

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

РИМСКОЕ ПРАВО.

(Окончаніе.)

Развитіе законодательства извнутри самаго себя есть или обобщеніе или участненіе его положеній, и совершается подъ вліяніемъ политическихъ началъ, или всеобщаго разума. Перваго рода развитіе есть умноженіе количества положеній, происходящее отъ законодательной власти — *jus strictum;* втораго рода развитіе зависитъ отъ разума, котораго органомъ былъ преторъ — *vox viva juris civilis.* Должность претора Римскаго (urbanus) учреждена въ 389 году, и была дополненіемъ къ власти консульской; но потомъ, когда занятія консуловъ чрезвычайно размножились, то гражданская часть консула вся отошла къ претору. Вскорѣ одного претора было

недостаточно; посему дѣла иностранцевъ жившихъ въ Римѣ (съ 510 г.), поручены были претору иностранному (Praetor Peregrinus) a). Сей послѣдній, имѣя вѣдомство дѣлъ не Римскихъ, въ основаніе своихъ рѣшеній принималъ иностранные обычаи (jus gentium); отъ чего разумъ законодательствъ отъ часу болѣе уяснялся, а изъ сраженія противуположныхъ обычаевъ, изъ сравненія и соединенія ихъ постепенно отлагались общія правила, кои отъ частаго употребленія приобрѣли характеръ положительности и гласности. Сіе право иностраннаго претора имѣло благотворное вліяніе на самое Римское законодательство противуположеніемъ ему исторіи и теоріи законодательствъ. Сія свобода иностраннаго претора въ рѣшеніяхъ открыла обширное юридическое поприще Римскому претору. Сей послѣдній, будучи главнымъ

---

a) По мнѣнію Нибура, учрежденіе иностраннаго претора сдѣлано народомъ (plebs) для ослабленія могущества патриціевъ. До сего времени всѣ пришельцы, подобно Аѳинскимъ метекамъ, и отпущенники *per vindictam* должны были избирать патрона изъ патриціевъ, отъ чего число кліентовъ, а съ симъ вмѣстѣ и могущество патриціевъ, возрастало. Съ учрежденіемъ претора иностраннаго, который сдѣлался общимъ покровителемъ всѣхъ иностранцевъ, *clientela* должна была кончиться. Niebuhr, B. I. 660.

распорядителемъ судебныхъ дѣлъ, стоялъ въ средоточіи Римской практики, былъ зрителемъ судебныхъ преній между множествомъ судей и имѣлъ власть заключать ихъ своимъ приговоромъ (jurisdictio). Изъ сего слѣдовало, что онъ замѣчалъ недостатки формалитета и порядка въ употребленіи строгаго права; но какъ сіи недостатки часто не относились къ существу закона, притомъ обременять законодательную власть множествомъ докладовъ, казалось неудобнымъ: то преторъ принималъ въ пособіе право народовъ, а законодательная власть терпѣла сперва неважныя распоряженія, а потомъ и толкованія строгаго права. Однакожь онъ обязанъ былъ свои распоряженія сдѣлать гласными и при вступленіи въ должность выставить ихъ на доскѣ (in albo) подлѣ трибунала, чрезъ что они пріобрѣтали обязательную силу для него самаго и для текущихъ дѣлъ на цѣлый годъ, т. е. до окончанія его должности (leges annuae, edictum). Чѣмъ болѣе гражданскія дѣла размножались и дѣлались сложнѣе, тѣмъ болѣе власть претора возрастала. Онъ шелъ вровень съ своимъ вѣкомъ, вровень съ же-

ланіями народа а); посему всѣ его распоряженія нравились Римлянамъ тѣмъ болѣе, что злоупотребленія не могли вкрасться или держаться долѣе года по причинѣ безпрестаннаго надзора народныхъ трибуновъ, и наблюденія каждаго Римлянина б). Преторъ, по смѣлому истолкованію права, справедливо могъ назваться законодателемъ по праву гражданскому в). Онъ имѣлъ право смягчать строгое право, проникать въ цѣль закона, въ намѣренія частныхъ распоряженій, и изъ двухъ посылокъ строгаго права извлекать заключеніе, и всё сіе дѣлалъ *naturali aequitate motus.* Такимъ образомъ изъ права народнаго онъ извлекалъ для себя теорію положительныхъ законодательствъ, а изъ сихъ сама собою въ послѣдствіи возникла глубокая Римская философія *juris naturalis* г), основанная на безусловномъ развитіи коренныхъ юридическихъ истинъ у всѣхъ народовъ д).

а) Viva vox juris civilis. Marcian in L. 82. eodem.

б) Zimmern, B. I. 129.

в) Papinian in. L. I. VI. D. de s. et s. „Edicta praetoris (introducta sunt) adjuvandi vel supplendi vel corrigendi juris civilis gratia, propter utilitatem publicam."

г) Zimmern B. I. 45—51.

д) „Consensio omnium gentium lex naturae putanda est." Cic. Tuscul. L. I.

Каждый преторъ имѣлъ право отмѣнить годичный эдиктъ своего предшественника; но какъ въ сію должность избирались большею частію люди отличныхъ достоинствъ, то распоряженія преторскія пріобрѣтали собственный авторитетъ, и распространяли свою силу на дальнѣйшіе выборы. Каждый преторъ такимъ образомъ получалъ богатый запасъ распоряженій очищенныхъ, исправленныхъ, и отъ перехода отъ одного къ другому приобрѣтшихъ высокое достоинство внутреннее и внѣшнее. Сіе преторское право получило названіе права почетнаго (jus honorarium) и по превосходству права гражданскаго а).

До сихъ поръ видѣли мы, что Право Римское развивалось само изъ себя при пособіи преторской логики и теоріи естественной справедливости; но главная причина его достоинства заключается въ юриспруденціи б). Востокъ былъ отечествомъ религій, Греція родиной свободныхъ наукъ,

---

а) Кромѣ преторовъ, эдикты издавались курульными эдилами и начальниками гражданской части въ провинціяхъ.

б) См. Рѣчь Г. Цвѣтаева въ торж. собр. И. М. Унив. 1830 г.

Римъ является царствомъ правъ. Семена Римской юриспруденціи не принесены откуда-либо, а были самородными и туземными произрастеніями Римскихъ нравовъ; онѣ прозябали въ нравахъ, согрѣвались силою мышленія и напаялись всеобщимъ разумомъ. Римское Право, начиная отъ нѣсколькихъ десятковъ пословицъ, издающихъ запахъ Римскихъ очаговъ, оканчивается тремя милліонами параграфовъ (*στιχος*, Zeile), почти потерявшихъ исключительность и нетерпимость національнаго разумѣнія. Можетъ быть монета Петра Великаго не совершила до сего дня столько размѣновъ, сколько одна формула Ульціана перевезла на себѣ тяжбъ и критическихъ замѣчаній. Слѣды Римскаго ума вѣчны, неизгладимы, правила его несокрушимы, ибо они получили бытіе не въ кабинетѣ ученыхъ, не отъ одного лица, а на Римской площади, отъ цѣлаго народа. Юриспруденты Римскіе были только протоколистами всемірной Римской практики. Начало ихъ современно Риму, ибо каждый патрицій по долгу жреческаго званія былъ истолкователь и преподаватель права. Сіе обстоятельство должно почесть начальною причиною высокаго достоинства Римскаго Пра-

ва. Римское дворянство, которое всегда и вездѣ отличалось глубокою политическою мудростію, точно также какъ дворянство марціальное, всегда отличалось невѣжествомъ въ наукахъ, особенно въ правовѣденіи. Вотъ почему Римское Право имѣло весьма тѣсную связь съ религіею народа, а самое судопроизводство сходствовало съ богослуженіемъ! Признаки будущихъ юриспрудентовъ обозначались во первыхъ въ лицѣ Римскихъ патроновъ. Извѣстно, что они были кліентамъ аки отцы (quasi patres), составляли съ ними одно гражданское лице; посему можно представить, какъ часто имъ доводилось имѣть судебныя дѣла, и какъ необходимо было знать хорошо отечественные законы. Но патриціанское законовѣденіе, предоставленное самому себѣ, послужило бы къ затмѣнію правовѣдѣнія. Патроны, ходатайствуя предъ судомъ, представляли какъ бы монополію законоискуства къ совершенному вреду плебейскаго сословія а). Преданія имѣли сильный

а) Нибуръ *на* основаніи многихъ мѣстъ Тита Ливія (II. 64) и Діонисія Галикарнасскаго (VI, 57. 378. VI, 65,390), кліентовъ совершенно противуполагаетъ плебейскому сословію. Такъ во время удаленія плебейцевъ на Авентинскую гору, во время осужденія Коріолана и во многихъ другихъ случаяхъ

перевѣсъ предъ мышленіемъ. Но когда плебейцамъ удалось постановить иностраннаго претора, то чрезъ сіе дано средоточіе и крѣпкое стояніе народнымъ правамъ, коихъ сумма чрезвычайно возрастала отъ безпрестаннаго поступленія въ его вѣдомство иностранцевъ и отпущенныхъ на волю *per vindictam* a). Когда съ другой стороны Флавій и Элій Катъ ознакомили на-

---

патриціи всегда представляются въ сопровожденіи кліентовъ, часто вооруженныхъ и дѣйствующихъ по мановенію своихъ патроновъ. „*Irata plebs interesse consularibus comitiis noluit. Per patres clientesque patrum consules creati* (по куріямъ безъ плебейцевъ)". Tit. II, 64 III, 14, 16. Далѣе Нибуръ доказываетъ, что еслибъ кліенты были плебейцы, то не было бы нужды имъ требовать постановленія трибуновъ черни, никакъ не могли бы они подавать голоса противъ патриціевъ во вредъ или въ досаду своимъ патронамъ-патриціямъ, когда именно закономъ царскимъ и XII таблицами постановлено, что патронъ, дѣйствующій во вредъ кліента (и на оборотъ), да будетъ проклятъ! Отвергнувъ мнѣніе Нибура, мы не можемъ также изъяснить достоянной и упорной политики патриціевъ тщательно скрывать законы отъ плебейцевъ и всячески отдалять ихъ отъ законовѣденія. Niebuhr, B. I. 651—662. Въ позднѣйшія времена республики кліентами бывали иногда сами патриціи у богатыхъ и сильныхъ плебейцевъ для карьера службы, цари союзные, коихъ можно называть васаллами Римской республики, какъ бы получавшими инвеституру, „*ut servarent majestatem populi Romani*". Vico, 366.

a) Niebuhr B. I. 659—662. Dabelow. Röm. St. u. Recht. Gesch. 85.

родъ съ формою отечественнаго законодательства: то плебейской юриспруденціи открылось съ сихъ поръ блистательное поприще. Элій Катъ былъ ученикъ Тиберія Корунканія плебейца, перваго народнаго юриспрудента, который началъ публично преподавать правовѣдѣніе въ концѣ пятаго столѣтія отъ основанія Рима а). Циммернъ исторію юриспрудентовъ раздѣляетъ на три періода б). Въ первомъ періодѣ они являются совѣтниками (respondentes), составителями гражданскихъ актовъ (scribentes s. agentes) и остерегателями въ дѣлахъ (caventes); во второмъ писателями, для коихъ практика не была исключительнымъ занятіемъ юридическимъ; въ третьемъ періодѣ они являются профессорами правовѣдѣнія, преподаваемаго въ видѣ науки. Первый періодъ продолжается отъ Г. Корунканія до Августа. Исторія представляетъ Корунканія преподавателемъ; но здѣсь не должно разумѣть преподаванія въ видѣ систематическаго изложенія права, или лекціи, отдѣльной отъ практики. По свидѣтель-

---

а) Vico, 369.
б) Zimmern, B. I. 195.

стиу Понтонія, Корунканій даже ничего не писалъ, а только отвѣчалъ на запросы, или давалъ совѣты тѣмъ, кои приходили къ нему по своимъ дѣламъ. Главное отличіе юриспруденцовъ сего періода есть привязанность къ преданіямъ, въ слѣдствіе которой они совершали медленное практическое развитіе права, никогда не восходя на высоту философическаго зрѣнія, съ которой бы разумъ ихъ однимъ взглядомъ могъ обнять весь горизонтъ законодательства. Цицеронъ а), прославляя Римское Право, говоритъ, что авторитетъ Римскаго юриспрудента основывается не столько на глубокомъ знаніи законовъ, сколько на правотѣ его воли и благонамѣренности въ дѣлахъ согражданъ. Какъ жизнь первыхъ философовъ Греціи была не столько богата творческимъ мышленіемъ, сколько творческою волею въ дѣлахъ общежитія; такъ Юриспруденція Рима въ первомъ періодѣ была болѣе *justitia*, нежели *jurisprudentia*. Сей характеръ правоты, поддерживаемый величествомъ Рима, знаменитостію сана Римлянъ б), образовалъ

а) De Oratore, cap. XLV.

б) См. Рѣчь Г. Цвѣтаева, произнесен. въ торжественномъ собраніи И. М. Универ. 1830 г.

глубокій практическій такть, въ которомъ никто не можетъ равняться съ Римлянами. Юриспруденція въ семъ періодѣ составляла поэзію жизни ихъ великихъ людей, какъ въ послѣдствіи стоическая философія была пристанью гонимыхъ судьбою и утомленныхъ политическими бурями. Великій Римлянинъ отъ долговременныхъ трудовъ службы и жизни отдыхалъ подъ сѣнію Юриспруденціи. Въ это время они еще не привыкли удаляться въ безмятежныя виллы, а умирали публично, давая совѣты, отвѣтствуя, научая другихъ пользоваться благодѣяніями закона, ими же постановленнаго. Переведемъ слова Цицерона (de Oratore cap. XLV), которыя лучше всего объяснятъ намъ, какъ въ Римѣ смотрѣли на Юриспруденцію: „Какое убѣжище для старости почтеннѣе Юриспруденціи? что можетъ ее столько украсить, какъ не истолкованіе права? Еще въ молодости я заготовилъ себѣ этотъ драгоцѣнный запасъ, какъ для практическаго служенія, такъ и для украшенія старости; если силы мои ослабѣютъ — (и, кажется, уже приходитъ это время) — то я занятіемъ въ Юриспруденціи прогоню скуку и одинокость старости. Что можетъ быть

славнѣе, какъ отдавши долгъ честямъ и республикѣ, на старости лѣтъ имѣть право сказать о себѣ тоже, что у Эннія говоритъ Дельфійскій Аполлонъ (оракулъ), что отъ него ждутъ себѣ совѣта, если не народы и цари, то по крайней мѣрѣ его любезные сограждане.

Suarum rerum incerti, quos ego ope mea
Ex incertis certos, compotesque consili
Dimitto, ut ne res temere tractent turbidas.

Дѣйствительно, домъ юрисконсульта есть истинный оракулъ города; вотъ напримѣръ Кай Муцій а): у него двери всегда отворены, и не смотря на болѣзненную старость, онъ принимаетъ множество гражданъ и отличныхъ мужей." Вотъ понятіе о Юриспруденціи одного изъ величайшихъ геніевъ Рима! — Послѣ сего нельзя удивляться, почему Римское законодательство самъ же Цицеронъ называетъ полной библіотекой выспренней философіи, глубокой политики, назидательныхъ правилъ нравственности и изящной словесности. Благородный, возвышенный, истинно царскій тонъ сдѣлался отличи-

а) Сцевола, Цицероновъ учитель юриспруденціи.

тельною чертою Римскаго законодательства! Одной бѣдою менѣе: подъячихъ въ Римѣ не было.

Кромѣ сихъ достопочтенныхъ Римлянъ, у которыхъ двери всегда были открыты для любезныхъ имъ согражданъ, ищущихъ правосудія, многіе, не ожидая посѣщеній, сами ходили по площади, присутствовали на трибуналахъ для раздаянія совѣтовъ просителямъ и судьямъ, а въ затруднительныхъ случаяхъ, не полагаясь на собственное мнѣніе, составляли полный консиліумъ при храмѣ Аполлона, и общимъ мнѣніемъ рѣшали предложенное дѣло. Никто еще изъ нихъ не посвящалъ себя на преподаваніе лекцій, но каждый при отвѣтахъ, диспутахъ и совѣтахъ позволялъ молодымъ людямъ слушать, замѣчать и записывать свои мнѣнія. Мнѣнія, бывшія результатомъ ихъ диспутовъ, ихъ отвѣты и замѣчанія на законы, составили право по превосходству *гражданское*. Первоначально оно не обязывало судей, но отъ долговременнаго употребленія и согласія народа получило силу закона; почему сами юриспруденты названы творцами права (juris auctores, conditores juris, *νομοθέται*).

Соединивъ всѣ условія распространенія и образованія Римскаго права отъ XII таблицъ до Августа Кесаря, получимъ слѣдующіе результаты:

По праву публичному. Всѣ должности и власти республики соединены въ лицѣ Августа, Трибуна, Консула, Цензора и Первосвященника.

По праву частному. Всѣ отрасли Юриспруденціи послѣ упорной борьбы плебейскаго начала съ патриціанскимъ, національнаго съ Италійскимъ, получили перевѣсъ общности, свободы и естественности.

По праву семейственному. Въ XII табб. мы видѣли отеческую власть, уполномоченную неограниченнымъ правомъ убивать, трикратно продавать и отдавать въ работу; въ концѣ сего періода она является также неограниченной законами, но весьма смягченной образованностію нравовъ.

По праву вещественному. Безусловное право отца на собственность дѣтей отдѣлило отъ себя дѣтское право на имѣніе лагерное (castrense) a), еще весьма неопредѣленное, и данное (profecticium) самимъ отцемъ или другимъ, но по соизво-

---

a) Dabelow, Rom. St. u. Rechts-Gesch. 124.

ленію отца, принадлежащее въ собственность отцу, а въ пользонаслажденіе — сыну. Въ гражданскихъ дѣлахъ личность отца и сына представляются нераздѣльными, и въ случаѣ убытковъ, учиненныхъ сыномъ постороннему, употреблялось дѣло объ убыткѣ (noxalis actio) точно также, какъ въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ рабомъ и домашнимъ скотомъ; однакожъ въ позволенныхъ дѣлахъ (in contractibus) являются въ употребленіи *actiones ex jussu*, въ которыхъ отецъ отвѣтствовалъ по обязательству сына, какъ хозяинъ за прикащика a). Власть господская не потерпѣла законнаго ограниченія, но смягченная образованностію нрвовъ вступила подъ вліяніе народнаго права. Въ рабахъ являются признаки человѣчества: имъ дозволено сожительство (contubernium) *по обычаю народовъ*, которое въ гражданскомъ смыслѣ ниже супружества (matrimonium), но выше права приращенія (jus accessionis) или людоводства, помѣщеннаго въ правахъ собственности. Въ гражданскихъ дѣлахъ рабы являются прикащиками, съ рабскимъ

---

a) Zimmern, Gesch. der Röm. Priv. Rechts bis Justinian. S. 698, 704.

имѣніемъ (peculium servile). Сверхъ сего состояніе рабовъ начало различаться по службамъ (ministeria servorum), ими исправляемымъ; одно состояніе было не столь унизительно и тягостно, какъ другое а). Съ формальной стороны право господской власти пріобрѣло порядочное изложеніе правъ приобрѣтенія, прекращенія господской власти и патронства б). Въ правахъ супружества открывается различіе между женой, поступающей въ отеческую власть мужа (in manum mariti), и женою (uxor), вступающею въ бракъ, на правахъ свободной, съ приданымъ. Личность первой уничтожалась въ личности мужа: жена, по древнему Римскому праву, подвергалась отеческой власти мужа, и относительно его была *filiafamilias*, а относительно дѣтей единокровная сестра. Свободная жена является въ слѣдствіе развитія народнаго права. Она удерживаетъ самостоятельность лица, участіе въ общинѣ имуществъ, и родительскій авторитетъ надъ своими дѣтьми. Съ симъ вмѣстѣ положено ясное различіе между супружествомъ и наложничествомъ, дѣтьми законными и незаконными. Въ правахъ опеки въ семъ періодѣ къ

а) Dabeslow. 126.
б) Ibid.

завѣщанной и законной присоединяется опека, данная преторомъ, опека надъ нерожденнымъ (tutela ventris), введено различіе между опекой и попечительствомъ (tutela et curatela) a). Право вещественное сдѣлало важные успѣхи, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ. Вещи раздѣлены на собственность божественнаго и человѣческаго права; при способахъ первобытнаго приобрѣтенія (res mancipi) открываются способы легчайшіе, общіе (res nec mancipi), при собственности первобытно-римской (dominium Quiritarium) свободная (dominium bonitarium). Въ слѣдствіе сего начала развивается славная Римская теорія владѣнія (possesionis) о подлежательныхъ условіяхъ собственности, основанная на глубокомъ понятіи и пріобрѣтеніи собственности, о происхожденіи и образованіи народнаго богатства, и оплодотворила тексты XII таблицъ многочисленными выводами безъ всякаго нарушенія національности. Въ правѣ наслѣдства къ строгому закону XII таблицъ начало прививаться преторское народное право, а безусловное право завѣщавать подверглось строгой формѣ съ различеніемъ состоянія и об-

a) Dabelow, 128.

стоятельствъ завѣщателя, при чемъ власть преторская, вникая въ намѣреніе завѣщателя, съ нарушеніемъ строгой формы давала наслѣдство по смыслу завѣщанія (secundum tabulas). Въ обязательствахъ простый и неопредѣленный текстъ XII таб: „въ договорныхъ дѣлахъ поступать сообразно рѣчамъ договаривающихся", анализированъ въ четыре начальныя формы общественныхъ отношеній: 1) договоры словесные, 2) письменные, 3) вещественные и 4) согласительные. Въ совершеніи публичныхъ актовъ и въ дѣлахъ судебныхъ строгая обрядность и безнужная таинственность постепенно выходитъ изъ употребленія, а на мѣсто ихъ вводится система благоразумныхъ судебныхъ мѣръ противъ злоупотребленій, ошибки и обмановъ. Система дѣлопроизводства болѣе другихъ частей права удержала на себѣ характеръ патриціанской Юриспруденціи. Ищущій правосудія обязанъ былъ знать точнѣйшимъ образомъ сущность своего дѣла, задачу претензіи, въ особенности первую формулу производства дѣла; ибо на нее возлагалась судьба всего судебнаго процесса a).

1) Dabelow, 134, 136.

Въ то время, какъ умы твердые, практически образованные, обработывали каждый отдѣльную часть въ стройное цѣлое, великіе геніи Рима: Помпей, Цезарь и Цицеронъ, стоя на высотѣ политическаго зрѣнія, возчувствовали потребность единства и вознамѣрились произвести систематическую редакцію всецѣлаго Римскаго Права. Недовѣрчивые люди, подобные Савиньи a), подозрѣваютъ великихъ людей въ неблагонамѣренности къ согражданамъ: умы посредственные, привязанные къ мѣлочному порядку, смѣются отважнымъ намѣреніямъ великихъ умовъ, которые во всѣхъ родахъ вѣдѣнія и дѣйствія обнаруживаютъ одинаковую жажду единства. Геній не что иное есть, какъ высшее сосредоточеніе всѣхъ душевныхъ силъ и возведеніе ихъ въ простоту зрѣнія и хотѣнія: при воззрѣніи на внѣшній міръ, коего явленія приковываютъ къ себѣ людей посредственныхъ, геній напрягаетъ всѣ силы обнять непокорное разнообразіе вещей, созерцать его въ собственномъ духѣ, въ единствѣ своего сознанія. Александръ Македонскій весь міръ представлялъ въ видѣ одного

a) Savigny, Beruf der unser Zeit zur Gesetzgeb

города, стрегомаго Македонской фалангой; Наполеонъ чины прелатовъ подводилъ (въ своемъ воображеніи) подъ военную униформу и военные ранги. Но, если имъ не вѣрятъ какъ заговорщикамъ противъ человѣчества, то мы приведемъ въ примѣръ Антонина, который желалъ видѣть весь міръ обращеннымъ въ Римъ a). Свой-то законъ, врожденный каждому великому человѣку, нудилъ Цезаря въ составленное имъ единство имперіи внести единство мыслей и законовъ. Разномысліе и разнозаконіе суть разрушительныя начала государствъ. Ни Помпей, ни Цезарь, ни Цицеронъ не успѣли въ своихъ намѣреніяхъ, но мысль ихъ передалась потомству, и Юстиніанъ чрезъ шесть вѣковъ привелъ ее въ исполненіе.

Третій періодъ Римскаго законодательства, разсматриваемый со стороны внутренняго развитія, по успѣхамъ Юриспруденціи, продолжается отъ Августа до Константина Великаго; со стороны внѣшняго развитія, отъ Августа до Юстиніана.

Августъ открываетъ собою монархическій періодъ Римской Имперіи, приготовленный постепеннымъ упадкомъ патриціан-

---

a) Vico, Science nouvelle, p. 343.

скаго сословія и усиленіемъ плебейскаго. Патриціанскій міръ, исполненный долгоденствія и дивныхъ героическихъ дѣлъ, побѣдитель народовъ и законоположникъ, давъ полную свободу плебейскому міру, прешелъ; а съ нимъ вмѣстѣ изчезли священные символы и обветшалыя типла піитическаго періода. Имъ кончилось отеческое величество и началось могущество отдѣленнаго (emancipati) человѣчества. Различіе между плебейцемъ и патриціемъ приходило въ забвеніе, а съ симъ вмѣстѣ упадали средостѣнія народовъ, поставленныя въ періодѣ политическаго гражданства. Привилегіи Латинскихъ, Италійскихъ, провинціальныхъ городовъ стирались могущественною рукою Императоровъ и приводились къ единству правъ и обязанностей a). Вся національность древнихъ народовъ была какъ бы передній дворъ Римской цивилизаціи, въ которой граждане и подданные, отбросивъ собственныя имена Галла и Эллина, облеклись въ достоинство человѣка, украшающагося простымъ типломъ разумнаго и свободнаго существа. Римская сила легла на границахъ Имперіи стражемъ противъ

a) Savigny, Geschichte der Röm. Rechts im Mittelalter, B. I.

народовъ, коихъ покореніе не приносило ни пользы, ни славы. Римлянамъ сего періода оставалось повелѣвать не оружіемъ, а законодательствомъ; оружіе разрушаетъ, одни законы зиждутъ бытіе государствъ; оружія страшатся, однимъ законамъ добровольно повинуются. Римскій мечь былъ бы бичемъ Божіимъ, еслибъ онъ, изторгнувъ у народовъ національную религію, нравы и законы, не замѣнилъ ихъ лучшими. Онъ долженъ былъ дать отчетъ въ пролитой имъ крови, или смыть ее благодѣяніями цѣлому человѣчеству. Исторія научаетъ насъ, что одни Римляне умѣли соединить завоевательную силу оружія съ убѣдительной правотой законодательства — силу и право, какъ полное условіе гражданственности. Положивъ правиломъ насадить свои законы въ предѣлахъ обширной Имперіи, они старались превзойти побѣжденныхъ не военнымъ искуствомъ, въ которомъ не имѣли никого себѣ равнымъ, но политическою мудростію, твердымъ правосудіемъ, дабы, имѣя притязаніе на повелительство, превосходить всѣхъ и во всемъ. Римъ, бывшій доселѣ средоточіемъ военной дисциплины, сдѣлался столицей религіи, политики, свободныхъ наукъ и художествъ. Ораторы,

философы, поэты, артисты и самые боги народовъ имѣли здѣсь благосклонный пріемъ. Римъ - повелитель собралъ въ себѣ все разумѣніе подвластныхъ ему народовъ. Суровость, нетерпимость, почтенное невѣжество временъ Катоновыхъ не могло быть закономъ обширной Имперіи; посему Римляне заблаговременно видѣли, что знаніе отечественныхъ преданій недостаточно для повелительства надъ вселенной, и что истинно - царское воспитаніе имѣетъ предметомъ изученіе правъ народовъ и полное знаніе природы человѣческой:

Tu regere imperio populos, Romane, memento,
Hae tibi erunt artes. . . . .

Посему ихъ законодательство является въ семъ періодѣ столько же Римскимъ, около всемірнымъ, человѣческимъ. Вотъ почему народы со временъ Августа наперерывъ стремятся подъ сѣнь Римской Монархіи a)! Они гордились узами гражданственности, кои носили Цезарь и Сципіонъ, и которые носилъ народъ, умѣющій повелѣвать міромъ.

Единеніе народовъ подъ сѣнію монархіи и откровеніе человѣчества не могло

a) Gibbon, Hist. de la decad, de l'emp. Rom. T. I. p. 68, 76, 96.

остаться безъ вліянія на Римскую Юриспруденцію Прежде сего юриспруденты изучали природу Римлянина, теперь наступило время изучать природу человѣка. Римляне знали права народовъ, но не знали правъ человѣка. Сему они должны были учиться отъ Грековъ. Въ семъ періодѣ Греки полагали основаніе Римскаго воспитанія философіей, а государственные мужи Рима довершали его практическимъ упражненіемъ въ дѣлахъ; одни воспитывали людей, другіе — повелителей народовъ. До временъ Августа достоинство юриспрудента составляли: правота Римской воли, уваженіе къ преданіямъ предковъ, простота ума, бѣднаго идеями, но весьма богатаго правилами; съ сихъ поръ лучшіе юриспруденты Рима отличаются любовію къ изящнымъ наукамъ, Греческой философіи и болѣе свободнымъ мышленіемъ. Упадокъ политическаго духа обратилъ лучшіе таланты Рима на изученіе правовѣденія. Въ семъ случаѣ Римъ противуположенъ Греціи. Въ послѣдней всѣ великіе умы посвящали себя на философское изученіе публичнаго права; на противъ въ Римѣ одинъ Цицеронъ въ предшествующемъ періодѣ, и то изъ подражанія Платону, издалъ сочи-

ненія о Республикѣ и Законахъ. Упадокъ политическихъ началъ, нѣкогда необходимыхъ для равновѣсія между патриціями и плебейцами, открылъ свободное и безпредѣльное поприще вещественному праву. Независимость его политическихъ началъ долженствовала доставить самостоятельность, а пособіе Греческой философіи достоинство науки великому множеству частныхъ правилъ, случаевъ и положеній вещественнаго права. Лучшимъ юриспрудентамъ сего періода не доставало ни времени ни вниманія для частныхъ отвѣтовъ и дѣлъ: они являются теперь съ титуломъ государственныхъ юриспрудентовъ. Такъ, Императоръ Августъ далъ нѣкоторымъ юриспрудентамъ привилегіи отвѣтствовать на запросы судей, и рѣшать затруднительные случаи собственнымъ авторитетомъ, который чрезъ сіе пріобрѣлъ силу закона, обязательнаго для судей. Преемники Августа не слѣдовали его примѣру; за то Адріанъ призналъ одобренныя имъ сочиненія юриспрудентовъ совершенно положительными законами, если они будутъ между собою согласны. Кромѣ привилегированныхъ юриспрудентовъ было множество другихъ, которые содѣйствовали раз-

витію законодательства, продолжая отвѣтствовать на частныя просьбы тяжущихся, или, состоя въ службѣ императорской, поправленіемъ и улучшеніемъ законовъ. Новѣйшія юридическія изысканія удостовѣряютъ, что вліяніе юриспруденповъ на законодательство ничѣмъ не ограничивалось, ничѣмъ не останавливалось a). Ученіе ихъ проникло въ канцелярію Императоровъ и руководствовало ихъ Секретарей въ редакціи рескриптовъ и конституцій (constitutiones principum). Часто Императоры сами употребляли ихъ выраженія, опредѣленія, съ означеніемъ имени и безъ имени, отбрасывали старый стиль закона и замѣняли его современнымъ, очищеннымъ юриспрудентами. Въ послѣдствіи времени, когда большая часть юриспруденповъ занималась систематическимъ изложеніемъ отдѣльныхъ частей закона, Императоры заимствовали изъ нихъ не только форму изложенія, но самый смыслъ, содержаніе закона, или свою собственную волю основывали на авторитетѣ извѣстнаго юриспрудента, хотя онъ не имѣлъ никакой законной привиле-

---

a) Dirksen, Reinisches Museum für Jurisprudenz. 1829.

гіи а). Юриспруденты шли не только вровень съ текущимъ законодательствомъ, но даже упреждали его логическими выводами изъ данныхъ началъ, очищая ихъ отъ противорѣчій и сообщая имъ чрезвычайную легкость въ приложеніи. Посему законодательная власть не имѣла труда прибѣгать къ изобрѣтенію новыхъ положеній: ей стоило признать закономъ для Имперіи то, что давно уже принято правиломъ между юриспрудентами. Отъ сего само законодательство представляло чистый потокъ естественныхъ выводовъ изъ одного и того же источника, и было какъ бы развитіемъ одной строгой системы. Папиніанъ полагаетъ столько важности въ юриспрудентахъ сего періода, что самый законъ называетъ не повелѣніемъ верховной власти, а приговоромъ юриспрудентовъ: *lex est virorum prudentium consultum* б). Законодательство Рима было само себѣ равно, какъ изреченіе разума, никогда не умирающаго, разума, живущаго въ исторіи народовъ. Римскій Сенатъ, издревле сильный правовѣденіемъ, въ семъ періодѣ не отка-

---

а) Dirksen, Reinisch. Museum, 97.
б) Ibidem, 89.

зался слѣдовать современному ученію юриспруденшовъ, а преторскій эдиктъ былъ постояннымъ его органомъ, не только по своему содержанію, но даже и по формѣ: не рѣдко редакція его принадлежала самимъ юриспруденшамъ а).

Не столь важно было практическое участіе юриспруденшовъ въ образованіи законодательства, сколько ихъ сочиненія. Юриспруденшы, какъ писатели, были вѣрными показателями современнаго состоянія юриспруденціи и законодательства. Ихъ сочиненія тщательно были изучаемы дѣловыми людьми Имперіи, отъ чего всюду распространилась одна и таже наука, таже техника, которая составляетъ первѣйшее условіе усовершенствованія самой науки. Чиновники напитаны были однимъ духомъ, одними началами науки, и когда само правительство изъяснялось ея языкомъ, то между практикою и теоріею Римлянъ не было никакаго различія б). Практика руководствовалась системой науки, а теорія ни на шагъ не отрывалась отъ текущаго законодательства. Практическій духъ Рим-

---

а) Dirksen, Reinisch. Museum. 91. Savigny, Beruf. zur Gesetzgebung. 30.

б) Zimmern, Gesch. des R. Priv. Rechts. B. I. 228.

лянъ господствовалъ надъ всѣми умозрѣніями Греческихъ мудрецовъ; философія Рима заключалась въ его Юриспруденціи. Посему въ исторіи ихъ сектъ мы нигдѣ не видимъ, чтобъ мышленіе отдѣлилось отъ положительнаго законодательства; напротивъ признаки его обнаруживаются въ расширеніи Римскихъ формъ, въ обобщеніи Римскаго элемента. Римскіе юриспруденты незная правилъ ни исторической, ни догматической школы, какъ бы по истинкту нисходили до самыхъ корней своего законодательства и слѣдили его развитіе по всѣмъ періодамъ, непрестанно напутствуемые мышленіемъ и филологіей a). Языкъ и право были для нихъ цѣлымъ органическимъ, нераздѣльнымъ; отъ сего каждое правило у нихъ имѣло поразительную наличность, общность и живую индивидуальность; въ каждомъ правилѣ выражался случай, въ каждомъ случаѣ правило. Будучи глубокими практиками, они не поддавались строгому догматизму дѣйствующаго законодательства; предъ ними лежала исторія народа, указывала имъ уклоненія отъ преданій, приближеніе къ мышленію, и во всякомъ слу-

a) Zimmern, Gesch. des Röm. Rechts bis Justinian B. I. 229.

чаѣ они умѣли свести новое учрежденіе, новое повелѣніе власти съ старыми началами и послѣдствіями а). При первомъ взглядѣ на Римскую юриспруденцію, удивляешься ветхости терминовъ стараго вѣка, и тому непонятному хозяйству науки, съ которымъ она напрягаетъ всѣ силы, ветхое обновить, замашерѣлое въ практикѣ смягчить, и вообще всячески избѣгаетъ новыхъ терминовъ и положеній б); но чѣмъ болѣе всматриваешься, тѣмъ болѣе видишь, что вся тайна исполинскихъ успѣховъ состоитъ въ уваженіи къ предкамъ и степенныхъ выводахъ философскаго мышленія. Отъ этаго происходило то великое мастерство редакторовъ права, съ коимъ они при страшныхъ замѣшательствахъ умѣли взяться за начала, разпутать противурѣчія, и всегда знали, гдѣ ихъ законодательство проходитъ, и какое приняло направленіе. Отъ этого чрезвычайная симметрія въ духѣ древняго и новаго законодательства, чрезвычайное удобство отыскать корень закона и отвлеченному понятію дать веще-

---

а) Dirksen, Reinisches Museum für Jurisprudenz. Dritten Jargangs erstes Helt. 104.

б) Dirksen, ibidem.

ственный символъ и основаніе, и на оборотъ. Послѣ сего можно представить, что значили ихъ сочиненія, ихъ системы. Римляне, лишенные творческаго дара созидать системы a priori, еще менѣе способные внести въ систему такъ называемый оригинальный, личный взглядъ на предметъ, сторицею вознаграждаютъ сей недостатокъ образовательнымъ могуществомъ, которое будучи обращено на комментарій стариннаго юриспрудента, два или три вѣка трудится надъ нимъ, не измѣняя ни имени автора, ни плана въ цѣломъ сочиненіи a.). Они не имѣли самолюбія давать свое имя трактату, ими обработанному; но прибавивъ б) нѣсколько замѣчаній къ ходячему сочиненію, предавали отдаленнѣйшему потомству, до тѣхъ поръ, покуда оно приметъ окончательное образованіе. Въ ихъ сочиненіяхъ нѣтъ признаковъ личнаго таланта, слѣдовательно нѣтъ признаковъ собственности на сочиненіи. Могущество и самообразность таланта побѣждались практикой, употребленіемъ; истина принадлежала народу, а не лицамъ. Вотъ почему Лейбницъ

---

a) Zimmern, 206, 207,

б) Savigny, Beruf zur Gesetzgebung. 29.

удивлялся однообразію сочиненій Римскихъ юриспрудентовъ а)! Что всего удивительнѣе, Римскіе юриспруденты, будучи наименѣе систематики лично, были въ высшей степени ими въ массѣ. Каждый обработывалъ свой участокъ, безъ всякаго притязанія на общій планъ, на общую редакцію, общее направленіе; но всѣ сошлись въ одинъ пунктъ, и система какъ бы сама собой соорудилась. Каій юриспрудентъ составилъ Комментарій права, по нашему — систему частнаго Римскаго Права; мы приписываемъ ему, а онъ при каждомъ случаѣ увѣдомляетъ читателя, что не онъ, а *они* раздѣляютъ предметъ на *n* и *m* б), и на повѣрку выйдетъ, что не юриспруденты, а законъ народнаго мышленія управлялъ всѣми системами в). Сей невидимый властитель экспромптовъ и системъ управлялъ мышленіемъ Каія, и сообщилъ плану его институцій такую непреложность, что она не только у Римлянъ до конца Имперіи, но даже у новѣйшихъ народовъ, отражала

а) См. ниже.

б) Vid. Caji Institutionum comment. IV. Herausgg. von Göschen.

в) Savigny, Beruf zur Gesetzgebung. 29.

всякое покушеніе на пересозданіе въ цѣломъ и въ частяхъ а). Греческая философія и право народовъ могли бы сообщить болѣе общую точку отправленія для гражданскаго права, но національный элементъ глубоко лежалъ въ Римской практикѣ и еще глубже въ разумѣніи Юриспруденцовъ. Кай беретъ точкою отправленія Римскую отеческую власть, и съ нею проходитъ всѣ отрасли, всѣ углубленія и сгибы частнаго гражданскаго права; такъ, что все оно есть безконечное развитіе отеческой власти. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое государство, какъ не развитое до безконечности семейство, и что̀ такое семейство, какъ не развитая отеческая область (potestas)? что̀ такое отеческая власть, какъ не господство (dominium), что̀ такое господство, какъ не право собственности въ обширномъ его значеніи (на силы разумѣнія, хотѣнія, силы физическія) б)? Итакъ, взявши Каеву систему въ ея возвратномъ восхожденіи къ единству отеческой власти,

---

а) Puchta, über alte und neue Rechts-Systeme. Опытъ самаго Пухты въ семъ родѣ ни къ чему не ведетъ. Reinisch. Mus.

б) Бракъ — способъ пріобрѣтенія отеческой власти; наслѣдованіе почти тоже, обязательство — употребленіе отеческой власти.

мы увидимъ, что она есть система законовъ о собственности — чистѣйшее Право Гражданское, право собственности, въ строгомъ смыслѣ частное.

Лица и вещи суть два полюса гражданскаго міра, а отеческая власть есть ось, на которой все совершаетъ предназначенное ему движеніе a).

Сей періодъ былъ золотымъ вѣкомъ Римской Юриспруденціи. Ему обязано Римское Право достоинствомъ науки, и тѣмъ универсальнымъ характеромъ, по которому оно, сдѣлавшись правомъ великой Имперіи, до сихъ поръ удерживаетъ обязательную силу на Западѣ Европы, до сихъ поръ живетъ въ каноническомъ и семейственномъ правѣ народовъ, исповѣдующихъ Греческую вѣру. Литература сего періода чрезвычайно богата сочиненіями Юриспрудентовъ; они суть: 1) толкованіе на отдѣльныя части Гражданскаго Права, на XII таб., Преторскій Эдиктъ, Плебисциты и Конституціи Императоровъ; 2) системы — институціи, руководства къ изученію права, дефиниціи какой-либо ча-

---

a) Puchta, Rein. Mus. 131.

сти права, книги Гражд. Права; 3) толкованія на отличныхъ юриспрудентовъ — замѣчанія на Сабина, Кассія, Папиніана; 4) монографы или трактаты на отдѣльныя части права; 5) образцы рѣшеній, отвѣты, письма, случаи; 6) пренія, объясненія трудныхъ мѣстъ права (quaestiones); наконецъ 7) смѣсь — журналы (quotidianae), опредѣленія, отрывки (membranae) a). Къ сему же періоду относятъ кодексы Григоріевъ и Гермогеновъ, содержащіе въ себѣ конституціи Императоровъ отъ Адріана до Константина Великаго б). Законодательство шло параллельно успѣхамъ науки. Въ семъ періодѣ Преторскій Эдиктъ былъ собранъ Сальвіемъ Юліаномъ, Преторомъ въ царствованіе Адріана, и по опредѣленію Сената получилъ силу закона подъ именемъ Непремѣннаго Эдикта (Edictum Perpetuum). Сальвій Юліанъ не первый обратилъ вниманіе на этотъ потокъ живаго законодательства; еще Офилій, другъ Кесаря, прославился составленіемъ сего Эдикта, при-

---

a) Mackeldey, B. I. 60.

б) Zimmern. B. I. 212. Dabelow, Röm Sts und Rechts Gesch. 245.

нявъ обработаніе его изъ рукъ своего наставника и друга Цицеронова Сервія Сульпиція а). Непремѣнный Эдиктъ сдѣлался предметомъ юридическаго изученія и многихъ комментаріевъ.

Въ духѣ законодательства по частному праву произошла большая перемѣна: отеческая власть, неограниченная въ предшествующемъ періодѣ, пришла въ равновѣсіе съ монархическимъ духомъ Рима. Между отцемъ и сыномъ усилилось новое отношеніе — *pietas*. „*Patria potestas in pietate debet non atrocitate consistere*" (Marcian de leg. Pomp. de patr). Императоръ Траянъ даровалъ отдѣлъ сыну, съ которымъ отецъ поступалъ въ противность отеческой нѣжности (contra pietatem); Импер. Адріанъ уничтожилъ навсегда право жизни и смерти надъ дѣтьми б). Право продавать дѣтей и отдавать въ кабалу (noxae dare) запрещено Каракаллой и Діоклитіаномъ в). Право пріобрѣтенія собственности чрезъ дѣтей, существенная черта отеческой власти, еще ограничилось появленіемъ аки

а) Mackeldey, Lehrbuch des Röm. Rechts. B. I. 47.

б) Zimmern, B. I. 666,667.

в) Ibid. 669.

лагернаго (quasi castrense) и пришлаго дѣтскаго имѣнія (peculium adventitium), на которыя отецъ удержалъ только право пользонаслажденія а). Развитіе идеи человѣчества обнаруживалось въ ограниченіи господской власти. Со временъ Августа начинается рядъ узаконеній, облегчающихъ судьбу рабовъ, рядъ угрозъ противъ самыхъ господъ, *qui supra modum in servos suos saeviunt*, и законовъ, уничтожающихъ постепенно права жизни и смерти, варварское право кастратить рабовъ, отдавать на сраженіе со звѣрьми и т. п. б). Не менѣе человѣчество торжествовало разрѣшеніемъ колонистамъ имѣть жену (uxor) на правахъ супружества и дозволеніемъ служить въ Императорскомъ войскѣ. Колонисты рабы начали различаться именами арендаторовъ, половинщиковъ, оброчниковъ и приближались постепенно къ состоянію крѣпостныхъ (Leibeigene) въ новѣйшихъ Христіанскихъ державахъ. Рабское имѣніе (peculium) колонистовъ, до сего времени принадлежавшее въ собственность господамъ, въ семъ періодѣ сдѣла-

---

а) Dabelow. 209.
б) Zimmern. 662,663.
в) Savigny uber die Röm. Colonat.

лось неотъемлемымъ при переходѣ ихъ къ другому господину или въ другое состояніе а). Бракъ совершался Римлянами однимъ согласіемъ и договоромъ о приданомъ, а Христіанами въ храмахъ, и возведенъ въ достоинство таинствъ вѣры б). Опека болѣе подчинилась отвѣтственности предъ правительствомъ; опека надъ женщинами, кои до сихъ поръ считались вѣчно подвластными, сдѣлалась однимъ формалитетомъ, и самостоятельность женщинъ постепенно возрастала в). Право вещественное получило систематическое образованіе, а по содержанію своему развилось въ право эмфитевтическое и право поверхностей. Право залоговъ получило окончательное образованіе. Въ правахъ наслѣдства по завѣщанію, Преторское Народное Право совершенно восторжествовало надъ Римскими обычаями. Рядомъ съ наслѣдованіемъ утвердилась преторская система владѣнія имѣніемъ (bonorum possessio), ни чѣмъ не отличающагося отъ самаго наслѣдованія по смыслу завѣщанія и про-

---

а) Guizot, Hist. de la civilis. de France. IV—234,235.
б) Dabelow. 209.
в) Ibidem. 210.

тивъ завѣщанія (secundum tabulas et contra tabulas). Въ законномъ наслѣдованіи Преторъ расширилъ кругъ наслѣдующихъ лицъ и утвердилъ также владѣніе имѣніемъ a). Право обязательствъ представляется доконченнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ: къ контрактамъ присоединены аки контракты. Та и другая часть снабжена твердыми началами и полными опредѣленіями. Контрактующій не имѣетъ нужды придумывать мѣры осторожности противъ другой стороны: все предвидѣно, приведено въ безопасность, такъ, что контрактующему остается избрать формулу контракта, и дѣло конечно. Всѣ условія, обоюдная польза и обязанность по контракту никоимъ образомъ не могутъ быть отведены и перетолкованы.

Римская Юриспруденція какъ наука, достигла при Императорѣ Александрѣ Северѣ полнаго и окончательнаго развитія: все, что можно было извлечь изъ данныхъ началъ, было извлечено, снова повѣрено возвращеніемъ въ свои начала, сравненіемъ боковыхъ выводовъ, и вездѣ господствовала логическая точность и послѣдовательность.

---

a) Dabelow — 211. Юстиніанъ уничтожилъ различіе агеншовъ и когнатовъ въ наслѣдованіи.

Юриспруденція всеобщая столь же безконечна, какъ и философія, ибо та и другая имѣютъ предметомъ безконечную природу, и органомъ своимъ не разумъ народа, а разумъ человѣчества, вѣчно дѣятельный и успѣвающій. Но юриспруденція частная, на примѣръ Римская, имѣетъ свои предѣлы по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и государство, если оно дѣйствительно живетъ, не безсмертно. Государство начинается недѣлимыми, организуется въ семейства, достигаетъ зрѣлости въ монархіяхъ, и умираетъ. Невидимый духъ человѣчества, напутствовавшій его въ бытіи, отлетаетъ, а національныя элементы государства, заматорѣвши во днехъ своихъ, разлагаются на первоначальныя атомы государствъ, и возвращаются въ землю, ибо они взяты отъ земли. Циники, стоики и т. п. суть единицы человѣчества, отрѣшившіяся отъ государства и состоящія въ полярномъ отношеніи съ дикими. Это образъ человѣчества, въ видѣ столбовъ замыкающаго государственное бытіе. Дикій есть отшельникъ, равно какъ отшельникъ есть дикій съ сознаніемъ, мизополитъ. Точкою отправленія государства былъ законъ самосохра-

ненія въ дикомъ; точкою пресѣченія государства есть законъ самоугодія, всеобщаго эгоизма, какъ силы, разлагающей государство на его первоначальные атомы. Римская Имперія до временъ Константина или лучше со временъ Александра Севера, не была уже Римская, а человѣческая. Безразличіе націй на службѣ Императора было явнымъ признакомъ сего превращенія. Титло человѣческой монархіи возвышенно, священно, но человѣкъ не можетъ назваться симъ именемъ какъ своимъ собственнымъ, не отказавшись отъ отечества; титло человѣка слишкомъ отвлеченно для смертной природы; она любитъ украшаться именемъ Грека, Римлянина, и доколѣ въ ней есть хоть капля крови человѣческой, она живетъ жизнію своего отечества. Кто не имѣетъ отечества, кто не ходитъ на помочахъ отечественныхъ преданій, тотъ можетъ быть величайшимъ человѣкомъ, но никогда гражданиномъ. Имя отечества есть тотъ таинственный узелъ, которымъ самый непокорный эгоизмъ увлекается въ общую жизнь, сочувствуетъ и сострадаетъ біенію національной жизни. Римская монархія, сдѣлавшись монархіею человѣковъ, представ-

ляетъ длинный и утомительный періодъ боренія между жизнію и смертію, доколѣ варвары не отрѣшили ее отъ узъ обветшавшей гражданственности. Римская Юриспруденція, безотлучно слѣдовавшая возрастанію Имперіи, подобно ей истощила запасъ жизни, запасъ національнаго содержанія законодательства, постепенно твердѣла въ условныхъ формахъ логическаго мышленія и наконецъ погрузилась въ схоластическое омертвѣніе a). Отъ Александра Севера до Юстиніана, Юриспруденція не только не подвинулась ни на шагъ впередъ, но даже потеряла пріемлемость къ ученію Юриспруденцовъ золотаго вѣка. Самое имя Юриспрудента теряло прежнее свое достоинство. Прежніе Императоры были большею частію усыновленные чада верховной власти, были Римляне; слѣд. въ крови ихъ была привязанность къ свободнымъ наукамъ и отечественной Юриспруденціи. Въ семъ періодѣ являлись на тронѣ мужественные легіонеры, большею частію не Римляне, безъ воспитанія, презрители всякаго образованія. Авреліанъ и Діоклитіанъ были великіе воины, но поч-

a) Savigny, Beruf zur Gesetzgebung, 34.

ти безграматные; заботились болѣе объ администраціи, нежели о правосудіи. Съ сихъ поръ Имперія гражданъ изчезаетъ, а на мѣсто ея является великолѣпная іерархія придворныхъ. Все, что̀ не было придворнымъ, оставалось въ неизвѣстности, въ презрѣніи, въ утѣсненіи. Съ сихъ поръ Имперію наводнили стряпчіе, аферисты, сводчики, однимъ словомъ, *les Grecs du Bas Empire*. Настоящіе Юриспруденты болѣе не являлись. Юридическія школы, утвержденныя Христіанскими Императорами въ Беритѣ (въ Финикіи, Римѣ и Константинополѣ) a) могли хвалиться множествомъ студентовъ; но состояніе юриспруденціи, ученость профессоровъ (antecessores) едва достаточны были для сохраненія памятниковъ юриспруденціи цвѣтущаго вѣка. Изъ самыхъ конституцій сихъ школъ явствуетъ, что онѣ предназначены были единственно для доставленія Имперіи приказныхъ людей, отъ которыхъ больше ничего не требовалось, кромѣ умѣнья понимать тексты юриспрудентовъ и прилагать ихъ къ практикѣ. Самъ Императоръ Юстиніанъ издалъ

---

a) Zimmern, 254.

повелѣніе, чтобъ кромѣ трехъ городовъ, Берита, Рима и Константинополя, нигдѣ не преподавали юриспруденціи. Сіе постановленіе, не извѣстно на чемъ основанное, не показываетъ цвѣтущаго состоянія науки.

Сей бѣдный талантами, даже числомъ юриспрудентовъ, періодъ имѣлъ однакоже славу произвесть полную редакцію всѣхъ законовъ Имперіи и системъ юриспрудентовъ. Къ нему должно отнести: 1) кодексъ Григоріевъ и Гермогеновъ, составленный въ предшествующемъ, но конфирмованный Императоромъ въ семъ періодѣ; 2) кодексъ Ѳеодосія младшаго, составленный шестнадцатью юриспрудентами подъ начальствомъ экс-Консула и экс-Префекта Антіоха, публикованный въ 438 году для восточной Имперіи, почти въ тоже время принятый на западѣ зятемъ Ѳеодосія, Императоромъ Валентиніаномъ III. Кодексъ Ѳеодосіевъ содержитъ конституціи Императоровъ со временъ Константина В., состоящія въ рескриптахъ, посланіяхъ, рѣчахъ Императоровъ къ Сенату, прагматическихъ актахъ, указахъ правителямъ провинцій a). Окончательную сла-

a) Dabelow. 285.

ву сего періода и послѣднее дѣло великой редакціи Римской составляетъ уложеніе Императора Юстиніана, состоящее изъ 1) Пандектовъ, въ коихъ заключается все богатство Римской Юриспруденціи, собранное изъ мнѣній 39 знатнѣйшихъ Юриспрудентовъ золотаго вѣка; 2) Институцій или сокращенной системы Римскаго права; 3) Кодекса, въ которомъ заключаются Императорскія конституціи отъ Адріана до Константина и Императорскіе эдикты отъ Константина до Юстиніана, сдѣлавшіеся настоящими законами Имперіи; 4) 160 Новеллъ a). Императоръ Юстиніанъ, утвердивъ свое уложеніе, призналъ заблаго остановить дальнѣйшее развитіе законодательства; онъ запретилъ всякое толкованіе и изъясненіе закона, предоставивъ сіе дѣло одной Императорской власти: „Одни эти законы чтите и сохраняйте, оставивъ въ покоѣ всѣ древнія постановленія; да никто изъ васъ не дерзнетъ сравнивать ихъ съ прежними, или искать между обоими разногласія, ибо мы приняли сохранять только то, что здѣсь (въ его уложеніи) содержится. А если кто

---

a) Mackeldey, B. I. 87, 90.

въ сужденіяхъ и въ преніяхъ будетъ приводить мнѣнія изъ другихъ книгъ, тотъ безразсудный, и судья, его слушающій, подвергнется строжайшему наказанію" a). Не явно ли, что утомленное разумѣніе Римскаго народа, подобно старцу, для котораго часъ смерти близокъ, собравъ всѣ сокровища, нажитыя имъ въ продолженіе трудолюбивой и могучей жизни, въ одинъ сундукъ, возсѣдитъ на немъ, отказавшись отъ дальнѣйшаго приращенія, и на каждаго докучливаго предпріимца смотритъ какъ на обманщика — *nisi temerator velit falsitatis crimini subjectus poenis gravissimis laborare!* Новѣйшіе Юриспруденты, особливо послѣдователи исторической школы на всемъ Уложеніи (Corpus Juris Civilis) не могутъ примириться съ Юстиніаномъ за то, что онъ слишкомъ понадѣявшись на свои силы, обрѣзалъ лучшихъ Юриспрудентовъ, внесъ въ нихъ свою редакцію, не оставивъ потомству драгоцѣнныхъ остатковъ ихъ системъ, кои казались ему не нужными. Въ самомъ дѣлѣ, Юстиніанъ, запретивши обращать вниманіе на исторію юриспруденціи и законодательства, внесши въ изуче-

---

a) Constit. Tanta de confirm. Digest. § 19.

ніе непреклонный догматизмъ, убилъ последніе остатки ученаго образованія. Избѣгая дать собственное мнѣніе о достоинствахъ Императорскаго Уложенія, я приведу сужденіе о немъ Лейбница, Философа и Князя Европейской учебной методы. Юстиніаново уложеніе, по мнѣнію его, имѣло слѣдующіе недостатки: „Въ немъ находятся безчисленныя повторенія, множество узаконеній вышедшихъ изъ употребленія, и статей, кои не суть законы, а просто ученые трактаты юриспруденцовъ съ опредѣленіями, раздѣленіями, этимологіею, историческими и критическими замѣчаніями, приличными юриспруденту, а не законодателю; въ нихъ помѣщены безконечные споры о томъ, къ какому разряду дѣлъ должно отнести такой-то случай: къ законному ли дѣйствію (legis actionem) или къ Преторскому прещенію (interdictum).“ Къ симъ недостаткамъ должно присовокупить недостатокъ методы въ цѣломъ составѣ уложенія. Сіе сужденіе относится къ редакціи; посмотримъ, что̀ Лейбницъ говоритъ о содержаніи уложенія: „Я всегда удивлялся сочиненіямъ Римскимъ Юриспруденцовъ, уцѣлѣвшимъ въ Дигестахъ и Отрывкахъ подобно драгоцѣннымъ доскамъ во время ко-

раблекрушенія. Римляне во всѣхъ наукахъ уступаютъ Грекамъ: они заимствовали отъ Грековъ медицину, философію, математическія науки, и почти ничего отъ себя къ нимъ не прибавили; но въ Юриспруденціи — они цари надъ всѣми народами. Я всегда говорилъ, да и теперь скажу, что кромѣ математическихъ сочиненій ни одно не можетъ равняться съ сочиненіями Римскихъ Юриспрудентовъ силою, точностію и остроуміемъ. Онѣ для меня чудо твердости и глубокомыслія. Если выбросишь разность заглавій и порядокъ статей, а возмешь просто изложенія математическихъ доказательствъ изъ разныхъ авторовъ, и сравнишь ихъ между собою, то подумаешь, что онѣ диктованы однимъ и тѣмъ же разумомъ: такъ сходенъ ихъ стиль, порядокъ мыслей, самое качество и расположеніе словъ! Тоже найдешь и въ сочиненіяхъ Римскихъ Юриспрудентовъ a). Сіи послѣдніе похожи одинъ на другаго, какъ близнецы; отличи отъ нихъ разность мнѣній и доказательствъ,

---

a) Savigny, Beruf zur Gezetzgebung. 29. „Можно безъ увеличенія сказать, что Римскіе юристы дѣлали математическія выкладки изъ юридическихъ понятій.“

тогда не узнаешь, кто изъ нихъ такъ мыслитъ и говоритъ; кромѣ ихъ нигдѣ не встрѣтишь столь глубокихъ слѣдовъ естественнаго права, превосходно изученнаго. Если же гдѣ нибудь и есть отступленія отъ него, по причинѣ сильнаго вліянія или преданій, или обрядовъ, или другихъ національныхъ условій, то по крайней мѣрѣ слѣдствія изъ данныхъ началъ вездѣ выводятся съ удивительною твердостію, остроуміемъ и вѣрностію" a). Какъ въ національной физіономіи Римлянъ сіяютъ идеальныя черты цѣлаго человѣчества, такъ сквозь преданій предковъ Римскихъ смотритъ высшій, безсмертный духъ законовъ!

Audiet pugnas, vitio parentum rara juventus!
. . . . . jam lituí strepunt:
Jam fulgor armorum fugacis
Terret equos, equitumque voltus!

Ѳ. Морошкинъ.

a) Lerminier, 101, 102. Introduction a l'Histoire de Droit.

II.

СЛЕЗЫ.

Нѣтъ, мнѣ не жаль минувшихъ дней,
Дней первой юности моей,
Неясно - пламенныхъ желаній,
Живыхъ надеждъ, блестящихъ грезъ
И романтическихъ мечтаній:
Мнѣ жаль моихъ горючихъ слезъ:
Ихъ было такъ несчетно много!
Неразъ, избыткомъ чувствъ дыша,
Въ нихъ выливалася душа
И сердца смутная тревога;
И ихъ весны моей фіалъ
Какъ дань, какъ жертву принималъ.
Теперь утраты, скорби тѣже;
Но слезъ тѣхъ нѣтъ, я плачу рѣже,
И гнетъ существенныхъ скорбей
Теперь мнѣ вдвое тяжелѣй.

Н. Теплова.

III.

ПЕРЕПРАВА ЧРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.

(БАЛЬЗАКА.)

— „Ну же, ну, депутатъ центра! проворнѣй. Надобно поспѣть вовремя, если мы хотимъ сѣсть за столъ вмѣстѣ съ другими! — Ну! подымай выше ногу! — Прыжкомъ, прыжкомъ, Г. Маркизъ!.. Ну, вотъ

такъ . . . хорошо! . . Да ты скачешь по бороздамъ, какъ настоящій олень!"

Сіи слова были произносимы охотникомъ, спокойно сидѣвшимъ на опушкѣ Иль-Адамскаго лѣса. Онъ доканчивалъ Гаванскую цигарку и, какъ видно было, давно поджидалъ своего товарища, который безъ сомнѣнія заблудился въ кустахъ лѣса. Подлѣ него четыре запыхавшіяся собаки, пожирая воздухъ, глядѣли, какъ и онѣ, на пѣшехода, къ коему обращались сіи слова. Чтобы понять всю ихъ насмѣшливость, надобно описать запоздавшаго охотника.

Это былъ маленькой, толстенькой человѣчекъ, котораго выпуклое брюхо изобличало дородность, приличную партизану Министерства. Съ большимъ усиліемъ мѣрилъ онъ своими шагами поле, недавно сжатое, путаясь безпрестанно въ жнивѣ. Къ довершенію его горя, косвенные лучи солнца, упадая горизонтально на его лице, собирали на немъ крупныя капли пота. Такъ какъ онъ всѣми силами старался сохранить равновѣсіе, то колыхался безпрестанно, то взадъ то впередъ, подобно возку на ухабахъ.

День былъ очень жарокъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ Сентябрскихъ дней, коихъ

палящимъ зноемъ довершается созрѣваніе винограда. Время предвѣщало грозу. Хотя на горизонтѣ густыя черныя пятна зарождающейся тучи отдѣлялись другъ отъ друга широкими лазурными промежутками, но отъ запада къ востоку съ ужасной быстротой неслись блѣдно-желтые клочья облаковъ, застилая небо тонкою сѣроватою пеленою. Вѣтеръ дѣйствовалъ еще только въ верхнихъ слояхъ атмосферы, которая тяготѣла надъ землей знойною духотою. А какъ долина, проходимая охотникомъ, окружена была высокою дубровою, которая препятствовала движенію воздуха, то температура ея походила на раскаленную печь. Задушенный зноемъ лѣсъ, въ тяжкомъ безмолвіи, казалось, томился мучительной жаждой. Птицы, насѣкомыя онѣмѣли; вершины деревьевъ едва колыхались.

Тѣ, кои сохранили нѣкоторое воспоминаніе о лѣтѣ 1819 года, безъ сомнѣнія почувствуютъ состраданіе къ описываемому нами пѣшеходцу: бѣднякъ обливался кровавымъ потомъ, чтобъ соединиться съ своимъ насмѣшливымъ товарищемъ. Продолжая курить свою цигарку, сей послѣдній разчелъ, по положенію солнца, что уже

должно быть по крайней мѣрѣ пять часовъ вечера.

— „Куда это чортъ насъ занесъ?“ .. сказалъ наконецъ толстякъ, обтирая свой лобъ и прислонившись къ дереву, стоявшему среди поля, почти насупротивъ своего товарища: онъ уже не чувствовалъ въ себѣ силъ перескочить черезъ послѣдній широкій ровъ, находившійся между ними.

„И ты у меня объ этомъ спрашиваешь?“ отвѣчалъ со смѣхомъ охотникъ, повалившись на скатѣ холма, обросшаго желтою высокою травою.

Потомъ, бросивъ докурившуюся цигарку въ ровъ, продолжалъ:

„Клянусь С. Губертомъ! впередъ не заманятъ меня таскаться по неизвѣстной мнѣ сторонѣ съ судьею, хотябъ то былъ и ты, любезный д'Альбонъ, старинный мой соученикъ и товарищъ...“

— „Но, Филиппъ, стало быть ты не понимаешь по Французски?.. Вѣрно ты покинулъ свой умъ въ Сибири!“.. возразилъ толстякъ, бросая горестно-комическій взоръ на дорожный столбъ, находившійся отъ нихъ шагахъ во ста.

„Понимаю!“ вскричалъ Филиппъ.

Схвативши свое ружье, онъ тотчасъ вскочилъ, однимъ прыжкомъ перебросился въ поле и побѣжалъ къ столбу.

„Сюда д'Альбонъ... здѣсь... полкруга на лѣво!“ кричалъ онъ своему товарищу, показывая рукой большую вымощенную дорогу. „*Дорога изъ Белье въ Иль-Адамъ!*“ продолжалъ онъ. „Стало, вотъ гдѣ должна быть дорога въ Кассанъ! Вѣдь она пересѣкаетъ Иль-Адамскую!“

— „Да, да, Полковникъ!“ отвѣчалъ Г. д'Альбонъ, надѣвая на голову фуражку, которой опахивался.

„Такъ впередъ, почтенный мой Г. Совѣтникъ!“ продолжалъ Полковникъ Филиппъ. И онъ свисулъ собакамъ, которыя ему, казалось, были послушнѣе, чѣмъ Судьѣ, настоящему ихъ хозяину.

„Знаете ли вы, Г. Маркизъ“ — продолжалъ шутливый воинъ — „что намъ еще остается болѣе двухъ лье? Деревня, которая виднѣется тамъ внизу, должна быть Белье. ..

— „Царь Небесный!“ вскричалъ Маркизъ д'Альбонъ. — „Ступай въ Кассанъ, если тебѣ это нравится, но ступай одинъ. Я лучше соглашусь, не смотря на грозу, дождаться здѣсь лошади, которую ты при-

шлешь мнѣ изъ замка. Ты подшутилъ надо мной, Сюси! Мы располагались сдѣлать небольшую пріятную прогулку, побродить по знакомой сторонѣ, не отбиваясь отъ Кассана... А ты? Вмѣсто забавы, ты заставилъ меня бѣгать, какъ гончую собаку, съ четырехъ часовъ утра, тогда какъ весь завтракъ нашъ состоялъ изъ двухъ чашекъ молока!.. Ну! если тебѣ случится имѣть въ судѣ процессъ, я тебя заставлю проиграть его, хотябъ ты былъ тысячу разъ справедливъ!"..

Сказавъ это, потерявшій всю бодрость охотникъ сѣлъ подлѣ столба, снялъ съ себя ружье, пустую суму, и испустилъ продолжительный вздохъ.

„Франція!.. вотъ твои депутаты!"... вскричалъ смѣяся Полковникъ де Сюси. „Ахъ! мой бѣдный д'Альбонъ! Еслибъ ты какъ *я*, провелъ шесть лѣтъ во глубинѣ Сибири?"..

Онъ поднялъ глаза къ небу, какъ будто желая выразить, что его несчастія извѣстны только Богу и ему; потомъ прибавилъ:

„Ну! пойдемъ же! Если ты останешься здѣсь сидѣть, то пропадешь вовсе?"

— „Что̀ дѣлать Филиппъ! Это старая судейская привычка! — По чести, я выбился изъ силъ! Еще бъ таки, когдабъ

мнѣ удалось застрѣлить хоть одного зайца!“ . .

Оба охотника представляли собой довольно рѣдкой контрастъ. Судья былъ около сорока двухъ лѣтъ отъ роду и, казалось, не имѣлъ еще тридцати; напротивъ Полковникъ, будучи тридцати лѣтъ, казался сороколѣтнимъ. Оба носили красный бантикъ, знакъ офицеровъ Почетнаго Легіона. Нѣсколько прядей черныхъ волосъ, смѣшанныхъ съ бѣлыми, какъ у сороки въ крылѣ, выбивались изъ подъ фуражки воина; виски судьи отѣнялись прекрасными бѣлокурыми локонами. Одинъ былъ высокаго стана, сухъ, худощавъ, крѣпокъ, морщины, бороздившія его чело изобличали ужасныя страсти или лютыя страданія: другаго лице цвѣло здоровьемъ и веселостью, достойною Эпикурейца. Оба крѣпко загорѣли отъ солнца; и ихъ длинные стиблеты изъ рыжей кожи носили на себѣ признаки всѣхъ рвовъ и болотъ, по коимъ они проходили.

„Ну же!“ вскричалъ опять де Сюси: „впередъ! . . Черезъ часъ добраго пути мы будемъ въ Кассанѣ, за столомъ!“.

— „Стало быть ты никогда не любилъ!“ отвѣчалъ Совѣтникъ съ видомъ жа-

лобно-комическимъ: „ты безжалостенъ, какъ 304 параграфъ Уголовнаго Кодекса!“

Филиппъ де Сюси затрепеталъ внезапно: его широкой лобъ сморщился и лице потемнѣло какъ туча. Ужасное, болѣзненное воспоминаніе искоробило всѣ его черты; и если слезы не хлынули въ тужъ минуту изъ глазъ его, то потому что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ могущественныхъ людей, кои сосредоточиваютъ свои горести, считая, нѣкоторымъ родомъ, безстыдствомъ открывать ихъ, когда никакое человѣческое слово не можетъ выразить ихъ глубины, когда нѣтъ сердца, которое бы могло понять ихъ.

Г. д'Альбонъ имѣлъ нѣжную, разборчивую душу, которая угадываетъ страданія и чувствуетъ живо сострясеніе сердца, производимое невольною неосторожностью. Онъ уважилъ молчаніе своего друга, всталъ, забылъ свою усталость и слѣдовалъ за нимъ безмолвно, огорченный, что имѣлъ неблагоразуміе прикоснуться къ ранѣ, которая вѣроятно не зажила еще.

„Когда-нибудь, другъ мой“ — сказалъ ему Филиппъ, пожимая руку и благодаря за нѣмое раскаяніе раздирающимъ взглядомъ — „когда-нибудь я разскажу тебѣ

мою жизнь... Теперь... я не въ состояніи!"...

Они продолжали идти въ молчаніи; но когда грусть Полковника по видимому разсѣялась, усталость воззратилась къ Судьѣ; и тогда съ инстинктомъ или лучше съ жадностью измученнаго человѣка, онъ испытывалъ глазами всѣ глубины лѣса, допрашивалъ вершины деревьевъ, преслѣдовалъ тропинки, надѣясь открыть какое-нибудь жилье, гдѣ бы могъ испросить гостепріимство.

При одномъ перекресткѣ, ему показался легкой дымокъ между деревьями. Онъ остановился, поглядѣлъ внимательно и призналъ, среди огромной чащи, зеленыя вѣтви нѣсколькихъ сосенъ.

— „Домъ!.. домъ!"..вскричалъ онъ съ такимъ восторгомъ, съ какимъ моряки восклицаютъ: берегъ! берегъ!..

Тотчасъ бросился онъ въ кустарникъ, который былъ довольно частъ. Полковникъ, погруженный въ глубокую задумчивость, слѣдовалъ за нимъ машинально.

— „Яищница, простой хлѣбъ и стулъ, теперь для меня дороже дивановъ, трюфелей и Токайскаго вина въ Кассанѣ!"..

Сіи слова были выраженіемъ энтузіазма, произведеннаго въ Совѣтникѣ видомъ стѣны, коей бѣлизна издали отливала на темной массѣ суковатыхъ деревьевъ.

— „А! а! это, кажется старинное пріорство!“ вскричалъ снова Маркизъ д' Альбонъ, приближаясь къ древней, мрачрѣшеткѣ.

Отсюда могъ онъ видѣть, посреди довольно обширнаго парка, зданіе, выстроенное изъ тесанаго камня, въ стилѣ обыкновенно употреблявшемся въ старину для монастырскихъ памятниковъ.

— „Какъ эти отцы умѣли выбирать мѣстоположеніе!“..

Сіе новое восклицаніе было выраженіемъ удивленія, коимъ Судья былъ невольно объятъ при видѣ поэтической пустыни, представившейся его взорамъ.

Домъ находился на косогорѣ, съ тылу холма, коего деревня Нервиль занимаетъ вершину. Огромные вѣковые дубы, опоясывая безмѣрнымъ кругомъ сіе жилище, дѣлали изъ него настоящую пустынь. Главная связь, назначенная нѣкогда для монаховъ, стояла на полдень. Паркъ, казалось, имѣлъ въ себѣ до сорока арпановъ. Передъ домомъ разстилался зеленой лугъ, прихот-

ливо изузоренный множествомъ свѣтлыхъ ручейковъ и водоемовъ, разбросанныхъ по видимому безъ всякаго искусства. Тамъ и здѣсь возвышались зеленыя деревья, опушенныя безчисленно разнообразными листьями, раскидывающимися въ прелестныхъ формахъ. Потомъ, гроты искусно устроенные, массивныя террасы съ развалившимися лѣстницами и заржавѣлыми перилами, сообщали особенную физіономію сей дикой Ѳиваидѣ. Искусство весьма удачно присоединило здѣсь свои усилія къ живописнымъ эффектамъ природы. Всѣ страсти человѣческія, казалось, умирали при подножіи или на вершинахъ сихъ густыхъ деревьевъ, кои ограждали сіе уединенное убѣжище отъ мірскаго шума, подобно какъ отъ дыханія ураганов и даже отъ самаго солнца. Безмолвіе и тишина сообщали ему неизъяснимое величіе.

— „Какъ все здѣсь въ безпорядкѣ!“ сказалъ д' Альбонъ, любуясь мрачнымъ выраженіемъ, которое руины давали ландшафту.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь лежала какъ будто печать проклятія. Можно было счесть все это мѣсто заклятымъ, которое лю-

ди покинули отъ страха. Плющъ разстилалъ всюду свои излучистыя нити и богатые ковры. Мохъ сѣдой, зеленой, желтой и красной, облекалъ своими романтическими красками дерьвья, скамейки, кровли, каменья. Окна были източены червями, размыты дождемъ, изъѣдены временемъ; балконы разрушены, террасы опрокинуты. Нѣсколько сторъ едва держались на одномъ крючкѣ. Распахнутыя двери не представляли никакой преграды. Ни одно плодовитое дерево не было подчищено; онѣ распростирали въ безпорядкѣ свои тунеядческія вѣтви, лишенныя всѣхъ плодовъ, обремененныя густыми прядями лоснящейся омелы. Наконецъ всѣ аллеи поросли высокою травою.

Сіе повсюдное запустѣніе сообщало картинѣ очаровательную поэзію и настроивало душу зрителя къ сладкой мечтательности. Поэтъ погрузился бы въ глубокую задумчивость, любуясь симъ безпорядкомъ полнымъ гармоніи, сею картиною прелестнаго разрушенія. Въ эту минуту, нѣсколько лучей солнца, продравшись сквозь трещины облаковъ, освѣтили, тысячью разнообразныхъ цвѣтовъ, сію полу-дикую сцену. Черепица на кровляхъ просіяла;

мхи заблестѣли; фантастическія тѣни зашевелились на лугу, подъ деревьями; мертвые цвѣты пробудились; очаровательные контрасты сразились другъ съ другомъ; листья рѣзко отдѣлились на свѣтѣ... потомъ... вдругъ сіяніе исчезло: и сей прелестный ландшафтъ, который какъ будто заговорилъ, снова умолкъ, помрачился, или лучше сказать притихъ, какъ самое кроткое мерцаніе осеннихъ сумерковъ.

Но Совѣтникъ смотрѣлъ уже на этотъ домъ глазами хозяина.

— „Да это дворецъ Спящей Красавицы!" говорилъ онъ. „Кому бы все это принадлежало?.. Надобно быть большимъ глупцомъ, чтобъ не жить въ такомъ прелестномъ убѣжищѣ."

Едва Судья окончилъ сіи слова, какъ одна женщина мелькнула предъ нимъ съ быстротою облачной тѣни; она не произвела никакого шума, сбросившись съ вершины орѣховаго дерева, стоявшаго по правую сторону рѣшетки; это было настоящее привидѣніе. Маркизъ остолбенѣлъ.

„Что̀ съ тобою сдѣлалось, д' Альбонъ?" спросилъ де Сюси.

— „Я протираю глаза, чтобъ увѣриться, во снѣ я или на яву!" отвѣ-

чалъ Совѣтникъ, прильнувъ къ рѣшеткѣ, чтобъ увидѣть снова привидѣніе.

— „Она, вѣрно подъ этимъ фиговымъ деревомъ!“ продолжалъ онъ, указывая Филиппу на листья дерева, возвышавшагося изъ за стѣны, по лѣвую сторону рѣшетки.

„Кто она?“ . .

— „Э! да по чему я знаю?“ отвѣчалъ д'Альбонъ. „Вообрази себѣ“ — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ — „что тамъ . . . я видѣлъ собственными глазами пречудную женщину. Мнѣ показалось, что она принадлежитъ больше къ царству тѣней, чѣмъ къ міру живыхъ существъ. Она такъ гибка, такъ легка, такъ эѳирна, что можно счесть ее совершенно прозрачною. Лице у ней бѣло, какъ молоко. Кажется, она одѣта въ черное платье; да и глаза и волосы ея показались мнѣ равно черными. Она посмотрѣла на меня, проходя; и хотя я, конечно, не трусъ, но, признаюсь, ея холодный и неподвижный взглядъ оледенилъ кровь въ моихъ жилахъ.“

„А хороша собой?“ спросилъ Филиппъ.

— „Не умѣю сказать. Я видѣлъ только одни глаза ея. Волосы распущены по плечамъ, лобъ матовой бѣлизны!“

„Къ чортужь обѣдъ въ Кассанѣ?“ вскричалъ Полковникъ. „Останемся здѣсь. Мнѣ захотѣлось, какъ ребенку, проникнуть въ это страшное жилище. Окончины расписаны красною краской. На дверяхъ и затворахъ тотъ же цвѣтъ. Это какъ будто чертоги самаго дьявола. Не онъ ли наслѣдовалъ ихъ послѣ святыхъ отшельниковъ? .. Идемъ! Что это за бѣлая и черная волшебница? .. Здѣсь все дышетъ романомъ... Ну же! впередъ!“

Въ веселости Полковника изобличалась поддѣльная принужденность.

Въ тужь минуту, оба охотника услышили слабый крикъ, подобный визгу крысы, попавшейся въ западню. Они примолкли. Въ общемъ безмолвіи послышался шорохъ потрясенныхъ листьевъ, какъ ропотъ всколыхнутой воды. Напрасно старались они уловить какой-нибудь звукъ: земля оставалась нѣмою и хранила глубоко тайну шаговъ незнакомки, если только она дѣйствительно ходила.

„Вотъ что подлинно странно!“ вскричалъ Филиппъ, слѣдуя за излучинами, описываемыми въ лѣсу стѣнами парка.

Два друга дошли скоро до аллеи лѣса, ведущей къ деревнѣ Шанври. Слѣдуя ей по

направленію къ Парижу, они очутились передъ большею рѣшеткою и увидѣли главный фасадъ таинственнаго обиталища. Съ сей стороны, безпорядокъ являлся въ самой высшей крайности. Огромныя ящерицы прыгали взадъ и впередъ по стѣнамъ трехъ главныхъ корпусовъ, выстроенныхъ скобою. Обломки черепицы и шифера съ развалившихся кровель, взгроможденные на землѣ, показывали совершенное запущеніе зданій. Плоды валялись подъ деревьями безъ всякаго прибора. Корова паслась на газонѣ, пожирая цвѣты въ плат-формахъ; коза жевала зеленыя кисти винограда и ошибкою глодала украшенія рѣшетки, на нихъ похожія.

„Здѣсь все въ гармоніи . . . безпорядокъ какъ будто организованъ!“ . . сказалъ Полковникъ, схватившись за цѣпь колокола. Но колоколъ былъ безъ языка; ибо наши охотники не услышали ничего, кромѣ пронзительнаго скрыпа заржавѣлой пружины. Небольшая дверь, устроенная въ стѣнѣ, близь рѣшетки, какъ ни сгнила, упорно противилась усиліямъ Филиппа.

„О! о! да это становится очень любопытнымъ!“ сказалъ онъ своему товарищу.

— „Еслибъ я не былъ судья“ — отвѣчалъ Г. д'Альбонъ — „я бы счелъ эту черную женщину за колдунью.“ . .

Едва произнесъ онъ сіи слова, корова подбѣжала къ рѣшеткѣ и, какъ будто чувствуя нужду видѣть живыя человѣческія существа, протянула къ нимъ свое рыло, дышущее теплымъ паромъ. Тогда одна женщина, если только имя сіе могло быть дано неизъяснимому творенію, которое предстало взорамъ нашихъ друзей, потащила ее назадъ за веревку.

„Эй! эй!“ вскричалъ Полковникъ.

Женщина остановилась, чтобъ взглянуть на обоихъ пришельцевъ. На головѣ у ней былъ красный платокъ, изъ подъ котораго выбивались пряди бѣлокурыхъ волосъ, довольно похожихъ на хлопья кудели. Полосатая юбка изъ грубой шерсти, весьма короткая, едва простирались до колѣнъ. Грудь не прикрывалась никакою косынкою. Можно было счесть ее принадлежащею къ одному изъ тѣхъ Краснокожихъ Племенъ (Peaux Rouges), кои такъ прославлены Куперомъ; ибо ея голыя ноги, руки и шея, казалось, были кирпичнаго цвѣта. Ни малѣйшаго луча смысла не примѣтно было на ея плоскомъ лицѣ. Сѣро-голубые глаза

были холодны и тусклы. Нѣсколько рѣдкихъ, совершенно бѣлыхъ волосъ занимали мѣсто бровей. Наконецъ, въ искривленномъ ртѣ ея виднѣлся безпорядочный строй зубовъ, бѣлизною не уступающихъ собачьимъ. Она медленно подошла къ рѣшеткѣ, смотря на обоихъ охотниковъ съ безсмысленномъ видомъ, и какъ будто улыбаясь; но ея улыбка была тягостна и принужденна.

— „Гдѣ мы?.. Что это за домъ?.. Кому онъ принадлежитъ?.. Кто ты?.. Здѣшняя ли?“..

На сіи вопросы и на множество другихъ, коими поочередно закидали ее оба друга, она отвѣчала одними глухими гортанными звуками, болѣе свойственными животному, чѣмъ разумному, словесному созданію.

— „Развѣ ты не видишь, что это глухо-нѣмая?“ сказалъ наконецъ Судья.

— *Добрыхъ-Людей*!.. вскричала наконецъ крестьянка.

— „А! понимаю! Это долженъ быть старинный монастырь *Добрыхъ-Людей*“... продолжалъ Г. д'Альбонъ.

Тогда распросы начались опять; но, какъ своенравное дитя, крестьянка заупря-

милась, начала играть своимъ деревяннымъ башмакомъ, крутить веревку, на которой привязана была корова, смотря на обоихъ охотниковъ и разглядывая всѣ принадлежности ихъ одежды; потомъ снова стала ворчать, визжать, но не говорила ни слова.

„Имя твое?“ спросилъ ее наконецъ Филиппъ, устремивъ на нее пристально взоръ свой, какъ будто хотя ее околдовать.

— Женевьева!.. отвѣчала она.

Потомъ бросилась отъ нихъ, испуская дикій, не человѣческій хохотъ.

— „До сихъ поръ корова есть умнѣйшее существо, которое мы видѣли“... вскричалъ Судья. „Я хочу выстрѣлить изъ ружья, чтобъ вызвать какое-нибудь человѣческое созданіе.“

Въ ту минуту, какъ д'Альбонъ брался уже за ружье, Полковникъ остановилъ его жестомъ и указалъ пальцемъ незнакомку, которая такъ живо подстрекнула его любопытство. Она шла по довольно отдаленной аллеѣ, шагами медленными, и казалось погружена была въ глубокую задумчивость. На ней было черное атласное платье, все изношенное. Длинные волосы падали безчисленными локонами по лбу, вокругъ плечь, и спускались вдоль по стану

весьма низко, замѣняя собою шаль. Она казалось привыкла къ этому безпорядку; ибо изрѣдка, внезапнымъ движеніемъ головы, раскидывала ихъ на оба виска. Это производила она съ удивительной легкостью и быстротой. Ея движенія, подобно какъ у животнаго, имѣли всю безпечность и всю вѣрность механизма. Къ довершенію изумленія обоихъ друзей, она вспрыгнула на вѣтвь яблони и усѣлась на ней съ легкостью птицы. Здѣсь начала она рвать плоды, съѣла ихъ, и потомъ свалилась на землю, съ тою прелестною нѣгою, которою такъ любуются въ бѣлкахъ. Ея члены обладали гибкостью, которая у самомалѣйшихъ ея движеній отнимала всякой видъ принужденія или усилія. Она стала играть на травѣ и каталась по ней, какъ ребенокъ; потомъ раскинувши обѣ руки и обѣ ноги, осталась распростертою на муравѣ, съ тою же прелестною небрежностью и самозабвеніемъ, какъ маленькой котеночекъ, заснувшій на солнцѣ. Вдругъ вдали раздался глухой ударъ грома; она мгновенно перевернулась и стала на четвереньки, съ такою же удивительною ловкостью, какъ собака, послышавшая приходъ чужестранца. Это странное положеніе произвело, что ея чер-

ные волосы распались на двѣ широкія пелены, кои свѣсились по обѣимъ сторонамъ головы. Тогда оба зрители сей необыкновенной сцены могли свободно любоваться плечами, коихъ округлости отличались удивительною нѣжностью и кои сіяли яркой бѣлизной, подобно полевымъ маргаритамъ. Шея особенно привлекала взоры своимъ рѣдкимъ совершенствомъ. Легко было видѣть, что это женщина прелестно сложенная. Она испустила болѣзненный крикъ и вскочила тотчасъ на ноги. Движенія ея слѣдовали другъ за другомъ съ такою очаровательною быстротою и легкостью, что можно было счесть ее не человѣческимъ созданіемъ, а одной изъ тѣхъ воздушныхъ дѣвъ, кои прославляются въ стихотвореніяхъ Оссіана. Она подошла къ пруду, легкимъ движеніемъ сбросила съ себя башмакъ и, казалось, находила удовольствіе омочить въ водѣ свою бѣлую, какъ алебастръ, ногу. Можетъ быть, она любовалась хрустальными зыбями всколыхнувшейся влаги, которыя сверкали жемчужинами. Потомъ стала на колѣна на берегу водоема, и забавлялась самымъ дѣтскимъ образомъ, погружая въ струяхъ свои длинные локоны и опять быстро вынимая, дабы

видѣть, какъ вода сбѣгала съ нихъ по каплямъ, образуя, на лучахъ солнца, какъ будто жемчужное распущенное ожерелье.

— „Эта женщина сумасшедшая!“ вскричалъ Совѣтникъ.

Въ ту минуту, раздался дикой крикъ, безъ сомнѣнія испущенный Женевьевой и по видимому обращенный къ незнакомкѣ. Она встала и разбросила свои волосы по обѣимъ сторонамъ лица. Въ эту минуту Полковникъ и Г. д 'Альбонъ могли разсмотрѣть черты сей женщины. Ея лице было удивительной бѣлизны, глаза большіе черные. Она увидѣла обоихъ друзей; и бросившись къ рѣшеткѣ съ быстротою серны, очутилась подлѣ ней въ нѣсколько прыжковъ.

— „*Прощай!*“ .. сказала она тихимъ, гармоническимъ голосомъ, но такъ, что въ сей сладкой мелодіи, съ жадностію услышанной обоими охотниками, не изобличалось ни малѣйшаго чувства, ни малѣйшей мысли.

Г. д' Альбонъ любовался длинными рѣсницами ея глазъ, густыми черными бровями, ослѣпительной бѣлизной кожи, не отѣненной ни малѣйшимъ румянцемъ, на которой рисовались однѣ голубыя жил-

ки: это была одна изъ очаровательнѣйшихъ женщинъ, какихъ только можно видѣть!

Совѣтникъ обернулся къ своему другу, чтобъ раздѣлить съ нимъ свое удивленіе; но Полковникъ лежалъ, позади его, распростертый на травѣ безъ чувства. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Испуганный Г. д' Альбонъ выстрѣлилъ тотчасъ на воздухъ изъ ружья, чтобъ позвать людей, и началъ кричать изъ всѣхъ силъ: помогите, помогите! стараясь поднять Полковника; но изумленіе его еще болѣе увеличилось, когда онъ увидѣлъ, что незнакомка, которая остановилась-было неподвижно, услышавъ выстрѣлъ, бросилась съ быстротою, испуская дикіе вопли ужаса, подобно пораненому звѣрю, и начала кружиться по лугу, оказывая знаки глубокаго испуга.

Щегольская коляска, коей стукъ Г. д' Альбонъ услышалъ на дорогѣ Иль-Адамской, ѣхала мимо. Махая платкомъ онъ требовалъ помощи у проѣзжающихъ. Вскорѣ коляска промчалась во весь опоръ; и Г. д'Альбонъ призналъ Г. и Гжу де Бейль, кои поспѣшили выдти изъ ней и предложить ее Судьѣ. Когда, съ помощію лакеевъ,

Г. д' Альбонъ положилъ въ ней своего друга, Гжа де Бейль вынула склянку уксуса, чтобъ привесть его въ чувство. Филиппъ открылъ скоро глаза, обратилъ ихъ къ лугу, гдѣ незнакомка продолжала бѣгать, испуская крики; и тогда какъ будто проникнутый чувствомъ глубочайшаго ужаса, вскрикнулъ и закрылъ снова глаза, давая знать движеніемъ своему другу, чтобъ онъ немедленно удалился.

— „Въ первый разъ въ жизни вижу, что видъ женщины могъ испугать Полковника!" вскричалъ Г. д'Альбонъ, разстегивая жилетъ своего друга и давая ему нюхать уксусъ.

Г. и Гжа де Бейль предложили охотно свою карету Совѣтнику, говоря, что они кончатъ свою прогулку пѣшкомъ.

— „Что̀ это за женщина?" спросилъ ихъ Судья, указывая на незнакомку.

— Думаютъ, что она пріѣхала изъ Муленя, отвѣчалъ Г. де Бейль. Говорятъ, что это Графиня де Вандьеръ, которая сошла съ ума; но какъ я самъ здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцовъ, то не могу вамъ поручиться за справедливость этихъ слуховъ!

Г. д'Альбонъ поблагодарилъ Г. и Гжу де Бейль и отправился въ Кассанъ. Едва они потерялись изъ виду, какъ Филиппъ де Сюси пришелъ въ себя, благодаря сильному дѣйствію Англійскаго уксуса...

„Это она!“.. вскричалъ онъ.

— „Кто она?“.. спросилъ д'Альбонъ.

„Юлія!.. Ахъ! мертвая и живая, живая и сумасшедшая... О! какъ я не умеръ!“..

Благородный Совѣтникъ умѣлъ понять всю важность кризиса, коему подвергался его другъ, и остерегся его болѣе распрашивать и раздражать. Онъ нетерпѣливо желалъ пріѣхать скорѣе въ замокъ; ибо перемѣна, происходившая въ чертахъ и во всемъ существѣ Полковника, заставляла его бояться, чтобъ Графиня не сообщила Филиппу своей ужасной болѣзни.

Какъ скоро карета доѣхала до поворота въ Иль-Адамъ, Г. д'Альбонъ послалъ лакея за врачемъ; такъ что въ ту минуту какъ Полковникъ былъ положенъ въ постель, докторъ находился уже подлѣ него.

— Еслибъ Г. Полковникъ не былъ почти совершенно натощакъ, сказалъ хирургъ, онъ бы непремѣнно умеръ!.. Его изнеможеніе спасло его!..

Потомъ, сдѣлавъ нужныя предписанія, докторъ выщелъ самъ приготовить успокоивающее питье.

На другой день поутру Полковнику сдѣлалось получше; но медикъ провелъ всю ночь подлѣ него, одинъ, не позволивъ никому оставаться въ комнатѣ больнаго.

— Признаюсь вамъ, Г. Маркизъ, сказалъ онъ Г. д'Альбону, я боялся поврежденія въ мозгу. Г. де Сюси испыталъ ужасное потрясеніе. Страсти его такъ живы; но первый ударъ рѣшаетъ все! Завтра, можетъ быть, онъ будетъ внѣ опасности!

Медикъ не обманулся, и на другой день позволилъ Судьѣ увидѣть своего друга.

„Любезный мой д'Альбонъ!" сказалъ ему Филиппъ, пожимая руку: „я ожидаю отъ тебя услуги... Поѣзжай скорѣе туда... узнай обо всемъ, что̀ касается до женщины, которую мы видѣли, и возвращись немедленно... Я буду считать минуты!"..

Маркизъ д'Альбонъ вскочилъ на лошадь и пустился во весь опоръ къ старинному аббатству. Доѣхавъ, онъ увидѣлъ передъ рѣшеткою высокаго сухощаго человѣка, въ черномъ платьѣ, котораго лице было запечатлѣно кротостью и внушало довѣренность. Когда Судья спросилъ его, не жи-

вешь ли онъ въ этихъ развалинахъ, онъ отвѣчалъ ему утвердительно.

Г. д'Альбонъ расказалъ ему причины своего посѣщенія; и тогда незнакомецъ вскричалъ:

— „Какъ, милостивый государь! такъ это вы сдѣлали тотъ гибельный выстрѣлъ? .. Вы едва не убили мою несчастную больную!“ ..

„Эхъ, сударь! да я выстрѣлилъ на воздухъ.“ ..

— „Вы бы сдѣлали меньше зла Гжѣ Графинѣ, еслибъ попали въ нее.“ ..

„Очень хорошо! но намъ не въ чемъ упрекать другъ друга: видъ вашей Графини едва не убилъ Г. Барона Филиппа де Сюси.“ ..

— „Филиппа де Сюси?“ вскричалъ медикъ, поднявъ глаза къ небу и сплеснувъ руками. „Не былъ ли онъ въ Россіи ... при переправѣ черезъ Березину?“ ..

— „Ну да, именно!“ отвѣчалъ д'Альбонъ: „онъ былъ взятъ въ плѣнъ козаками и отосланъ въ Сибирь, откуда воротился назадъ тому одиннадцать мѣсяцовъ.“ ..

„Войдите, государь мой!“ сказалъ медикъ, поведя за собой Судью въ залу, находившуюся въ нижнемъ этажѣ дома.

Зала эта была богато омеблирована; но на всемъ видны были признаки разрушительнаго своенравія. Дорогія фарфоровыя вазы валялись разбитыя на полу подлѣ часовъ, коихъ корпусъ былъ пощаженъ. Шелковыя занавѣски оконъ были изорваны, между тѣмъ какъ двойныя кисейныя оставались цѣлы.

„Вы видите" — сказалъ медикъ входя — „опустошенія, производимыя прелестнымъ созданіемъ, коему я посвятилъ себя." . .

Судья былъ растроганъ.

„Она моя племянница!" продолжалъ врачь: „и, не смотря на безсиліе моего искусства, я надѣюсь возвратить ей когда-нибудь смысль, слѣдуя методѣ, которая по несчастію позволена только богатымъ людямъ." . .

Потомъ, какъ и всѣ, живущіе въ уединеніи, преданные въ добычу безпрестанно возобновляющейся горести, онъ расказалъ Судьѣ, въ бесѣдѣ, часто прерывавшейся, слѣдующее приключеніе, отъ котораго отдѣлимъ мы всѣ отступленія, дѣланныя разговаривающими. . .

(продолженіе слѣдуетъ.)

IV.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ ДАНТА.

(окончаніе.)

Я не дерзну разъединять трехъ великихъ актовъ Божественной Комедіи отдѣльнымъ ихъ разборомъ. Главный характеръ сего удивительнаго творенія есть единство; это не значитъ, что всѣ части сей поэмы одинаково занимательны; но что онѣ проникнуты одною оригинальною мыслію. Только съ сей точки зрѣнія надлежитъ смотрѣть на нихъ, не отдѣляя богословскихъ и отвлеченныхъ идей отъ поэтическихъ и выспреннихъ.

Не смотря на огромное разстояніе временъ, въ поэмѣ Данта возродился характеръ первоначальныхъ поэмъ древности. Это цѣлая энциклопедія! Въ лонѣ ея заключены исторія, науки, всѣ отрасли поэзіи тогдашняго вѣка.

Прежде всего обратимъ вниманіе на исторію.

Ни въ одномъ сочиненіи не обозначены съ такою вѣрностію современные вопросы, не изображено съ такою силою великое бореніе среднихъ вѣковъ, не очерчаны такъ ярко Имперія и Духовенство;

Императоръ и Папа. Въ семъ бореніи пристрастіе привязало Данта къ одной сторонѣ; но геній его не щадитъ ни той ни другой. Родясь Гвельфомъ, но изъ мстительности сдѣлавшись Джибеллиномъ, онъ силою своего генія возносится выше Гвельфовъ и Джибеллиновъ и объемлетъ весь Христіанскій міръ.

Съ того времени какъ пала Римская Имперія; когда между развалинами образованнаго міра поселилось варварство; когда въ Италіи все пришло въ ужасный безпорядокъ; когда памятники древняго генія были разрушены или поруганы; когда законы и науки погибли; когда люди выродились; любители наукъ, едва замѣтные въ общей массѣ, увидѣли, что народы низпали очень глубоко. Нигдѣ сіе чувство не было такъ живо, какъ въ Италіи. Великолѣпіе развалинъ, слѣды Римскаго величія, разсѣянные повсюду, давали чувствовать, какъ жалко состояніе временъ новѣйшихъ. Непримиримыя войны между городами, жестокости, изгнанія, подвергали сію прекрасную страну величайшему угнетенію и безначалію. При таковомъ положеніи не трудно понять, что Дантъ, обуреваемый страстями, пламенный поклонникъ

системъ, желая унизить своихъ гонителей и водворить миръ въ своемъ отечествѣ, искалъ во власти Императора того мощнаго единства, которое давно было потеряно и котораго желалъ ему Макіавелли, хотя бы даже отъ Боргіи. Кажется нѣтъ сомнѣнія, что Дантъ, спустя три вѣка имѣлъ бы тѣже самыя мысли. Видя Италію, плавающую въ крови и терзаемую раздорами, онъ обратилъ взоры свои на Римъ и Папу; но продажные, развращенные Папы худо поддерживали предначертанія великаго ихъ предшественника. Онъ устремилъ взоры свои далѣе и желалъ, чтобы Германскій Императоръ возвратилъ отчаянной Италіи покой и владычество законовъ. Какъ иначе изъяснить, что человѣкъ не могшій сносить даже республиканскаго ига, предается иноземному владыкѣ? Это отъ того, что мечта Римской Имперіи, тѣнь древней Италіи, представлялась его воображенію. Онъ желалъ Императора, который бы обуздалъ сіи ничтожныя, отъ собственныхъ неустройствъ, республики.

Сія мысль Данта проявляется во всей поэмѣ его; для ней-то преимущественно составлено сіе произведеніе; онъ не те-

ряетъ ее изъ виду даже во время самыхъ фантастическихъ мечтаній. Блуждая съ Виргиліемъ по невѣдомымъ областямъ Ада, онъ выдумываетъ самыя странныя средства для перехода изъ одной страны его въ другую и еще страннѣйшее для изхода изъ самой бездны; онъ представляетъ Люцифера и неизмѣримое тѣло его лѣствицей, по которой подъемлется и выходитъ на свѣтъ. Остановите взоры ваши на семъ необычайномъ привидѣніи; оно имѣетъ три головы и три зѣва, которые безпрерывно терзаютъ трехъ преступниковъ. Въ первомъ находится Іуда Искаріотскій, символъ предательства и богоотступничества. Въ двухъ другихъ помѣщены Брутъ и Кассій. Подвергая наказанію Брута, поэтъ не унижаетъ его; республиканецъ, дробимый зубами Люцифера, не произноситъ ни слова, остается спокойнымъ и твердымъ. Кассія не знаю по чему поэтъ назвалъ жилистымъ. Одинъ литераторъ сію странность, въ отношеніи къ эпитету, относитъ къ самому значенію вымысла. „Я не вижу" — говоритъ онъ — „никакого сходства между Іудою Искаріотскимъ, Брутомъ и Кассіемъ." Но вспомните преддубѣжденіе поэта. Рядомъ съ богоотступ-

никомъ онъ становитъ бунтовщиковъ противъ Имперіи, олицетворенныхъ въ двухъ убійцахъ Цезаря. Не смотря на душевную приверженность къ Бруту, онъ приноситъ его, какъ величайшую жертву, Императорской власти.

Вотъ политическая мысль, сокрытая въ послѣдней картинѣ Ада. Въ чемъ же отразился самый блистательный образъ Рая? Въ символѣ Имперіи, въ огромномъ таинственномъ орлѣ, коего тѣло составлено изъ Святыхъ, а глаза изъ пяти царей и одного языческаго праведника, того Рифея, о которомъ Виргилій говоритъ:

Justissimus unus,
Qui fuit in Teucris a).

Не должно останавливаться на сей прихоти, которая смѣшала всѣ воспоминанія поэта; для насъ нужно только истинное значеніе символа и освященіе Царственнаго Орла Имперіи.

Какое теоретическое умствованіе могло вдохнуть поэту сію идею? Разбирая сей вопросъ, мы найдемъ удивительное противорѣчіе въ самыхъ величайшихъ умахъ того времени. Разсудокъ, кажется, раз-

a) Праведнѣйшій изъ Тевкровъ.

вернулся въ нихъ менѣе всякой другой душевной способности; онъ былъ закованъ въ мѣлочныя и варварскія формы. Возникая, онъ не смѣлъ довѣрять себѣ, не дерзалъ ходить безъ оковъ, которыя, казалось, его поддерживали.

Власть Имперіи, представленную въ стихахъ подъ страннымъ поэтическимъ изображеніемъ, Дантъ защищаетъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ различными доказательствами, какія только можно было придумать. Я приведу одинъ отрывокъ, могущій обнаружить господствующую мысль поэмы. Онъ взятъ изъ книги его о Монархіи:

„Императоръ и Папа, оставаясь тѣмъ, „что они есть, сходны между собой какъ „люди; но они различаются, поколику одинъ „Императоръ, а другой Папа. Что власть „Императора не проистекаетъ и не зависитъ отъ Церкви, можно доказать слѣ„дующимъ образомъ. То, безъ чего какая „нибудь вещь существуетъ, не есть при„чина ея бытія. Но Имперія имѣла бытіе, „когда Церковь еще не существовала, и „такъ бытіе и могущество Имперіи, бу„дучи тождественны, не зависятъ отъ „Церкви. Пусть А представляетъ Церковь,

„В Имперію, С Власть. Ежели С было „уже въ В прежде, нежели явилось А; „то А не есть причина того, что С „находилось въ В. Еще болѣе: ежели Церковь имѣетъ право утверждать Римскаго „Императора, то она получила сіе право „или отъ Бога или отъ самой себя или отъ „какого нибудь Императора, или наконецъ „отъ общаго согласія всѣхъ людей, покрайней мѣрѣ сильнѣйшихъ между ними. Нѣтъ „другихъ средствъ получить ее; но Церковь не получала сего права ни однимъ „изъ перечисленныхъ способовъ; слѣдовательно она не имѣетъ его."

Нѣтъ сомнѣнія, что подъ сими варварскими формами скрывается истина; но представьте себѣ, каковъ долженъ быть поэтическій восторгъ, чтобы одушевить человѣка, получившаго такое воспитаніе, скованнаго подобными схоластическими привычками, и возвысить его до чудныхъ созданій Божественной Комедіи!

Желая оградить и скрѣпить гражданскую власть, геній Данта признавалъ и духовное могущество Папъ. Онъ хотѣлъ, чтобы сіе могущество выражало первообразъ нравственной истины, чтобы, не имѣя права возводить и низлагать

Императоровъ, оно могло удерживать ихъ совѣтами, и чтобы такимъ образомъ освѣщали міръ два блистательныя солнца.

Итакъ вы видите, что въ среднихъ вѣкахъ было больше истины и благоразумія, чѣмъ въ знаменитыхъ новѣйшихъ писателяхъ, кои, представляя протекшее идеаломъ совершенства, мечтали о первенствѣ Папъ, которые могли бъ располагать коронами и такимъ образомъ предупреждать тиранство и возмущенія.

Вся ошибка Данта заключалась, кажется, только въ томъ, что онъ считалъ возможнымъ соединеніе двухъ равносильныхъ властей. Среди республикъ Италіи Дантъ встрѣтилъ тоже, что философы древности видѣли въ смятеніяхъ Аѳинъ и Коринѳа. Сіи мудрецы искали счастія и мира въ правленіи, противоположномъ правленію ихъ республикъ. Правосудіе и свобода, которые были не совмѣстны съ демократіею, могли быть, по ихъ мнѣнію возстановлены только добродѣтельнымъ Государемъ. Они мечтали, говоритъ Платонъ, о добромъ Государѣ-Законодателѣ. Въ XIV столѣтіи, Дантъ, также недовольный народными смятеніями, искалъ высочайшаго общественнаго блага въ верховной нео-

граниченной власти Императора, который долженствовалъ быть не единственнымъ Монархомъ, а раздѣлять власть свою съ добродѣтельнымъ Папою: одному надлежало поддерживать правосудіе въ государствѣ, другому чистоту нравовъ.

Вотъ главная мысль сей сто-пѣсненной поэмы, въ коей смѣшиваются и смѣняютъ другъ друга сатирическія грезы и догматическія истины, историческіе факты и аллегорическіе символы; гдѣ С. Бонавентура изъясняетъ пространно самыя утонченныя богословскія положенія. Въ самомъ дѣлѣ всѣ эти предметы были равно занимательны для среднихъ вѣковъ; и въ семъ отношеніи сочиненіе Данта есть любопытнѣйшій памятникъ исторіи и нравовъ. Сіи длинныя подробности, сіе безконечное изложеніе догматовъ, дѣлающее для насъ столь утомительной одну изъ частей Божественной Комедіи, были для современниковъ неизчерпаемымъ источникомъ просвѣщенія. Безсомнѣнія это чрезвычайно вредитъ поэту въ потомствѣ; но если посредствомъ изученія можно отдѣлиться отъ своего вѣка и вообразить ту эпоху, когда Богословіе было свѣтильникомъ умовъ, единственною наукою; то не трудно представить, что

всѣ части Дантовой поэмы были равно занимательны, сильны и способны для выраженія его главной мысли. Но чтобы достигнуть своей цѣли, чтобы воскресить Имперію, чтобы представить Германскаго Цезаря достойнымъ управлять Италіянцами, онъ изображаетъ его возстановителемъ свободы и тѣмъ низпровергаетъ идеи, которыя мы имѣемъ о среднихъ вѣкахъ.

Воображеніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ публицистовъ, сожалѣя о первенствѣ Папъ, представляетъ оное идеаломъ неограниченной власти и окружаетъ его преувеличенною покорностію. Въ Божественной Комедіи мы находимъ явное опроверженіе сихъ слѣпыхъ предубѣжденій. Дантъ взираетъ на Папъ точно также, какъ на самыхъ простыхъ гражданъ Флоренціи. Онъ изображаетъ наказаніе ихъ въ Адѣ и судъ надъ ними въ Раю. Въ Адѣ отверзаетъ онъ горящую бездну, гдѣ Папы, продавцы святыни, нагромождены другъ на друга, и послѣдній ожидаетъ своего преемника, который глубже погрузитъ его въ пучину пламени. Въ Раю таинственный Орелъ, составленный изъ Святыхъ, сей освященный символъ Имперіи, произноситъ рѣз-

кія укоризны противъ развращенія Папъ, противъ роскоши и корыстолюбія Римской церкви, противъ соблазна индулгенцій: это Лютеръ XIV столѣтія! Въ семъ отношеніи геній Данта есть историческое событіе. Чѣмъ лучше были понимаемы стихи его народомъ, тѣмъ слабѣе становилось могущество Папъ въ Италіи съ XIV вѣка.

Плѣнъ Вонифатія VIII въ Ананьи, пощечина, полученная имъ отъ рыцаря Филиппа Прекраснаго, оставленіе Рима и пребываніе Папъ въ Авиньонѣ, безсомнѣнія показываютъ глубокой упадокъ того могущества, которое мистическія теоріи представляли столь крѣпкимъ въ среднихъ вѣкахъ; но смѣлость Данта, ѣдкіе сарказмы и строгія истины, высказываемыя Римскому Двору, неменьше обнаруживаютъ ослабленіе сей силы и служатъ предтечами того великаго раскола, который вооружилъ противъ Папъ половину Европы.

Такимъ образомъ въ поэмѣ Данта, заключающей всѣ современныя познанія, крылись сѣмена новѣйшихъ идей и страстей, которыя время развернуло въ послѣдствіи. Нельзя сомнѣваться въ могуществѣ

генія, коего выраженія сдѣлались языкомъ всего народа.

Мы не будемъ далѣе останавливаться на историческомъ характерѣ Дантова творенія. Самое занимательнѣйшее для насъ есть поэтическое созданіе. Здѣсь объяснено все; раскрыты всѣ выводы; но поэзія нравится и существуетъ сама собою.

И здѣсь-то потребно глубокое изученіе. Нѣтъ сомнѣнія, что поэзія была только оболочкою мысли; служила средствомъ для намѣреній Данта. Поэтъ представляетъ въ очаровательной картинѣ, подобно Іезекіилю, крылатую колесницу, влекомую таинственнымъ грифономъ, предшествуемую двадцатью четырмя старцами, несущими златые свѣтильники; изображаетъ, что колесница сія останавливается при появленіи Беатриксы, оглашаемой хвалебными пѣснями Ангеловъ; что одинъ изъ Ангеловъ ринулся на колесницу, устлалъ ее своими перьями; что въ нее вбѣжала лисица; что драконъ зацѣпился за нее; что блудница сѣла въ ней; что исполинъ схватилъ сію послѣднюю и колесница исчезла съ ними въ лѣсу; между тѣмъ Беатрикса остановилась при древѣ познанія. Воображеніе со-

временниковъ любило углубляться въ значеніе сихъ аллегорій, которыя не трудно понять. Колесница представляетъ Церковь; грифъ Іисуса Христа и его двойственное естество; лисица пагубную ересь; блудница злыхъ Папъ; исполинъ Филиппа Красиваго.

Такимъ образомъ аллегоріи Данта, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, изображали видимо идеи гражданской независимости, которыя геній великихъ Папъ XI столѣтія старался совершенно изкоренить и которыя съ большей или меньшей силою начали показываться даже въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ богослововъ. Выраженныя съ великою смѣлостію въ Арнолдѣ да Бресчіа, онѣ изложены были умѣренно въ сочиненіяхъ Іоанна Жерсона, Доктора Парижскаго Университета. Франція XIV столѣтія слѣдовала отважнымъ порывамъ Италіянской независимости; писали мѣлкія брошюрки о подсудимости Папы; это были Порт-Рояли тогдашняго времени. Такимъ образомъ въ XVII столѣтіи, между тѣмъ какъ Германія кипѣла расколомъ Лютера, нѣкоторые Французскіе богословы почтительно ратовали противъ Папъ во имя Святаго Августина.

Чѣмъ болѣе будемъ продолжать наши историческія изысканія, тѣмъ яснѣе увидимъ, до какой степени отличается поэма Данта отъ поэмы Гомера. Поэтъ среднихъ вѣковъ долженъ былъ выдержать всю тяжесть разбросанныхъ въ безпорядкѣ безчисленныхъ обломковъ глубокой древности; принужденъ былъ схватить всѣ черты многосложнаго и запутаннаго общества, гдѣ Папа, Императоръ, Короли, вассалы, тираны и вольные города, находились въ безпрерывномъ бореніи. Въ сей-то безднѣ воспоминаній и фактовъ поэтъ обновляется и очищается духомъ. Когда сбрасываетъ онъ съ себя докторскую мантію среднихъ вѣковъ, то воображеніе его творитъ, какъ творило въ первые дни мірозданія; онъ имѣетъ простой вкусъ, юный и звонкій голосъ Греческаго поэта; подобно Гомеру, любитъ простыя картины природы, полей и семейной жизни. Онѣ безпрерывно показываются въ стихахъ его. Сія черта преимущественно обнаруживаетъ удивительную противуположность между различными элементами его генія; она-то, кажется, и даетъ ему физіономію первобытнаго поэта. Между всѣми новѣйшими поэтами Европы, можетъ быть, толь-

ко одинъ Мильтонъ, сквозь политическій хаосъ своего времени и выспренность своего идеальнаго предмета, умѣлъ проникать въ лоно природы; но, какъ человѣкъ начитанный, онъ описываетъ ее съ картинъ Библіи и Гомера, какъ скоро самъ не видитъ или не поражается ею.

Дантъ, утонченный въ изобрѣтеніяхъ, дѣлается простымъ и точнымъ въ изображеніяхъ. Онъ отдыхаетъ отъ фантастическихъ мечтаній, передаетъ первыя, живыя впечатлѣнія природы, сію простоту юнаго міра, какъ говаривалъ Фенелонъ.

Со временъ Гомера, неподражаемаго живописца полей и семейной жизни, не было ни одного поэта, который бы такъ былъ оригиналенъ и такъ естественъ. Никто не изображалъ деревенской жизни въ сколь простыхъ выраженіяхъ, которыя въ искусственной литтературѣ считались низкими, но послѣ сдѣлались общеупотребительными, необходимыми. И въ какія рамы вставлена сія совершенная простота, сія вѣрная картина жизни? Она помѣщена между самыми смѣлыми мечтами поэтическаго воображенія. Въ семъ-то заключается неподражаемость сего единственнаго произведенія!

Вы не найдете ее въ поэтахъ, которые описываютъ природу; но у Данта, который изображаетъ сверхъестественное, вы встрѣтите ее повсюду. Сіи люди, которые не отдѣляются отъ земли, которые обѣщаютъ представить вамъ вѣрное изображеніе жизни, совершенно не знаютъ ее или заваливаютъ хламомъ выраженій. Но человѣкъ, превитающій въ небесахъ, низходящій въ бездны Ада и области Чистилища, окруженный сонмомъ Ангеловъ и нечувствительно улетающій на крылахъ ихъ — сей таинственный поэтъ увлекаемый силою вѣры и любви съ одной звѣзды на другую — онъ раскажетъ вамъ, въ чемъ состоитъ жизнь селянина и пастуха Италіянскаго съ такимъ простосердечіемъ, которое будетъ понятно даже для сихъ послѣднихъ. Хочетъ ли онъ изображать души, внимательныя къ тихимъ напѣвамъ Казеллы и трепещущія при грозныхъ звукахъ Катонова голоса: онъ сравниваетъ ихъ съ боязливыми голубями, которые тѣснятся вокругъ разсыпанныхъ зеренъ пшеницы и ячменя и вдругъ разлетаются, при видѣ страшнаго для нихъ призрака. Сокровенный и многотрудный путь среди Чисти-

лища, который надлежитъ пролетать съ великимъ усиліемъ на крыльяхъ упованія, напоминаетъ ему узкія дороги чрезъ Италіянскія горы и тѣсныя тропинки, которыя крестьянинъ загромождаетъ валежникомъ, когда начинаютъ созрѣвать грозды винограда. Тѣни, заключенныя въ Чистилищѣ, попеременно представляются на дорогѣ поэту и пробуждаютъ въ душѣ его вѣрное изображеніе деревенской жизни. „Такъ изходятъ боязливыя овцы изъ хлѣ„вовъ своихъ одна за другою, и самыя роб„кія, опустивъ глаза въ землю, стоятъ „въ трепетномъ ожиданіи. Что̀ дѣлаетъ „первая, тоже повторяютъ всѣ; ежели „остановится первая, останавливаются „всѣ, не зная въ простотѣ и беззаботнос„ти, для чего это дѣлаютъ.“

Вотъ въ чемъ заключается искусство быть занимательнымъ, возвышеннымъ въ самыхъ простыхъ подробностяхъ. Буало говоритъ съ удивленіемъ, что древніе критики не нашли въ Гомерѣ ни одного низкаго слова, хотя онъ написалъ двѣ поэмы; это происходило, кажется, отъ простой причины: тогда не было словъ облагороженныхъ по преимуществу. Гомеръ сравниваетъ упорно сражающагося Аякса съ

осломъ, котораго не можетъ выгнать изъ чертополоха поселянинъ своими ударами. Дантъ сравниваетъ блаженныя души Рая, ему встрѣчающіяся, съ стаею рыбъ, содержимыхъ въ свѣтломъ и безмятежномъ садкѣ, которыя хватаютъ хлѣбъ, имъ бросаемый. Для сихъ двухъ поэтовъ все въ природѣ доставляло картины и краски.

Такимъ образомъ, не смотря на различіе, которое необходимо должно было существовать между поэтомъ среднихъ вѣковъ и поэтомъ древности, не взирая на громоздъ схоластическихъ познаній, тяготѣвшихъ надъ поэтомъ XIII вѣка, Дантъ — (подивитесь, чудной силѣ его генія!) — отыскалъ, въ кучѣ подробностей, очаровательную простоту Греческой поэзіи.

Сіи простыя образы всего чаще встрѣчаются въ пѣсняхъ, описывающихъ Рай. И дѣйствительно здѣсь всего нужнѣе было поэту призывать на помощь всю природу. Можно представить степени наказаній очищающихъ душу: но какъ изобразить степени блаженства? Виргилій едва могъ набрать двадцать стиховъ для описанія Элисейскихъ полей. „Они вступили въ селенія радости, „подъ свѣжую зелень счастливыхъ лѣсовъ,

„въ жилище блаженныхъ. Тамъ чистый воз-
„духъ озлащалъ поля пурпуромъ, тамъ сія-
„ло новое солнце и новыя звѣзды. Одни
„забавлялись на зеленѣющихъ лугахъ, со-
„стязаясь между собою, другіе, бія ногами
„тактъ, вторили небеснымъ хорамъ и про-
„возглашали стихи!"

Devenêre locos laetos, et amoena vireta
Fortunatorum nemorum, sedesque beatas.
Largior hic campos aether et lumine vestit
Purpureo; solemque suum, sua sidera norunt.
Pars in gramineis exercent membra palaestris,
Contendunt ludo, et fulva luctantur arena.
Pars pedibus plaudunt choreas et carmina dicunt.

Вотъ весь Рай Виргилія! Души нѣсколькихъ избранныхъ героевъ, умершихъ за отечество, нѣсколькихъ изобрѣтателей, обогатившихъ общество полезными открытіями —

Inventas aut qui vitam excoluere per artes.

Сіи привеллигированныя души вкушаютъ небесныя яства:

Conspicit ecce alios dextra laevaque per herbam
Vescentes.

Столь великій поэтъ ничего не придумалъ лучше для описанія небеснаго блаженства, какъ холодное повтореніе обыкновенныхъ жизненныхъ занятій.

Не возможно довольно надивиться плодовитости Данта, который изъ того же самаго предмета составилъ цѣлую поэму. Но какъ показать вамъ прелесть его выраженія, иногда обыкновеннаго, земнаго, иногда идеальнаго? Человѣкъ съ дарованіемъ могъ бы передать ее во Французскихъ стихахъ: но всякой стихотворный переводъ будетъ другимъ твореніемъ, не похожимъ на оригиналъ. Чтобы дать о немъ нѣкоторое понятіе, лучше сдѣлать съ него сколокъ въ прозѣ. Проза для перевода стихотворныхъ произведеній есть тоже, что восковыя фигуры, кои не имѣютъ никакого художественнаго достоинства, но могутъ имѣть чрезвычайную вѣрность и въ полномъ раболѣпномъ подражаніи воспроизвесть всѣ формы и краски оригинала. Я постараюсь перевесть такимъ образомъ нѣсколько отрывковъ изъ Данта, ничего не измѣняя въ его слогѣ: постараюсь передать обороты его языка сильнаго и юнаго, иногда чрезвычайно смѣлаго по выспренности предметовъ, имъ выражаемыхъ, иногда простонароднаго — не для того, чтобы поразить противоположностями, но чтобы сдѣлать его вразумительнымъ для всѣхъ.

Я нѣсколько колеблюсь въ выборѣ предмета для сего опыта: ибо мысли мои имѣютъ нѣкоторое сходство съ мыслями комментаторовъ Данта: я нахожу его вездѣ равно удивительнымъ по силѣ своего выраженія. Его недостатки, его неравности, кажется, не измѣняютъ сильной и непрерывной оригинальности его слога! Недостатки его въ глазахъ нашихъ происходятъ отъ перемѣны точки зрѣнія. Но онъ пишетъ всегда съ одинаковымъ огнемъ и любовію. Поелику богословскіе споры столько жь воспламеняли его, какъ и небесныя видѣнія, то языкъ его всегда одушевленъ одинаково. Впрочемъ постараемся схватить (отличнѣйшія передъ другими) красоты, подобныя тѣмъ свѣтиламъ, кои сіяютъ ярче другихъ даже среди небеснаго блеска.

Таковымъ намъ кажется великолѣпное и прелестное начало Чистилища. Люциферъ выноситъ двухъ поэтовъ изъ бездны. Ваше воображеніе трепещетъ, представляя ужасную картину Ада и путя столь же страшнаго, какъ и самое жилище. Вдругъ поэтъ произноситъ слѣдующія слова, со всѣми прелестями мѣры и гармоніи:

„Чолнъ моего генія разпускаетъ па„руса свои, дабы выплыть въ покойнѣй-

„шія зыби; оставляя за собою кровавое „море, я намѣренъ воспѣть второе царст„во, гдѣ души людей очищаются, дабы „сдѣлаться достойными вступить въ не„бесныя селенія. Священныя Музы! я весь „предаюсь вамъ, оживите мою мертвую „поэзію.... Кроткій свѣтъ восточнаго „сафира, блиставшій на ясномъ небосклонѣ „первыхъ небесныхъ круговъ, возжегъ ра„дость въ глазахъ моихъ, какъ скоро я „вышелъ изъ смертной мглы, омрачавшей „сердце и очи мои. Прекрасная планета, „покровительница любви, заставляла улы„баться весь востокъ. Я обратился на „право и узрѣлъ четыре свѣтила, ко„торыя никѣмъ не были видимы, кромѣ „первозданныхъ существъ. Небо любова„лось повидимому ихъ свѣтомъ. Осиро„тѣлый сѣверъ, ты лишенъ созерцанія „сихъ звѣздъ!.. Переставъ разсматривать „ихъ, я обратился къ другому полюсу, „туда куда закатилась колесница, и у„рѣлъ предъ собою одного старца, дос„тойнаго по своему виду гораздо большаго „почтенія, нежели какое воздаетъ сынъ „своему родителю.“

Старецъ сей былъ Катонъ, который, по мнѣнію поэта, какъ добробѣтельнѣй-

тій язычникъ, былъ достоинъ занимать первое мѣсто въ Чистилищѣ. Но сіе строгое изображеніе умягчено самымъ восхительнѣйшимъ описаніемъ:

„Тихій и ровный воздухъ, столь же „нѣжно какъ зефиръ, обвѣвалъ лице мое. „Поникшіе листья при тихомъ трепе„таніи склонялись въ ту сторону, куда „священная гора отбрасываетъ тѣнь свою. „Они были волнуемы не такъ, чтобы птицы, „сидящія на вершинахъ деревъ, прекратили „свое пѣніе. Пернатыя, оживленныя ра„достью, наслаждались первыми минутами „разсвѣтающаго дня, порхая между листья„ми деревъ, которыя соединяли шопотъ „свой съ ихъ пѣніемъ.

„Идя медленно, я такъ далеко углу„бился въ дремучій лѣсъ, что не могъ при„помнить, откуда вошелъ въ него. Вдругъ „привлекъ мое вниманіе текущій на лѣвой „сторонѣ ручеекъ, напаяющій своими струя„ми мураву, растущую по брегамъ его. Всѣ „воды, даже самыя чистыя, возмущены ка„кою нибудь примѣсью, выключая струй „сего кристальнаго источника, текущаго „въ вѣчной тѣни, которая не допускаетъ „до него даже лучей солнца и луны. „Я остановилъ стопы мои и устремилъ

„глаза на противоположный берегъ ручья, „дабы полюбоваться цвѣтущею зеленью. „Тамъ мысль моя окована была внезапнымъ, „чуднымъ явленіемъ: я узрѣлъ уединен„ную дѣву, пѣвшую гимны и срывавшую „цвѣты, коими былъ усѣянъ путь ея. „Прелестная дѣва, согрѣваемая лучами не„бесной любви, отражавшейся въ чертахъ „твоихъ, въ зерцалѣ сердечныхъ помыш„леній! приближься къ сему источнику, „дабы я могъ разслышать пѣсни твои! Ты „напоминаешь мнѣ Прозерпину, въ день ея „похищенія, то въ время, когда она поте„ряла весну свою!

„Какъ юная дѣва, которая во время „пляски выступаетъ незамѣтно, едва касаясь „до земли ногами, она приблизилась ко „мнѣ по алымъ и лазоревымъ цвѣтамъ: „стыдливо потупивъ очи свои, удовлетвори„ла она моему желанію. Я услышалъ кроткіе „звуки ея голоса. Какъ скоро приблизилась „она къ берегу ручья, орошающаго зелень „луга, то удостоила меня своего взгляда, „устремила на меня свои взоры. Я не ду„маю, чтобы подъ рѣсницами влюблен„ной Венеры, пылало болѣе огня. Она, „стоя на правомъ берегу ручья, улыбалась

„и срывала цвѣты, которые изникали изъ „нѣдръ земли сами собою.“

Сіе очаровательное видѣніе поэтъ именуетъ Матильдою; и подъ именемъ сей неустрашимой другини Григорія VII комментаторы разумѣютъ живую приверженность къ Церкви. Но какъ согласить апотеозъ Графини Матильды съ пристрастіемъ Данта къ Императору? Здѣсь поэтъ восторжествовалъ надъ Джибеллиномъ.

Одною изъ величайшихъ красотъ Божественной Комедіи можно почесть то, что поэтъ виденъ во всѣхъ частяхъ своего творенія. Изгнать совершенно человѣка изъ среды фантастическихъ созданій было бы величайшею ошибкою генія. Идеальныя и выспреннія изображенія, своею продолжительностію утомляютъ слабое человѣчество. Какъ восхитительно, когда, среди картинъ неба и ада, начертанныхъ Мильтиномъ, является человѣкъ, является поэтъ и бесѣдуетъ о своихъ бѣдствіяхъ! Образъ человѣка, намъ подобнаго, среди чаръ поэтическихъ, насъ трогаетъ, привлекаетъ, какъ звуки голоса человѣческаго среди прекраснѣйшей пустынной природы.

Такое счастливое сочетаніе вы встрѣчаете безпрестанно въ поэмѣ Данта; созерцатель божественнаго, онъ разнообразитъ свои соверцанія примѣсью воспоминаній человѣческихъ. Въ области горняго міръ говоритъ онъ вамъ о земной славѣ, о своихъ надеждахъ. Никому самолюбіе поэтическое не доставляло чистѣйшей радости, какъ Данту, когда онъ, при входѣ въ Чистилище, гдѣ начинаютъ уже улыбаться радости жизни, встрѣчаетъ музыканта, своего друга, который, склонясь на просьбы его и желая очаровать души мелодическимъ голосомъ, вдругъ запѣваетъ одно canzone Данта. Вы можетъ быть станете смѣяться надъ поэтомъ, который заставляетъ повторять стихи свои даже въ другомъ мірѣ. Впрочемъ вѣра Данта въ свою славу соединена съ высокою философическою скромностію. Одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ въ сей эпизодической поэмѣ есть мечта объ усовершенствованіи искусствъ и о суетности славы. Поэтъ кажется предчувствуетъ здѣсь свою знаменитость. Обращаясь къ одной душѣ, онъ повидимому узнаетъ ее:

„Не ты ли это Одериджи, украше-
„ніе и честь искусства, которое назы-

„ваютъ въ Парижѣ расцвѣчиваньемъ (en-
„luminure) ?“ — „Собратъ, отвѣчалъ онъ,
„картины Франка Болонскаго имѣютъ болѣе
„блеска. Вся слава принадлежитъ теперь
„ему, и я имѣю въ ней малое участіе!
„Я не былъ такъ скроменъ во время
„жизни; я горѣлъ желаніемъ превзойти
„всѣхъ въ искусствѣ, которому предался
„всѣмъ сердцемъ. Теперь я наказанъ за
„свою надменность; я не былъ бы даже и
„въ семъ жилищѣ, еслибы не обратился
„къ Богу, будучи грѣшникомъ. О какъ
„суетна слава бренныхъ человѣковъ! Сколь
„кратковременно зеленѣютъ лавры ея въ
„вѣкъ образованности! Чимабуэ считался
„первымъ живописцемъ, а теперь Джіот-
„то наслѣдовалъ и помрачилъ славу его.
„Точно также Гвидо исторгъ пальму крас-
„норѣчія у соименнаго себѣ состязателя;
„но можетъ быть уже родился и тотъ, кто
„долженъ изгнать того и другаго изъ ихъ
„убѣжища.

„Слава міра есть дыханіе вѣтра, ко-
„торый вѣетъ то съ одной то съ дру-
„гой стороны и съ перемѣною направленія
„перемѣняетъ свои названія. Разстанешь-
„ся ли съ одряхлѣвшимъ тѣломъ въ глу-
„бокой старости, или умрешь не пере-

„живъ своего младенческаго лепетанья: сла„ва твоя по прошествіи тысячи лѣтъ бу„детъ незамѣтна. Всякое пространство „времени въ сравненіи съ вѣчностію коро„че, нежели мгновеніе ока въ сравненіи „съ самыми продолжительнѣйшими періо„дами небесныхъ круговращеній. Взгляни„те! Душа, которая такъ медленно шe„ствуетъ предъ нами, наполняла нѣкогда „славою своего имени цѣлую Тоскану; но „теперь едва говорятъ о ней въ одной „Сіеннѣ, гдѣ она владычествовала и сокру„шала неистовство Флоренціи, прежде „столь славной и нынѣ такъ опозоренной. „Ваша слава подобна былію, прозябшему на „минуту и издыхающему отъ лучей того же „солнца, которое извело его изъ земли, „во всей свѣжести и красотѣ.“ (Чисти„лище. Пѣснь XI).

Вы безъ труда отгадаете поэта, долженствующаго изгнать Гвидо изъ его убѣжища.

Въ самомъ дѣлѣ Дантъ видѣлъ исполненіе своихъ предсказаній. Списки съ его поэмы, разсѣянные по Италіи, были приняты съ удивленіемъ. Спустя годъ послѣ его изгнанія, правители Флоренціи новымъ приговоромъ осудили Данта на сожженіе

(igne comburatur sic quod moriatur). Но сограждане, узнавъ о славѣ его, начали раскаяваться въ своей строгости; и мы видѣли, что онъ могъ бы возвратиться въ свое отечество, еслибы согласился исполнить требованія правительства. Читая нѣкоторыя любовныя стихотворенія, составленныя имъ въ минуты отдохновенія, можно было бы подумать, что, кромѣ благородной гордости, были другія причины, мѣшавшія ему возвратиться въ Флоренцію.

„О нагорная пѣснь моя! Ты летишь. „Можетъ быть ты узришь Флоренцію, „мѣсто моего рожденія, которая, потерявъ любовь и умертвивъ состраданіе, „отринула меня отъ своихъ матернихъ „объятій. Ежели ты проникнешь въ нее, „то скажи: родитель мой не можетъ про„известь безпокойства тамъ, откуда иду „я: онъ связанъ такими узами, что не „можетъ возвратиться, хотя бы смягчи„лась жестокость твоя.“

Впрочемъ ни въ однихъ стихахъ не выражалъ Дантъ любви своей къ отечеству съ такою силою, какъ въ изображеніи древней простоты Флоренціи. Это одно изъ самыхъ поразительнѣйшихъ мѣстъ въ его поэмѣ. Дантъ, влагая сіе повѣствова-

ніе въ уста святаго своего родоначальника, осыпаетъ укоризнами выродившихся современниковъ. Знаете ли вы, какое было послѣднее его желаніе, послѣдняя награда, которой ожидалъ онъ отъ своей славы? Вотъ оно:

„Если священная поэма моя, запечатлѣнная руками неба и земли, заставлявшая меня истаевать отъ голода нѣсколько лѣтъ, умягчитъ жестокость людей, изринувшихъ меня изъ колыбели, въ которой я спалъ безмятежно, какъ агнецъ посреди волковъ, покрытыхъ чуждою кожею, воющихъ чуждымъ голосомъ и готовыхъ пожрать меня, то я возвращусь поэтомъ и на водахъ моего крещенія пріиму вѣнецъ!“ (Пѣснь XXV. Рай).

Я остановлюсь на этихъ стихахъ. Они составляютъ послѣдній завѣтъ сей поэтической души. Среди смѣлой Христіанской поэзіи, среди сонма Ангеловъ, имъ изображаемыхъ, вы видите въ Дантѣ простодушнаго Христіанина, кроткаго, вѣрующаго. Онъ есть послушный сынъ Церкви, хотя и поноситъ Папъ съ такою дерзостью. Сей вѣнецъ, котораго ожидаетъ онъ отъ будущности, есть вѣнецъ Іоанна Крестителя.

Дерзость генія, предтечи реформаціи, благовѣйная и живая вѣра, воображеніе проникнутое духомъ Христіанства и гибкость язычества, слились неподражаемо въ блистательныхъ твореніяхъ Данта и сообщили имъ необыкновенную простоту и таинственость. Изъ сего-то смѣшенія столь разнородныхъ чувствованій, столь противоположныхъ вдохновеній, составленъ величайшій поэтъ среднихъ вѣковъ, поэтъ, коего возвышенные и простые стихи будутъ изучаемы, доколѣ въ мірѣ не изчезнетъ языкъ Италіянскій и любовь къ поэзіи!

—⁂—

V.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВЪ 1830 ГОДУ. *Часть I и II. СПБ. въ тип. III Отд. Собст. Е. И. В. Канцел. 1832.*

Насъ Русскихъ не льзя, кажется, назвать домосѣдами. Съ прошлаго вѣка, вкусъ къ путешествію, разумѣется, между тѣми, кои могутъ странствовать, говоря простонародною поговоркою, не на своихъ на двоихъ, усилился до потребности, до страсти, до необходимости при-

личія и моды. Не быть въ чужихъ краяхъ, въ жизни человѣка благовоспитаннаго съ претензіями на образованность и дѣятельность, считается важнымъ, невосполнимымъ пропускомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіи заграничныя прогулки были не безъ пользы для многихъ изъ путешественниковъ, распространяя знакомство ихъ съ природою и людьми за предѣлы домашняго очага, обогащая новыми впечатлѣніями, новыми понятіями, новыми чувствованіями. Но польза сія, большею частію, оставалась при нихъ, ограничивалась только ихъ личностью, не расширяясь до той благотворной всеобщности, которой мы, соотечественники ихъ, остающіеся дома, вправѣ отъ нихъ ожидать и требовать. Привозимый капиталъ должно пускать въ оборотъ, по главному, коренному закону общественной жизни: но наши соотчичи, если они дѣйствительно обогащаются въ чужихъ краяхъ, рѣдко дѣлятся съ нами своими стяжаніями. Отсюда путешествія до сихъ поръ составляютъ самую скудную статью въ библіографическомъ бюджетѣ нашей словесности. Скудость сія болѣзненна для насъ Русскихъ не только по отношенію къ намъ самимъ: она стыдитъ насъ предъ всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ, въ члены коего просимся мы такъ упорно и который посему вправѣ отъ насъ требовать полезнаго, дѣятельнаго споспѣшествованія его трудамъ и видамъ. Путешествія составляютъ главный фондъ живыхъ, положительныхъ свѣденій, изъ коихъ слагается самопознаніе вѣка; и для поддержанія его каждое человѣческое семейство, участвующее въ общемъ дѣлѣ просвѣ-

щенія, должно приносить свою лепту. Всякой народъ имѣетъ свой собственный взглядъ, свою особенную манеру наблюдать, видѣть и описывать. Взглядъ сей бываетъ пристрастенъ, манера односторонна; но истина должна быть результатомъ ихъ совокупнаго соображенія. И чѣмъ болѣе сихъ разнообразныхъ взглядовъ, сихъ разносторонних способовъ наблюденія и представленія, тѣмъ очевидно полнѣе и ближе къ истинѣ составляемыя изъ нихъ понятія. Отчего мы Русскіе такъ интересуемся разсказами чужеземныхъ путешественниковъ о нашей отчизнѣ, хотя они большею частію внушаются самымъ несправедливымъ пристрастіемъ, наполнены самыми нелѣпыми баснями? Оттого что мы видимъ въ нихъ совершенно другой взглядъ, другую манеру наблюдать и цѣнить народную нашу физіономію, къ какой мы сами не привыкли и не можемъ привыкнуть! Удивленіе ихъ тому, что̀ у насъ такъ обыкновенно, невѣжество въ томъ, что̀ намъ такъ естественно, обогащаютъ насъ не только любопытными, но и поучительными данными, по которымъ мы гораздо полнѣе можемъ понимать и гораздо вѣрнѣе можемъ цѣнить себя. Точно также и для чужеземцевъ должны быть любопытны и поучительны наши Русскія наблюденія, нашъ Русскій взглядъ, наши Русскія чувствованія и понятія о природѣ и людяхъ. Это доказывается поспѣшностью, съ коей всѣ Русскія оригинальныя путешествія переводятся на всѣ главные Европейскіе языки. Хотябъ это развязало языкъ нашимъ безгласнымъ странникамъ и

подстрекнуло ихъ говорить и писать, если не для Россіи, то по крайней мѣрѣ для Европы!..

Есть много родовъ путешествій, по различію свойствъ, характеровъ и намѣреній путешественниковъ. Но всѣ они могутъ быть подведены къ двумъ главнымъ категоріямъ. Одни путешествуютъ собственно для пользы, другіе для наслажденія; первые собираютъ наблюденія, послѣдніе ищутъ впечатлѣній; тѣ обогащаютъ умъ, сіи питаютъ воображеніе. Отсюда путешествія можно раздѣлить вообще на *ученыя* и *живописныя*.

Въ путешествіяхъ *ученыхъ* требуется строгая точность безстрастнаго наблюденія: посему національность путешественниковъ играетъ здѣсь роль не такъ важную. Для ума нуженъ вѣрный счетъ и подробная опись: но дабы вѣрно считать и подробно описывать, надобно уничтожать живую разнообразную игру явленій, которая развлекаетъ вниманіе, надобно изсушать живыя существа въ муміи, превращать живыя движенія въ цифры. Эту холодную механическую работу миссіонеры всѣхъ націй будутъ производить одинаково. Ихъ наблюденія и замѣтки могутъ отличаться другъ отъ друга прозорливостью, полнотой, основательностью, но не разнообразіемъ точекъ и способовъ зрѣнія. Смѣты и выкладки производятся по однимъ законамъ у всѣхъ народовъ. Посему, путешествія *ученыя* не составляютъ національной собственности, заклейменной печатью народнаго духа, а общую безцвѣстную работу человѣческаго рода.

Только въ путешествіяхъ *живописныхъ* путешественники являются послами и представителями своихъ націй. Здѣсь дѣйствуетъ не умъ, а воображеніе; природа изучается не въ бездушныхъ механическихъ формахъ, а въ одушевленной игрѣ жизни; собираются не мертвыя чучелы и безцвѣтные чертежи, а животрепещущія впечатлѣнія, живыя картины. Коротко сказать, *живописное* путешествіе имѣетъ всѣ черты вдохновенія и поэзіи. Но вдохновеніе носитъ цвѣтъ атмосферы, въ коей зараждается; въ поэзіи отражается душа поэта со всѣми своими наклонностями, привычками, предубѣжденіями, страстями. Отсюда *живописныя* путешествія суть важнѣйшіе документы умственной и нравственной жизни народовъ, коимъ принадлежатъ. Пошлите Русскихъ ученыхъ по слѣдамъ Гумбольдта: ихъ наблюденія и вычисленія будутъ тѣже. Но закажите имъ поэтическую работу, потребуйте отчета въ ихъ впечатлѣніяхъ и чувствахъ, попросите быть не рисовщиками, а живописцами: вы увидите, какъ отразится вездѣ печать ума Русскаго, души Русской! Разверните путевыя записки Европейцевъ: на нихъ глубоко нарѣзаны слѣды національности! Нѣмецъ вездѣ ищетъ мысли; Англичанинъ преслѣдуетъ цѣль; Французъ любуется игрой явленій. Даже между одноземцами, личный характеръ путешественника, сгибъ ума, духъ касты, предразсудки системы, сообщаютъ особую физіономію взглядамъ и картинамъ. Вольней и Шатобріанъ различно видѣли, различно изображали одни и тѣже предметы. Итакъ вотъ гдѣ желалось бы видѣть участіе

Русскихъ путешественниковъ, дѣятельное и усердное! Вотъ за что къ нимъ были бы признательны и отечество и чужеземцы!.

На всемъ пространствѣ земнаго шара нѣтъ страны, болѣе живописной, выше поэтической, какъ Палестина, колыбель и гробъ священнѣйшихъ воспоминаній человѣчества. Къ ней прикрѣплены, въ ней сосредоточены важнѣйшія нити міродержавнаго Промысла. Здѣсь отечество народа, необычайнаго, единственнаго, который, завѣщавъ вселенной свои таинственныя преданія, скитается, длинный рядъ вѣковъ, запоздалою тѣнью, не принимаемою жерломъ могилы, давно поглотившей всѣхъ его сверстниковъ и собратій! Здѣсь вертепъ, въ коемъ повилась младенческими пеленами, и лобное мѣсто, гдѣ запечатлѣлась божественной кровью, Религія, мать нашего просвѣщенія и нашей гражданственности! Здѣсь отчизна чудесъ, смиряющихъ нашъ умъ въ послушаніе вѣры, ковчегъ обѣтованій, питающихъ нашу жизнь безсмертными надеждами! Западная Европа, утучнивъ ея дикія скалы потоками благороднѣйшей своей крови, приковала къ нимъ новыя воспоминанія, сообщила ихъ таинственному безмолвію новое краснорѣчіе. Коротко сказать, Палестина по всѣмъ правамъ именуется Землею Святою! На каждомъ шагу встрѣчаешь печать таинства, не стертую вѣками; въ каждомъ звукѣ слышишь эхо пророчества, пережившее тысячелѣтія. Вездѣ глубокой смыслъ, вездѣ сокровенная жизнь, вездѣ святая, божественная поэзія! Очарованіе еще болѣе возвышается безмолвіемъ запустѣнія, отяготѣвшаго надъ сей таинственной страной,

по неисповѣдимымъ совѣтамъ Промысла. Призракѣ жизни уныло дремлетъ или мелькаетъ беззаботною тѣнью по священнымъ развалинамъ, какбы для того, чтобъ не затереть своимъ прикосновеніемъ ихъ высокіе гіероглифы, не заглушить своимъ шумомъ ихъ краснорѣчивыя преданія. Какая богатая, неистощимая жатва для поэта-путешественника! И мы радуемся всей душой, видя Русскаго, посѣтившаго сію страну чудесъ съ сердцемъ пламеннымъ, съ воображеніемъ сильнымъ, съ благочестіемъ пилигрима, съ энтузіазмомъ поэта!

Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ есть драгоцѣннѣйшій подарокъ нашей словесности, коимъ подѣлиться съ Европой пріятно для нашей патріотической гордости. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ фанатизма, Западная Европа охладѣла-было къ странѣ, освященной толикими воспоминаніями. Путешествія въ Палестину становились безпрестанно рѣже и рѣже: наконецъ ограничились оффиціальными миссіями монаховъ и любопытными посѣщеніями авантюристовъ. Такъ было при началѣ настоящаго столѣтія, когда Шатобріанъ отважился снова взять забытый посохъ пилигрима и отправился въ Святую Землю съ энтузіазмомъ поэта. Его путешествіе, въ свое время имѣвшее заслугу новости и единственности, черезъ двадцать пять лѣтъ, нашло во Франціи достойнаго послѣдователя. Поэтъ Ламартинъ отправился недавно въ Палестину, дабы освѣжить живыми впечатлѣніями чувства, коихъ былъ усерднымъ, звучнымъ глашатаемъ. Пока дожидаются еще плодовъ пред-

принятаго имъ странствованія, мы можемъ представить Европѣ картины нашего Русскаго путешественника, коихъ, признаемся, не промѣняемъ на Шатобріановы!

Отличительная черта нашего путешественника есть Русское, искреннее чувство, изливающееся изъ глубины души, проникнутой истиннымъ благочестіемъ. Не смѣемъ оскорблять великаго мужа Франціи подозрѣніемъ въ неискренности: но не можемъ не замѣтить, что большая часть его картинъ отличается одною яркостью колорита, подъ которою едва ощутительна теплота чувства. Вообще вниманіе Шатобріана развлекалось между священными воспоминаніями Библіи и развалинами древнихъ классическихъ и среднихъ романтическихъ памятниковъ. Мудрено рѣшить, гдѣ онъ чувствовалъ живѣе и пламеннѣе, на прахѣ Спарты или на руинахъ Іерусалима. Подъ самыми стѣнами Святаго Града, въ виду Елеонской Горы и Юдоли Іосафатовой, онъ повѣряетъ Тасса на ряду съ Давидомъ и Исаіею. Наконецъ, можетъ быть, платя дань національному характеру, онъ слишкомъ много занимается своею личностью: охотно разсказываетъ о посвященіи своемъ въ Рыцари Гроба Господня и очень бѣгло о состояніи Христіанства въ Палестинѣ, даже почти ничего о священныхъ обрядахъ, совершаемыхъ надъ колыбелью и гробомъ Спасителя, кои такъ неописанно торжественны, такъ невыразимо трогательны въ ихъ убогой нищетѣ, въ ихъ поруганномъ величіи. Нашъ Русскій путешественникъ напротивъ совершенно забываетъ себя: онъ весь восторгъ, весь благоговѣніе,

въ присутствіи совершаемыхъ предъ нимъ таинствъ. Рукою трепещущей, но вѣрной, изображаетъ онъ мрачную картину запустѣнія и поруганія, окружающихъ божественную колыбель Христіанства: святое негодованіе кипитъ въ его душѣ: онъ страдаетъ и зоветъ праведную месть на осквернителей святилища! Явно, что Іерусалимъ былъ единственною цѣлью его странствованія, религіозное чувство главнымъ вождемъ его! Всѣ замѣчанія его о другихъ странахъ, богатыхъ не священными воспоминаніями, коротки, бѣглы, схвачены на лету, мимоходомъ, дорогою. Только за порогомъ Святой Земли видишь его остановившимся, погруженнымъ въ помыслы глубокіе, въ мечты дивныя! Здѣсь воспоминанія его всѣ религіозныя, чувства Христіанскія, краски библейскія! Явленіе, которое должно удивить Европу и которымъ мы Русскіе имѣемъ все право гордиться! Пусть современники у насъ учатся вѣровать, чувствовать, молиться! Пусть узнаютъ отъ насъ, что религія можетъ быть неразлучна съ просвѣщеніемъ, что благочестіе не враждуетъ съ поэзіей!..

Относительно свѣденій и подробностей собственно историческихъ, *Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ* содержитъ въ себѣ много новаго, любопытнаго для насъ и для Европейцевъ. Доселѣ путешественники, большею частію Католики, не обращали вниманія на Христіанъ Греческаго исповѣданія, живущихъ въ Палестинѣ. По ихъ расказамъ, можно подумать, что Католики доселѣ господствуютъ въ Святыхъ Мѣстахъ. Это неправда. Греческое вѣроисповѣданіе принад-

лежитъ большинству Христіанскаго народонаселенія Палестины. И здѣсь особенно замѣчательно количество Русскихъ Христіанъ, котораго доселѣ мы сами не подозрѣвали въ Св. Землѣ. Такъ въ Лаврѣ С. Саввы, висящей надъ дикимъ русломъ потока Кедрскаго, половина монаховъ Русскихъ. Путешественникъ нашелъ въ ней портретъ Мазепы и „печатныя картины незабвенныхъ битвъ 1812 года, утѣшающія Русскія сердца иноковъ, даже въ тишинѣ столь дикаго уединенія, и съ умиленіемъ прочелъ вдохновенную молитву Св. Димитрія Ростовскаго, начертанную близь пальмы Св. Саввы" (I. 281). Новость любопытная и — трогательная! Какъ Христіанинъ Греческаго вѣроисповѣданія, Русскій странникъ описалъ подробно православные обряды Восточной Церкви, совершаемые при Гробѣ Спасителя, коихъ тщетно будемъ искать у путешественниковъ Западной Европы. Явленіе Священнаго Огня въ Великую Субботу, столь тѣсно связанное съ благочестивыми преданіями нашей Русской старины, о которомъ иновѣрные путешественники говорятъ съ пренебреженіемъ или кощунствомъ, представлено здѣсь съ трогательною вѣрностію, въ живой картинѣ. Коротко сказать *Путешествіе къ Св. Мѣстамъ* есть путешествіе Русскаго просвѣщеннаго Христіанина; и слѣдовательно явленіе новое, небывалое, во всѣхъ отношеніяхъ и для всѣхъ любопытное!

Что касается до изложенія и обработки, въ литературномъ отношеніи, намъ остается отдать полную справедливость благородству, изяществу, одушевленной живости и нерѣдко

трогательному величію языка, весьма рѣдкому въ произведеніяхъ нашей словесности. Къ сожалѣнію, встрѣчаются нѣкоторые обороты не Русскіе, не понимаемъ какъ, прокравшіеся въ рѣчь, коей весь составъ дышетъ свободою и естественностію.

Заключимъ желаніемъ видѣть скорѣе переведеннымъ на Европейскіе языки сей драгоцѣнный подарокъ нашей словесности и повтореніемъ приглашенія къ нашимъ странствующимъ соотечественникамъ, возвращаться домой не съ пустыми или съ завѣшными портфейлями! Тяжкая отвѣтственность будетъ лежать на нихъ за молчаніе, неумышленное и умышленное!...

V.

РОЖДЕНІЕ НАПОЛЕОНА.

ИЗЪ

СЦЕНЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

(1769).

Два Генуезца, волонтеры въ службѣ республики, просили объ опредѣленіи ихъ во Французскій легіонъ. Предполагая, что они при случаѣ могутъ быть полезны, ихъ помѣстили въ летучій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Графа Вадшландскаго. Старикъ Джіакомо былъ какъ будто закаленъ, но болѣе частымъ употребленіемъ водки, чѣмъ лѣтами; выраженіе огромнаго лица его было ужасно. Широкій лобъ, коего на-

пряженныя жилы были почти налиты черною кровью, далеко простирался за виски. Густой и жесткой, какъ щетина, клокъ волосъ торчалъ на черепѣ, подобно щеткѣ, а черный усъ падалъ на нижнюю губу и щекоталъ бороду. Не разъ отсылалъ онъ душу свою къ чорту, когда во время дѣйствія, разрывая патронъ, случалось ему обкусывать свои длинные усы. Большіе красные глаза его сверкали изъ подъ сѣдыхъ, длинныхъ, горизонтально лежащихъ бровей. Странный человѣкъ былъ Джіакомо. Но по наружности онъ былъ еще менѣе отвратителенъ, чѣмъ по нравственному своему звѣрству. Когда умирающій испускалъ послѣднее дыханіе и каждый отвращалъ отъ него взоръ свой, Джіакомо смотрѣлъ на него съ свирѣпою улыбкой, съ усмѣшкою гіены или шакала.

Еще разъ повторю: странное существо былъ Джіакомо, Генуезецъ, служившій въ легіонѣ Графа Вадтландскаго. Но еще страннѣе былъ сынъ его, промышлявшій прежде контрабандою. Одна только исключительная страсть отличала его отъ отца; во всѣхъ стычкахъ съ таможенными приставами, по случаю ночныхъ предпріятій для провоза запрещенныхъ товаровъ, отецъ Джіакомо прежде всего кидался на фляжку съ водкой, а сынъ на кошелекъ убитаго. Деньги были господствующею его страстью: ненависть и игра единственною любовью, врожденнымъ, непритворнымъ, глубокимъ чувствомъ его души. Онъ игралъ съ изступленіемъ, съ бѣшенствомъ, такъ что однажды проигравши

все, что съ нимъ было, онъ хотѣлъ поставить на карту — душу своей матери!

Однажды вечеромъ, одинъ Французскій солдатъ, также имѣвшій страсть къ картамъ, не явился на сборъ и пропалъ безъ вѣсти. Вѣроятно молодой Джіакомо столкнулъ его въ какой нибудь ровъ въ слѣдствіе ссоры за картами.

На другой день, вступили мы въ кровопролитный бой съ непріятелемъ.

Нашъ корпусъ нѣсколько разъ былъ первый въ дѣлѣ. Джіакомо блаженствовалъ и рубился отчаянно. Сынъ его, за недостаткомъ патроновъ, кинулъ ружье и схвативъ непріятельскаго солдата ломалъ его въ рукахъ какъ хворостину. Но Корсиканецъ одолѣлъ его, вцѣпился ему въ лице зубами и оторвалъ ему бровь вмѣстѣ съ мясомъ. Джіакомо почувствовавъ, что кровь течетъ у него по губамъ, облизалъ ее языкомъ, подобно собакѣ. Бомба окончила борьбу. Корсиканецъ изчезъ, а Генуезскій тигръ валялся въ нѣсколькихъ шагахъ, хрипѣлъ и едва переводилъ духъ.

Сынъ Джіакомо оправился уже отъ контузіи, когда мы 5 Мая пришли къ крѣпости Св. Николая. Положено было немедленно произвести осаду и въ слѣдствіе того роздали приказанія по всей арміи.

Подъ вечеръ въ рядахъ непріятельскихъ явился человѣкъ, который невольно привлекалъ вниманіе; во взглядѣ его былъ отблескъ генія, признакъ величія, какъ будто царственная эмблемма надъ головою; ему сопутствовала пре-

красная молодая женщина, копія тѣхъ статуй, кои встрѣчаешь въ Италіи у преддверія храмовъ; цвѣтъ лица ея походилъ на цвѣтъ фигуръ нѣкоторыхъ сладострастныхъ фресковъ. Она скакала на черномъ конѣ и ни на минуту не отставала отъ Корсиканскаго полководца, который повидимому былъ ея мужъ. Нельзя было не принимать глубокаго участія въ этой женщинѣ, которая будучи беременна, съ неустрашимостью переносила опасности военной жизни.

На другой день крѣпость Св. Николая покорилась нашимъ войскамъ. Только вдали уже раздавались ружейные выстрѣлы, какъ вдругъ во ста шагахъ отъ меня неожиданно просвистала пуля, ударила Джіакомо въ челюсть, вышибла ему нѣсколько зубовъ и разорвала ротъ. Джіакомо съ ревомъ упалъ на землю. Онъ былъ страшенъ и бѣшенство его наводило ужасъ.

— „Этаго мало, чтобъ умереть!“ сказалъ онъ своему сыну: „мнѣ суждено околѣвать въ больницѣ. Чортъ возьми!“...

Онъ валялся въ пыли, глотая ее вмѣстѣ съ кровью, которая текла изъ раны. Сынъ въ безмолвіи стоялъ предъ нимъ на колѣнахъ и смотрѣлъ на него съ какимъ-то оцѣпененіемъ. Стараго Джіакомо положили на носилки и перенесли въ походный госпиталь. „Чортъ возьми!“ кричалъ по своему обыкновенію раненый: „чортъ возьми!“...

—„Ударъ карабиномъ... и я выздоровѣлъ бы совсѣмъ!.. Именемъ Св. Джіакомо, моего ангела, ос-

тавьте меня. Дайте мнѣ умереть спокойно, говорю я вамъ. . . только пришлите ко мнѣ сына. “ . .

Сынъ Джіакомо пришолъ. . . . . .

— „Сынъ! “ сказалъ ему отецъ: „пуля мозжитъ мнѣ голову, вынь ее саблей или ножомъ: все ровно, надобно ее вынуть. “. .

— „Я оставляю тебѣ въ наслѣдство эту пулю . . . и мое мщеніе!“. . прибавилъ онъ и съ усиліемъ повернулся на бокъ.

— „И этого еще мало за все зло, которое сдѣлали мнѣ Корсиканцы “ . . .

— „Вотъ какъ ты долженъ поступить съ тѣмъ, что̀ я тебѣ завѣщаваю. “ . .

Сынъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ и еслибъ дрожь не била его по временамъ, то можно бъ было подумать, что онъ окаменѣлъ.

— „Прежде всего мщеніе.“ . . .

При этомъ словѣ огромный ротъ раненаго еще болѣе расширился отъ радости, и ему стоило большой муки снова закрыть его.

— „Мщеніе !... Зарѣжь въ честь мою столько Корсиканцевъ, сколько достанетъ у тебя силъ !“ . .

Сынъ съ холодностью повторялъ его слова.

— „Что касается до пули, то недостаточно еще всадить ее въ грудь какого нибудь набольшаго . . . . Да! постой ! когда ты встрѣтишь ту прекрасную беременную женщину, которую мы видѣли въ крѣпости Св. Николая . . . Пали ! Стрѣляй въ нее и въ ребенка . . . Слышишь ли? . . “

Сынъ глухимъ и однозвучнымъ голосомъ вмѣсто отвѣта повторялъ слова его, подобно школьнику, который на память учитъ молитву.

— „Я доволенъ тобой... Теперь, ты можешь начинать — я слишкомъ страдаю.... Возьми мой ножъ... онъ остръе... Нѣтъ прежде налей мнѣ въ горло нѣсколько капель водки, это ничего не значитъ; мнѣ теперь долго не пить.“..

Генуезецъ взялъ фляжку съ водкой и налилъ нѣсколько капель въ раздробленную челюсть. Тутъ посыпались ругательства; глаза его выкатились; слезы бѣшенства, ужасныя судороги, тяжелое и прерывающееся дыханіе, составляли отвратительную картину. Наконецъ онъ умеръ подъ ножемъ сына, ибо сынъ сдержалъ слово. Вся армія желала видѣть, прежде нежели тѣло его будетъ предано землѣ, человѣка, который долго еще говорилъ, имѣя только одну половину головы.

Черезъ нѣсколько времени, послѣ торжественнаго нашего вступленія въ Корте сынъ стараго Генуезца увидѣлъ молодую женщину, предметъ своихъ поисковъ, но не успѣлъ прицѣлиться, ибо она весьма скоро скрылась.

Наши побѣды быстро слѣдовали одна за другой, и Корсиканцы, видя, что начальникъ ихъ Паскаль Паоли оставилъ Корсику, и отплылъ въ Ливорно, потеряли бодрость и наконецъ покорились Французскому оружію.

Былъ вечеръ въ Аяччіо. Джіакомо сидѣлъ еще за картами, но уже проигралъ все; у него не было ни хлѣба, ни пристанища.

— Какъ? у тебя ничего уже нѣтъ болѣе? спросили его товарищи —

— „Ничего!“

— Поищи, Джіакомо, авось найдется!

Онъ сталъ рыться въ карманѣ и вынулъ пулю, всю искусанную зубами и еще покрытую запекшеюся кровью.

— Пуля! —

— Еслибъ она была серебрянная!

— „Я бы и тогда можетъ быть не поставилъ ее на карту: но она свинцовая и я оставлю ее у себя!“ —

Всѣ начали смѣяться такой привязанности къ куску свинца.

— Ну, друзья, завтра надобно повеселиться!

— Да, завтра 15 Августа, Успеніе Богородицы, большой праздникъ въ Аяччіо.

— Дѣло! вскричали всѣ веселые собесѣдники. Одинъ Джіакомо хранилъ молчаніе.

— Этотъ проклятый живодеръ вѣчно сидитъ въ раздумьи, съ тѣхъ поръ какъ Корсика покорилась Франціи!

— Да, чортъ возьми, Джіакомо боленъ съ того дня, какъ прекратилась война.

— Вижу въ чемъ дѣло; бросьте ему полный кошелекъ золота, да пустите его опять съ штыкомъ на приступъ!

— „Зачѣмъ не раздробило меня ядро въ сраженіи при Понте-Нуово? я бы не подвергался ни глупымъ вашимъ шуткамъ, ни тому, что можетъ быть принужденъ буду не сдержать моей клятвы?“

— Ты разсердился? спросилъ его одинъ изъ товарищей, сильно сжавъ ему руку.

— Клятву? воскликнулъ другой, стараясь заглушить голосъ своего сосѣда: какую клятву?

— „Она достанется мнѣ самому, если я не буду имѣть случая пустить ее въ цѣль“ — проворчалъ Джіакомо, катая въ рукахъ искусанную пулю, и потомъ спряталъ ее опять въ кожаный кошелекъ, въ которомъ не оставалось болѣе денегъ.

— Прощай, прощай, Джіакомо, сказали ему товарищи, которые не понимали причинъ его печали.

— „Прощайте, товарищи!“ —

Джіакомо остался одинъ.

— „Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ“ — подумалъ онъ — „какъ я поклялся отцу отмстить за смерть его той же самой пулей, которая его поразила. Когда я найду эту женщину! Я истребилъ много ея соотечественниковъ и не посрамилъ памяти отца, но она . . . она!“ . .

Голова его пылала; будто пьяный, бросился онъ на постель, но не могъ заснуть, думалъ о своемъ проигрышѣ и клятвѣ данной и смертномъ одрѣ отца. Наступилъ день, а онъ все еще лежалъ въ размышленіи.

Утреннее солнце уже освѣтило блѣдною красотою зданія Аяччіо и раздалась дикая, величественная гармонія колоколовъ. Этотъ шумъ извлекъ Джіакомо изъ летаргіи и онъ почувствовалъ какой-то внутренній жаръ, который ободрилъ его и увеличилъ его силы.

— „Можетъ быть этотъ звонъ будетъ погребальнымъ для ней или для меня . . . можетъ быть и для насъ обоихъ!“ подумалъ онъ. „День будетъ прекрасный, а праздникъ блистательный!“ . . прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на небо чрезъ желѣзную рѣ-

шетку слуховаго окна. „Да! очень блистательный! сегодня 15 Августа!“

Онъ прежде всего пошелъ въ церковь. Прекрасны были украшенія и блистательны олтари вездѣ золото и пылающія свѣчи; церковное пѣніе, музыка и ѳиміамъ, подобно облакамъ воздымались отъ холоднаго помоста, гдѣ всѣ предстоящіе усердно молились на колѣнахъ. На возвышеніи храма, великолѣпно убранномъ шелковыми тканями съ большими цвѣтными узорами, стоялъ образъ Богоматери, украшенный жемчугомъ и кораллами, прекрасный выраженіемъ небесной кротости и земнымъ убранствомъ.

— Какія прекрасныя картины! сказалъ одинъ изъ товарищей Джіакомо.

— Мнѣ больше нравятся бриліанты на Мадоннѣ, отвѣчалъ другой.

— Сколько женщинъ! воскликнулъ третій.

— „Мнѣ нужна только одна!“ сказалъ въ полголоса Генуезецъ: — „и я ищу ее.“...

Глаза его обращались во всѣ стороны, даже во внутренность храма. Получивъ благословеніе, всѣ начали расходиться; всѣ были веселы одинъ только Джіакомо печаленъ. Площади и улицы были усѣяны пальмами, бѣлыми и красными розами, васильками и маргаритками; благовоніе цвѣтовъ было упоительно, какъ музыка, какъ опіумъ, какъ поцѣлуй женщины! Казалось, само небо принимало участіе во всеобщемъ празднествѣ, ибо оно было голубо, безоблачно, прозрачно; вездѣ раскинуты были палатки, вездѣ сдѣланы навѣсы.

Когда начался крестный ходъ, то всѣ бросились навстрѣчу; все Аяччіо хлынуло въ улицу, гдѣ надлежало проходить процессіи. Общій восторгъ еще болѣе увеличился; особенно молодыя женщины въ лучшихъ своихъ нарядахъ и простолюдины въ праздничныхъ платьяхъ радовались, что могли показать себя и посмотрѣть другихъ.

Наконецъ всеобщій звонъ колоколовъ возвѣстилъ долго ожидаемую минуту. Картина истинно прекрасная. Иконы, украшенныя бѣлыми вышитыми тканями, съ развѣвающимися покрывалами и лентами, хоругви всѣхъ цвѣтовъ, шитыя золотомъ знамена, огненныя орифламмы съ толстыми шелковыми кистями, искусственные цвѣты, пародія природы, запахъ восковыхъ свѣчь, воздушная, неземная музыка, церковное пѣніе и рядъ священниковъ въ богатомъ облаченіи, коихъ сопровождала толпа пѣвчихъ.

За ними, между двухъ рядовъ солдатъ, несли икону Богоматери, серебряный колоссъ, наслѣдіе истекшаго столѣтія, завѣщанное благочестію настоящаго. Шествіе заключали Корсиканскіе дворяне, старые потомки старинныхъ знатнѣйшихъ фамилій.

— А Джіакомо! Гдѣ Джіакомо? спрашивали его товарищи и взглядами искали въ народѣ, но не могли отыскать. Вниманіе ихъ было отвлечено проходившею мимо ихъ толпою молодыхъ дѣвушекъ, и они на нѣсколько минутъ позабыли о Джіакомо.

— Вотъ онъ, вотъ онъ ... посмотрите-ка туда. . .

— Правда! да что̀ жь онъ тамъ дѣлаетъ?..

Тогда первый, приподнявшись на цыпочки и опершись на плеча своихъ сосѣдей, вскричалъ:

Боже мой! Какъ онъ пристально смотритъ на эту женщину, которая стоитъ противъ него на терассѣ!

— Чортъ возьми! прекрасная женщина, да еще беременная, если не ошибаюсь .... Джіакомо! Джіакомо!

Но онъ тщетно старался вызвать его. Полицейскій офицеръ заставилъ его молчать, ибо онъ нарушалъ порядокъ и тишину шествія.

— Кой чортъ! Что̀ это онъ прячетъ подъ плащемъ? — Какъ онъ блѣденъ!...

И дѣйствительно Джіакомо дрожалъ всѣми членами; ужасная мысль тѣснилась въ его головѣ; и по безпорядку его движеній, по блѣдности лица, женщины, его окружавшія, почти поняли его намѣреніе и со страхомъ удалились отъ него. Джіакомо ничего не замѣчалъ и внимательно сторожилъ молодую женщину, съ благоговѣніемъ молившуюся на терассѣ. Вдругъ, въ ту минуту какъ шествіе почти уже кончилось, раздался выстрѣлъ. Послышался глухой стонъ, и молодая женщина упала въ обморокъ. Пуля пролетѣла надъ ея головою.

Смятеніе было такъ велико, что убійца успѣлъ скрыться.

Народъ столпился передъ домомъ, въ который отнесли молодую женщину, лишившуюся чувствъ.

Одни говорили, что пуля попала ей въ сердце и что не смотря на то умершая сохранила

всю свою красоту. Другіе утверждали, что пуля ударила ее не въ сердце; но что она съ ребенкомъ умерщвлена однимъ ударомъ. Нѣкоторые даже увѣряли, что убійца былъ отверженный ею любовникъ. Но все это было несправедливо. Ее испугалъ только выстрѣлъ: ударъ былъ такъ не вѣренъ, что она слышала одинъ свистъ пули.

Знатнѣйшее дворянство Аяччіо толпилось въ комнатахъ. Въ томъ числѣ находилось нѣсколько медиковъ, которые поспѣли во время; ибо молодая женщина мучилась родами. Блѣдная, безжизненная, лежала она въ альковѣ, котораго занавѣсь на нѣсколько минутъ опустилась.

Всѣ съ живѣйшимъ безпокойствомъ ожидали извѣстія. Наконецъ больная опомнилась и старшій изъ медиковъ сказалъ громкимъ голосомъ, поднявъ вверхъ новорожденнаго младенца: „Благородные твои предки записаны въ большую золотую книгу. Ты не уронишь славы, ими тебѣ завѣщанной. Сынъ Летиціи Рамолини, внукъ Знаменоносца Св. Николая, Губернатора Флоренціи! Тебѣ принадлежитъ имя одного изъ Урсиніевъ! Да здравствуетъ сынъ Карла Бонапарте!“ —

Новорожденный былъ — Наполеонъ!!

съ франц. Н. П — ъ.

VII.

СТАТИСТИКА

ДУХОВНЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

за 1831 годъ.

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	ЧИСЛО		
	Заведеній.	Учащихъ.	Учащихся.
С. Петербурской:			
Академія . . .	1	15	120
Семинарія . . .	1	8	179
Уѣздныхъ Училищъ	3	12	351
Приходскихъ . . .	3	6	209
Московской:			
Академія . . .	1	16	113
Семинарія . . .	2	15	571 a)
Уѣздныхъ Училищъ	6	24	1203
Приходскихъ . .	5	8	855
Кіевской:			
Академія . . .	1	16	114
Семинарія . . .	1	6	326
Уѣздныхъ Училищъ	4	15	447
Приходскихъ . .	4	6	270
Новгородской:			
Семинарія . . .	1	7	311
Уѣздныхъ Училищъ	7	27	707
Приходскихъ . . .	7	9	695

a) Въ Московской учащихъ 8, учащихся 321.
— Виѳанской — — — 7, — — — 250.

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	ЧИСЛО		
	Заведеній.	Учащихъ.	Учащихся.
Псковской:			
Семинарія . . .	1	6	204
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	424
Приходскихъ . .	3	6	273
Тверской:			
Семинарія . . .	1	9	546
Уѣздныхъ Училищъ	9	35	1015
Приходскихъ . .	9	18	1011
Могилевской:			
Семинарія . . .	1	6	101
Уѣздныхъ Училищъ	4	15	230
Приходскихъ . .	5	5	167
Смоленской:			
Семинарія . . .	1	8	395
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	604
Приходскихъ . .	4	8	535
Олонецкой:			
Семинарія . . .	1	5	101
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	149
Приходскихъ . .	4	7	157
Архангельской:			
Семинарія . . .	1	5	62
Уѣздныхъ Училищъ	1	4	127
Приходскихъ . .	5	7	134
Ярославской:			
Семинарія . . .	1	10	350
Уѣздныхъ Училищъ	4	20	336
Приходскихъ . .	4	6	524

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	ЧИСЛО		
	Заведеній.	Учащихъ.	Учащихся.
Рязанской:			
Семинарія . . .	1	11	666
Уѣздныхъ Училищъ	6	24	1125
Приходскихъ . .	6	10	687
Калужской:			
Семинарія . . .	1	9	376
Уѣздныхъ Училищъ	3	16	622
Приходскихъ . .	3	6	635
Владимірской:			
Семинарія . . .	1	14	851
Уѣздныхъ Училищъ	5	23	1373
Приходскихъ . .	5	10	650
Вологодской:			
Семинарія . . .	1	8	322
Уѣздныхъ Училищъ	6	23	644
Приходскихъ . .	8	15	721
Тульской:			
Семинарія . . .	1	9	450
Уѣздныхъ Училищъ	4	19	1152
Приходскихъ . .	4	8	602
Костромской:			
Семинарія . . .	1	8	326
Уѣздныхъ Училищъ	5	22	841
Приходскихъ . .	5	9	533
Казанской:			
Семинарія . . .	1	10	466
Уѣздныхъ Училищъ	6	26	994
Приходскихъ . .	6	10	618

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	ЧИСЛО		
	Заведеній.	Учащихъ.	Учащихся.
Астраханской:			
Семинарія . . .	1	7	53
Уѣздныхъ Училищъ	1	6	114
Приходскихъ . .	2	4	99
Тобольской:			
Семинарія . . .	1	7	125
Уѣздныхъ Училищъ	2	8	229
Приходскихъ . .	2	4	231
Иркутской:			
Семинарія . . .	1	7	53
Уѣздныхъ Училищъ	4	14	218
Приходскихъ . .	7	9	338
Вятской:			
Семинарія . . .	1	7	427
Уѣздныхъ Училищъ	4	12	421
Приходскихъ . .	4	6	305
Тамбовской:			
Семинарія . . .	1	9	504
Уѣздныхъ Училищъ	4	20	1004
Приходскихъ . .	4	10	549
Пензенской:			
Семинарія . . .	1	6	198
Уѣздныхъ Училищъ	2	10	531
Приходскихъ . .	2	4	501
Саратовской:			
Семинарія . . .	1	6	253
Уѣздныхъ Училищъ	3	12	695
Приходскихъ . .	3	6	487

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	ЧИСЛО		
	Заведеній.	Учащихъ.	Учащихся.
Нижегородской:			
Семинарія . . .	1	7	317
Уѣздныхъ Училищъ	3	10	623
Приходскихъ . .	3	6	450
Пермской:			
Семинарія . . .	1	6	171
Уѣздныхъ Училищъ	2	8	526
Приходскихъ . .	5	9	387
Оренбургской:			
Семинарія . . .	1	5	90
Уѣздныхъ Училищъ	3	12	322
Приходскихъ . .	3	4	152
Екатеринославской:			
Семинарія . . .	1	6	195
Уѣздныхъ Училищъ	5	17	366
Приходскихъ . .	5	8	306
Черниговской:			
Семинарія . . .	1	7	305
Уѣздныхъ Училищъ	2	6	410
Приходскихъ . .	2	3	254
Минской:			
Семинарія . . .	1	6	106
Уѣздныхъ Училищъ	1	4	141
Приходскихъ . .	1	2	124
Подольской:			
Семинарія . . .	1	5	220
Уѣздныхъ Училищъ	3	12	410
Приходскихъ . .	3	6	359

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ	ЧИСЛО		
	Заведеній.	Учащихъ.	Учащихся.
Курской:			
Семинарія . . .	1	11	513
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	968
Приходскихъ . .	10	20	818
Воронежской:			
Семинарія . . .	1	7	576
Уѣздныхъ Училищъ	2	12	671
Приходскихъ . .	7	14	620
Новочеркаской:			
Семинарія . . .	—	—	— —
Уѣздныхъ Училищъ	2	8	159
Приходскихъ . .	2	3	88
Орловской:			
Семинарія . . .	1	8	543
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	1102
Приходскихъ . .	3	6	959
Полтавской:			
Семинарія . . .	1	6	307
Уѣздныхъ Училищъ	2	8	477
Приходскихъ . .	2	4	260
Волынской:			
Семинарія . . .	1	5	334
Уѣздныхъ Училищъ	1	4	389
Приходскихъ . .	5	10	408
Слободско-Украинской:			
Семинарія . . .	1	8	255
Уѣздныхъ Училищъ	3	11	454
Приходскихъ . .	4	8	360

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	ЧИСЛО		
	Заведеній.	Учащихъ.	Учащихся.
Кишиневской:			
Семинарія . . .	1	7	76
Уѣздныхъ Училищъ	1	4	143
Приходскихъ . .	2	4	236
Грузинской Экзархіи:			
Семинарія . . .	1	4	77
Уѣздныхъ Училищъ	5	7	121
Приходскихъ . .	7	12	426
и того			
Академій . . .	3	47	347
Семинарій . . .	41	301	12303
Уѣздныхъ Училищъ	143	565	23333
Приходскихъ. . .	178	316	17992
Всего .	365	1229	53980

(ж. м. в. д.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Ноября 10 го дня 1832 года.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1832 N 19

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

СОВРЕМЕННЫЙ ДУХЪ

АНАЛИЗА И КРИТИКИ. а)

Анализъ господствуетъ; критика царствуетъ; розыскъ введенъ повсюду. Общество совѣтуется, вслушивается, щупаетъ само себя, если можно употребить сіе выраженіе. Знаете ли почему? Потому, что оно не здорово. Это самоиспытаніе есть уже признакъ болѣзни. Можетъ быть, оно когда нибудь доставитъ ему необходимое лѣкарство. Можетъ быть, позволено ему будетъ наконецъ жить жизнію настоящей, дѣятельной, могучей, а не лихорадочной, страдательной, совершенно критической, исполненной

а) Помѣщаемъ сію статью, изъ *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, какъ живую, искреннюю, сердечную исповѣдь современнаго Европеизма, глубоко чувствующаго свое внутреннее расплѣніе и заслуженныя бѣдствія, отъ которыхъ благій Промыслъ да сохранитъ навсегда наше любезное Отечество! *Изд.*

любопытства и неизвѣстности, безплодной дѣлами и лишенной энергіи. Когда оно перестанетъ вывѣдывать свои раны и наблюдать біеніе своего пульса: здоровье его, безъ сомнѣнія, возстановится.

Вы принимаете за признакъ хорошаго состоянія, за надежду жизни, это всеобщее испытаніе; и вы сильно ошибаетесь. Человѣкъ здоровый не разбираетъ себя съ такимъ безпокойнымъ вниманіемъ: больной человѣкъ смущается и допрашиваетъ самъ себя. Слѣдуетъ ли жизненная сила своему нормальному и естественному теченію? Она не напоминаетъ намъ о своемъ присутствіи. Но какъ скоро неправильность вкралась, мы ее чувствуемъ; она напоминаетъ намъ, что мы имѣемъ тѣло бренное; страданія извѣщаютъ насъ, что мы существуемъ. Выступаютъ ложные центры чувствительности; пораженный органъ, кажется, одинъ составляетъ все наше существо; обнаруживается болѣзненное раздраженіе; гармоническое равновѣсіе нашего организма разрушается. Прежде мы жили, нисколько не углубляясь въ явленіе жизни; дѣйствія нашихъ органовъ совершались безпрепятственно. Глаза наши глядѣли, уши слышали, мы ходили, бѣгали, бросались на все, ни о чемъ не думая, и исполняли только велѣнія нашей внутренней воли, царицы всемогущей.

Кто не помнитъ въ своей жизни эпохи, когда

бытіе, во всей самопроизвольности, кажется такъ легкимъ, такъ инстинктуальнымъ, что человѣкъ слѣпо предается своему влеченію, самъ себя не замѣчая, не размышляя, не ведя никакихъ расчетовъ? Рѣдкія минуты! Совершенное согласіе всѣхъ составныхъ частей нашего бытія тогда разрѣшается въ полное цѣлое: мы здоровы *и цѣлы*, какъ говоритъ народъ. *Цѣлы*! Пусть хорошенько вникнутъ въ это характеристическое слово; никакая выходка не разрушаетъ сей гармоніи своимъ разстроемъ, даже самая яркая. Нѣтъ раздробленія, нѣтъ разлученія, нѣтъ контраста; все идетъ тѣмъ же шагомъ; дивная гибкость чувствованій есть слѣдствіе подобнаго состоянія, котораго наслажденіе тѣмъ полнѣе, что оно не знаетъ само себя и счастіе его въ томъ, чтобъ не знать себя. Единство тихо и безмолвно. Разстроенности, несогласію, прилично смятеніе, шумъ, сраженіе идей, анализъ ихъ разсѣкающій, критика разлагающая и взаимно другъ другу противуполагающая. Анатомія подвергаетъ тѣло острію желѣза; метафизика впускаетъ свой умственный рѣзецъ во глубину души. Безъ сомнѣнія онѣ полезны: но доставляютъ ли намъ наслажденіе? Нѣтъ: онѣ дѣлаютъ какъ бы послѣднюю завѣтную опись нашихъ умственныхъ и физическихъ силъ, которыя потрясены и коихъ бренность насъ ужасаетъ. Одно сознаніе зла и нужда ему

пособить выводить на свѣтъ науку и ея грозный анализъ.

Эпоха, преимущественно преданная критикѣ, по необходимости есть эпоха страданія. Нужны трупы, видъ смерти, обрывки разстрепанныхъ волоконъ, оторванныхъ жилъ и трепещущихъ мышцъ, на мраморномъ столѣ анатома. Необходимо должна страдать какая нибудь часть насъ самихъ, чтобъ почувствовать нужду раздѣленій, подраздѣленій, наблюденій, медицинскихъ совѣщаній, ученой или сварливой критики. Во время язвы бываетъ изобиліе во врачахъ; во время нравственнаго разстройства—въ профессорахъ нравственности. Наконецъ, когда все обращается въ безплодную критику, должно признаться, что наступило время отрицательное, время перелома и боли, одна изъ тѣхъ минутъ, когда больной тщетно возвращается къ своей постелѣ, упорно испытывая всѣ положенія, какія тѣло можетъ принять, и не могши, какъ выражается Дантъ, *стряхнуть съ себя иго утомленія, которое все болѣе и болѣе бременитъ его!*

И такъ аналитическая наука, въ своемъ исключительномъ господствованіи, есть признакъ скорби и болѣзни. Къ счастію, она сама приноситъ намъ противъ себя лѣкарства. Рожденная чувствомъ разнеможенія, она ищетъ его утѣ-

пить и восполнить. Тогда появляются теоріи и системы. Все становится систематическимъ и механическимъ. Медикъ вамъ объявляетъ, что организмъ вашъ портится; Остроумное приложеніе законовъ механизма, соображеніе иногда необширное, но часто полезное и благодѣтельное, идетъ на встрѣчу опасностямъ, открытымъ наблюденіями, кои наводятъ страхъ. Вотъ все, что можетъ тогда человѣкъ! Посмотрите на Восточную Имперію: со времени послѣднихъ Императоровъ Рима до рожденія феодализма, нравственность не существуетъ; общество, такъ сказать, выпибено изъ своихъ суставовъ; древнія вѣрованія слабѣютъ, патріотизмъ замеръ; подлость эвнуховъ возсѣдитъ на тронѣ. Чтожъ дѣлаютъ философы и метафизики, сіи нравственные врачи человѣчества? Они критикуютъ, толкуютъ, судятъ. Это эпоха схоліастовъ въ литтературѣ и богослововъ въ религіи. Все, что досталось намъ отъ сей эпохи, есть чисто критическое и полемическое. Христіане и язычники утратили даръ творчества и самопроизвольности; самые лучшіе между ними суть только добрые подражатели и добрые критики. Встряхиваютъ пыль временъ прежнихъ, переворачиваютъ трупъ древняго генія; искусственность царствуетъ въ поэзіи и въ краснорѣчіи; безмѣрная ученость есть ничто иное, какъ арсеналъ, открытый для всѣхъ сектъ, кои

ищутъ въ ней щитовъ и копій, доводовъ оборонительныхъ и нападательныхъ.

Не будемъ смѣшивать критическія эпохи съ эпохами творческими. Сіи послѣднія могутъ не знать себя, какъ здоровый человѣкъ не думаетъ, что онъ здоровъ, и не разсуждаетъ о своемъ естественномъ состояніи. Первыя никогда не забываются; онѣ имѣютъ сознаніе о своихъ средствахъ, потому что имѣютъ тайное и темное сознаніе о томъ, чего имъ не достаетъ. Однѣ творятъ, другія обдѣлываютъ; однѣ зиждутъ, другія подражаютъ. Здѣсь глубоко вкорененная нравственность; тамъ пустословіе утонченнаго нравоученія. Съ одной стороны поставьте глубокій и сильный разумъ, съ другой хитрое умничанье. Организмъ въ первомъ изъ сихъ періодовъ, механизмъ во второмъ. Первый обиленъ мыслями, разрѣшающимися въ дѣйствія; второй мечтами и демонстраціями, которыя пожираютъ сами себя въ безотрадной пустотѣ; судятъ, спорятъ, ухищряются, бьются на силлогизмахъ и теоремахъ, когда истинное мышленіе изсякло. Наконецъ художникъ, пріемлющій свыше вдохновеніе и невольно его передающій, не знаетъ своего посольства и полномочія, между тѣмъ какъ знатокъ, любитель, собиратель древностей, терпѣливый схоліастъ, бросаетъ

покойный и самодовольный взглядъ на свои богатства, объемлетъ ихъ единымъ взоромъ. Одинъ не вѣдаетъ себя; другой знаетъ, чего онъ стоитъ, и увеличиваетъ цѣну самаго себя. Когда свѣтитъ солнце, вы наслаждаетесь свѣтомъ, васъ окружающимъ, не думая благословлять свѣтило, расточающее теплоту и сіяніе. Только, во время ночи, ваши взоры обращаются на свѣчи и кристаллы, разливающіе свѣтъ поддѣльный, не надежный, тусклый.

Однимъ словомъ, самопроизвольность не существуетъ для ветхихъ поколѣній, подавленныхъ тяжестію воспоминаній. Тогда талантъ пристально вырабатываетъ свои творенія, засѣваетъ ихъ придуманными недостатками и красотами; здѣсь бросаетъ тѣнь, тамъ сыплетъ странности, и простираетъ уродство подражанія до того, что передразниваетъ свободную походку и простоту генія, какъ слуга корчитъ большаго господина. Думаете ли вы, что Шекспиръ удивлялся, произведши Гамлета, или Нютонъ смотрѣлъ на свои открытія и опыты, какъ на невѣроятныя усилія? Напротивъ, Шекспиръ до того не зналъ себя, что своимъ драмамъ, кои бросалъ, какъ насущный хлѣбъ, актерамъ, предпочиталъ дурныя лирическія стихотворенія, напечатанныя имъ со всею роскошью. Нютонъ говаривалъ: »я провелъ жизнь въ собираніи нѣсколькихъ раковинъ,

разсѣянныхъ по берегу!« Онъ отдалъ бы свою Теорію Свѣта за Теорію Апокалипсиса. Между нами нѣтъ ни одного мѣлкаго поэта, который бы не зналъ о себѣ съ удивительною вѣрностію, чего онъ стоитъ, который бы не клохталъ вокругъ своего творенія, едва высиженнаго, и не носился бы съ нимъ, какъ курица съ яйцомъ! »Пожалуйте, вотъ образцовое твореніе! но это еще одна часть изъ моихъ образцовыхъ твореній! Выслушайте мою теорію, послушайте, добрые люди, послушайте! Возвышенное есть моя цѣль; я ее достигнулъ; я это доказываю! « а).

Пройдите всѣ подраздѣленія науки и искусства; и вы увидите, что истинная сила самопроизвольна и самой себѣ невѣдома. Думаете ли вы, что діалектикъ, владѣющій всѣми снарядами риторики, хозяинъ Аристотелевыхъ категорій, дивный боецъ школы, стоитъ простолюдина, коего страсть вооружила краснорѣчіемъ! Попробуйте свести схоластика, самаго утонченнаго, съ невѣждой, который не думаетъ ни объ дилеммѣ, ни о посылкахъ: пусть этотъ невѣжда будетъ защищаться; пусть сіе защищеніе воспламенитъ его духъ и подниметъ его мысль: тогда увидите, чья возметъ!

а) Какъ странно! Подумаешь, что Англійскій сочинитель читалъ Русскіе журналы! *Изд.*

Воззрѣніе, истинное могущество духа, не должно смѣшивать съ механическою способностію обо всемъ умничать. Умники мало успѣваютъ въ жизни; ихъ теоремишки разшибаются въ прахъ о твердую вещественность міра и бытія; вся систематическая бодрость ихъ замолчитъ и угаснетъ, когда придется къ дѣлу. Да и въ самыхъ спорахъ, одного факта, одного дѣльнаго понятія достаточно разорить всѣ ихъ карточные домики. Посмотрите на этихъ старыхъ схоластиковъ, богомольцевъ истины, совѣстливыхъ, искусныхъ, ученыхъ: что они сдѣлали? Къ чему послужила ихъ естественная сила, ихъ усилія, ихъ вѣра, уединеніе, воображеніе, отвлеченіе ихъ мыслей? Что сталось съ Докторомъ Неопровержимымъ? Гдѣ теоріи Доктора Серафимскаго? Дыханіе вѣтра ихъ умчало. Они уже не болѣе, какъ пустые призраки и дальнія облака! Безъ сомнѣнія, у нихъ было много идей; разумѣніе ихъ не было праздно. Но оно не достигло предположенной цѣли; то повѣсясь на одной идеѣ, то балансируя на цѣпи силлогизмовъ, эти плясуны, своими прыжками на канатѣ логики, дивили свѣтъ; но результатъ ихъ усилій удивительно ничтоженъ. Королларіи, дилеммы, подраздѣленія, доводы, мастерская ломка мыслей, нынѣ возбуждаютъ только жалость и презрѣніе. Одно слово Наполеона, одинъ стихъ Данта, одна

фраза Лютера, говорятъ больше, съ большею внезапностью раздираютъ покровъ истины. Этотъ молодецъ, выплясывающій Пиррическій танецъ, правду сказать, удивляетъ: но предъ непріятелемъ, его ловкость и гибкость безполезны; положитесь лучше на этого могучаго цензуріона: онъ не умѣетъ такъ ловко выкидывать воинскія движенія, за то знаетъ, какъ владѣть мечемъ и вонзить его въ непріятеля.

Между краснорѣчіемъ и риторикой также разница. Риторъ вамъ доказываетъ, что вы должны быть убѣждены; ораторъ васъ убѣждаетъ. Одинъ раскладываетъ передъ вами свои знанія и средства, другой васъ увлекаетъ за собой. Какую форму ни прими человѣческое разумѣніе, всегда придете къ сей неизбѣжной классификаціи, къ сему раздѣленію и контрасту: съ одной стороны простота, самопроизвольность, съ другой искусственность, сложность, механизмъ. Въ слогѣ выпуклая фраза, надъ которой мы долго думали, есть почти всегда принужденная фраза; въ жизни, качества, кои мы хотимъ выказать, суть тѣ, которыхъ мы не имѣемъ.

Человѣкъ истинно добродѣтельный дѣйствуетъ съ благородствомъ; его честность инстинктуальна, его великодушіе течетъ прямо изъ источника: ложный герой обсуживаетъ свою добродѣтель; онъ толкуетъ свой героизмъ. Въ тѣ времена, когда самопожертвованіе составляетъ

общій характеръ, оно возбуждаетъ мало удивленія: оно происходитъ изъ организаціи самаго общества. Когда напротивъ точатъ мораль, когда систематизируютъ душевныя качества, тогда онѣ едвали не остаются въ однѣхъ теоріяхъ. Во времена рыцарей храбрость была всеобщимъ качествомъ. Когда сіе обширное христіанское и военное общество погасло, тогда щекотливость чести, пародія храбрости, овладѣла нравами. Она получила свои правила, свои приличія, свои предѣлы; храбрость обратилась въ науку. Нашли средство быть трусомъ безъ потери чести: продолжительное ученье въ фектовальной залѣ и точное знаніе законовъ поединка дали возможность самому негодному трусу прослыть за храбреца.

Царство нелѣпой сантиментальности, произведшее столько дурныхъ піэсъ и жалкихъ романовъ, начинается съ эпохи развращенія и эгоизма. Истинныя страсти, искренность чувствованій, уступили мѣсто обману движеній нѣжныхъ и глубокихъ. Чувствованіе стало роскошью хорошаго вкуса; начали проповѣдовать филантропію, какъ предметъ изящества и приличія; человѣколюбіе и благотворительность вошли въ моду. Распросите Вертера, Сен-Пре́, всѣхъ этихъ романическихъ героевъ, потребуйте отчета въ ихъ чувствительности; они будутъ отвѣчать, что это болѣзнь: они бьютъ себя по

бедрамъ; если можно употребить сіе народное выраженіе, чтобы не потерять навыкъ чувствительности; ихъ восторгъ есть лихорадка; ничего нѣтъ искренняго, ничего свободнаго въ ихъ страстяхъ. Эти хворые страдальцы чувствительности, самые безплодные и бездушные люди, отъ раздробленія своего сердца и отъ эгоистическаго самоупоенія, дѣлаются неспособными ни къ какому мужественному дѣйствію, ни къ какому искреннему и глубокому впечатлѣнію.

Заключимъ: все, что искусственно, машинально, ложно, есть результатъ придуманнаго соображенія; все, что существенно, непринужденно, искренно, отличается самопроизвольностію и силою свободнаго порыва. Истинный геній добродѣтели дѣйствуетъ; ложный геній нравственности умничаетъ. Истинный талантъ, предается своему движенію; талантъ ложный самъ себя выискиваетъ. Здоровый человѣкъ ходитъ и наслаждается жизнію; человѣкъ больной горбится самъ на себя. Нація, сдѣлавшаяся добычею внутреннихъ бѣдствій, оставляетъ въ исторіи кровавый слѣдъ; нація мирная и благоуправляемая проходитъ незамѣтно.

Отъ человѣка, разсматриваемаго, какъ недѣлимое, перейдемъ къ человѣку въ состояніи общественномъ. Собраніе, называемое обществомъ, образуетъ истинное тѣло, расположенное и къ болѣзни и къ здоровью. Дивный магнетизмъ

проводитъ между душами одну и тоже струю движеній и идей. Одна и таже мысль, въ одинъ разъ поражая тысячи умовъ, пріобрѣтаетъ сторичную энергію. Безнравственность, добродѣтель, патріотизмъ, сила умственная, сила воли, все, что въ отдѣльномъ человѣкѣ достигло бы только ограниченнаго развитія, здѣсь согрѣвается, одушевляется, возносится, растетъ съ удивительной быстротою и силой. Отсюда чудеса Спарты и Рима; отсюда безчисленныя слѣдствія монашескихъ обществъ; отсюда легкость возвышенія и паденія, съ коей различныя націи достигали высшей степени величія или крайняго уничиженія. Невидимая электрическая цѣпь пробѣгаетъ всѣ общественныя сословія, отъ гражданина къ гражданину, отъ человѣка къ человѣку, соплетая ихъ, проливая одно и тоже пламя, одушевляя или погашая искусства и науки, обращая всѣ мысли къ религіи или къ пользѣ, къ торговлѣ или къ войнѣ. Здѣсь духъ вѣтренности, тамъ геній завоеванія, въ другомъ мѣстѣ всеобщій эгоизмъ, поочередно даютъ свой цвѣтъ и кладутъ свою печать на общественные нравы. Чудесамъ общественности должно приписать все, что исторія имѣетъ презрѣннаго или великаго. Общество становится живымъ, собирательнымъ, энергическимъ недѣлимымъ, которое имѣетъ свою душу, свой умъ, свою мысль, свои

страданія, свою внѣшнюю организацію и свой физическій механизмъ, свои періоды слабости, болѣзни, выздоровленія, здоровья, дряхлости и смерти.

Изучая сіе собирательное существо, мы увидимъ, что и оно подраздѣляется на двѣ части: одну инстинктуальную, составляющую внутреннюю его сущность, другую искусственную и внѣшнюю. Когда движенія общества совершаются легко, тогда можно сказать: оно не чувствуетъ, что живетъ. Вмѣсто того, чтобъ покориться мѣлочной критикѣ, оно дѣйствуетъ, наслаждается, развивается съ полною свободою. Единая первоначальная идея, родотворное начало всей его жизни, распоряжаетъ имъ: это его душа: отсюда истекаютъ всѣ его законы, всѣ постановленія, всѣ усилія. Сія первоначальная идея, общій родникъ всѣхъ общественныхъ движеній, преданность монарху, отечеству, постановленіямъ, вѣрованію, выражаясь терминомъ точныхъ наукъ, есть совершенно динамическая. Здѣсь-то кроется жизненная сила. Тогда не нужно освѣдомляться, какъ общество существуетъ и сохраняется; не нужно съ точностію изучать всѣ его пружины, не нуженъ подробный разборъ его колесъ: довольно привести ихъ въ движеніе, потому, что онѣ исправны и идутъ сами собой. Таково общество въ его нормальномъ состояніи, въ его здо-

ровьѣ. Но пусть оно сдѣлается искусственнымъ, пусть здоровая часть будетъ поражена, пусть окажется болѣзнь; тогда вы увидите, что дѣйствіе замѣнится критикой, искренняя и могущественная жизнь уступитъ мѣсто жизни страданія, опыта, изслѣдованія.

Дѣцій умираетъ; не пишутъ трактатовъ о патріотизмѣ. Карлъ Великій завоевываетъ Европу; мало говорятъ о рыцарствѣ. О религіи и ея обрядахъ менѣе всего разсуждаютъ въ обителяхъ отшельниковъ. Когда общественное начало у каждаго на сердцѣ, оно выражается дѣлами, отражающимися въ поведеніи, и не радитъ о словахъ.

И такъ пусть эпохи критики тщательно отдѣляютъ отъ эпохъ творчества. Въ сихъ послѣднихъ слабость и несчастіе, неразлучныя съ природой человѣческой, окружаютъ насъ препятствіями и опасностями. Но не смотря на то, общество идетъ и достигаетъ своей цѣли. Есть труды, но есть и торжество. Есть сраженія, но есть и сила. Мышцы крѣпки, сердце бьется, энергія неодолима, общество не останавливается разбирать само себя. Не слышно, чтобъ оно твердило о себѣ въ своемъ шествіи: »смотри, какъ всѣ мои движенія живы и ловки!« или: »смотри, какъ они тяжелы!« Этимъ мы нынѣ ежедневно занимаемся. Но погрузившись въ наблюденіе самихъ себя,

имѣемъ ли мы достаточно времени и силы, чтобъ дѣйствовать съ душею сильною, съ героическою бодростію?

Когда добродѣтели, низведенныя до суетной видимости и наружнаго приличія, теряютъ вещественность, энергію, жизненное могущество, то на мѣсто ихъ является призракъ, ихъ пародирующій, но не замѣняющій. Тогда нѣтъ болѣе патріотизма, готоваго на самопожертвованія; а только патріотизмъ ложный, велерѣчивый на похвалы самому себѣ. Поэтовъ нѣтъ, а только стихотворцы; нѣтъ истинной логики, а только лжемудрая діалектика; нѣтъ истинныхъ и глубокихъ чувствованій, а только чувствительность поддѣльная, порывы романическаго великодушія. Хотятъ систематически быть добрыми, великодушными, вдохновенными; инстинктъ къ добродѣтелямъ изчезаетъ; его усиливаются замѣнить анализомъ. Существенность уступаетъ мѣсто обману. Краснорѣчіе есть не болѣе, какъ призракъ краснорѣчія; самая любовь, по выраженію Драйдена, не болѣе, какъ нарисованное пламя, не имѣющее теплоты. Критика овладѣваетъ высотами общества; она тамъ располагается и господствуетъ. Возникаютъ многочисленныя секты; утонченныя теоріи правятъ литературой; раздѣляются, ссорятся, доказываютъ, громоздятъ мудрованія на мудрованія!

Нельзя ли распространить сіе изслѣдованіе на всѣ сферы, отыскать туже противуположность организма и механизма, творчества и анализа, жизненной силы и критическаго могущества, во всѣхъ подраздѣленіяхъ бытія и мысли? Не разрушеніе ли смерти довершаетъ послѣдній и самый существенный анализъ человѣка! Критика никогда не дѣлала большихъ открытій. Онѣ сдѣлались сами собой; онѣ возникли отъ долговременнаго пребыванія человѣка на землѣ. Ихъ важность не была извѣстна тому, кто первый ихъ пустилъ въ ходъ. Гуттенбергъ не думалъ, что онъ измѣняетъ судьбы міра. Изобрѣтатели новой ваксы мечтаютъ произвести переворотъ. Христіанская вѣра незамѣтно проникла въ Европу. Маловажный билль Нижней Палаты относительно трактировъ или установленія новой пошлины отглашается даже во внутренностяхъ Азіи. Сама чернь понимаетъ, что это отглашеніе значитъ пустоту, изобличаетъ неважность предмета, надѣлавшаго столько грому, столько шуму. Она, хотя темно, но смыслитъ, что геній есть нѣчто, не вѣдающее само себя, и что громогласное шарлатанство совсѣмъ не есть доказательство истиннаго достоинства.

Возвратимся къ нашему вѣку. Это вѣкъ прокламацій, изысканій, справокъ. Онъ, какъ мы

сказали, имѣетъ всѣ признаки вѣка критики и анализа. До излишества простираетъ онъ розысканіе своихъ достоинствъ и недостатковъ и любопытное вниманіе къ самому себѣ. Нынѣ нѣтъ ничего вдохновеннаго, ничего самопроизвольнаго. Книжныя лавки загружены сочиненіями, объясняющими и анализирующими наше общественное состояніе. Въ каталогахъ вы находите безпрестанно *Нравственныя Патологіи*, *Опыты о Настоящемъ Состояніи Общества*, *Взгляды на Образованность*, *Ходъ Разумѣнія* и проч. Весьма похвально идти впередъ; но нѣтъ никакой надобности съ каждымъ шагомъ измѣрять пройденное пространство. Въ средніе вѣки установилось христіанское общество, коему міръ доселѣ повинуется; однакожъ не держали ежедневныхъ записокъ, не вели точной описи всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Англійское законодательство, коему Британія обязана своею славой и богатствами, сдѣлалось само собой, построилось, такъ сказать, изъ мѣлкихъ штукъ и опрубковъ, самопроизвольнымъ дѣйствіемъ общественной мудрости, а не теоретически, не аналитически. Едва принялись повѣрять его пружины, занялись разсѣченіемъ трупа, анализомъ отправленій, какъ къ удивленію увидѣли себя принужденными его поправлять. Машина испортилась въ аналитическихъ рукахъ испытателей. Делольмъ написалъ ей панегирикъ:

Бентамъ отвѣчалъ сатирами. Чѣмъ больше толковали о правахъ человѣка, о привиллегіяхъ націи, о равновѣсіи властей, о избирательныхъ вольностяхъ, о собственности, о всеобщемъ голосѣ, тѣмъ болѣе произошло смущеній и безпокойствъ. Богъ знаетъ, въ какомъ океанѣ законовъ, сводотвореній, комментаріевъ, записокъ, потонула и сгибла первоначальная Англійская хартія. Въ философіи *Опыты о Человѣкѣ, Мысли о Природѣ, Изслѣдованія о Родѣ Человѣческомъ.* Въ поэзіи и въ литературѣ теорія на теоріи, система на системѣ. Умъ человѣческій, кажется, посвятилъ себя великой анатомической работѣ. Врачи стекаются; одинъ приноситъ вамъ лѣкарство универсальное; другой палліативное; тотъ предохранительное: вотъ реформа; вотъ колонизація; это новый родъ поэзіи и драмы, это новая школа философіи или метафизики. И между тѣмъ общество страждетъ; то судорожная мука, то болѣзненная летаргія, посмѣваются надъ наукой и обличаютъ лживость докторскихъ обѣщаній.

Весьма несправедливо думали, что сей анализъ, что сіе неусыпное изысканіе цѣлебныхъ средствъ, были истинной причиной разнеможенія общества. Они суть его слѣдствіе. Не крикуны XVIII вѣка произвели Французскую революцію, не они причинили безпорядокъ; они только узна-

ли о немъ первые; они были органами болѣзни, которой скорбь чувствовали!

Если общество въ своемъ недугѣ хочетъ узнать себя, измѣрить глубину и силу зла; если оно жалуется, смущается; если болѣзнь обнаруживается пронзительными криками, несвязными воплями или болѣзненнымъ, безпокойнымъ анализомъ: то оно достойно всякаго сожалѣнія! Только Наполеонъ, когда въ сраженіи, предъ глазами его, упалъ одинъ изъ его адъютантовъ, у котораго ядро оторвало половину его членовъ, могъ сказать ему суровымъ голосомъ: »*вы слишкомъ слушаете себя!*«

Да и какъ не жаловаться нынѣшнимъ Европейскимъ обществамъ, когда зло физическое, зло неизбѣжное, ужасно разливается и поражаетъ самые невнимательные взоры! Богатство сосредоточилось въ рукахъ немногихъ. Бѣдность, навсегда разлученная съ богатствомъ, занимаетъ противуположный полюсъ; поставленная въ виду сокровищъ, которыхъ не можетъ достать, мучимая Танталовой жаждой, она испускаетъ продолжительные вопли безсилія и скорби. На нѣсколькихъ золотыхъ сѣдалищахъ возсѣдятъ богачи, эти смертные боги, въ безпечности, безсиліи, скукѣ. Подъ ногами ихъ реветъ и волнуется народное чудовище, невѣжественное, мрачное, порочное и голодное.

Тщетно нѣсколько лучей образованія и промышленности упадаютъ на сей живый хаосъ, на сію безобразную и страшную массу: она просвѣщается только для того, чтобъ быть ужаснѣе. Физическая природа завоевана; успѣхи промышленности безмѣрны; вотъ желѣзныя дороги, прорѣзываемыя колесницами на огненныхъ крыльяхъ, соединяющія между собой всѣ части твердой земли; пристани, плотины, валы, фаросы, безчисленные флоты, тысячи средствъ овладѣть воздухомъ и пламенемъ, служатъ къ укрощенію и покоренію океана, раба, сдѣлавшагося послушнымъ. Вотъ промышленность, съ желѣзными и человѣческими руками, потрясающая горы, засыпающая долины, господствующая надъ цѣлымъ свѣтомъ. Сія планета завоевана; сей шаръ порабощенъ; стихіи, враждебныя первобытному человѣку, побѣждены гражданственнымъ человѣкомъ. Между тѣмъ онъ нисколько не счастливѣе. Война, вѣчная война противъ голода; война между сыномъ земли и землей, которая его питаетъ; бѣдность, болѣзни: ничто не можетъ отвратить сихъ бичей многочисленнаго народонаселенія. Она царствуетъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ избытокъ всеобщій, гдѣ знаніе и деньги въ изобиліи. Наука, деньги и хлѣбъ, неравно раздѣленныя, дурно разпредѣленныя, цѣлыя массы оставляютъ въ невѣжествѣ и бѣдственномъ состояніи. Под-

лѣ Англіи лежитъ Ирландія, обитаемая полунагимъ убожествомъ, которое сжигаетъ въ Октябрѣ хлѣбъ, который посѣяло въ Маѣ. Во Франціи вѣчное волненіе колеблетъ все: вездѣ революція, бѣдность, страданіе; промышленность тщетно силится возстать и побороть демона, ее угнетающаго. Іерархія разрушается; тронъ колеблется; и еслибы общества не были безсмертны по своей природѣ, то можнобъ было подумать, что находишься при ихъ смертномъ томленіи.

Нравственное и духовное состояніе не лучше физическаго. Да какъ можетъ быть иначе? Физическое зло не что иное, какъ результатъ и обнаруженіе нравственной болѣзни. Ложныя теоріи рождаютъ ложныя и опасныя дѣла. Общество поражено въ самое сердце; его начала, его идеи подверглись заразѣ; тамъ, въ самомъ центрѣ, гнѣздо зла.

А религія чѣмъ представляется въ Европѣ? Строятъ церкви, пишутъ книги въ угожденіе Богу и его служителямъ: нѣкоторыя души сохраняютъ еще религіозное чувство. Но что значитъ это чувство? Есть ли оно что нибудь жизненное, энергическое, сердечное? Совсѣмъ нѣтъ! Одно религіозное умничанье, думающее утвердиться на слабыхъ основаніяхъ! Мало героическихъ душъ, которыя бы согласи-

лись на мученичество; даже покушаются еще доказывать, что бытіе Божіе—вѣроятно!.. Критика прокралась въ самое святилище. Разсуждаютъ о доказательствахъ христіанства; но сіи доказательства, стараясь утвердить несомнѣнную истину, обрушиваютъ сами себя. Священный огнь вѣры постепенно угасаетъ. Въ то время, какъ спорятъ о подлинности Евангелія, унижаютъ его божественную силу. Въ то время, какъ опредѣляютъ, что такое благочестіе, благочестіе умираетъ. Всѣ сіи ученыя раздѣленія не воскресятъ трупа. Истинную вѣру смѣнила метафизика, вооруженная тонкостями. Воцаряется скептицизмъ, угрожающій поглотить вѣру; послѣднія струи священнаго источника готовы потеряться въ песчаныхъ пустыняхъ. Что сказали мы о религіи, то можно приложить и къ литературѣ, которая есть жрица мысли. Гдѣ вдохновеніе? что сдѣлалось съ самопроизвольностію? Не говоримъ о тѣхъ мрачныхъ и безобразныхъ созданіяхъ, кои зараждаются въ низшихъ слояхъ грязной литературы, пожирающей саму себя. Не будемъ обыскивать сію плачевную юдоль лжи и продажнаго эгоизма. Довольно глубоко надлежало бы рыться, чтобъ отыскать источники гнусныхъ страстей, наводнившихъ современную литературу. Надлежало бы составить стапистику шарлатанства, клеветы, зависти, злобы. Станемъ выше.

Въ самой поэзіи не видно ни одного творца, который бы заблаговременно не приневолилъ себя къ выполненію своей задачи: лира его, можетъ быть, сладкозвучна, но онъ слишкомъ знаетъ, что она такова. Онъ любитъ высокое; и главный предметъ его заботъ казаться, что онъ любитъ высокое. Повсюду напыщенность! Не ищутъ быть великими на дѣлѣ, но хотятъ увѣрить публику, что владѣютъ чувствомъ великаго.

Прежде, напримѣръ, любили природу, не выказывая сей любви. Ѳеокритъ и Гомеръ великіе живописцы. Виргилій и Овидій развертываютъ великолѣпныя картины. Но они не любуются сами на эти картины. Описаніе не есть цѣль ихъ искусства. Искренно обожая природу, они не простираютъ до жеманства и принужденности своего обожанія, которое столько естественно, что не можетъ сродниться съ ложными преувеличеніями. Печальное слѣдствіе болѣзни, которая къ намъ пристаетъ и насъ пожираетъ! Всѣ наши привязанности суть только слабая тѣнь истинныхъ привязанностей. Давай, кричитъ поэтъ или романистъ, напишемъ; мнѣ надобно изобразить и разцвѣтить гору, холмъ, море, озеро, долину. Читатель знаетъ и цѣнитъ сіи мнимыя картины по ихъ достоинству. Какъ скоро романъ или поэма представляютъ ему описаніе, богатое эпитетами, бле-

стящее разнообразными отливами, онъ ворочаетъ листы, пропускаетъ цвѣтки и узоры, ищетъ занимательной и патетической страницы. Самъ Вальтер-Скоттъ не всегда успѣшно заставляетъ переносить скуку своихъ описаній. Начало многихъ его главъ, по большей части загроможденное пейзажами, не одинъ разъ выводило изъ терпѣнія самыхъ страстныхъ его почитателей.

Множество издаваемыхъ обозрѣній, вліяніе и повсемѣстность критики суть другіе признаки, столькоже характеристическіе. Пишутъ не для того, чтобъ сказать свою мысль, но чтобы судить другихъ. Весь міръ критикъ! Обо всемъ спрашиваютъ: почему? какъ? »Пошли мнѣ, Господи!« — восклицаетъ Стернъ — »читателя, столько добраго и столько тихаго, чтобъ онъ поручилъ мнѣ бразды своего воображенія! Пусть онъ забавляется, не зная какъ! Пусть онъ трогается, не спрашивая почему?« Такого читателя нынѣ не сыщешь. Джонсоны и Лагарпы плодятся. Поколѣніе литературныхъ прихлебателей занимаетъ всѣ входы и выходы и спѣшитъ увѣдомить васъ, что такой-то напитокъ горекъ, а этотъ сладокъ. Мы знали это и безъ нихъ!

Да и сами мы, начертывая сіи строки, не подвергаемся ли общему злу? Не дѣлаемъ ли и мы

обозрѣніе нашего вѣка и его причудъ? Занимаясь разсматриваніемъ и сужденіемъ, не походимъ ли мы на Лондонскихъ зѣвакъ, которые въ продолженіе семи дней недѣли присутствуютъ на всѣхъ церемоніяхъ, не имѣя другаго дѣла, какъ смотрѣть на толпу людей, которая ничего не дѣлаетъ? Лейпцигскій книгопродавецъ публикуетъ Всеобщее Обозрѣніе всѣхъ Европейскихъ Обозрѣній. Будетъ ли конецъ этой потребности все обозрѣвать и этому равнодушію къ трудамъ истинно творческимъ? Литература есть не что иное, какъ огромное судилище, предъ которымъ являются исторія, юриспруденція, богословія, политика. Драма, въ которой преобладаетъ дѣйствіе, поэзія, выражающая чувствованія души, томятся удушенныя и какбы раздавленныя критикой чудовищемъ, которое пожираетъ само себя, подобно древней химерѣ, и которое дѣлается добычей алчности, составляющей его могущество.

Сама философія утратила характеръ творчества. Она не учитъ болѣе управлять нашими дѣлами; она не имѣетъ вліянія на нашу жизнь. Для ней нынѣ довольно умствовать, разсуждать и сомнѣваться. Ея непрерывные розыски не даютъ намъ никакой силы, никакихъ пособій; она не опредѣляетъ нашихъ мыслей, не останавливаетъ нашего разумѣнія и воображе-

нія на одной точкѣ. Разсуждать объ *я* и *не я*, о бытіи и отправленіяхъ мозга—вотъ все ея занятіе! Не такъ философствовали Сократъ и Пиѳагоръ, законодатели нравовъ, коихъ ученіе не ограничивалось простыми логическими формулами.

Во всѣ времена, если можно такъ сказать, метафизика была хроническою болѣзнію человѣчества. Атомы, брошенные въ океанѣ вселенной—безконечно малая частица шара, коей исторія и бытіе являются непримѣтными точками въ пространствѣ и времени—мы видимъ со всѣхъ сторонъ глубокіе мраки, сгущающіеся и обвивающіеся вокругъ насъ. Изъ сихъ мраковъ изходятъ привидѣнія: смерть, начало зла, необходимость, рокъ — вопросы неразрѣшимые! Мы дѣйствуемъ, мы живемъ только для избѣжанія грозной тишины сомнѣнія, безвѣстности, насъ подавляющей. Основаніе нашего бытія сомнѣніе и ужасъ. На семъ грозномъ фондѣ рисуется разнообразная картина нашего бытія. Но человѣкъ, преслѣдуемый чувствомъ боязни, которую внушаетъ сіе безвѣстное царство, непрестанно ищетъ проникнуть въ его глубину. Иногда во времена, болѣе здоровыя и счастливыя, онъ покушается осуществить теорему міра, удовлетворить самаго себя и вывести изъ сей теоремы нѣкото-

рыя начала для руководства въ жизни дѣйствительной. Тогда вдохновеніе и поэзія примѣшиваются къ философіи. Дѣйствія человѣческія хотятъ разположить по образцу творенія. Впадаютъ во многія заблужденія; но по крайней мѣрѣ имѣютъ правило для дѣйствій. Теперь и того нѣтъ! Обо всемъ сомнѣваются; и изъ сомнѣнія хотятъ произвести систему философіи. Какъ вывести убѣжденіе изъ отрицанія? Какъ дойти къ вѣрѣ путемъ сомнѣнія? Такимъ образомъ и колыбель метафизическаго умозрѣнія и гробъ есть ничтожество. Оно начинаетъ ничѣмъ и кончитъ ничѣмъ. Оно творитъ призраки, сражается съ ними, пожираетъ ихъ и снова выводитъ на свѣтъ. Заключившись въ сферу отвлеченныхъ идей, метафизика есть самый роковый бичь человѣчества.

Разсмотрите этимологію слова *метафизика*. Вы узнаете всю ея пустоту. Метафизикъ есть человѣкъ, который берется разлагать разумѣніе и его феномены. Но какое употребитъ онъ для того орудіе? Свое разумѣніе? И такъ орудіе, имъ употребляемое, есть тотъже самый предметъ, надъ которымъ онъ трудится, который думаетъ разсѣчь. Тщетныя усилія для глупцовъ, равно какъ для мудрыхъ: великій человѣкъ и дуракъ равно не успѣютъ въ нихъ. Искуснѣйшій анатомъ не будетъ дѣлать опы-

товъ надъ своимъ тѣломъ, не вонзитъ ножа въ свои фибры и артеріи. Самый ловкій атлетъ никогда не успѣетъ побороться съ самимъ собою, схватить себя руками, поднять съ земли и опять бросить.

Нынѣ мы низверглись въ самую глубокую пропасть сей метафизики, столь противной дѣйствію. Изслѣдованіе все пожираетъ и уничтожаетъ. Мысль не ведетъ болѣе къ дѣйствію. Мы больше не спрашиваемъ себя: что должно дѣлать? и какъ должно дѣлать? но: какое зрѣлище можно себѣ представить? какому анализу можно предаться? Сомнѣніе, лежавшее прежде на днѣ бытія человѣческаго, выступило теперь по всему его протяженію. Его зыбучее покрывало волнуется на всѣхъ предметахъ; и отъ того они мерещутся въ нашихъ смутныхъ взорахъ. Все обманчиво, ухищренно, двусмысленно. И между тѣмъ человѣкъ на землѣ не для того поставленъ, чтобъ задавать себѣ вопросы, а чтобъ дѣйствовать. Онъ не для того сотворенъ, чтобъ усыплять и оставлять въ праздности свою дѣятельную силу, пробуждать одну скептическую способность и упражнять свое сомнѣніе и невѣріе.

Плачевнѣйшій результатъ сего невѣрія есть разрушеніе дѣйствующихъ силъ. Намъ предлежитъ въ сей юдоли столько побѣдить труд-

ностей, столько преодолѣть препятствій, что мало всей нашей энергіи, вспомоществуемой твердою волею и могучей вѣрою. Вмѣсто того мы питаемъ сомнѣніе, насъ разслабляющее, скептицизмъ, отнимающій у насъ силу воли. Намъ остается одно несчастіе. У насъ нѣтъ ничего, чтобы насъ одушевило къ побѣдѣ. Страшное разочарованіе все помрачило; общество отъ того идетъ не лучше; бѣдность отъ того не меньше; только проклинаютъ это общество, проклинаютъ эту бѣдность, вмѣсто того, чтобъ поддержать одно и помочь другой; уподобляются Индійцамъ, которые, не имѣютъ вѣры, однакожъ по привычкѣ попускаютъ себя раздавить колесницей Ягренаута. Къ чему прилѣпиться нынѣ? Къ какому идеалу отнести свои дѣянія? Ни вѣра священная, ни вѣра политическая не представляютъ твердой опоры. Догматы церкви въ пренебреженіи; уваженіе къ нимъ, оставшееся отъ преданій, есть не болѣе, какъ холодное почтеніе, внушаемое старостью. Повиновеніе законамъ изчезло. Рыцарской доблести нѣтъ. Монастыри заперты или потеряли вѣру. Мыслитель, брошенный въ пустыню сомнѣній, тщетно ищетъ твердой и неподвижной точки, могущей для него служить опорой и центромъ. Свѣтскіе и ученые — всѣ Байронисты, данди или Германскіе метафизики. Жалость смотрѣть, какъ эти

слабыя и плачевныя секты роятся и кишатъ теперь на развалинахъ всѣхъ вѣрованій! а)

Не скажешь ли послѣ того, что божество удалилось отъ земли, что оно оставило человѣка подъ игомъ нужды желѣзной, въ добычу мукамъ пожирающаго безпокойства! Героизмъ сокрушенъ. Какая добродѣтель уцѣлѣла отъ искуса? Какой порокъ не былъ почтенъ? Какая мысль или какое начало устояло? Въ возрастѣ, когда организація человѣческая порѣвается и кипитъ, отъ нетерпѣнія дѣйствовать, что дѣлаетъ молодой человѣкъ? Ни одно священное, неприкосновенное, достопочтимое знамя не вѣетъ для него. Все померкло. Сомнѣніе окружаетъ его, скептицизмъ бьетъ бушующими волнами. Надобно предаться изслѣдованію нескончаемому и столь же болѣзненному, сколько глубокому. Надобно, чтобъ непобѣдимая энергія его пламенной мысли, такъ сказать, покусилась на самоубійство. Гдѣ истина? Гдѣ разумъ? Гдѣ правда? Гдѣ порядокъ? Гдѣ свобода? Не ужели въ мятежномъ буйствѣ? Гдѣ рабство? Не ужели въ святой покорности законамъ? Міръ не что иное, какъ неразрѣшимая проблемма, сфинксъ, пожирающій тѣхъ, кои его вопрошаютъ.

а) Ужасное описаніе! Вотъ плоды лжепросвѣщенія, плоды Европеизма, которымъ морочатъ глаза легковѣрныхъ! *Изд.*

Несчастіе сего общественнаго состоянія, гдѣ нѣтъ ничего твердаго, гдѣ ни одно ученіе не обезпечено, чувствуется и народомъ и вельможами, и простакомъ и ученымъ. Но оно всѣхъ менѣе тяготѣетъ надъ тѣми, для коихъ единственная цѣль жизни — жить; они знаютъ, чего хотятъ, они идутъ прямо къ цѣли. Голодъ ихъ толкаетъ; стремятся ли они добыть мѣста и покровительство, или заработываютъ скудную плату, они живутъ; этого довольно; механическая дѣятельность ихъ поддерживаетъ; ихъ энергія возбуждается нуждой, надъ ними господствующей. Есть скука, есть несчастіе для такихъ людей, но отчаянія нѣтъ.

Но что будетъ съ тѣми, въ коихъ вѣетъ благороднѣйшій инстинктъ, кои не хотятъ видѣть въ себѣ только машину, кои хотятъ, чтобъ жизнь ихъ имѣла результатъ и возвышенное направленіе? Какъ горько почувствуютъ они скорбь и пустоту эпохи, въ коей мы теперь живемъ? Древнія божества источены червями; старые символы износились: должно ли воздавать имъ лицемѣрное почтеніе и поклоненіе вышедшее изъ моды? Плачевная и бѣдственная участь: поддерживать теперь древнюю республику, феодальное рыцарство или ѳеократическое папство, значитъ играть роль птицегадателя, по разрушеніи язычества.

Иные, коихъ гораздо больше, принимаютъ

за вѣру сомнѣніе, т. е., отрицательное мнѣніе; они ничего не утверждаютъ; готовые отрицать все, они принимаютъ за теорію ту простую аксіому, что всякая теорія сомнительна, а за ученіе неопровержимый фактъ, что удовольствіе пріятная вещь для человѣка. Легкомысленный эпикуреизмъ родится отсюда: они сбираютъ удовольствія со всего, что ни встрѣчается, закрываютъ глаза на все прочее, и живутъ такимъ образомъ, сколько могутъ, счастливо. Этотъ классъ многочисленъ; онъ-то въ нынѣшнее время составляетъ массы; онъ-то печатлѣетъ на обществѣ тотъ оттѣнокъ нерѣшимости и равнодушія, который его характеризуетъ.

Несчастнѣе всѣхъ тѣ, кои, будучи одарены душею благородною, негодуютъ на сей результатъ. Сомнѣніе, ихъ окружающее, имъ противно. Они хотѣли бы изъ него выдти и свергнуть его иго. Они чувствуютъ, что, отрицая все, отвергая всѣ убѣжденія, ни къ чему не придешь. Они борются съ сею судьбою, болѣе повелительною и жестокою, чѣмъ судьба древняя. Они хотѣли бы снова найти начала, утвердить свои идеи, вызвать новую вѣру; имъ нужно бы имѣть что-нибудь точное и несомнѣнное, вѣрованіе разумное и энергическое; они изнуряются въ усиліяхъ осуществить сіи желанія. Здѣсь Байронъ созидаетъ себѣ божество

изъ страсти, кумиръ изъ удовольствія; тамъ Шеллей покушается воздвигнуть какое-то чудовищное вѣрованіе, гдѣ бы всѣ силы природы были боготворимы—родъ мистическаго матеріализма. А тамъ Шлегель, утомленный сомнѣніемъ, бѣжитъ въ древнее святилище католицизма и проситъ у вѣры спасенія и ограды противъ мукъ универсальнаго скептицизма. Вездѣ видите вы сильныхъ или тонкихъ мыслителей, обуреваемыхъ безчисленными софизмами, громоздящихъ паралогизмы и сражающихся съ полчищами призраковъ.

Таково нравственное и матеріяльное положеніе времени, въ которое насъ бросило Провидѣніе! Можно ли удивляться, что общество, пораженное столь глубокимъ зломъ, ищетъ его узнать и допрашиваетъ себя съ любопытствомъ? Сколько тысячь теорій борются и препираются въ его нѣдрахъ? Какое всеобщее разногласіе раздѣляетъ умы? Сколько лѣтъ уже, какъ повсюду видны разрушенія и опустошенія! Огонь пожираетъ города, ядра косятъ поколѣнія народовъ, слезы и кровь наводняютъ Европу!

Но не должно совершенно отчаяваться о родѣ человѣческомъ и предаваться безотрадному унынію, которое внушаютъ подобныя зрѣлища. По мудрымъ уставамъ Промысла, зло въ

крайнемъ излишествѣ своемъ заключаетъ собственное врачевство. Сіи метафизическія умозрѣнія, сія праздная мечтательность, сіи многоразличныя формы, обнаруживающія признаки тяжкой общественной болѣзни, принесутъ свою пользу. По мѣрѣ злоупотребленія критики, познаютъ необходимость творить и созидать. По мѣрѣ накопленія отрицаній, почувствуютъ ихъ непроизводительность. Порѣваемые изъ системы въ систему, изъ теоріи въ теорію, умы возвратятся наконецъ къ дѣлу, къ жизни существенной. Скептицизмъ истощится; и многочисленныя преобразованія философіи кончатся уничтоженіемъ всѣхъ абсолютныхъ системъ, кои зыблются теперь подобно облакамъ тверди небесной. Не видѣли ли Канта, исторгающаго скипетръ у Лейбница, Фихте, подкапывающаго догматы Канта, Шеллинга, измѣняющаго идеи Фихте, Гегеля, преобразующаго теорію Шеллинга, и наконецъ Кузеня, все возстановляющаго! Невозможно, чтобъ сіи метафизическія системы, подвергнутыя такимъ образомъ безпрестанной переработкѣ, совсѣмъ наконецъ не испарились! Точно также должна прейти и погибнуть сія пагубная вѣра въ политическія теоріи и ихъ вліяніе; сіе легковѣріе въ могущество системъ, отвлеченіе отъ нравовъ и идей. Это несчастное приложеніе метафизики къ политикѣ имѣло роковое вліяніе на

новѣйшіе народы. Скоро перестанутъ вѣрить, что благо народовъ состоитъ въ письменной или печатной конституціи; что искуственный, насильственный механизмъ способенъ привести ихъ въ цвѣтущее состояніе; не будутъ вѣрить, что новое общество можетъ родиться вооруженнымъ изъ мозга мечтателей, какъ Минерва нѣкогда вышла изъ мозга Юпитера! Всѣ сіи заблужденія исправятся опытомъ. Уже революція Французская задала сильный урокъ, который невозможно забыть. *Пусть дана будетъ толпа буйныхъ, непокорныхъ эгоистовъ; сочетай дѣйствія ея такъ, чтобъ изъ нихъ вышло общество честное и добродѣтельное!* Сія неразрѣшимая проблемма произвела столько ужасныхъ, кровавыхъ слѣдствій, что скоро побоятся, не только снова рѣшать, даже предлагать ее. Многія, пока слабыя и странныя, усилія доказываютъ, что въ эпоху болѣе или менѣе отдаленную рѣшительно оставятъ всѣ мечтательныя системы и обманчивыя теоріи. Въ самой Франціи сильная партія изъявляетъ желаніе возвратиться опять къ древней абсолютной монархіи. Наконецъ потребность порядка и устройства чувствуется. Въ Англіи, въ Италіи, тѣже признаки, тоже колебаніе, тоже отдаленное, но непобѣдимое стремленіе къ порядку и возсозданію. Время передъ нами. И если намъ не суждено видѣть раз-

свѣта сей новой эры, по крайней мѣрѣ будемъ стараться ускорить ее. Опыты прошедшіе а) должны вразумить насъ, что здравіе и благоденствіе народовъ состоятъ не въ буйныхъ, болѣзненныхъ движеніяхъ, а въ мирной тишинѣ, раждаемой и питаемой святой покорностью порядку!..

(Edinburgh Review).

II.

КУЛИКОВО ПОЛЕ.

(Н. В. С)

Есть поле побѣды, широкое поле!
Тамъ вѣтеръ пустынный гуляетъ по волѣ!
На полѣ курганы — гробницы костей:
То грозное дѣло булатныхъ мечей!
Давно тамъ замолкли и крикъ и удары,
И высохли бѣлыя кости бойцовъ.
Здѣсь Русскою силой разбиты Татары,

а) И настоящій примѣръ Россіи, цвѣтущей здравіемъ и благоденствіемъ, въ безмятежной тишинѣ, подъ сѣнію вѣры и вѣрности—скажемъ мы! *Изд.*

И здѣсь ихъ обитель—рядъ темныхъ холмовъ!
Здѣсь геній Россіи, съ улыбкой презрѣнья,
Съ высокихъ гробовъ, на вселенную взиралъ.
Онъ кругъ необъятный жезломъ начерталъ:
То грани Россіи, то наши владѣнья! —

Такъ это здѣсь—побоище Мамая,
Позорище рѣшительной борьбы,
Игра кровавая таинственной судьбы,
Спасеніе отеческаго края! —
И, поле славное, покой тебѣ, покой!
Не мало на тебѣ гостей отпировало,
Не мало ты, широкое, стонало:
О поле славное, покой тебѣ, покой! —
Вотъ съ той страны, какъ туча, набѣжала
Неумолимая жестокая Орда;
Здѣсь Русскихъ рать отмщеніемъ пылала
И вѣковыхъ оковъ и Русскаго стыда!
Тамъ смуглые бойцы — станицы кочевыя —
Ихъ взоры дикіе, а чела, какъ туманъ;
Здѣсь цвѣтъ Славянъ, краса полночныхъ странъ,
И кудри русые, и очи голубыя!

Туманна ночь послѣдняя была:
Два стана спятъ, безмолвные, въ покоѣ.
Заутра шумъ—и тамъ въ кровавомъ боѣ
Судьба свершитъ великія дѣла!
Вотъ всѣ бойцы безпечно засыпаютъ!
Но ночь страшна: то слышенъ крикъ орловъ,

То, въ тысячу ужасныхъ голосовъ,
Стада волковъ протяжно завываютъ.

И онъ вскипѣлъ, вскипѣлъ упорный бой;
Сразилися тиранство и свобода;
И ты, любовь Россійскаго народа,
Носился здѣсь, воинственный Донской!
Ты здѣсь леталъ, виновникъ ополченья,
Для милой родины, при заревѣ сраженья!
Для родины!—Прекрасенъ твой удѣлъ,
Благословенъ твой подвигъ незабвенной
Для родины несчастной, угнѣтенной! —
Хвала тебѣ! прекрасенъ твой удѣлъ!

И вотъ бѣгутъ разбитые Татары,
Перуны сыплются отъ Русскаго плеча:
Вновь крики Русскіе, какъ звонкіе удары
Завѣтнаго Славянскаго меча!
Теперь молчитъ, молчитъ побѣды поле. . .
И я здѣсь былъ, и я благоговѣлъ! . .

В. Красовъ.

III.

ПЕРЕПРАВА ЧРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.

(*продолженіе*).

Покидая, около девяти часовъ вечера, высоты Студенки, защищаемыя въ продолженіе всего дня, 28 Ноября 1812 года, Маршалъ Викторъ оставилъ пысячу человѣкъ, дабы прикрывать до послѣдней минуты одинъ изъ двухъ мостовъ, устроенныхъ на Березинѣ, который еще оставался.

Сей аріергардъ обрекся для спасенія безчисленнаго множества отставшихъ солдатъ, кои, закостенѣвъ отъ стужи, упорно отказывались разстаться съ обозами арміи. Но героическое самоотверженіе воиновъ, составлявшихъ сію великодушную дружину, должно было остаться безплоднымъ.

Солдаты, приливавшіе несмѣтными массами къ берегамъ Березины, по несчастію нашли здѣсь безчисленное множество повозокъ, ящиковъ и мебелей всякаго рода, кои армія принуждена была бросить, переправляясь чрезъ рѣку 27 и 28 Ноября. Наслѣдники сихъ неожиданныхъ сокровищъ, несчастные, обезумѣвшіе отъ стужи, располагались въ пустыхъ бивуакахъ, расхватывали всѣ обломки, чтобъ на-

строить себѣ лачугъ, разводили огонь изо всего, что попадалось имъ подъ руки, жрали лошадей, сдирали, чтобъ прикрыть себя, кожу, сукно, парусину, съ каретъ и фуръ, и засыпали, вмѣсто того, чтобъ продолжать свой путь, вмѣсто того, чтобъ, подъ покровомъ ночи, перебираться спокойно черезъ Березину, которую неисповѣдимая кара судьбы обрекла быть столь гибельною Французской арміи.

Совершенное безчувствіе сихъ несчастныхъ можетъ быть понятно только тѣмъ кои сами проходили сими снѣжными, безпредѣльными пустынями, не имѣя другаго питья, кромѣ снѣга, другой постели, кромѣ снѣга, другой перспективы, кромѣ безбрежнаго горизонта снѣга, другой пищи, кромѣ тогоже снѣга или нѣсколькихъ мерзлыхъ кочашекъ, нѣсколькихъ оледенѣлыхъ горбылей, нѣсколькихъ горстей муки или кусковъ лошадинаго мяса. Сіи несчастливцы, умирая съ голоду, жажды, усталости и дремоты, приходили вдругъ на мѣсто, гдѣ видѣли дрова, огонь, съѣстное, безчисленное множество оставленныхъ экипажей, бивуаки, однимъ словомъ, цѣлый импровизированный городъ; ибо деревня Студенка была совершенно сломана, растащена и перенесена на высоты равнины. Хотя это былъ настоящій *cita dolente*, городъ ужасный и пагубный, все по

крайней мѣрѣ онъ имѣлъ видъ обиталища, менѣе грозный и неумолимый, чѣмъ безбрежныя пустыни, покрытыя сугробами. Эта необозримая больница, гдѣ скорбь царствовала мрачная и безмолвная, стояла цѣлыя сутки. Утомленіе жизнію или чувство неожиданной отрады, нечаяннаго счастія, отнимало у сей несмѣтной, безобразной толпы всякое чувство, кромѣ одной потребности успокоенія.

Артиллерія лѣваго фланга Русскихъ безпрестанно громила сію безмѣрную массу, рисовавшуюся, подобно огромному пятну, то черному, то облитому пламенемъ, посреди снѣга; но ея неутомимыя ядра для изможденной толпы казались только однимъ неудобствомъ больше. Она прислушалась къ нимъ, какъ къ грозѣ, коей громъ не возбуждалъ ни малѣйшаго вниманія, поелику долженъ былъ постигать, кое-гдѣ, умирающихъ, больныхъ, или даже мертвыхъ.

Ежеминутно отсталые приливали толпами. Эти бродящіе трупы немедленно раздѣлялись и переходили отъ костра къ костру, вымаливая нищенски мѣстечко у огня; потомъ, прогоняемые большей частью отовсюду, сбирались снова; и, глухіе къ увѣщаніямъ нѣсколькихъ офицеровъ, кои назавтра предсказывали имъ неминуемую смерть, расточали послѣдній оста-

шокъ бодрости, съ коимъ могли бы переправиться черезъ Березину, для того, чтобъ построить себѣ на ночь шалашь, наѣсться и уснуть. Смерть, ожидавшая ихъ, не была для нихъ бѣдствіемъ; ибо это бѣдствіе позволяло имъ соснуть хотя часокъ. Они называли бѣдствіемъ только холодъ, голодъ и жажду. Когда уже нельзя было промыслить ни дровъ, ни огня, ни лохмотья, ни покрышки, то начались драки между тѣми, у коихъ не было ничего, и тѣми, кои имѣли кровъ: слабѣйшіе пали! Наконецъ, пришло время, когда нѣсколько бѣглецовъ, гонимыхъ Русскими, не могли найти себѣ другаго бивуака, кромѣ сугробовъ, и повалились на нихъ, чтобъ никогда не пробуждаться.

Нечувствительно сія масса существъ, почти уничтоженныхъ, сдѣлалась такъ многочисленна, такъ глуха, такъ безчувственна, или можетъ быть, такъ счастлива, что Маршалъ Викторъ, защищавшій ее съ героическими усиліями, въ продолженіе цѣлаго дня, съ шестью тысячами противъ корпуса Витгенштейна, нашелся принужденнымъ очистить себѣ путь силою, сквозь этотъ дремучій лѣсъ людей, дабы перевесть черезъ Березину пять тысячь храбрыхъ воиновъ, коихъ онъ сохранилъ для Императора.

Сіи несчастные предпочитали быть раздавленными, чѣмъ тронуться съ мѣста. Они гиб-

ли безмолвно, посматривая съ улыбкой на свои гаснущіе костры и не помышляя о Франціи.

Не прежде десяти часовъ вечера, Герцогъ де Беллюно увидѣлъ себя на другой сторонѣ рѣки. Дабы занять мосты, ведущіе къ Зембину, онъ повѣрилъ судьбу аріергарда, оставленнаго въ Студенкѣ, Генералу Эбле, истинному спасителю всѣхъ, кои пережили ужасныя Березинскія бѣдствія.

Было около полуночи, когда сей мужественный Генералъ оставилъ небольшую лачугу, которую занималъ подлѣ моста; и, въ сопровожденіи одного храбраго офицера, вышелъ посмотрѣть на зрѣлище, которое представлялъ лагерь, расположенный между Березиной и дорогой изъ Борисова въ Студенку. Пушки Русскія замолкли; безчисленные огни, блѣдно мелькавшіе посреди сугробовъ и по видимому утратившіе свою яркость, освѣщали, тамъ и здѣсь, безобразные призраки, не имѣвшіе человѣческаго подобія: несчастные, въ числѣ почти тридцати тысячь, принадлежащіе ко всѣмъ націямъ, кои Наполеонъ ринулъ на Россію, играли своею жизнью съ скотскою безпечностью.

— »Надобно все это спасти!« сказалъ Генералъ.

— »Завтра утромъ« — продолжалъ онъ—»Русскіе будутъ владѣть Студенкой; надобно сжечь

мостъ, какъ скоро они появятся... и такъ, другъ мой, смѣлость и мужество! Пробейся на высоты! Скажи Генералу Фурнье, что ему едва остается время очистить позицію, пробиться сквозь этотъ народъ и перейти черезъ мостъ. Когда увидишь, что онъ снимется, то слѣдуй за нимъ; потомъ, съ помощію нѣсколькихъ сильныхъ и бодрыхъ рукъ, жги безжалостно всѣ эти бивуаки, экипажи, ящики, кареты... все!.. Гони эту толпу на мостъ! Понуждай все, что можетъ еще двигаться, бѣжать на ту сторону! Пожаръ теперь остался единственнымъ нашимъ спасеніемъ. Еслибъ Бертье позволилъ мнѣ истребить эти проклятые экипажи, рѣка не поглотила бы никого... кромѣ моихъ бѣдныхъ понтоньеровъ... этихъ пятидесяти героевъ, кои спасли армію и... которыхъ забудутъ! « ..

Генералъ закрылъ лобъ рукою и остался безмолвенъ. Онъ чувствовалъ, что Польша будетъ его гробомъ и что ни одного голоса не возвысится во славу тѣхъ великихъ людей, кои остались въ волнахъ... въ волнахъ Березины! .. чтобъ вбить сваи для мостовъ... Одинъ изъ нихъ живетъ еще, или, говоря точнѣе, страдаетъ, въ глуши деревни... безвѣстный! ..

Адъютантъ отправился.

Едва великодушный офицеръ отъѣхалъ шаговъ сто по направленію къ Студенкѣ, какъ Ге-

нералъ Эбле, разбудивъ пять или шесть страждущихъ понтоньеровъ, началъ свой истинно благодѣтельный подвигъ, зажегши бивуаки, расположенные вокругъ моста, и понудивъ такимъ образомъ ближайшихъ солдатъ перебираться черезъ Березину.

Между тѣмъ молодой Адъютантъ добрался, не безъ труда, до единственной деревянной избы, оставшейся въ Студенкѣ.

» Лачуга видно биткомъ набита, пріятель? « сказалъ онъ человѣку, котораго увидѣлъ снаружи передъ избой.

— » Если ты продерешься, то будешь славный молодецъ!« отвѣчалъ офицеръ, не оборачиваясь и продолжая рубить саблею бревна избы.

»Ба! да это ты Филиппъ!« вскричалъ Адъютантъ, узнавъ по голосу одного изъ своихъ друзей.

— »Я!.. А это ты, старичокъ!« возразилъ Г. де Сюси, взглянувъ на Адъютанта, которому, какъ и ему, было не больше двадцати трехъ лѣтъ. » Я думалъ, что ты уже по ту сторону этой проклятой рѣки! Не привезъ ли ты намъ пирожнаго и конфетовъ для дессерту! Мы бы приняли тебя славно « . . . продолжалъ онъ, сдирая съ бревенъ кору, на кормъ своей лошади.

»Я ищу вашего начальника, чтобъ сказать ему, отъ имени Генерала Эбле, идти на Зембинъ! Вамъ едва остается время пробиться сквозь эту массу труповъ, которые я долженъ сей-часъ зажечь, чтобы принудить встать и двигаться! « . .

—»Ты почти согрѣлъ меня: ибо отъ словъ твоихъ прошибъ меня потъ!.. Я долженъ спасти два существа, которыя мнѣ очень дороги! . . Ахъ! безъ этихъ двухъ сурковъ, мой любезный старичокъ, я давно бы умеръ! Только для нихъ берегу я свою лошадь и не ѣмъ ее. Ради Бога, нѣтъ ли у тебя хоть корочки?.. Вотъ ужъ тридцать часовъ, какъ у меня не было ничего во рту; и я дрался, какъ бѣшеный, чтобъ сохранить послѣднюю искру теплоты и бодрости, которая во мнѣ еще остается. « . .

» Бѣдный Филиппъ! . . нѣтъ ничего, ни капельки! Но гдѣ Генералъ? здѣсь что ли? « . .

» Не ходи туда! . . Этотъ амбаръ набитъ ранеными. . . Ступай выше! . . Тамъ, на право, найдешь родъ свинаго хлѣва. . . тамъ Генералъ. . . Прощай, пріятель! . . Если намъ удастся еще потанцовать на паркетѣ въ Парижѣ. « . .

Онъ не могъ кончить; ибо вьюга въ ту минуту дохнула съ такимъ вѣроломствомъ, что

Адъютантъ пустился, дабы не окостенѣть, а у Маіора Филиппа смерзлись губы.

Вскорѣ воцарилось молчаніе. Оно прерывалось только стонами, выходившими изъ избы, и глухимъ шумомъ лошади Г. де Сюси, которая, съ неистовой жадностью, глодала мерзлую кору избяныхъ бревенъ. Маіоръ вложилъ саблю въ ножны; и, схвативъ за узду драгоцѣнное животное, которое умѣлъ сохранить, оторвалъ его, не смотря на сопротивленіе, отъ жалкаго корму, коимъ бѣдное животное казалось довольнымъ.

— »Пошла, Бишетъ, пошла!.. Только ты, моя красавица, можешь спасти мою Юлію!.. Ступай... Будетъ еще время отдохнуть... умереть.«..

И Филиппъ, закутанный въ мѣховую шубу, коей былъ одолженъ сохраненіемъ своей жизни и дѣятельности, побѣжалъ по сугробамъ, стуча крѣпко ногами, чтобъ согрѣться.

Едва Маіоръ сдѣлалъ шаговъ пять сотъ, какъ увидѣлъ большой огонь на томъ мѣстѣ, гдѣ по утру оставилъ свою карету подъ охраненіемъ стараго неустрашимаго солдата. Ужасное безпокойство овладѣло имъ; и, какъ всѣ, кои въ продолженіе бѣдственнаго отступленія, были одушевляемы какимъ-нибудь могущественнымъ чувствомъ, онъ нашелъ въ себѣ болѣе силъ для спасенія своихъ друзей, чѣмъ сколькобъ имѣлъ

для собственнаго своего спасенія. Скоро былъ онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ небольшаго угла, образуемаго землею, подъ сѣнію косго, въ безопасности отъ ядеръ, помѣстилъ молодую женщину, подругу своего дѣтства, драґоцѣннѣйшее благо своей жизни.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кареты, до тридцати солдатъ собралось вокругъ безмѣрнаго огня, который поддерживали, бросая въ костеръ крышки пороховыхъ ящиковъ, колеса, доски и оконницы каретъ. Это были, безсомнѣнія, самые запоздалые изъ всѣхъ, кои, наполняя пространство между широкой бороздой, описываемой Студенскою низью, и роковою Березиной, составляли какъ будто океанъ головъ, огней, шалашей... живое море, волнуемое движеніями почти безчувственными, изъ котораго вырывался глухой шумъ, смѣшанный съ грозными криками. Вынужденные голодомъ и отчаяніемъ, эти несчастные вѣроятно разграбили карету. Старый Генералъ и молодая жена его, коихъ нашли они, лежавшихъ на своемъ скарбѣ, окутанныхъ плащами и шубами, въ эту минуту сидѣли просто на снѣгу, сгорбившись, на корточкахъ, у огня. Карета была отворена и одна изъ дверцъ ея разбита. Какъ скоро сидѣвшіе вокругъ огня услышали шаги лошади и Маіора, яростный

крикъ поднялся между ними. Это было бѣшенство голода, подстрекнутаго чувствомъ нежданаго благополучія!

— Лошадь!.. Лошадь!..

То былъ крикъ единодушный. Всѣ голоса слились въ одинъ голосъ.

— Прочь, прочь!.. Берегись!.. вскричали два или три солдата, прицѣливаясь въ лошадь.

—» Тс! негодная сволочь! Я васъ всѣхъ опрокину въ этотъ огонь... Тамъ много мертвыхъ лошадей!.. Ступайте туда!«..

— Гé! гé! какой шутникъ!« возразилъ одинъ колоссальный гренадиръ. »Разъ! два!.. Слышишь?.. Посторонишься, или нѣтъ?.. Нѣтъ?. Ну! какъ изволишь... Эй!«..

Крикъ женщины заглушилъ ударъ выстрѣла. По счастію Филиппъ не былъ раненъ: но лошадь его пала. Такъ какъ бѣдное животное еще боролось съ смертью, то три человѣка бросились и прикололи его штыками.

— »Каннибалы! дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, взять попону и пистолеты!« вскричалъ Филиппъ въ отчаяніи.

— О пистолетахъ не споримъ! отвѣчалъ гренадиръ: что до попоны, то вотъ бѣдный пѣшеходъ, у котораго два дня не было во рту ни капли... Видишь, какъ онъ колотитъ зубъ объ зубъ, въ своемъ платьѣ, подбитомъ уксусомъ!.. Это нашъ Генералъ!..

Филиппъ замолчалъ, взглянувъ на бѣдняка, у котораго обувь и исподнее платье было все въ дырахъ, а голова прикрывалась мерзкой фуражкой, набитой снѣгомъ.

Тогда онъ поспѣшилъ взять свои пистолеты; и, между тѣмъ какъ привязывалъ ихъ къ поясу, пятеро притащили убитое животное къ костру и начали свѣжевать его такъ ловко, какъ самые искусные мясники въ Парижѣ. Куски хватали и бросали на уголья съ удивительною быстротою. Маіоръ подошелъ къ женщинѣ, которая, узнавъ его, испустила крикъ ужаса. Онъ нашелъ ее неподвижно сидѣвшую на подушкѣ изъ кареты и отогрѣвающуюся при огнѣ. Она взглянула на него безмолвно, даже не улыбнувшись. Тогда Филиппъ увидѣлъ подлѣ ней солдата, которому поручилъ карету на сохраненіе. Бѣднякъ былъ раненъ. Подавленный числомъ, онъ долженъ былъ уступить солдатамъ, напавшимъ на него; но, подобно собакѣ, защищавшей до послѣдней крайности обѣдъ своего господина, взялъ наконецъ долю въ добычѣ и сдѣлалъ себѣ родъ плаща изъ старой бѣлой простыни. Въ эту минуту онъ переворачивалъ на угольяхъ кусокъ лошадинаго мяса и Маіоръ прочелъ на лицѣ его радость, которую чувствовалъ онъ, приготовляя себѣ такую лакомую пирушку.

Графъ де Вандьеръ, за три дня впавшій въ со-

стояніе дѣтской несмысленности, сидѣлъ также на подушкѣ, возлѣ своей жены. Онъ смотрѣлъ тусклыми, неподвижными глазами на эти пирамидальные огни, коихъ теплота начинала разогрѣвать его оцѣпенѣлость. Ружейный выстрѣлъ, прибытіе Филиппа, столь же мало тронули его, какъ и сраженіе, въ слѣдствіе коего карета была разграблена.

Сначала Филиппъ схватилъ руку молодой Графини, какъ будто для того, чтобъ выразить ей свою привязанность и огорченіе, которое чувствовалъ, видя ее доведенную до такой крайности; но остался безмолвенъ подлѣ ней, сѣвши на грудѣ снѣга, которая подмывала сама себя, тая на огнѣ. Онъ самъ уступилъ наконецъ животному наслажденію отогрѣться, забывая опасность, забывая все. Его лице, противъ воли, искоробилось выраженіемъ радости, почти звѣрской; и онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, чтобы кусокъ лошади, данный его солдату, изжарился; ибо запахъ этого выпачканнаго угольями мяса раздражалъ въ немъ голодъ, а голодъ заставлялъ молчать его сердце, мужество и—любовь. Онъ смотрѣлъ безъ всякаго огорченія и гнѣва на разграбленіе своей кареты. Окружавшіе костеръ, раздѣлили промежь себя одѣяла, подушки, шубы, платье женское и мужское, принадлежавшія Графу, Графинѣ и Маі-

ору. Филиппъ обернулся, чтобъ посмотрѣть, не осталось ли чего въ ящикахъ. При блескѣ огней, онъ замѣтилъ, что золото, бриліанты, серебро Графини, было разбросано; никто не думалъ присвоить себѣ ни малѣйшей вещицы.

Всѣ, коихъ случай собралъ вокругъ костра, хранили молчаніе, которое было ужасно. Каждый дѣлалъ только то, что считалъ для себя необходимымъ. Ихъ крайность имѣла въ себѣ даже нѣчто каррикатурное. Лица, искаженныя холодомъ, напитаны были грязью, по которой слезы, отъ глазъ до оконечности щекъ, прорыли глубокія борозды, свидѣтельствовавшія толщину сей безобразной личины. Неопрятныя длинныя бороды еще болѣе увеличивали ихъ отвратительность. Одни были окутаны въ женскія шали; другіе прикрывались конскими чепраками, испасканными попонами, лохмотьями забитыми инеемъ, который, тая на огнѣ, лилъ съ нихъ ручьями; у нѣкоторыхъ одна нога была въ сапогѣ, другая въ башмакѣ. Не было ни одного, чей костюмъ не представлялъ бы жалкой и смѣшной уродливости. Но окруженные множествомъ столь забавныхъ по видимому фигуръ и сценъ, всѣ были мрачны и суровы. Молчаніе прерывалось только хрустѣніемъ дерева, трескомъ огня, отдаленнымъ ропотомъ лагеря и сабель-

ными ударами, наносимыми убитой лошади тѣми изъ солдатъ, кои наиболѣе голодали, чтобы высѣчь изъ ней лучшіе куски. Нѣкоторые несчастные, уставшіе болѣе другихъ, спали. Когда кто-нибудь изъ нихъ скатывался въ огонь, никто не подымалъ его; ибо эти строгіе логики думали, что, если онъ еще не умеръ, то огонь самъ заставитъ его искать другаго болѣе покойнаго мѣста. Если несчастливецъ пробуждался и погибалъ въ огнѣ, никто не жалѣлъ объ немъ; только нѣкоторые солдаты взглядывали другъ на друга, какъ будто для того, чтобъ оправдать свою беззаботливость, повѣряя равнодушіе другихъ.

Молодая Графиня уже два раза была свидѣтельницею подобныхъ сценъ: она оставалась безмолвною и неподвижною.

Когда разные куски мяса, брошенные на уголья, зажарились, то каждый началъ утолять свой голодъ съ тою прожорливостью, которая, даже въ животныхъ, кажется такъ отвратительна.

— Въ первый разъ доводится мнѣ видѣть тридцать пѣхотинцевъ на одной лошади!.. вскричалъ гренадиръ, который ее свалилъ.

Эта острота была единственное свидѣтельство національнаго Французскаго духа.

Вскорѣ большая часть бѣдняковъ заверну-

лись въ свои лохмотья, помѣстились на доскахъ, на всемъ, что могло предохранить ихъ отъ соприкосновенія съ снѣгомъ, и заснули, не заботясь о завтрашнемъ днѣ.

Когда Маіоръ отогрѣлся и утолилъ свой голодъ, непреодолимая дремота отяготѣла надъ его рѣсницами. Юлія спала. Онъ глядѣлъ на нее, пока боролся еще со сномъ. Юлія была окутана въ шубу и толстый драгунскій плащь. Голова ея лежала на подушкѣ, замаранной кровью. Она спрятала ноги свои подъ плащь. Мѣховая шапка, подвязанная платкомъ подъ шею, предохраняла лице ея отъ холода, сколько было возможно. Въ этомъ состояніи она не походила ни на что. Это была безобразная масса. Только когда Графиня обернула во снѣ голову свою къ огню, Маіоръ могъ видѣть ея закрытые глаза и часть лба. Была ли то послѣдняя изъ торговокъ, скитающихся за арміей? Или прелестная женщина, слава любовника, царица баловъ, обожаемая сильфида, блистающая красотой и свѣжестью? Увы! самый проницательный глазъ преданнѣйшаго друга не могъ различить ничего... Это была вещь безъ имени, связка тряпья и лохмотьевъ, трупъ бездушный! Любовь уступила холоду, даже въ сердцѣ женщины!

Сквозь густую пелену, которую неодолимый сонъ простиралъ надъ глазами Маіора, уже ви-

дѣлъ онъ мужа и жену, какъ двѣ маленькія точки. Пламя костра, эти разбросанныя фигуры, эта ужасная стужа, которая ревѣла въ трехъ шагахъ отъ бѣгучей теплоты... все превращалось въ мутное сновидѣніе.

Безотвязная мысль тревожила Филиппа.

— »Мы погибнемъ всѣ, если я засну... нѣтъ ... не буду спать.« ...

И онъ заснулъ!

Ужасный крикъ и взрывъ разбудили Филиппа скоро. Чувство долга, опасность Юліи, пали тотчасъ ему на сердце. Онъ испустилъ крикъ, подобный реву. Только онъ и его вѣрный солдатъ были на ногахъ. Они увидѣли море огня, пучину своенравнаго пламени, которое, пожирая шалаши и бивуаки, во мракѣ ночи, составляло безбрежный фондъ, гдѣ группы людей рисовались мрачными пятнами: потомъ крики отчаянія... вой... тысячи волнующихся призраковъ... лица неистовыя и—молчаніе ужасное!.. Среди сего пылающаго ада, колонна солдатъ двигалась къ мосту, промежъ двухъ рядовъ труповъ.

— »Это отступленіе аріергарда!« вскричалъ Маіоръ: »нѣтъ больше надежды!«

»Я пощадилъ твою карету, Филиппъ!« сказалъ одинъ дружескій голосъ.

Филиппъ обернулся и узналъ, при блескѣ пламени, молодаго Адъютанта.

— »Ахъ! все погибло! « отвѣчалъ онъ. »Они сожрали мою лошадь!.. А какъ мнѣ поднять этого безмысленнаго Графа и жену его? «

»Возьми головню и погрози имъ! «

— »Грозить Графинѣ? «

»Прощай! « вскричалъ Адьютантъ. »Едва остается время для переправы ...а я долженъ переправиться. У меня мать во Франціи!.. О какая ночь!.. Эта сволочь лучше хочетъ оставаться на снѣгу и большая часть предпочитаетъ сгорѣть, чѣмъ подняться... Уже четыре часа, Филиппъ!.. Черезъ два Русскіе тронутся. Увѣряю тебя, что Березина еще разъ запрудится трупами!.. Филиппъ, подумай о себѣ! Ступай! лошадей нѣтъ: ты не можешь нести Графиню... Пойдемъ!..

— »Я, мой другъ!.. Мнѣ оставить Юлію!.. мою Юлію! «..

Маіоръ схватилъ Графиню, поднялъ ее на ноги, началъ трясти изо всѣхъ силъ въ отчаяніи и заставилъ проснуться. Она глядѣла на него мертвыми, неподвижными глазами...

— »Надобно идти, Юлія! или мы должны погибнуть! «..

Вмѣсто всякаго отвѣта, Графиня старалась повалиться на землю, чтобъ опять заснуть.

Адьютантъ схватилъ горящую головню и

началъ махать ею надъ самымъ лицемъ Графини.

— »Спасемъ ее противъ воли!« вскричалъ Филиппъ.

Онъ схватилъ Юлію и отнесъ въ карету. Потомъ началъ просить друга своего о помощи; и оба, взявъ спараго Графа, не зная, живъ онъ или мертвъ, положили возлѣ Графини. Наконецъ, переворачивая ногою валявшихся по землѣ солдатъ, Маіоръ отобралъ у нихъ все, что они разграбили, свалилъ весь скарбъ на обоихъ супруговъ и бросилъ въ уголъ кареты нѣсколько кусковъ жаренаго лошадинаго мяса.

»Чтожъ ты хочешь дѣлать?«

— »Тащить карету!« отвѣчалъ Маіоръ.

»Ты съ ума сошелъ!«

— »Да! правда!« вскричалъ Филиппъ, сложивъ руки на грудь.

Вдругъ отчаянная мысль какъ будто овладѣла имъ.

— »Ты!« вскричалъ онъ, схвативъ за плечо своего солдата: »я поручаю ее тебѣ на одинъ часъ только . . . Помни, что ты долженъ скорѣе умереть, чѣмъ допустить кого бы то ни было къ каретѣ.«...

Сказавъ сіи слова, Маіоръ схватилъ въ одну руку всѣ брилліанты Графини, а другою, выхвативъ саблю, началъ осыпать тяжеловѣсными

ударами тѣхъ, кои казались ему наиболѣе крѣпкими и безстрашными изъ спящихъ.

Онъ успѣлъ разбудить колоссальнаго гренадира и двухъ другихъ, коихъ не льзя было распознать ранга.

— »Насъ жарятъ! « . . . сказалъ онъ имъ.

— Вижу. . . отвѣчалъ гренадиръ.

— »Ну такъ смерть за смерть! Не лучше-ли продать жизнь свою для прекрасной женщины и—можетъ быть—увидѣть опять Францію? « .

— Я хочу спать! . . сказалъ одинъ изъ проснувшихся, повалившись опять на снѣгъ. И если ты дотронешься еще до меня, Маіоръ, то я пропорю тебѣ брюхо. . .

— О чемъ дѣло, Г. Офицеръ? прервалъ гренадиръ. Видишь, этотъ соня пьянъ! . . Вѣдь Парижской житель! . . а этотъ народъ, знаешь, любитъ понѣжиться! . .

—»Это все тебѣ, храбрый гренадиръ!«—вскричалъ Филиппъ, подавая ему бриліантовое ожерелье—»если ты захочешь слѣдовать за мной и драться, какъ бѣшеной. . . Русскіе на десять минутъ отсюда; у нихъ есть лошади; мы пойдемъ съ тобой на первую батарею и приведемъ пару рысаковъ. « . .

— А часовые, Маіоръ? . .

— »Одинъ изъ насъ троихъ. « . . сказалъ онъ солдату.

Тутъ перервалъ онъ свою рѣчь и взглянулъ на Адьютанта.

— »Вѣдь ты пойдешь съ нами, Ипполитъ!« продолжалъ онъ.

— »И такъ. . . одинъ изъ насъ управится съ часовымъ. . . Сверхъ того, они вѣрно сами спятъ . . . эти. . . Русскіе!

— Хорошо, Маіоръ! ты славной солдатъ. . . Но ты посадишь меня послѣ въ свой берлинъ? сказалъ гренадиръ.

— » Безъ сомнѣнія, если ты не покинешь тамъ своей шкуры. « . .

Сіи три человѣка пожали руку другъ у друга; и — съ минуту продолжалось молчаніе.

— »Если я погибну, Ипполитъ и ты храбрый гренадиръ! обѣщайте мнѣ пожертвовать собой для спасенія Графини. « . .

— Рѣшено! вскричалъ гренадиръ.

Трое отчаянныхъ пустились къ Рускому войску, прямо на батареи, которыя такъ ужасно разгромили массу несчастливцевъ, валявшихся по берегу рѣки.

Они поѣхали трое: воротились только двое.

Черезъ часъ, топотъ двухъ скачущихъ лошадей раздавался по снѣгу; и пробужденная батарея сыпала ядрами, которыя свистали по головамъ спящихъ; стукъ лошадиныхъ шаговъ

такъ былъ частъ, какъ будто кузнецы ковали желѣзо. Великодушный Адьютантъ погибъ. Исполинскій гренадиръ былъ цѣлъ и здоровъ; но Филиппъ, защищая своего друга, раненъ былъ штыкомъ въ плечо. Не смотря на то, онъ вцѣпился въ гриву лошади и сжалъ ее такъ сильно колѣнками, что животное находилось словно въ тискахъ.

— »Слава Богу! « . . вскричалъ Маіоръ, нашедши оставленнаго солдата неподвижнымъ и карету на мѣстѣ.

»Если вы справедливы, Г. Офицеръ, то вѣрно выхлопочете мнѣ крестикъ. . . Вѣдь мы славно позабавились. . . Гм! « . .

— »Что мы сдѣлали? . . Запрягай-ка лошадей! Бери веревки! «

»Да этихъ не достанетъ!«

— »Ну такъ ступай по этимъ сонямъ, обери у нихъ шали и все тряпье. « . .

»Ге! ге! да онъ умеръ, этотъ забавникъ! « . . вскричалъ гренадиръ, обдирая перваго, который попался. »Они мертвые. « . .

— » Всѣ? «

»Всѣ, до одного! . . Несвареніе желудка послѣ лошадинаго мяса. . . снѣгъ. . . огонь. « . .

Сіи слова заставили содрогнуться Филиппа. Стужа усилилась.

— »Боже мой! Потерять ту, которую я спасалъ уже двадцать разъ!«..

Онъ началъ сильно трясти Графиню, крича:

— »Юлія! Юлія!«

Графиня подняла голову и открыла глаза.

— »Ну, сударыня! мы спасены!«

— Спасены... повторила Графиня, падая снова.

Наконецъ лошади были кой-какъ заложены. Маіоръ, держа саблю здоровой рукой, а поводья другой, вооруженный пистолетами, вскочилъ на одну лошадь, гренадиръ на другую.

Солдатъ, у котораго ноги отмерзли, брошенъ былъ поперегъ кареты, на Графа и Графиню.

Лошади, погоняемыя сабельными ударами, словно бѣшеныя мчали экипажъ по равнинѣ. Но безчисленныя затрудненія ожидали вездѣ Маіора. Когда онъ вскакалъ въ средину толпы, ему не возможно было ѣхать, не подвергаясь опасности раздавить, на каждомъ шагу, спящихъ безчувственныхъ мущинъ, женщинъ и даже дѣтей. Напрасно искалъ онъ дороги, которую не за долго проложилъ себѣ аріергардъ по этой безпредѣльной массѣ людей: онъ долженъ былъ ѣхать шагомъ, весьма часто останавливаемый солдатами, которые грозились убить его лошадей.

»Хотите ли вы доѣхать?«

— »Готовъ пожертвовать всею моею кровью... всѣмъ свѣтомъ!«.. отвѣчалъ Маіоръ.

»Ну такъ маршъ! Бѣгъ яичницу, не жалѣть яицъ!«..

Гренадиръ пустилъ лошадей во весь опоръ по людамъ, опрокидывая окровавленными колесами бивуаки и прорѣзывая сугубый слѣдъ смерти. Однако должно отдать ему справедливость, что онъ не переставалъ кричать громовымъ голосомъ:

»Гей! сволочь! берегись!«

— »Несчастные!« вскричалъ Маіоръ.

»Э! да вѣдь все равно! Либо зима, либо пушка приберетъ же!«...

И онъ гналъ безъ памяти лошадей, не жалѣя острея сабли. Но вдругъ воспослѣдовала катастрофа, которая должна была случиться гораздо ранѣе и отъ которой невѣроятный случай дотолѣ сохранялъ ихъ. Карета опрокинулась.

»Я этого ожидалъ!« вскричалъ хладнокровный гренадиръ. »Э! э! да пріятель нашъ въ каретѣ также отправился!«

— »Бѣдный Лоранъ!« сказалъ Маіоръ.

»А его звали Лораномъ! Не изъ пятаго ли егерскаго?«..

— »Да!«..

»Такъ это мой двоюродный братъ! Ну! да сказать правду! жизнь не стоитъ теперь, чтобъ жалѣть объ ней!«

Не льзя было поднять кареты и выпутать лошадей безъ важной потери драгоцѣннаго, невозвратимаго времени.

Толчокъ, произведенный паденіемъ, былъ такъ силенъ, что молодая Графиня очнулась, вышла изъ оцѣпененія, кое-какъ высвободилась изъ подъ платья и приподнялась. Она посмотрѣла вокругъ себя.

»Филиппъ!« вскричала она тихимъ голосомъ: «гдѣ мы?«

— »Въ пятистахъ шагахъ отъ моста. Мы переправляемся черезъ Березину. По ту сторону, Юлія, я не буду васъ болѣе безпокоить!.. Я вамъ позволю спать, сколько угодно. Мы будемъ въ безопасности... доѣдемъ спокойно до Вильны!.. И дай Богъ, чтобъ вы никогда не знали, чего мнѣ будетъ стоить жизнь ваша!«..

»Ты раненъ!«

— »Это ничего!«..

Но развязка приближалась.

Пушки Русскія возвѣстили день. Овладѣвъ Студенкою, они начали громить равнину; и, при первомъ мерцаніи утра, Маіоръ увидѣлъ колонны ихъ, двигавшіяся грозно на высотахъ.

Тогда вопль тревоги раздался среди безчувственной громады, покрывавшей равнину. Толпы въ одну минуту вскочили на ноги. Каждый инстинктуально понялъ опасность. Всѣ, машинальнымъ, неопредѣленнымъ движеніемъ, устремились къ мосту. Русскіе разливались съ быстротою пожара. Мущины, женщины, дѣти, лошади — все ввалилось на мостъ. По счастію Маіора и Графини, они находились еще въ отдаленіи отъ рѣки; ибо Генералъ Эбле велѣлъ зажечь сваи съ другаго берега.

Не смотря на извѣщеніе, которое дали опоздавшимъ на сію послѣднюю доску спасенія, никто не хотѣлъ отступить назадъ. Не только мостъ, обремененный народомъ, подломился: но напоръ бурнаго потока людей, хлынувшаго на сей пагубный крутояръ, былъ такъ стремителенъ и неудержимъ, что цѣлая масса человѣческая ринулась стремглавъ въ волны, какъ глыба земли, какъ тяжелый обломокъ скалы, составленной изъ головъ и тѣлъ: не слышно было ни малѣйшаго крика—только глухой шумъ, словно камня, упавшаго въ воду! Березина покрылась трупами. Попятное движеніе тѣхъ, кои опрокинулись назадъ въ равнину, чтобъ избавиться отъ сей ужасной смерти, и неизбѣжное столкновеніе съ тѣми, кои, ничего не зная, продолжали стремиться впередъ, было причиною ужасной давки, въ коей задохлось множество народа. Графъ

и Графиня де Вандьеръ были одолжены жизнію своей каретѣ. Лошади погибли раздавленныя, растоптанныя, сами растоптавъ и взмѣсивъ кучу труповъ.

Маіоръ и гренадиръ нашли спасеніе въ своей силѣ. Они убивали, чтобъ не быть убитыми.

Этотъ ураганъ человѣческихъ лицъ, этотъ приливъ и отливъ тѣлъ, одушевленныхъ однимъ движеніемъ, былъ причиною, что берегъ рѣки остался пустъ на нѣсколько минутъ. Народъ отшатнулся въ равнину. Нѣсколько человѣкъ бросились въ рѣку съ крутояра, вышиною въ двѣнадцать футовъ, сколько въ надеждѣ достигнуть другаго берега, который на ту пору составлялъ для нихъ Францію, столько во избѣжаніе плѣна. Отчаяніе было эгидою нѣкоторыхъ другихъ: одинъ офицеръ добрался на ту сторону, перепрыгивая со льдины на льдину; другой солдатъ чудеснымъ образомъ вскарабкался на груду труповъ и льду. Но большая часть оставшихся поняла, что Русскіе конечно не захотятъ перебить двадцать тысячь безоружныхъ, окостенѣлыхъ, безчувственныхъ людей, которые не думали и не могли защищаться.

Тогда Маіоръ, гренадиръ, старый Графъ и его жена остались одни, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ находился мостъ. Они стояли

на ногахъ всѣ четверо, съ высохшими глазами, безмолвные, окруженные громадой холодныхъ труповъ.

Нѣсколько крѣпкихъ солдатъ и офицеровъ, коимъ крайность возвратила всю энергію, собрались вокругъ. Они образовали изъ себя группу человѣкъ въ пятьдесятъ. Маіоръ примѣтилъ въ двухъ стахъ шагахъ обломки большаго парома, который за два дня былъ разломанъ.

»Сдѣлаемъ плотъ!« вскричалъ онъ.

Едва произнесъ онъ сіи слова, какъ толпа бросилась къ обломкамъ. Тридцать человѣкъ принялись за стройку. Двадцать другіе пустились собирать желѣзные крючья, искать деревянныхъ брусьевъ, веревокъ и другихъ нужныхъ матеріяловъ. Нѣсколько вооруженныхъ солдатъ и офицеровъ составляли стражу, командуемую Маіоромъ, для прикрытія работавшихъ отъ нападеній, на которыя могла покуситься отчаянная толпа, угадавъ ихъ намѣреніе. Чувство свободы, одушевляющее узниковъ и заставляющее ихъ дѣлать чудеса, не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое оживляло несчастныхъ Французовъ.

— Вотъ Русскіе!.. вотъ Русскіе!.. кричали тѣ, кои прикрывали работавшихъ.

Между тѣмъ дерево трещало; плотъ росъ въ ширину, въ вышину и въ глубину. Генера-

лы, солдаты, полковники, сгибались подъ тяжестью колесъ, веревокъ, желѣза и досокъ: это было настоящее изображеніе строенія ковчега!

Молодая Графиня, сидя подлѣ своего мужа, смотрѣла на сіе зрѣлище съ сожалѣніемъ, что не могла участвовать въ общей работѣ. По крайней мѣрѣ она помогала вязать узлы, чтобъ укрѣпить веревочныя снасти.

Наконецъ плотъ былъ оконченъ. Сорокъ человѣкъ сбросили его въ рѣку, между тѣмъ какъ человѣкъ десять солдатъ тянули веревки, которыя должны были держать его у берега.

Какъ скоро строители увидѣли, что ихъ судно плавало по Березинѣ, немедленно ринулись въ него опрометью, съ неистовымъ эгоизмомъ.

Въ одну минуту плотъ былъ покрытъ людьми.

Маіоръ, страшась буйной ярости перваго движенія, держалъ за руки Юлію и Графа: но онъ затрепеталъ, когда увидѣлъ плотъ, весь почернѣвшій людьми, кои тѣснились на немъ, какъ зрители въ партерѣ театра.

— »Грубіаны!« .. вскричалъ онъ. »Не я ли первый подалъ вамъ мысль? .. я вашъ спаситель, а мнѣ нѣтъ и мѣста!« ..

Смутный шумъ былъ ему отвѣтомъ... Люди, стоявшіе на краю плота съ шестами, упер-

лись изъ всѣхъ силъ въ берегъ, чтобъ перебросить его на ту сторону, сквозь груды льдинъ и труповъ.

— Бездѣльники! вскричалъ гренадиръ ужаснымъ голосомъ: я васъ брошу всѣхъ въ воду, если вы не примете Маіора и двухъ его спутниковъ!..

И, поднявъ саблю, онъ воспрепятствовалъ отправленію; потомъ, не смотря на ужасной крикъ, велѣлъ стѣснить ряды.

— »Упаду! Падаю!« кричали со всѣхъ сторонъ. »Ѣдемъ! Пошолъ!«

Маіоръ смотрѣлъ изсохшими глазами на Юлію, которая подняла взоры свои къ небу съ чувствомъ высокой покорности.

»Умереть съ тобою!«.. сказала она.

Между тѣмъ положеніе людей, набившихся на плотъ, представляло нѣчто комическое. Всѣ кричали; но никто не смѣлъ перечить гренадиру: ибо видѣли, что это былъ человѣкъ, который могъ сбросить весь народъ въ рѣку, опрокинувъ одного. Въ сей опасности, одинъ Полковникъ попытался столкнуть самого гренадира; но лукавый солдатъ, замѣтивъ непріязненное движеніе офицера, схватилъ его и кинулъ въ воду, примолвивъ:

»А! а! гусь! вѣрно захотѣлъ напиться... такъ подижь!«..

»Вотъ два мѣста!« вскричалъ онъ потомъ. »Ну, Маіоръ! бросай красавицу и иди самъ. Кинь на берегу эту старую ветошь, которая завтра околѣетъ!«

— Проворнѣй! вскричали сто голосовъ въ одинъ голосъ.

»Гей, Маіоръ! Они ворчатъ — и по дѣломъ!.. Ну же, скорѣе!«..

Графъ де Вандьеръ высвободился изъ подъ шубъ, которыми былъ окутанъ, и показался въ своемъ Генеральскомъ мундирѣ.

— »Надобно спасти Графа!« сказалъ Филиппъ. »Это вашъ долгъ!«

Юлія сжала руку своего друга. Она бросилась къ нему на шею и обняла его. То было ужасное объятіе!

»Прощай!« сказала она.

Они поняли другъ друга.

Графъ де Вандьеръ нашелъ силы и присутствіе духа, чтобъ соскочить на плотъ. Юлія слѣдовала за нимъ, бросивъ послѣдній взглядъ на Филиппа.

»Маіоръ!.. Хотите ли занять мое мѣсто!.. я плюю на жизнь!« вскричалъ гренадиръ. »У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни матери.«..

— »Я поручаю тебѣ ихъ!« кричалъ Маіоръ, указывая на Графа и его жену.

»Будьтежь покойны... я ихъ стану беречь, какъ глазъ.«..

Плотъ былъ брошенъ съ такою силою на берегъ, противоположный тому, гдѣ Филиппъ остался неподвижный, что прикосновеніе къ землѣ ужасно потрясло его. Графъ былъ на краю и свалился въ воду; въ ту минуту, какъ онъ падалъ, льдина отперла ему голову и отбросила далеко по волнамъ, какъ шаръ.

» Гей!.. Маіоръ!«.. кричалъ гренадиръ.

— Прощай!.. кричала женщина.

Филиппъ де Сюси упалъ, пораженный ужасомъ, изможденный холодомъ, сожалѣніемъ, усталостью и скорбью . . . . . .
. . . . . .

(окончаніе слѣдуетъ).

IV.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЖИТЕЛЕЙ ОКЕАНІИ.

(БАЛЬБИ).

Разсматривая общественное состояніе безчисленныхъ поколѣній жителей Океаніи, прежде всего мы видимъ, что они представляютъ, такъ сказать, двѣ главныя отрасли самобытной образованности, отрасли совершенно различныя между собою. Первая отрасль, содержащая великіе народы Индійскаго Архипелага, кажется, заимствуетъ свое произхожденіе отъ народа неизвѣстнаго, который, по мнѣнію Г. Крауфурда, говорилъ языкомъ Велико-Полинезійскимъ; сей разсадникъ народовъ мы назовемъ Явано-Малайскимъ; ибо Яванцы и Малайцы безспорно суть первобытные жители, независимо отъ всякаго вліянія иностраннаго ставшіе очень высоко на лѣствицѣ образованныхъ народовъ сей части свѣта. Вторая отрасль, заключающая всѣхъ прочихъ жителей Океаніи, представляетъ образованность несравненно ниже первой. Въ ней можно видѣть три главные оттѣнка, кои можно назвать тремя разсадниками, Австральскимъ, Коралинскимъ и Полинезійскимъ, по именамъ странъ, содержащихъ наибольшее число ограждансствовавшихся поколѣній.

Тонкія и ученыя изслѣдованія Г. Крауфурда касательно разсадника Явано-Малайскаго доказываютъ, что въ Малезіи гражданская образованность развилась безъ соучастія Стараго и Новаго Міра. Сія образованность во многовѣковомъ развитіи своемъ приняла ходъ совершенно особый и разпространилась отъ Мадагаскара къ восточнымъ берегамъ Африки и до острова Пасхи къ берегамъ Америки. Здѣсь, равно какъ и на старомъ материкѣ, вездѣ видны слѣды древняго поколѣнія, сильно изображающагося въ языкѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ гражданскихъ, такъ и священныхъ, во нравахъ и обычаяхъ великаго множества народовъ, хотя нельзя опредѣлить точной эпохи существованія его и указать мѣсто его колыбели. Сія гражданская самобытная образованность, основаніе общественнаго состоянія, въ коемъ находятся безчисленныя поколѣнія Малайскія, и слѣды коего видны въ народахъ, разсѣянныхъ на двухъ третяхъ шара земнаго, безспорно принадлежитъ народу, какъ думаютъ ученые филологи Марзденъ и Крауфурдъ, говорившему Велико-Полинезійскимъ языкомъ: феноменъ единственный въ исторіи человѣка, особенно если мы подумаемъ, сколь мало средствъ имѣлъ сей народъ къ распространенію своихъ колоній на пространствѣ столь безпредѣльномъ. Изслѣдованіе языковъ, коими говорятъ безчисленныя поко-

лѣнія Малайскія на столь обширномъ пространствѣ, сравненіе ихъ нравовъ, обычаевъ, ихъ учрежденій, политическихъ и священныхъ ихъ сказаній и преданій народныхъ: все указываетъ очевиднымъ образомъ на разсадникъ самобытной образованности, къ коему, такъ сказать, привита послѣ того образованность иностранная, въ разныя эпохи занесенная Индусами, Арабами, Китайцами и наконецъ Европейцами.

Сіи основанія ведутъ насъ къ заключенію, что сей народъ неизвѣстный, но въ существованіи котораго нельзя сомнѣваться, съ незапамятныхъ временъ безъ всякаго иноземнаго вліянія сдѣлалъ успѣхи въ земледѣліи; зналъ употребленіе желѣза, золота и олова, умѣлъ обрабатывать металлы, владѣлъ искусствомъ ткать матеріи изъ волокнистой части одного туземнаго растенія; сдѣлалъ ручными буйвола и корову и употреблялъ ихъ для земледѣлія и для перевозу; выкормливалъ курицу, утку и свинью, для умноженія средствъ къ продовольствію; далъ себѣ правильный образъ правленія; учредилъ ярмарки и рынки, происходившія въ опредѣленное время; имѣлъ у себя календарь гражданскій и земледѣльческій; имѣлъ ариѳметику, довольно обширную, и даже столь возвысился, что изобрѣлъ азбуку. Сіи доказательства подтверждаютъ предположеніе Крауфурда, что на островѣ Явѣ развилось существованіе сего неизвѣст-

наго народа и слѣдовательно здѣсь должно искать колыбели всей самобытной образованности Морскаго Міра.

Главные народы, принадлежащіе къ разсаднику Явано-Малайскому, суть Яванцы и Малайцы, собственно такъ называемые, горные жители, населяющіе часть Явы, именуемую Сундою, Баттасы, Ахинеи, островитяне Бали, Сумбавскіе Бимы, Богуи и Макассары Целебескіе, Тагалы, Бисаіосы, Сулусы и Минданао Филиппинскаго Архипелага.

Отличительная черта, болѣе всего отдѣляющая отъ образованности всѣхъ народовъ образованность сего разсадника, есть чрезвычайное разнообразіе азбукъ, употребительныхъ между ними, хотя обстоятельства совершенно не могли благопріятствовать легкости и даже необходимости ихъ изобрѣтенія. Баттасы, Редъянги и Лампонги говорятъ языками не столь различными между собой, какъ на пр. языки Французской, Испанской и Италіянской, и всѣ трое живутъ на одномъ островѣ; однакожъ для выраженія своихъ мыслей употребляютъ буквы совершенно различныя, какъ будто бы языки ихъ совершенно различны между собою. Тотъ же феноменъ, единственный въ исторіи человѣка, повторяется при сравненіи языковъ Сунды, Тагаловъ, Богуевъ и Яванцевъ, принадлежащихъ къ одному корню.

Разсадники Австральской, Каролинской и Полинезійской, въ развитіи своемъ представляютъ ходъ, не столь скорый, какъ разсадникъ Явано-Малайскій; можно даже сказать, что онъ давно остановился. Но какъ ни мала сія образованность въ сравненіи съ Малайской, все она достойна примѣчанія, особливо когда представимъ себѣ неблагопріятныя обстоятельства для людей въ сей странѣ, чтобъ выдти изъ дикаго состоянія. Лишенные помощи домашнихъ животныхъ, не зная употребленія металловъ самыхъ полезныхъ, разсѣянные по безпредѣльному морю, они занимаются земледѣліемъ; соединены подъ стройнымъ правленіемъ; раздѣляются на касты, имѣющія особенныя права; повинуются ученію религіозному и въ отношеніи къ наслѣдственнымъ властямъ сохраняютъ чинность, которая по строгости своей и подробностямъ можетъ сравняться съ юговосточною Азіятскою чинностію. Вдали отъ народовъ образованныхъ, сіи островитяне строятъ хижины, весьма удобны по мѣстнымъ обстоятельствамъ, одѣваются или настоящими матеріями, или циновками, искусно приготовленными; воздвигаютъ нѣкоторые грубые памятники; наконецъ съ удивительнымъ тщаніемъ строятъ пироги—удивленіе мореплавателей—на коихъ, руководствуясь небесными свѣтилами и познаніемъ вѣтровъ, по всѣмъ на-

правленіямъ странствуютъ по обширному океану.

Чтобы соединить главныя черты, служившія намъ къ проведенію разграничивающей линіи между сими тремя разсадниками самобытной образованности, и каждому народу назначить принадлежащее, можно распредѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ.

Австральный разсадникъ можетъ заключать въ себѣ Негровъ, менѣе грубыхъ и дикихъ. Хотя доселѣ извѣстны очень не многіе народы, сюда принадлежащіе, но впереди всѣхъ ихъ должно поставить островитянъ Новой Ирландіи, новой Бретани, Санта-Круца, нѣкоторыхъ острововъ Соломонова Архипелага и Папуазіи или Новой Гвинеи. Сіи народы знаютъ употребленіе лука и стрѣлъ, неизвѣстное народамъ отрасли Коралинской и Полинезійской; нѣкоторые умѣютъ дѣлать глиняную посуду; и вообще всѣ имѣютъ много вкуса и ловкости въ изваяніяхъ, коими украшаютъ свои пироги и ворота домовъ. Здѣсь мы должны замѣтить двѣ особенности, принадлежащія сему народу, свѣденіемъ коихъ обязаны мы Г. Лессону. Сей натуралистъ примѣтилъ, что у островитянъ Вегіу и Дори употребляются деревянныя изголовья, выдѣланныя съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, представляющія пару сфинксовыхъ головъ — Египетскую принадлежность!

Многія изъ нихъ во Франціи были сравниваемы съ изголовьями Египетскихъ мумій, и между тѣми и другими не найдено большой разности. Въ пристани Праслинской тотже ученый слышалъ музыку жителей на маленькомъ шпинетѣ съ тремя рядами струнъ и на Пановой флейтѣ или свирѣли раздѣленной на восемь нотъ, изъ коихъ пять принадлежатъ къ гаммѣ, а три повторяются въ верхней октавѣ. Одинъ отличный музыкантъ приписываетъ изобрѣтеніе сего инструмента самымъ отдаленнымъ вѣкамъ.

Разсадникъ Каролинской можетъ заключать не только всѣ народы Малайскаго племени на Архипелагѣ Каролинскомъ, но и стародавнѣйшихъ жителей Архипелага Маріанскаго, островитянъ Палао и группы островов, извѣстныхъ подъ именемъ Центральнаго Архипелага. Всѣ сіи народы составляютъ отрасль, которую Лессонъ называетъ Монголо-Пелажскою. Многія особенныя черты отличаютъ сихъ островитянъ отъ прочихъ жителей Океаніи. Вопервыхъ они совершенно не имѣютъ обрядовъ богослуженія: хотя есть у нихъ утѣшительное ученіе о другой жизни, но нѣтъ ни храмовъ, ни идоловъ. Они не слѣдуютъ позорному обычаю Полинезійцевъ безчестить дочерей и невольницъ, похищенныхъ изъ нѣдръ своихъ семействъ. Ревнивые къ своимъ супругамъ, они въ точности соблюдаютъ непорочность брач-

наго ложа и боятся обращенія своихъ женъ съ иностранцами. »Ихъ пироги« — говоритъ Г. Лессонъ — »уже давно славятся своимъ строеніемъ и ни въ чемъ не походятъ на пироги другихъ Полинезійцевъ. Они отличные мореплаватели, наблюдаютъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, имѣютъ у себя родъ компаса, который, какъ извѣстно, давно существуетъ въ Китаѣ и Японіи, хотя жители сихъ послѣднихъ странъ и теперь не могутъ назваться искусными мореплавателями. Теченіе ихъ пироговъ, выкрашенныхъ красною краскою и натертыхъ веществами, дающими имъ видъ лакированныхъ, истинно примѣчательно; хотя впрочемъ далеко отъ того, что говорятъ о немъ нѣкоторые мореплаватели, особливо Ансонъ; въ часъ они проплываютъ пять и шесть миль слишкомъ. Съ какою ловкостію сіи островитяне поворачиваютъ свои пироги простымъ оборотомъ паруса! И сіи слабыя судна построены одинаковымъ образомъ на всѣхъ островахъ, гдѣ только мы имѣли случай видѣть ихъ на сихъ длинныхъ грядахъ Архипелаговъ. Преданные войнѣ, къ коей человѣкъ здѣсь расположенъ отъ природы, Каролинцы сохранили или изобрѣли множество убійственныхъ орудій. Впрочемъ мы не видали у нихъ ни лука, ни стрѣлъ, употребляемыхъ Неграми, ни дубинокъ, ни длинныхъ дротиковъ особенно употребитель-

ныхъ у Полинезійцевъ. Пращи, каменья, заостренные колья съ наконечниками изъ рыбьей кости, топоры изъ раковинъ—вотъ обыкновенныя и всегда употребительныя ихъ оружія!«

Промышленность, свойственная симъ народамъ, состоитъ въ выдѣлываніи матерій. Австралійцы и Полинезійцы, болѣе образованные, для одежды своей употребляютъ кору хлѣбнаго дерева, обмолоченную и вымятую. Каролинцы напротивъ изъ шелковистыхъ нитокъ банана, окрашенныхъ желтымъ, чернымъ, краснымъ цвѣтомъ, ткутъ прекрасныя матеріи, посредствомъ инструментовъ, очень похожихъ на Европейскіе. »Смотря на сіи ткани, со вкусомъ украшенныя рисунками« — говоритъ сей натуралистъ — »не льзя не отнести начало сего усовершенствованнаго искусства къ поколѣнію, издревле образованному, и давно уже составившемуся въ народное тѣло. Иначе почему бы Каролинцамъ не взяться за хлѣбное дерево, столь обыкновенное на большей части ихъ острововъ, которое слѣдовало бы только обмолотить, и такимъ образомъ превратить въ матерію? Отъ того, что по преданію сохранили они искусство, болѣе усовершенствованное въ первобытномъ ихъ отечествѣ, и промышленность ихъ умѣла извлечь изъ того свою пользу.«

»Любопытно«—говоритъ Г. Жюль де Блосс-

севиль—»занимательно описывать подробности ткацкаго искусства у народа Океаніи, который только съ одними своими средствами почти заставляетъ насъзабыть прекрасныя коровыя полотна Гаванцевъ и Атагитянъ, тонкія циновки Ротумскія, шелковые плащи Новой Зеландіи и знаменитые покровы Мадагаскарскіе. Сія занимательность увеличивается, при мысли, что въ Старомъ Свѣтѣ обработываніе тканей теряется въ глубокой древности; но въ Америкѣ и на всѣхъ островахъ Полинезіи изобрѣтеніе сего искусства выше состоянія умственныхъ ихъ силъ. Конечно разность великая между летучимъ челнокомъ и механическими способами тканья; но чудеса нашей промышленности уже не столько удивительны въ глазахъ того, кто увидитъ, до какой степени совершенства, до какого изящества трудолюбивые островитяне, не знаемые на земномъ шарѣ, дошли безъ образцевъ и самыми простыми средствами.«

Разсадникъ Полинезійскій можетъ заключать не только Архипелагъ Тонга (Друзей), Гамоа (Мореходцевъ), Куковъ, Атаити (Товарищества), Мендана (Маркизовъ), Гаваи (Сандвичевъ), и Спорады, принадлежащіе племени Малайскому, но и островитянъ Тасманіи (Новой Зеландіи) и Негровъ, населяющихъ Архипелагъ Вити. Между сими народами Атаитяне, Тонга и Гаваи сдѣлали болѣе успѣховъ въ образованности до при-

бытія Европейцевъ. Всѣ образованныя поколѣнія, заключающіяся въ семъ отдѣленіи, вырабатываютъ тонкія матеріи изъ коры *аутѣ* (brousonetia papyrifera) и грубыя полотна изъ коры хлѣбнаго дерева. Они выдѣлываютъ ихъ четвероспороннимъ молотомъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ зубчатымъ, ударяя по корѣ размягченной и напитанной клеемъ. У всѣхъ одинъ и тотже способъ вырабатыванія, равно какъ и искусство покрывать ихъ кау-чукомъ для непроницаемости. Такія соображенія произошли не отъ случая, но отъ ремеслъ, издавна производимыхъ предками сихъ народовъ. Всѣ Полинезійцы приготовляютъ и варятъ себѣ пищу въ подземныхъ печахъ съ помощію раскаленныхъ камней; для своихъ различныхъ нуждъ они употребляютъ листья растеній; они обращаютъ плодъ хлѣбнаго дерева, коко, таро, въ супъ; пьютъ *кàву* или *аву*, сокъ изъ мака, упоевающій и развеселяющій.

До прибытія Европейцевъ къ ихъ островамъ, сіи народы были рабами ужаснаго суевѣрія, называемаго по ихъ *табу*, налагавшаго на нихъ множество лишеній и стоившаго жизни безчисленнымъ невиннымъ жертвамъ. Сей законъ подъ смертною казнію запрещалъ женщинамъ ѣсть свинину, бананы и кокосы, пользоваться огнемъ, засвѣченнымъ отъ мущины, и входить туда, гдѣ ѣдятъ мущины. Предшественникъ знаме-

ничаго Тамегамеги I былъ до такой степени *табу*, что во время дня никто не долженъ былъ смотрѣть на него, и того безъ пощады казнили смертію, кто бы взглянулъ на него, хотя не нарочно.

— »Безъ сомнѣнія« — говоритъ Г. Дюрвиль въ своемъ разсужденіи о *табу* Ново-Зеландцевъ—»первоначальная цѣль сего установленія была та, чтобъ укротить гнѣвъ божества, умилостивить его, налагая на себя произвольное лишеніе, сообразное съ важностію преступленія и мнимаго гнѣва Божія. Одно слово жреца, сонъ, или какое нибудь невольное предчувствіе, можетъ убѣдить жителя, что Богъ на него прогнѣвался; и вдругъ налагаетъ онъ *табу* на свой домъ, на поля, на пироги и пр. то есть, лишаетъ себя добровольно употребленія сихъ предметовъ, не смотря на затрудненія и бѣдствія, въ кои должно привести его сіе лишеніе.«

»Иногда *табу* бываетъ совершенный и простирается на всѣхъ людей; тогда ничто не можетъ приближаться къ предметамъ запрещеннымъ, не подвергаясь жесточайшему наказанію. Иногда *табу* бываетъ только частный и касается одного или нѣкоторыхъ людей. Человѣкъ, лично подвергающійся дѣйствію *табу*, исключается отъ всякаго сообщенія съ соотечественниками и не смѣетъ даже брать пищу своими руками. Если онъ принадлежитъ

къ благородному классу, то нѣсколько служителей назначаются раздѣлять съ нимъ его запрещеніе; если онъ человѣкъ простой, то ртомъ на подобіе животныхъ долженъ принимать свою пищу.«

»Очевидно, что *табу* бываетъ тѣмъ торжественнѣе и важнѣе, чѣмъ значительнѣе особа, подвергающаяся ему. Простой человѣкъ, подвергаясь всѣмъ *табу* разныхъ начальниковъ своего колѣна, самъ можетъ налагать его только на себя одного. Ранготира (начальникъ), по чину своему, можетъ подвергать *табу* всѣхъ непосредственно зависящихъ отъ его власти. Наконецъ все племя слѣпо уважаетъ *табу*, наложенное главнымъ начальникомъ. Изъ сего видно, какую выгоду могутъ получать начальники изъ сего обыкновенія, какъ они могутъ сохранять права свои и заставлять уважать свою волю. Это родъ *veto*, безпредѣльно обширный, коего сила освящена набожными предразсудками человѣческой природы. Въ Европѣ, во времена невѣжества, духовные перуны Ватиканскіе не имѣли столь быстраго, столь безусловнаго дѣйствія на совѣсть робкихъ Христіанъ, и Папскія опредѣленія не встрѣчали такого повиновенія, какое оказываютъ къ *табу* въ Новой Зеландіи.«

»При недостаткѣ положительныхъ законовъ къ утвержденію своей власти и положительныхъ

средствъ къ подкрѣпленію своихъ повелѣній, начальники не имѣютъ другаго обезпеченія, кромѣ *табу*. Если начальникъ боится недостатка въ свиньяхъ, въ рыбѣ, въ раковинахъ и пр. по причинѣ неумѣреннаго и преждевременнаго потребленія со стороны подданныхъ; то онъ налагаетъ на нихъ *табу*, и на столько времени, какъ ему разсудится. Если онъ хочетъ удалить скучныхъ сосѣдей отъ своего дома и отъ полей, то накладываетъ *табу* на свой домъ и на поля. Если онъ хочетъ присвоить себѣ монополію съ кораблемъ, пристававшимъ къ его землѣ, то частное *табу* удалитъ всѣхъ, съ коими не хочетъ онъ раздѣлять выгодной торговли. Если онъ недоволенъ капитаномъ корабля и рѣшился лишить его свѣжихъ запасовъ всякаго рода; то всеобщій *табу* никому изъ его колѣна не позволитъ приближаться къ кораблю. Съ помощію сего таинственнаго и опаснаго оружія, благоразумно пользуясь имъ, начальникъ можетъ привесть своихъ подданныхъ къ страдательному повиновенію. Начальники и арики или жрецы, разумѣется, всегда дѣйствуютъ за одно, чтобы доставить своему *табу* всю важность. Притомъ начальники часто сами бываютъ ариками или по крайней мѣрѣ арики бываютъ соединены съ ними узами крови или другими связями. И такъ взаимныя ихъ выгоды требуютъ того, чтобъ поддерживать другъ

друга. Кто простираетъ святотатственную руку на запрещенный предметъ, тотъ призываетъ на себя гнѣвъ Бога (Atoua), который непремѣнно накажетъ его. Но чаще начальники и жрецы, предупреждая дѣйствіе небеснаго гнѣва, сами строго наказываютъ виновнаго. Если онъ принадлежитъ къ высшему классу, то лишается своей собственности и чина и переводится въ самый низшій классъ общества. Простой же человѣкъ и невольникъ одною смертію омываетъ свое преступленіе.«

Въ Океаніи почти нѣтъ ничего, напоминающаго Америку; но нѣкоторыя животныя и растенія, полезныя человѣку, религіозныя идеи и преданія, игры и забавы, многіе обычаи и нѣкоторыя искусства, даже аналогія въ грамматическихъ формахъ языковъ, коими говорятъ ея образованнѣйшіе народы, показываютъ происхожденіе Азіятическое и сообщенія, кои въ различныя времена Океаническіе народы имѣли съ народами Азіятскими.

Индусы, и особенно Телинги, Аравитяне и Китайцы, суть три народа, содѣйствовавшіе образованности Западной Океаніи (Архипелага Индійскаго): первые два посредствомъ своего фанатизма, Китайцы своею неутомимою промышленностію. Величественныя развалины, коими, такъ сказать, усѣяна восточная сторона Явы; *кави* или древній письменный языкъ Яванцевъ, еще

употребительный на островѣ Бали; религіи Брамы и Будды, еще господствующія на семъ послѣднемъ островѣ и въ нѣкоторыхъ гористыхъ кантонахъ острововъ Явы и Мадуры; названія мѣди, серебра и другихъ полезныхъ предметовъ, также высшихъ числъ, суть очевидные слѣды раннихъ отношеній между образованными народами Малайскими и Индійцами. Магометанизмъ, исповѣдуемый почти всѣми образованными Малайскими народами, многіе законы гражданскіе и уголовные, азбука употребительная у Малайцевъ, собственно такъ называемыхъ, большая часть національной литературы и великое число отвлеченныхъ терминовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ нарѣчіямъ, доказываютъ вліяніе Аравитянъ на образованность сей части Океаніи. Нѣкоторые обычаи и великое число Китайцевъ, поселившихся почти на всѣхъ главныхъ островахъ сего великаго Архипелага, суть неоспоримое доказательство древнихъ и продолжающихся доселѣ сношеній торговыхъ между ихъ жителями и Китайцами.

Разсматривая вліяніе Европейцевъ на образованность народовъ Океаніи, должно согласиться, что сіи пришельцы не только не улучшили участи сихъ народовъ введеніемъ новыхъ искусствъ и усовершенствованіемъ тѣхъ, кои здѣсь нашли; напротивъ, по крайней мѣрѣ до начала девятнадцатаго вѣка, вредили имъ

въ троякомъ отношеніи: къ богатству, могуществу и образованности. Англичане, говоритъ Г. Крауфурдъ, кажется, менѣе другихъ Европейцевъ имѣли вліяніе на нравы Малайцевъ, среди коихъ поселились. У природныхъ жителей нѣтъ никакого признака, чтобы Англичане жили между ними; между тѣмъ во всѣхъ прочихъ странахъ замѣтно вліяніе Португальцевъ, Испанцевъ и Голландцевъ.

Обозрѣвая общественное состояніе, въ которомъ находятся образованные народы разныхъ частей Морскаго Міра, нельзя не подивиться, что Малайцы, сдѣлавшіе такіе успѣхи въ образованности и возвысившіеся даже до изобрѣтенія азбуки, почти совершенно не имѣютъ никакого вкуса въ архитектурѣ. Во всей Океаніи не найдешь слѣда тѣхъ величественныхъ памятниковъ, коими усѣяна вся южная Азія и длинная долина Нильская и которые находятся у Мексиканцевъ, Гватимальцевъ и Перувіанцевъ, хотя сіи послѣдніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ниже, чѣмъ жители Западной Океаніи; ибо у нихъ не было азбуки. Какое неизмѣримое разстояніе между грубыми памятниками Тиніана и Сайпана, колоссальными и безобразными статуями Острова Пасхи, отвратительными идолами капищъ Полинезійскихъ, и между изваяніями Прудунга, Кало-Бенинга, Брамбанана, прекрасными колоссальными статуями Сингазари, Кобудалама, Шанд-Се-

ву, Пенатавы, и великолѣпными храмами Брамбанана, Боро-Бодо, Сингазари, Прудунга, и другими! Но жителямъ Океаніи основательно можно приписать только первые памятники: ибо костюмы, физіономіи, эмблемы, растенія и животныя, представляемыя на вторыхъ, столь превосходныя предъ первыми по отдѣлкѣ, по числу и по размѣрамъ, очевидно показываютъ произхожденіе иностранное. Съ этой точки зрѣнія, островъ Ява, особенно восточная часть его, въ отношеніи къ Океаніи, тоже, что страны Нила и Атласа въ отношеніи къ Африкѣ, съ тѣмъ различіемъ, что большая часть гордыхъ памятниковъ Египта безспорно принадлежитъ природнымъ жителямъ, а памятники Яванскіе носятъ на себѣ очевидные слѣды Азіятскаго произхожденія.

Родъ украшенія, вообще употребительный между Полинезійцами и Ново-Зеландцами, накалыванье тѣла разными узорами, заслуживаетъ вниманіе. Сіи узоры, накалываемые неизгладимымъ образомъ, и скрывающіе, такъ сказать, наготу его, кажется, чужды поколѣнію Негровъ, которые употребляютъ его очень рѣдко и притомъ грубо и несовершенно, и замѣняютъ его болѣзненными рубцами конической формы, произходящими отъ насѣчекъ. Сія операція, у каждаго народа имѣющая свое названіе, употребляется не только, какъ гіероглифическое и фан-

тастическое украшеніе; но служитъ вмѣстѣ къ означенію классовъ или чиновъ. Островитяне Помотуса (Нижнихъ Острововъ) покрываютъ все тѣло сими узорами; сосѣди ихъ Таитьяне не такъ много употребляютъ ихъ, особливо на лицѣ совсѣмъ не носятъ, а вмѣстѣ съ жителями Тонги, проводятъ по немъ слегка нѣкоторыя черты, какъ-то: круги и звѣзды; между тѣмъ жители Сандвичева Архипелага, все народонаселеніе Менданы и Новой Зеландіи, совершенно покрываютъ все лице чертами по правиламъ принятымъ и знаменательнымъ.

Матери, на Сандвичевомъ Архипелагѣ, говоритъ Г. Морино, сами узорятъ своихъ дѣтей. Узоренье въ семъ возрастѣ имѣетъ цѣлію показать произхожденіе каждаго. Сіи знаки, для насъ странные, показываютъ, къ какому племени и какому семейству дитя принадлежитъ. Со временемъ другія фигуры служатъ воспоминаніемъ какого-либо знаменитаго дѣла или другаго произшествія. Употребительнѣйшіе признаки суть полоски, накалываемыя зиг-загами на рукахъ и на ногахъ. Люди средняго возраста носятъ на груди или на рукѣ имя Тамегамеги. Женщины всѣ имѣютъ кругъ около правой ноги; очень часто на ладони у нихъ изображаются звѣзды; кольца, луна; у многихъ языкъ бываетъ исколонъ. Изображеніе козъ играетъ великую роль въ новѣйшемъ способѣ накалыванья. Многіе

Индійцы имѣютъ рисунки на всѣхъ частяхъ тѣла, даже на лбу, на щекахъ и на носу. Впрочемъ сіе обыкновеніе уже исчезаетъ: Король не узорится вовсе, а придворные его только слегка.

Женщины въ Новой Зеландіи, равно какъ на Архипелагѣ Менданскомъ, накалываютъ себѣ рисунки между бровями, при разрѣзѣ губъ и часто на подбородкѣ. Въ Таити узоренье, если не бываетъ простымъ украшеніемъ, представляетъ рисунки, особенно принадлежащіе каждому изъ семи классовъ Арреойсовъ, и напоминаетъ событія историческія. Часто на ногахъ изображается кокосовое дерево, а на груди сраженія, экзерциціи, собираніе плодовъ, оружіе, животныя, человѣческія жертвоприношенія. Вообще узоренье у народовъ, принадлежащихъ къ центру образованія Полинезійскаго, состоитъ изъ круговъ и полукруговъ, обнесенныхъ кружевными бордюрами, кои похожи на безконечный кругъ Индійской Миѳологіи. Узоренье у жителей Ротумы совершенно различно: у нихъ верхнія части тѣла покрываются нѣжными рисунками, черпіами легкими, рыбами и другими предметами, а на брюхѣ, спинѣ и лядвеяхъ, изображаются массы сбивчивыя и смѣшанныя. Узоренье у народовъ центра Каролинскаго образованія отличается отъ узоренья прочихъ Полинезійцевъ тѣмъ, что массы его гораздо шире на тѣлѣ, и у многихъ

все туловище имъ покрыто. Такимъ образомъ происходитъ родъ одежды не исплѣвающей, но въ подробностяхъ весьма произвольной.

Недостатокъ большихъ равнинъ, покрытыхъ растеніями, не позволяетъ жителямъ Океаніи предаться пастушеской жизни. Жители Морскаго Міра, менѣе образованные, занимаются охотою и рыбною ловлею. Мѣстопребываніе необходимо дѣлаетъ ихъ неустрашимыми мореплавателями и пловцами, самыми искусными въ свѣтѣ. Здѣсь пироги замѣняютъ лошадей и верблюдовъ кочующихъ народовъ Стараго Свѣта; и лютые корсеры Суматры, Целебеса, Борнео, Сулу и Минданао, на Индійскомъ Архипелагѣ играютъ туже роль, какую въ Азіи и въ Африкѣ Аравитяне, Бедуины, Мавры, Калмыки, Монголы, Курды.

Въ Морскомъ Мірѣ народы поколѣнія Малайскаго, въ отношеніи къ черной породѣ Океаніи, суть тоже, что народы бѣлой породы въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, въ отношеніи къ черному Африканскому и бронзовому поколѣнію. Вездѣ бѣлые сохраняютъ и развиваютъ образованность; вездѣ имѣютъ они чрезвычайное преимущество надъ чернымъ и бронзовымъ поколѣніемъ, побѣждаютъ ихъ и стѣсняютъ въ лѣсахъ и въ горахъ. Равнымъ образомъ народы

Малайскіе, бѣлые Морскаго Міра, вездѣ искоренили или порабощили поколѣніе черное и загнали его въ лѣса и въ мѣста самыя неприступныя. Сіи народы уже совершенно изчезли изъ Явы; на Сумапрѣ же и Целебесѣ остались въ самомъ маломъ количествѣ. Въ Борнео, Минданао и Люсонѣ, они удалились во внутренность страны и уступаютъ берега новымъ пришельцамъ. Можно считать Центральную Океанію единственнымъ мѣстомъ, коимъ владѣетъ сіе поколѣніе, которое въ другихъ мѣстахъ почти вездѣ находится на послѣдней степени униженія нравственнаго и разслабленія физическаго и коего общественное состояніе чрезвычайно противуположно, кромѣ малыхъ исключеній, состоянію всѣхъ народовъ Малайскихъ.

Людоѣдство нигдѣ такъ не распространено, какъ въ Морскомъ Мірѣ. Не только можно сказать, что всѣ народы Полинезійскіе людоѣды, равно какъ поколѣнія Малайскія, Негры Западной Океаніи и Океаніи Центральной; но должно прибавить, что сей обычай вкорененъ даже между народами образованными и у иныхъ сопровождается такими обстоятельствами, кои дѣлаютъ его еще ужаснѣе. Въ числѣ людоѣдовъ назовемъ въ Малезіи жителей острова Омбея, черныя поколѣнія Тимора, Даяковъ Борнейскихъ, Гарафоровъ Минданосскихъ и Баттасовъ Сумапрскихъ. Жители

Нусса-Лаупа, въ группѣ острововъ Амбоинскихъ, были людоѣдами еще въ началѣ послѣдняго вѣка. Не рѣдко случается видѣть, говоритъ Краурурдъ, что Целебесцы и даже Яванцы ѣдятъ сердце непріятелей; онъ прибавляетъ, что едва ли можно найти одного военнаго между первыми, который бы не отвѣдалъ сего ужаснаго яства, при какомъ нибудь обстоятельствѣ своей жизни.

Вотъ имена народовъ Центральной Океаніи, кои наиболѣе преданы людоѣдству: еще дикіе первобытные жители около Порт-Вестерна, живущіе у Синихъ Горъ и въ другихъ мѣстахъ Австральнаго материка, многочисленныя племена Тасманіи, черные народы Новой Каледоніи и Архипелага Соломонова и Куйросова. Въ Полинезіи самые лютѣйшіе Каннибалы суть жители Архипелага Виши, особливо острова Навиги-Леву и жители Архипелага Гамоа и Менданы. На семъ послѣднемъ жители Нукачивы не только пожираютъ своихъ плѣнныхъ, но что особенно отличаетъ ихъ отъ всѣхъ извѣстныхъ людоѣдовъ, во время недостатка пищи съѣдаютъ своихъ престарѣлыхъ родственниковъ, дѣтей и даже женъ! Жители Малильготоша на восточной сторонѣ Каролинскихъ Острововъ, жители Репит-Урура и Паллизера, въ Архипелагѣ Рурик-Радакскомъ и Опасномъ, также людоѣды, равно какъ и жители Архипелага Палао-

скаго (Друзей). Г. Жюль Блоссевиль замѣчаетъ, что на Островахъ Товарищества еще не давно найдены достовѣрныя доказательства людоѣдства.

Ужасное суевѣріе, заставляющее человѣка для угожденія божеству приносить своихъ ближнихъ на жертву, суевѣріе, доказанное историческими памятниками, долго сохранялось на Старомъ Материкѣ у народовъ образованныхъ. Оно господствуетъ теперь между народами трехъ великихъ отдѣленій Морскаго Міра: особенно въ Полинезіи оно требуетъ многихъ жертвъ и болѣе всего въ Архипелагахъ Тонги, Сандвичевомъ и Таити. Къ счастію, Христіанство прекратило сіи ужасы на двухъ послѣднихъ. Прежде въ королевствѣ Зоннебая на Тиморѣ существовало обыкновеніе, въ гробницѣ вмѣстѣ съ умершимъ Королемъ заключать двухъ живыхъ невольниковъ. Еще не давно на томъ же островѣ Короли Купангскіе, по возшествіи своемъ на престолъ, въ жертву собирающимся у береговъ крокодиламъ, коихъ дѣтьми себя называли они, приносили молодую невольницу, убранную цвѣтами и другими украшеніями, выставляя ее на берегъ морской, гдѣ она скоро дѣлалась добычею сихъ чудовищъ. На островѣ Бали варварское обыкновеніе сожигать вдовъ на погребальномъ кострѣ супруговъ простирается до крайности, неизвѣстной даже въ той землѣ, гдѣ оно имѣло свое начало. Тоже обыкновеніе еще

существуетъ на островѣ Ломбокѣ. У нѣкоторыхъ народовъ на островѣ Целебесѣ приносятъ въ жертву молодую дѣвушку на гробѣ Радьи, когда, чрезъ мѣсяцъ послѣ его погребенія, жена его оставляетъ домъ, ближайшій къ гробу, въ которомъ живетъ по сіе время. Въ Архипелагѣ Вати часто при погребеніи супруга жена добровольно предаетъ себя смерти; на островѣ Тонгатабуа, въ Архипелагѣ Тонгскомъ, семейство Тоуайтонга подвержено такомужъ жертвоприношенію.

Можетъ быть, нигдѣ люди не представляютъ такого страннаго смѣшенія образованности съ обычаями нелѣпыми, нравовъ кроткихъ съ жестокими. Мы описали варварскіе законы табу, еще господствующаго у большей части народовъ Океаніи. По другому обыкновенію, не меньше варварскому, которое къ счастію прекратилось въ Архипелагѣ Гавайскомъ, но къ несчастію еще существуетъ въ другихъ частяхъ Морскаго Міра, есть семейства простолюдиновъ, въ коихъ нѣсколько человѣкъ должны убивать себя, какъ скоро умретъ кто нибудь изъ Королевской фамиліи или даже изъ фамиліи начальника. Одинъ изъ начальниковъ Соломоновыхъ Острововъ безжалостно казнитъ смертію всякаго подданнаго, наступившаго на тѣнь его. Въ безчестномъ обществѣ Арреойсовъ, въ Архипелагѣ Товарищества, когда женщины дѣлаются беремен-

ными, то душатъ младенца при рожденіи, дабы не прерывать своихъ распутствъ. Сіе отвратительное обыкновеніе, равно какъ и жертвоприношенія человѣческія, уничтожены со введеніемъ Христіанства.

Дѣтоубійство обыкновенно между многими поколѣніями. У кроткихъ обитателей хребта Радакскаго, мать безъ жалости убиваетъ свое дѣтище, которое производитъ на свѣтъ, если имѣетъ уже трехъ дѣтей; такимъ же образомъ сбываетъ она всѣхъ, кои родятся слабыми или нескладными. Сіе жестокое обыкновеніе, происходящее отъ недостатка, который претерпѣваютъ на сихъ островахъ, неизвѣстно на хребтѣ Ралика, ибо плодородіе земли дѣлаетъ его ненужнымъ. Жители Тикопіи, по свидѣтельству Капитана Дильона, отличающіеся кротостію своихъ нравовъ и своею людкостію, душатъ при рожденіи всѣхъ дѣтей мужескаго пола, исключая двухъ старшихъ. Сію жестокость они оправдываютъ тѣмъ, что народонаселеніе на островѣ ихъ слишкомъ велико и безъ сей мѣры недостаточнобъ было средствъ къ пропитанію жителей. Звѣрскія поколѣнія изъ окрестностей Ботани-Бея зарываютъ въ гробъ съ матерью живаго младенца, котораго она кормила грудью. Мудрый Тамегамега I своими руками задушилъ двухъ сыновей своихъ, влюбившихся въ Кагоману, фаворитку

его. Многія поколѣнія Малайскія и между ними Биссаіосы, Филиппинцы, Папуасы или Иголоты изъ провинціи Пангазинанъ на островѣ Люсонѣ, часто продаютъ своихъ дѣтей. Тиморьены также иногда продаютъ ихъ, чтобы умножить число своихъ женъ.

Можно сказать, что многоженство господствуетъ или терпимо во всей Океаніи, хотя только одни богатые предаются ему. Въ Явѣ, Суматрѣ, Целебесѣ и во всей Полинезіи, имѣютъ по одной женѣ. Цѣлыя націи совсѣмъ не допускаютъ многоженства, какъ напримѣръ жители острововъ Нассау или Погги и Саву, Гарафорасы изъ внутреннихъ странъ Минданао, жестокіе Алфоресы Церамскіе и многіе народы Филиппинскихъ Острововъ, независимые отъ ига Испанскаго. Въ архипелагѣ Менданскомъ многомужіе обыкновенно у всѣхъ богатыхъ фамилій: ибо каждая богатая жена имѣетъ по два мужа, изъ которыхъ одинъ замѣняетъ отсутствіе другаго; но сей подставный мужъ въ самомъ дѣлѣ есть только первый слуга. По древнимъ преданіямъ, въ обществѣ Арреойсовъ и Урюповъ, состоящемъ изъ великаго числа благородныхъ людей обоего пола, женщины принадлежатъ всѣмъ мущинамъ и принуждены убивать своихъ дѣтей при рожденіи.

Океанія, болѣе нежели другая какая-либо часть свѣта, представляетъ великое разнообра-

зіе странныхъ обычаевъ относительно брака и обхожденія съ женщинами. Сумапряне и особливо Редьянгсы, кажется, истощили всѣ способы, коими союзъ сей можетъ заключаться. У послѣднихъ есть три образа женитьбы. Въ первомъ, называемомъ *журжуръ*, мужъ покупаетъ свою жену; тогда она дѣлается его собственностію или рабынею; онъ можетъ продать ее и располагать ею. Во второмъ способѣ, называемомъ *амбеланакъ*, мужъ усыновляется отцомъ и женою его; онъ работаетъ вмѣсто его, вмѣстѣ съ половиною своею остается подъ властію своего тестя, и съ дѣтьми своими дѣлается собственностію отца семейства. Въ третьемъ образѣ, называемомъ *симандо*, мужъ даетъ и принимаетъ; жена въ семъ случаѣ на ровной ногѣ съ мужемъ; но сей способъ соединенія, похожій на Европейскіе обычаи, къ несчастію очень рѣдокъ. Обычай служить нѣсколько времени или приносить богатые дары отцу своей невѣсты, встрѣчаемый у жителей Филиппинскихъ и другихъ народовъ Малайскаго племени, еще существуетъ у Тагаловъ и Биссаіосовъ, принявшихъ Христіанскую вѣру. Сей обычай напоминаетъ объ Іудейскихъ обычаяхъ. Молодые люди изъ племени Біаджусовъ или Даяковъ, изъ Гарафоровъ и Идановъ Борнейскихъ, не могутъ жениться, не отрѣзавъ головы или дѣтородныхъ частей у не-

пріятеля своего. Въ колѣнѣ Алфорезовъ Серамскихъ женихъ долженъ принесть къ ногамъ невѣсты, въ залогъ любви своей, пять или шесть головъ непріятельскихъ. Это ужасное обыкновеніе господствуетъ также у Гарафаровъ или Алфорезовъ нѣкоторыхъ Молукскихъ Острововъ и у Гарафаровъ Минданаоскихъ, кои въ семъ поколѣніи меньше всѣхъ прочихъ дики.

Между многими Австральскими народами браки совершаются посредствомъ похищенія; между дикими народами Южнаго Новаго Валлиса, юноши, чтобы получить руку женщины, подстерегаютъ ее на дорогѣ и, палочными ударами поваливши на землю, приводятъ облитую кровью къ своему племени, и тамъ совершаютъ брачный обрядъ. Сіи дикіе народы, подобно звѣрскимъ ордамъ другихъ частей свѣта, презираютъ своихъ женъ и возлагаютъ на нихъ самыя тяжкія работы. Во время походовъ жены носятъ за ними посуду и дѣтей своихъ за спиною, между тѣмъ какъ мужъ идетъ съ легкимъ дротикомъ въ рукѣ. Жены приготовляютъ пищу своимъ мужьямъ, а сами ѣдятъ остатки, брошенные сытыми. Почти у всѣхъ народовъ Полинезійскаго образованія жены почитаются нечистыми существами, и потому имъ не позволено ѣсть въ присутствіи мущинъ; однакожъ онѣ пользуются и уваженіемъ; иногда наслѣдуютъ своимъ мужьямъ и дѣти

тѣмъ болѣе имѣютъ уваженія, чѣмъ выше и древнѣе чинъ или благородство со стороны матери. Прекрасные мущины Лагунскіе, въ Архипелагѣ Помоту, хорошо обходятся съ своими женами; также поступаютъ жители Уалановъ и другихъ острововъ въ Архипелагѣ Каролинскомъ.

Кромѣ просвѣщеннѣйшихъ Европейскихъ странъ, нигдѣ женщины не пользуются такими преимуществами, какія имъ даются законами и обычаями у многихъ Малайскихъ племенъ Океаніи, особенно у Ругюйцевъ и Макассаровъ. Въ государствѣ Вадхо въ Целебесѣ, онѣ принимаютъ очень сильное участіе въ дѣлахъ общественныхъ и пользуются правами наровнѣ съ мущинами. Государства Лоунъ и Липукози на томъ же островѣ управляются двумя женщинами. Въ нѣкоторыхъ королевствахъ Тимора и особенно въ королевствѣ Амаконскомъ, женщины за недостаткомъ мужескаго пола могутъ восходить на тронъ. Знаменитая Батара-Тоя, въ 1714 году провозглашенная царицею Бони-Целебеса, уступила корону своему брату; когда сей лишенъ былъ престола и снова избрана была Батара, то она во второй разъ уступила его другому брату. Въ 1628 году знаменитая Ваидан-Сари, дочь Султана Маттарама, одѣвшись воиномъ, говорила рѣчь войску и, предводительствуя оное, своимъ мужествомъ и примѣромъ много содѣйствовала

взятію Жиро, города, предъ которымъ былъ разбитъ ея мужъ. Въ Бали, въ Явѣ и на другихъ островахъ, женщины пользуются уваженіемъ, необыкновеннымъ въ странахъ, гдѣ господствуетъ многоженство; онѣ имѣютъ великую свободу и Магометанскіе Принцы Архипелага Индійскаго, не согласные въ семъ случаѣ съ единовѣрцами своими, Азіятскими, Африканскими и Европейскими, позволяютъ знаменитымъ иностранцамъ посѣщать ихъ женъ въ гаремахъ. Жестокіе Даяки Борнейскіе, Алфорезы Серамскіе, лютые морскіе разбойники Сулу и Минданао, воинственные жители Архипелага Тонго, кротко обходятся съ своими женами; между тѣмъ какъ у Батасовъ, Тагаловъ, Биссаіосовъ Филиппинскихъ, у жителей Архипелаговъ Сандвичева, Менданы, Гамоа, Вити, онѣ обременены работами и служатъ мужьямъ своимъ вмѣсто невольницъ. Жены у жителей хребта Радакскаго, въ Центральномъ Архипелагѣ, идутъ за мужьями своими и любовниками на войну и, стоя сзади ихъ, бросаютъ камнями въ непріятелей.

Таковы главныя черты, отличающія различныхъ жителей Океаніи, конечно, отъ всѣхъ народовъ шара земнаго и представляющія рѣзкую противоположность въ нравахъ, обыкновеніяхъ и привычкахъ. Раздѣленныя другъ отъ друга рукавами неизмѣримыхъ морей, сіи на-

роды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставило ихъ Провидѣніе, создали себѣ особую образованность, особые нравы, кои часто болѣе различаются другъ отъ друга, чѣмъ нравы Испанскіе отъ Русскихъ. Хотя съ перваго взгляда кажется, что причину странныхъ несходствъ, коими они отличаются, должно приписать топографическому положенію ихъ; не смотря на то, антропологисту здѣсь очень много работы. Среди ужаснаго множества противорѣчащихъ повѣствованій, съ конца пятнадцатаго вѣка выходившихъ о различныхъ Архипелагахъ, составляющихъ Морской Міръ, только съ помощію великаго труда, строгой и точной критики, можно будетъ наконецъ отличить истину отъ лжи. Но когда будетъ признана подлинность расказываемыхъ фактовъ, останется еще сдѣлать классификацію между сими разными поколѣніями, смотря по степени образованности, которой онѣ достигли: классификацію тѣмъ труднѣйшую, что оттѣнки сей образованности не установились или по крайней мѣрѣ не рѣзко различаются между собою.

перев. В. Оболенскій.

V.

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— РУССКІЙ ЖИЛЬБЛАЗЪ. ПОХОЖДЕНІЕ АЛЕКСАНДРА СИБИРЯКОВА ИЛИ ШКОЛА ЖИЗНИ. *Сочиненіе Геннадія Симоновскаго. Двѣ Части. Москва, въ типогр. С. Селивановскаго*, 1832.

— СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ НРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ, СЕМЕЙНОЙ И ОДИНОКОЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ. *Шесть Частей. Москва, въ типогр. А Семена*, 1832.

Разсуждая вообще о романахъ а), мы видѣли, что современныя событія и нравы лежатъ внѣ области романа, понимаемаго въ томъ смыслѣ, какой дается ему теперь всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ. Слѣдовательно сіи два произведенія нашей словесности, въ коихъ предполагалось изобразить современную Русскую жизнь, не должно судить по идеѣ и требованіямъ романа.

Въ чемъ же должно состоять эстетическое достоинство сихъ и подобныхъ имъ нравоописательныхъ сочиненій?

Прошедшее столѣтіе завѣщало намъ два способа представлять современные нравы въ формѣ художественной, весьма близко подходящей къ формѣ романа и потому долго съ ней смѣшиваемой: первый

а) См. *Телеск.* N. 14. Статья сія не продолжается по причинамъ, отъ Издателя не зависящимъ. *Изд.*

Испанскій, прославленный Лесажемъ; другой Англійскій, коего представителями должно счесть Ричардсона и Фильдинга. Оба сіи способа имѣли множество послѣдователей и ревнителей.

Ле-Сажъ, коего слава доселѣ держится *Жилблазомъ*, не самъ изобрѣлъ форму своихъ нравоописательныхъ романовъ: онъ только перенесъ во Францію и сдѣлалъ общеизвѣстнымъ давно существовавшій въ Испаніи, такъ называемый, *бродяжный* или *бездѣльническій родъ* (del gusto picaresco), коего первымъ опытомъ былъ *Лазарилъ Тормскій*, сочиненіе извѣстнаго Діего де Мендозы, Государственнаго Мужа, Полководца, Историка и Поэта Карла V. Художественная ткань произведеній, составляющихъ сей родъ, весьма проста и незатѣйлива. Выдумываютъ прошлеца, бродягу, плута, котораго заставляютъ скитаться по бѣлу свѣту, чрезъ всѣ ступени общественнаго быта, отъ крестьянской хижины до королевскихъ палатъ, отъ цирюльни брадобрѣя до кабинета министра, отъ презрѣнныхъ вертеповъ мошенничества и разврата до смиренной пустыни отшельника. Замѣчанія и разсказы, собранные подобнымъ скитальцемъ, во время странствованія по различнымъ слоямъ общества, сцѣпляются въ одно болѣе или менѣе обширное цѣлое, которое своимъ разнообразіемъ, пестротою изображеній и живостью картинъ, можетъ щекотать воображеніе, занимать любопытство и даже укалывать нравственное чувство назидательными впечатлѣніями. Симъ ограничивается вся художественная ихъ обработка. Разу-

мѣется, что, при такомъ составѣ, драматическая сосредоточенность интереса въ единствѣ живаго дѣйствія, необходимая для романа въ собственномъ смыслѣ, невозможна. Лице главнаго героя въ подобныхъ произведеніяхъ не есть существенный центръ ихъ эстетическаго бытія, а произвольно придуманная ось, вокругъ коей вращается волшебный раекъ Китайскихъ тѣней. Въ Испаніи эта произвольность имѣла видъ естественности: ибо тамъ существуетъ дѣйствительно, какъ національный идіотизмъ, классъ бродягъ и прошлецовъ, подобныхъ Лазарилю Тормскому и Жилблазу де Сантиллана. Но когда, по примѣру Ле-Сажа, въ другихъ Европейскихъ націяхъ, гдѣ гражданская жизнь болѣе устроена и тѣснѣе сжата въ рамахъ общественнаго порядка, явились *Новые Жилблазы*, ихъ неестественность и лживость должна была раньше или позже изобличиться. Посему родъ сей былъ наконецъ брошенъ. Во Франціи хотѣли замѣнить его *Пустынниками*, кои съ легкой руки Жуи быстро расплодились и пустили было отпрыски во всѣ Европейскія литературы. Здѣсь комическая маска *Жилблаза* прондохи замѣнилась степеннымъ лицемъ холоднаго наблюдателя, всматривающагося изъ за угла въ пестрыя картины общественной жизни. Но кромѣ того, что сей способъ зрѣнія по необходимости долженъ былъ ограничиваться одними внѣшними, такъ сказать, науличными движеніями общества, не проникая въ завѣтныя тайны домашняго очага; очерки, составляемые холодною наблюдательностью *Пустынниковъ*, естественно имѣли гораздо болѣе сухости и гораздо

менѣе жизни, чѣмъ фантасмагорическія похожденія удалыхъ *Жилблазовъ*.

У насъ первый опытъ *Русскаго Жилблаза* предпринятъ былъ *Нарѣжнымъ*. Его вышло только три части; и, какъ всѣ произведенія *Нарѣжнаго*, онѣ отличаются слишкомъ грубою жесткостью красокъ, не рѣдко вредящею самой истинѣ изображеній. Покойный *Выжигинъ* былъ также нѣчто въ родѣ *Жилблаза*: не будемъ тревожить праха его! Новый *Русскій Жилблазъ* не лучше прежнихъ. Въ предувѣдомленіи отъ издателя говорится, что »преждевременная и внезапная смерть автора сей книги лишила сіе сочиненіе того достоинства, которагобъ можно было ожидать отъ опытности и дарованій сочинителя.« Мы охотно вѣримъ, что оно моглобъ много выиграть въ отдѣлкѣ и оконченности изложенія: но не болѣе! Въ самой идеѣ подобныхъ произведеній заключается существенный ихъ недостатокъ, котораго исправить не можетъ никакое искусство. Хотя въ *Александрѣ Сибиряковѣ*, играющемъ здѣсь роль *Жилблаза*, душа и сердце не *выжжены* до тла, все однако, въ Русскомъ нарядѣ, онъ не имѣетъ той естественности и живости, кои отличаютъ первообразъ его, подъ Испанской эпанчей, въ за-Пиринейской атмосферѣ.

Способъ нравоописанія, который мы назвали Англійскимъ, въ честь Ричардсона и Фильдинга, гораздо общѣе и меньше имѣетъ національной исключительности, чѣмъ *Жилблазный*. Здѣсь природа человѣческая, въ костюмѣ извѣстной страны и вѣка, представляется въ картинѣ стройной и цѣльной, имѣю-

щей притязанія на единство, требуемое существенными условіями романа. Произведенія Ричардсона и Фильдинга съ ихъ безчисленными подражаніями имѣютъ видъ біографіи сердца. Но имъ не достаетъ того, что составляетъ важнѣйшую черту настоящаго романа, дѣйствія и жизни. Сіи нравоописательныя повѣствованія составлены изъ болѣе или менѣе занимательныхъ ситуацій, въ коихъ представляются съ большею или меньшею полнотой и вѣрностью различныя положенія сердца, различныя фазы общественныхъ нравовъ, но безъ органической связи, безъ электрическаго движенія, которое есть основа жизни. Отсюда ихъ сухость, принужденность и холодность, которой никакъ не можетъ согрѣть частная, мѣстная, такъ сказать, теплота различныхъ сценъ. Ричардсонъ и Фильдингъ отличались другъ отъ друга точками, съ коихъ видѣли и представляли жизнь. Первый съ серьозностію, простиравшеюся до педантизма, смотрѣлъ только на степенную, нравственную сторону жизни: послѣдній любилъ глядѣть на нее подъ комическимъ угломъ зрѣнія. Въ послѣдствіи обѣ сіи точки не рѣдко соединялись: и это благопріятствовало полнотѣ сихъ нравоописательныхъ картинъ, не возводя однако ихъ до дѣйственной, органической жизни романа.

Къ сей уже избитой и устарѣлой формѣ нравоописаній принадлежитъ *Семейство Холмскихъ.* Произведеніе сіе нельзя назвать явленіемъ совершенно лишнимъ, безполезнымъ въ нашей литературѣ: его можно прочесть на досугѣ, кому есть время читать и кого природа снабдила долготерпѣніемъ, могущимъ

одолѣнь безъ ропота шесть толстыхъ книгъ. Мы сами побѣдоносно прочли его не безъ нѣкотораго вознагражденія: но, признаемся, повторили съ Пирромъ, что придется погибнуть, если должно будетъ одерживать другую подобную побѣду!

Семейство Холмскихъ состоитъ изъ безчисленнаго множества портретовъ и очерковъ, то забавныхъ, то жалкихъ, иногда занимательныхъ и не рѣдко отвратительныхъ. Всѣ они сняты съ натуры. Это бытъ Русскаго дворянства въ лицахъ! Но въ какихъ лицахъ? Это восковыя, безцвѣтныя, безжизненныя фигуры! Въ нихъ есть вѣрность и истина матеріяльная. Даже сдается, что многія изъ нихъ просто слѣплены съ извѣстныхъ недѣлимыхъ. Но это послѣднее достоинство, весьма дорого цѣнимое любопытною догадливостью, для эстетическаго чувства, свободнаго отъ всѣхъ стороннихъ интересовъ, не только не имѣетъ никакой цѣны, даже явно вредитъ наслажденію. Отъ искусства требуемъ мы не матеріяльныхъ слѣпковъ, а картины идеальной. Если извѣстныя недѣлимыя находятъ въ ней мѣсто, то ихъ должно ставить такъ, чтобъ ихъ частныя физіономіи не задерживали собственно на себѣ вниманія, а содѣйствовали бы выраженію общей идеи картины. Что мнѣ нужды, если я не буду умѣть назвать ихъ собственными именами? Лишь бы виднѣлись ихъ характеристическія черты, изъ коихъ должна слагаться физіономія цѣлаго представленія! Я хочу видѣть Русское дворянство, а не *Удушьевыхъ* и *Столицыныхъ*, не *Продигиныхъ* и *Змѣйкиныхъ*, которыхъ въ натурѣ могу видѣть ближе и

подробнѣе, чѣмъ въ гипсовыхъ безжизненныхъ слѣпкахъ. Устраняя всѣ другія уваженія, не подлежащія вѣденію литературной критики, скажемъ только, что подобная матеріяльная вѣрность изображеній свидѣтельствуетъ весьма невыгодно въ пользу живописца. Она изобличаетъ въ немъ скудость творчества, безъ котораго не должно браться за кисть, подъ опасеніемъ превратиться въ домашняго маляра Ефрема. Художникъ должень *живописать* дѣйствительность, изображать ея значеніе, мысль, душу, а не грубую матерію. Этого именно не достаетъ портретамъ и картинамъ, изъ коихъ составлено *Семейство Холмскихъ.* Тамъ все малеванное: ничего истинно живописнаго! Видишь странную образину, уродливую рожу, тамъ чудака, здѣсь глупца, тамъ развратника, здѣсь мошенника; у инаго на лбу читаешь собственное имя: но напрасно будешь искать жизни въ этихъ лицахъ безъ образа; напрасно станешь допрашиваться, какая характеристическая черта живой физіономіи Русскаго дворянства просіяваетъ въ этихъ осязаемыхъ, но бездушныхъ куклахъ. Такъ на старинныхъ изразцахъ видишь часто вылѣпленныя или намалеванныя фигуры, въ коихъ узнаешь Китайцевъ, Японцевъ, Турковъ... Чегобъ, кажется, не доставало имъ? Бездѣлицы... жизни!..

Сей безжизненности должно приписать и то, что въ *Семействѣ Холмскихъ* нѣтъ ни малѣйшаго признака органической цѣлости. Произведеніе сіе есть просто наборъ всякой всячины, не скрѣпленный никакою внутреннею, живою связью. Съ нимъ можно дѣлать любопытные опыты. Разверните какую

угодно часть и начните читать: вы нападете на сцену, на портретъ, который займетъ васъ, который захочется дочесть, который раздражитъ ваше любопытство и заманитъ далѣе... Но бойтесь уступить искушенію: черезъ нѣсколько страницъ васъ одолѣетъ смертная скука: вы увидите себя какъ будто въ одномъ изъ тѣхъ длинныхъ, безконечныхъ ходовъ, кои тянутся въ катакомбахъ, обставленные съ обѣихъ сторонъ муміями. Причина очевидна! Только живыя существа могутъ свиваться въ живую, органическую цѣпь: изъ мертвыхъ труповъ образуется мертвая груда! Въ *Семействѣ Холмскихъ* ни одно лице не связывается съ другимъ, ни одна сцена не держится за другую союзомъ общей жизни. Все сцѣплено механически; и потому распадывается собственною тяжестію, которой чрезмѣрная обширность произведенія только что больше придаетъ грузу. Швы, коими предполагалось укрѣпить сію несвязную массу, изумляютъ своею ничтожностью. Такъ н. п. одинъ ѣдетъ въ гости къ пріятелю и находитъ у него незнакомыя лица; ему хочется знать ихъ; и вотъ цѣлый рядъ портретовъ и описаній! Въ слѣдствіе подобныхъ встрѣчъ, къ концу произведенія накопилось такое множество разныхъ именъ, что изъ одной ихъ переклички составился довольно длинный эпилогъ. Коротко сказать, въ *Семействѣ Холмскихъ*, нѣтъ ни тѣни художественнаго устройства.

Тоже должно сказать и объ изложеніи. Оно отличается утомительною, скучною вялостью. Длинный, безконечный разсказъ тянется медленнымъ, од-

нообразнымъ шагомъ, не оживляемый ни игрою воображенія, ни теплотою чувства. Описанія историческія тусклы и безцвѣтны: движенія сердца ограничиваются общими мѣстами риторическихъ восклицаній, не рѣдко переходящими въ приторное нѣжничанье пошлой сантиментальности. Это особенно странно потому, что *разговоръ, приложенный вмѣсто предисловія* къ *Семейству Холмскихъ*, написанъ довольно живо, не безъ нѣкоторой игры остроумія. Стало быть, тогожь можно было надѣяться и отъ всего произведенія. Вышло иначе—и не безъ причины! Безжизненность содержанія должна была выпечататься на изложеніи!

Остается сказать еще слово о моральномъ достоинствѣ *Семейства Холмскихъ*. Сіе произведеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, кои, по извѣстной поговоркѣ, *мать можетъ безопасно давать дочери*. Въ немъ нѣтъ ни романической мечтательности, развращающей воображеніе, ни сильныхъ страстей, изнуряющихъ сердце. . . Пусть такъ! Но эта дѣтская невинность для дѣтей только и пригодна. Азбучная нравственность, какъ ни разкрашивай ее для взрослыхъ, не только не можетъ приносить никакой пользы, но даже обращается во вредъ; поелику, неумѣстно натверживаемая, раждаетъ скуку и отвращеніе. Строгія моралистки, подобныя *Свіяжской*, суть самыя опасныя непріятельницы нравственности; ибо внушаютъ къ ней боязнь, а не любовь. Подъ ихъ руководствомъ могутъ образоваться только педантки, подобныя *Софьѣ Холмской*, кои, своею холодною добродѣтелью, бываютъ пугалами, а не украшеніями

общества. Наука жизни должна состоять въ полномъ и вѣрномъ ея изображеніи! Конечно, не все можно, не все должно показывать *дочери*: но благоразумная *мать* лучше не должна вовсе дозволять касаться до запрещеннаго древа познанія добра и зла, чѣмъ касаться только въ половину.

Заключимъ: ни *Семейство Холмскихъ*, ни *Русскій Жилблазъ*, не удовлетворяютъ нисколько современнымъ требованіямъ народнаго самопознанія. Не слишкомъ сѣтуемъ мы на ихъ явленіе: но дай Богъ, чтобъ оно какъ можно рѣже возобновлялось въ нашей словесности! Излишество безполезнаго прозябенія хуже безплодія!

VI.

ПРОЦЕССЪ

ФРИДРИХА БЕНУА

ВЪ ПАРИЖѢ.

(*окончаніе*)

Іюня 11 начались пренія, въ слѣдствіе двойнаго обвиненія Бенуа, при многочисленномъ стеченіи зрителей. Ввели обвиняемаго. Онъ одѣтъ былъ въ синій сюртукъ, довольно опрятно и чисто. Передъ судейскимъ столомъ разложены были всѣ улики преступленія: канапе, обитое желтымъ Утрехтскимъ бархатомъ, на которомъ умерщвленъ Формажъ въ Версали; подушка, еще окровавленная, и посверхъ

мѣшокъ съ платьемъ убитаго. На столѣ лежали зонтики обоихъ молодыхъ людей, ночевавшихъ въ Версали 21 Іюля 1831 года. Фридрихъ затрепеталъ, при семъ видѣ, и закрылъ лице платкомъ, который держалъ въ рукахъ. На вопросы, сдѣланные ему по обыкновенной формѣ, отвѣчалъ онъ слабымъ и дрожащимъ голосомъ, что называется Николай-Теодоръ-Фридрихъ Бенуа, отъ роду имѣетъ двадцать одинъ годъ, по званію писецъ нотаріуса, родился въ Вузье, въ Арденскомъ Департаментѣ, и во время своего арестованія пребываніе имѣлъ въ Парижѣ.

Отецъ и старшій братъ обвиняемаго сидѣли на скамьѣ адвокатовъ, подлѣ Г. Кремье, который вмѣстѣ съ Г. Викторомъ Анжье, долженъ былъ защищать Фридриха. Лабовъ, не давно вышедшій изъ Клервосской шюрьмы, и отецъ Формажа, сидѣли на другой скамьѣ, не подалеку отъ Г. Ше-д'Эст-Анжа, адвоката ихъ, какъ истцевъ.

Пока Г. Дюшенъ, письмоводитель Уголовнаго Суда Сенскаго Департамента, читалъ актъ обвиненія, Фридрихъ стоялъ съ закрытыми глазами и, казалось, находился въ сильномъ волненіи.

Первыя пренія начались между адвокатами обѣихъ сторонъ о правѣ Лабова быть допущеннымъ въ качествѣ истца. Судъ, по выслушаніи обоихъ, призналъ право Лабова законнымъ. Тогда призванные свидѣтели удалились въ особо назначенныя для нихъ залы; и Г. Гардуэнъ, Президентъ Суда, началъ допросъ обвиняемаго, изъ коего помѣщаемъ здѣсь наиболѣе замѣчательные пункты:

В. Въ Ноябрѣ 1829 года вы жили въ отцовскомъ домѣ, въ Вузье, бывъ прежде въ Реймской Семинаріи; сколько лѣтъ прошло, какъ вы туда воротились?

О. Четыре года.

В. Кто оставался при вашей матери 8 Ноября?

О. Только я и моя двоюродная сестра, племянница матушки.

В. Эта двоюродная сестра, Луиза Фёшеръ, которая вмѣстѣ была служанкою дома, спала весьма не далеко отъ вашей матери?

О. Такъ, сударь! но я спалъ вверху, въ первомъ этажѣ.

В. Когда легли у васъ спать 8 Ноября?

О. Я легъ въ восемь часовъ съ половиною, матушка также, а Луиза Фёшеръ не много позже.

В. Вы вставали въ десять часовъ?

О. Въ десять часовъ я вставалъ, потому что мнѣ не спалось, и ходилъ грѣть воду, чтобъ напиться съ сахаромъ. Луиза Фёшеръ тогда еще не ложилась и я просилъ у ней ключа отъ шкапа.

В. Потомъ вы опять легли спать: когдажь вы проснулись?

О. Въ полночь я услышалъ глухой шумъ въ комнатѣ у матушки и подумалъ, что ей тошно; я надѣлъ исподнее платье и пошелъ къ ней. Но увидѣвъ бѣлье, разбросанное по полу, тотчасъ подумалъ, что насъ обкрадываютъ, и побѣжалъ увѣдомить нашего сосѣда, Г. Доссеро.

В. Очень странно, что вы въ тужь минуту не вошли въ комнату вашей матери. Она найдена уби-

тою точно также, какъ и молодой Формажъ; ударъ нанесенъ былъ ей острымъ орудіемъ; все показываетъ, что оба преступленія совершены были однимъ способомъ.

Обвиняемый не отвѣчалъ.

Президентъ началъ предлагать другіе вопросы, клонившіеся къ доказательству невозможности, чтобы преступникъ снаружи отперъ ставень окна и вошелъ въ комнату.

О. Стоило только просунуть палецъ въ скважину и тогда легко было поднять крючокъ. Преступленіе должно быть совершено людьми, знавшими нашъ домъ.

В. Въ этотъ день въ Вузье былъ праздникъ; время было дождливое; и однако въ комнатѣ не нашли грязи, ни другихъ слѣдовъ, чтобы входилъ кто-нибудь со двора. Сверхъ того, никто изъ чужихъ не зналъ, гдѣ отецъ вашъ пряталъ свои деньги; это знали только ваши домашніе, мать, братья, сестры—и вы.

О. Да, сударь, я зналъ.

В. Вы взяли въ шкапу сахаръ и забыли ключь, такъ что убійца долженъ былъ уловить именно ту минуту, когда вы ушли, чтобъ взять деньги, находившіяся въ ящикѣ, внизу именно того шкапа, отъ котораго вы забыли ключь. Наконецъ, надобно допустить, что преступникъ вошелъ безъ огня въ комнату, гдѣ находился этотъ шкапъ, укралъ деньги и потомъ пошелъ убить мать вашу въ кабинетъ, гдѣ она спала; все это должно было происходить безъ огня; ибо не нашли никакого слѣда зажженной свѣчи.

О. Ночь была очень мѣсячная.

В. Какимъ образомъ случилось, что преступникъ зарѣзалъ вашу мать, укравъ уже деньги? Къ чему это безполезное убійство, когда ему оставалось только бѣжать?

О. Это вещи, которыхъ я не умѣю объяснить.

В. Убійца оставилъ 2,000 франковъ серебромъ, посуду серебряную и другія вещи, которыя также могъ бы унести.

О. Безъ сомнѣнія онъ спѣшилъ войти въ другую комнату и, если не унесъ этихъ 2,000 франковъ, то потому, что услышалъ мои шаги.

В. Видѣли ли вы кого-нибудь бѣгущаго?

О. При выходѣ изъ дому мнѣ показалось, что женщина или кто-то, въ бѣломъ на головѣ, мелькнулъ за угломъ дома Манике.

В. Никто изъ свидѣтелей, прибѣжавшихъ на вашъ крикъ, не видалъ этой женщины, и съ другой стороны Луиза Фёшеръ, спавшая только въ девяти футахъ отъ постели вашей матери, не была испугана никакимъ шумомъ.

О. Дверь кухни, гдѣ спала Луиза Фёшеръ, была заперта, а я спалъ почти надъ самою спальнею матушки; оставивъ дверь не затворенною, я могъ легко слышать.

В. Свидѣтель Доссеро, осматривая послѣ произшествія постель Луизы Фешеръ, удивился, что она

не была нисколько смята. Онъ сказалъ ей: »такъ вы еще не ложились?« Вмѣсто отвѣта, Луиза, поднявъ руки вверхъ, закричала: »тетушка! бѣдная тетушка!«

О. Она уже легла, когда я вставалъ въ десять часовъ; ибо, чтобъ зажечь мнѣ свѣчу, надѣвала свою юбку.

В. Вы не входили совсѣмъ въ комнату своей матери; и, когда у сосѣда Доссеро, васъ утѣшали, что она еще жива, вмѣсто того чтобъ пожелать ее видѣть, вы сказали только: »разведите хорошій огонь! согрѣйте ее!«

О. Я просился у свидѣтелей видѣть ее. Если они утверждаютъ противное, то вѣрно по какой-нибудь ошибкѣ.

През. Все доказываетъ, что вы убили свою мать, чтобъ обокрасть ее.

Бепуа (съ горькими слезами). Какая нужда мнѣ убивать ее, чтобъ обокрасть? Можно ли этому повѣрить?

В. Но не признались ли вы сами, что, послѣ смерти матери, обокрали вашего отца?

О. Такъ, сударь! Черезъ нѣсколько дней, батюшка приказалъ мнѣ посмотрѣть, не осталось ли у матушки денегъ, спрятанныхъ по шкапамъ; я нашелъ 250 франковъ золотомъ и всѣ ихъ отдалъ. Спустя уже долго послѣ, я нашелъ еще 1,500 франковъ золотомъ, которые утаилъ. Еслибъ я нашелъ ихъ въ первый день, то также бы отдалъ всѣ батюшкѣ, какъ и первые 250 франковъ.

В. За чѣмъ же вы утаили эти 1,500 франковъ?

О. За тѣмъ, что меня сбирались отправить въ Нанси, въ писцы къ Нотаріусу.

В. Отецъ вашъ присылалъ ли вамъ денегъ, когда вы жили въ Парижѣ?

О. Присылалъ до 1,000 экю золотомъ.

В. Это не вѣроятно. Свидѣтели показываютъ, что отецъ вашъ всѣ разходы держалъ серебромъ, а золото всегда откладывалъ и копилъ. Послѣ умерщвленія Формажа, обыскивая вашу квартиру, въ гостинницѣ Ж. Ж. Руссо, у васъ нашли въ комодѣ 2,500 франковъ золотомъ. Они лежали въ мѣшкѣ, въ свертокахъ по 500 франковъ. Какъ могла остаться у васъ такая значительная сумма изъ 1,500 фр., которые вы утаили отъ отца, когда доказано, что вы, будучи писцемъ въ Реймсѣ, всѣ ваши расходы держали золотомъ и въ Парижѣ платили портному также золотомъ?

О. Это золото отъ батюшки; сверхъ того я игралъ и выигрывалъ.

В Вы заплатили за Брегетовскіе часы 180 франковъ золотомъ; покупали другія вещи тою же монетою; съ Формажемъ, на разныя поѣздки, вы издержали 1,800 фр. Въ Нанси вы заказывали свой портретъ, приказывали съ него снять нѣсколько копій, и заплатили за то 90 фр. Наконецъ, чтобъ похвастаться своими расходами, вы купили себѣ попугая за 80 фр. По собственному вашему показанію, вы имѣли входъ только въ одинъ игорный домъ, въ Пале-Роялѣ подъ N 129. Очень хорошо. Тамъ показываютъ, что васъ знаютъ не болѣе года; что вы прежде никогда тамъ не бывали; а, еслибъ были, то они признали бъ

васъ немедленно; потому что всѣ молодые люди вашихъ лѣтъ, посѣщающіе игорные домы, непремѣнно записываются и имена ихъ сообщаются Префекту Полиціи. Играли вы только во время послѣдняго вашего пребыванія въ Парижѣ; только одинъ разъ вамъ удалось выиграть значительную сумму, 3 или 4,000 фр., которые вы опять немедленно проиграли; въ другой разъ вы выиграли еще 30 лундоровъ. Остальное время вы все проигрывали.

О. Золото, найденное у меня, было выигранное или полученное отъ батюшки.

В. Луиза Фёшеръ воротилась въ Парижъ, спустя нѣсколько времени, послѣ процесса Лабова въ Судѣ Мезьерскомъ: видались ли вы съ нею?

О. Видѣлся только одинъ разъ.

В. По показаніямъ свидѣтелей, Луиза вела въ Вузье безпорядочную жизнь. Прибывъ въ Парижъ, она предалась совершенно распутству. Когда, въ слѣдствіе болѣзни, отослали ее въ Маделонетъ, она, казалось, была объдаема глубокою тоскою. Тѣ, кои спали подлѣ ней, говорятъ, что ей видѣлись ужасные сны; и эти сны, по видимому, были внушаемы воспоминаніемъ о убійствѣ ея тетки. Однажды, женщина, заключенная вмѣстѣ съ ней, которая будетъ теперь допрошена, спросила у ней: »отъ чего ты такъ сокрушаешься? вѣдь ты сдѣлала не больше насъ!«—»Нѣтъ! я сдѣлала больше, отвѣчала Луиза: я несчастнѣе и виновнѣе васъ: сговорившись съ моимъ любовникомъ, я убила свою тетку, за 600 фр.« Это показаніе Луизы, которая уже умерла, даетъ подозрѣвать, что

она, вѣроятно обманутая вами, полагала украденную у матери вашей сумму въ 600 фр. вмѣсто 6,000?

О. Все это ложно.

В. Въ Нанси вы жили у Нотаріуса Лашасса; когда съ вами говорили о смерти вашей матери, вы казались всегда смущеннымъ: разъ, одинъ писецъ просилъ васъ расказать подробно объ этомъ приключеніи; вы расказали ему совершенно иначе, чѣмъ нынѣ. Когда васъ потребовали, въ качествѣ свидѣтеля, къ процессу Лабова, вы смутились такъ, что должны были выдти немедленно изъ конторы.

О. Воспоминаніе о смерти матушки меня растрогало.

В. Вы провели годъ въ Семинаріи Реймской: васъ оттуда выгнали?

О. Нѣтъ, сударь; я былъ высланъ только на время; начальство сказало мнѣ, что я могу воротиться.

В. Вы были высланы за гнусный порокъ?..

Молчаніе обвиняемаго.

В. Вы отправились въ Парижъ съ однимъ, по имени Дюгепомъ, который былъ съ вами въ дурныхъ связяхъ; потомъ завели подобныя отношенія съ Формажемъ, которому было семнадцать лѣтъ отъ роду? Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

О. Однажды, онъ вошелъ въ Пале-Рояль и, обратившись ко мнѣ, чтобъ завести рѣчь, спросилъ: »не видалъ ли я, не помню, кого-то? « Такимъ образомъ мы познакомились.

В. Вы говорили Формажу, что, если его потеряете, то убьете сами себя!

О. Никогда.

В. Не говорилиль вы еще въ другой разъ, что онъ погибнетъ не иначе, какъ отъ вашей руки?

О. Никогда не говаривалъ.

В. Вы отсовѣтывали ему писать къ вамъ?

О. Да. Потому что письма его могли попасться въ руки батюшки и открыть нашу связь.

В. Однако, не смотря на ваше запрещеніе, онъ писалъ къ вамъ.

О. Я не получалъ писемъ, о которыхъ говорятъ; я только получалъ письма отъ его брата, офицера въ Камбре.

В. Формажъ имѣлъ привычку писать два или три раза на черно свои письма. Г. Валье, книгопродавецъ, у котораго нанималъ онъ квартиру на улицѣ Монтолонъ, нашелъ, послѣ смерти его, два черныя письма, изъ которыхъ вотъ первое:

»Чтобъ не было писемъ! особенно писемъ! говорилъ ты мнѣ; и однако вотъ тебѣ еще одно! Я никакъ не могу сообразоваться съ закономъ, который ты мнѣ предписалъ. Не знаю почему, мнѣ очень пріятно извѣщать тебя о себѣ; да и ты самъ, помню, говорилъ мнѣ, *что если ты меня потеряешь, то убьешь себя.* Я не люблю самоубійцъ; боюсь, чтобъ ты не считалъ меня потеряннымъ. Не знаю, почему ты такъ медлишь со мною увидѣться. И такъ прошу тебя навѣстить меня по адресу. Если ты потерялъ его, такъ вотъ онъ: на улицѣ Монтолонъ, въ Антенскомъ предмѣстіи, N 13. Дружески обнимаю тебя. Формажъ меньшій. «

Другое письмо отъ 2 Іюля адресовано было къ вамъ въ Вузье, въ тотъ самый день, какъ вы оттуда уѣхали:

»Не смотря на формальное запрещеніе писать къ тебѣ, я принужденъ не послушаться; крайность, въ которой я нахожусь, меня вынуждаетъ. Я почти долженъ кинуть мѣсто, которое занимаю, по неимѣнію платья. Чтобы остаться на немъ, смѣю надѣяться, что ты меня не оставишь. Въ такомъ случаѣ ты исполнишь свой долгъ; и такъ какъ ты довелъ меня до крайности, въ которой я теперь нахожусь, то безполезно повторять, что родственники твои не хотятъ меня видѣть и обязывать, потому что знаютъ связь твою со мною. И такъ ты не откажешь мнѣ въ этой услугѣ. Пятидесятью экю я могу исправиться. Пришлижь мнѣ ихъ черезъ недѣлю; *ибо иначе я самъ пріѣду къ тебѣ и открою родственникамъ твоимъ тайну, которую безъ сомнѣнія тебѣ нужно скрывать.* Ничто не удержитъ меня, если черезъ недѣлю деньги, которыхъ я у тебя прошу, не будутъ присланы; я пріѣду и *заставлю тебя признаться въ* преступленіи *не только родственникамъ твоимъ, но и всѣмъ знакомымъ.* Ты обезчестилъ меня; я буду умѣть тебѣ отмстить, если ты, не загладишь свой проступокъ присылкою того, въ чемъ я имѣю нужду. Положись на мою признательность и искреннюю дружбу. Твой Александръ Формажъ.«

Бенуа! вы знаете почеркъ Формажа?

О. Нѣтъ, сударь! я не получалъ никогда отъ него писемъ и не видывалъ его руки.

В. Письма сіи будутъ показаны родственникамъ Формажа и свидѣтелямъ, знающимъ его почеркъ Изъ нихъ видно, что вы повѣрили Формажу тайну вашего злодѣянія, что онъ пользовался сею довѣренностію, чтобъ брать у васъ деньги, и что вы, дабы отвязаться отъ него, завели его въ Версаль и лишили тамъ жизни.

О. Онъ писалъ это, для того чтобъ запугать меня. Я боялся, чтобъ мое семейство не узнало *дѣла*, то есть моихъ сношеній съ нимъ.

В. Сношенія сіи были уже извѣстны вашему семейству. Просто Формажъ просилъ у васъ денегъ безпрестанно; и вы рѣшились отдѣлаться отъ него въ Версали.

О. Я не способенъ къ подобнымъ вещамъ.

Здѣсь Президентъ напомнилъ показанія Г. Тиріона, Гжи Рено и книгопродавца Валье, изъ коихъ видно, что Формажъ имѣлъ съ обвиняемымъ свиданіе, 21 Іюля 1831 года, въ Пале-Роялѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Версаль.

О. Я не видалъ Формажа въ послѣдній пріѣздъ мой въ Парижъ.

В. Вы не ночевали дома въ ночи съ 21 на 22 Іюля. Гжа Лашо, хозяйка ваша, показываетъ, что именно эту одну ночь вы не ночевали въ своей квартирѣ.

О. Эту ночь провелъ я съ однимъ неизвѣстнымъ мнѣ молодымъ человѣкомъ, съ коимъ ходилъ въ театръ; послѣ представленія мы заходили въ кофейную, а потомъ гуляли до 5 часовъ утра.

В. Сначала вы сказали Полицейскому Коммисару, что провели ночь у женщины, которой жилища не замѣтили; эту женщину называли вы Юліей; и вотъ почему. Полицейскій, желая васъ узнать, явился въ трактирѣ вашемъ, съ письмомъ отъ женщины, за подписью Юліи П***, въ которомъ назначалось вамъ свиданіе. Когда увидѣлъ онъ, что привратникъ вамъ отдалъ записку и что вы ее развернули, то немедленно арестовалъ васъ. Потомъ когда вы стали разсказывать басню о женщинѣ, называющейся Юліей, онъ сказалъ вамъ: »вы попались въ обманъ къ Полиціи; имя Юліи есть выдумка, на которую васъ поймали!« Тогда уже вы отвѣчали ему, что притворяться болѣе не зачѣмъ, что въ ночи, съ 21 на 22 Іюля, вы гуляли съ молодымъ человѣкомъ.

О. Я и теперь тоже говорю.

В. Невозможно, чтобъ Формажъ самъ себя убилъ: у него на шеѣ семнадцать ранъ, которыя по свидѣтельству медиковъ, долженъ былъ онъ наносить себѣ попеременно, то лѣвой, то правой рукой. Хотя по причинѣ пресѣченія дыхательнаго горла онъ не могъ кричать, но былъ еще въ состояніи дойти до двери, съ намѣреніемъ выдти. Сверхъ того, если бы онъ самъ себя зарѣзалъ, то было бы найдено орудіе, имъ на то употребленное; но орудія сего не нашли, хотя двери обѣ были заперты; найдена только бумага, въ которой по видимому былъ завернутъ бритвенной футляръ; у васъ оказался такой же футляръ; въ немъ нашли только одну бритву; гдѣжъ другая?

О. Она изломалась еще въ Вузье.

В. Формажа никто не зналъ въ Версали. Когдажь его привезли въ Парижъ, то Полиціи объ имени его и жилищѣ было объявлено безъименнымъ письмомъ.

Бенуа, снова заливаясь слезами. Я неспособенъ къ этому. Какая мнѣ нужда убивать Формажа? Если бы онъ зналъ, что я убилъ мать мою, то не пошелъ бы со мною въ Версаль!

През. Въ обвиненіи, то именно и утверждается, что вы хотѣли предупредить Формажа, дабы онъ не исполнилъ угрозы своей, обнаружить вашу тайну. Многіе свидѣтели показываютъ, что вы изъявляли къ Формажу странную ревность. Сіе послѣднее замѣчаніе долженъ я былъ вамъ сдѣлать для вашей же пользы, дабы вы могли отвѣтствовать на многочисленныя улики, противъ васъ представленныя.

О. Какъ можно думать, чтобъ я завелъ Формажа убить въ Версаль, въ такой домъ, гдѣ меня знаютъ, гдѣ я провелъ однажды ночь съ Дюгепомъ?

За симъ приступили къ допросу свидѣтелей. Г. Гинеръ, лѣкарь въ Вузье, объяснилъ о свойствѣ раны, нанесенной Гжѣ Бенуа.

През. Кого подозрѣвали сначала?

Гинеръ. Подозрѣвали брата Фридрихова, Августа; но въ послѣдствіи доказано, что въ день убійства онъ находился въ Реймсѣ.

През. Что слышно было о поведеніи Августа?

Гинеръ. Его обвиняли въ худомъ поведеніи, но не упрекали ни въ чемъ, кромѣ сношеній съ женщинами.

Г. Кремье. Правда ли, что Фридрихъ послѣ операціи, учиненной въ слѣдствіе опасной на головѣ раны, не принималъ ни отъ кого лѣкарства, кромѣ матери?

Гинеръ. Я этаго не знаю; но при сей операціи Гжа Бенуа весьма содѣйствовала намъ, сохраняя присутствіе духа. Она оказывала сыну своему всѣ возможныя попеченія.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Какихъ лѣтъ была Гжа Бенуа?

Гинеръ. Около пятидесяти; но здоровье ея было въ весьма хорошемъ состояніи.

Г. Сен-Клодъ, хирургъ въ Вузье, объяснилъ разныя обстоятельства, послѣдовавшія за убійствомъ, и то, что убійца долженъ былъ хорошо знать мѣстность дома.

През. Видѣли ли вы деньги и серебро, разсыпанныя по полу?

Свидѣтель. Я не обратилъ на то вниманія, ибо былъ занятъ убитою особою.

През. Слѣдственно вы имѣли менѣе присутствія духа, чѣмъ Фридрихъ, который не занимался матерью своей, а думалъ только о похищеніи денегъ.

Г. Роландъ, адвокатъ Мецкаго Суда, служившій прежде при Полиціи въ Вузье, изложилъ обстоятельства, изъ коихъ также открывалось, что убійца долженъ весьма хорошо знать мѣстность.

През. Не по этому ли подозрѣвали Августа Бенуа?

Роландъ. Нѣтъ. Но отецъ его, прогуливаясь со мною за нѣсколько предъ тѣмъ дней, говорилъ мнѣ:

отъ Августа все можетъ статься; я ловилъ его нѣсколько разъ въ воровствѣ; онъ билъ меня и мать; съ нимъ я наживу большія бѣды. По сему первому впечатлѣнію было производимо дѣло.

През. Почему не подозрѣвали Луизы Фёшеръ?

Роландъ. Сначала находили страннымъ, какъ она не проснулась отъ шуму; но потомъ разсудили, что въ ея лѣта сонъ бываетъ крѣпокъ.

През. Не говорилъ ли обвиняемый, что онъ видѣлъ бѣжавшую женщину, или переодѣтаго мущину?

Роландъ. Говорилъ: но какъ слова его были очень безсвязны, то мы не обратили на нихъ вниманія; ибо думали, что умъ его разстроенъ, по причинѣ операціи, учиненной надъ нимъ за 8 или 10 мѣсяцовъ предъ тѣмъ.

Г. Доссеро, Г. Лагульеръ и другіе свидѣтели изъ Вузье показали почти тоже.

На другой день, 13 Іюня, стеченіе было также многочисленно. Особенно много было дамъ. Кромѣ отца и старшаго брата обвиняемаго присутствовали еще два его зятя, Нотаріусы Департамента Арденскаго, изъ коихъ одинъ украшенъ орденомъ Почетнаго Легіона, полученнымъ за отличіе при Ваграмѣ.

Лабовъ сидѣлъ подлѣ Г. Ше-д'Эст-Анжа, а на другой скамьѣ находились отецъ и мать Формажа.

Начали допрашивать свидѣтелей, предъ коими проговаривалась Луиза Фёшеръ, во время содержанія ея въ тюрьмѣ Маделонетъ.

Г. Жакмень, хирургъ. Я лѣчилъ ее. Она казалась весьма печальною. На вопросъ мой о причинѣ ея глубокой горести, мнѣ отвѣчали, что она дѣйствительно претерпѣла великія несчастія. Болѣе я не спрашивалъ.

Розалія Діотъ, двадцатилѣтняя швея, показала слѣдующее: »Я находилась съ Луизою Фёшеръ въ Маделонетахъ. Она сказывала мнѣ, что тетка ея зарѣзана въ своемъ домѣ, что съ ней тогда была она Луиза и двоюродной братъ ея, а дядя находился въ деревнѣ. Она прибавила, что убійца былъ не братъ ея двоюродной, а одинъ человѣкъ изъ окрестностей.

През. Не объясняла ли она вамъ какихъ либо подробностей?

Розалія. Нѣтъ. Она не сказывала мнѣ даже имени сего человѣка.

През. Не говорила ли она чего нибудь объ украденномъ серебрѣ или золотѣ?

Розалія. Нѣтъ.

През. Знаете ли вы, отчего она была печальна?

Розалія. Она сказывала мнѣ, что ее огорчила встрѣча въ Парижѣ съ однимъ *знакомымъ*.

Фелисите Даміень, сидѣлка въ Маделонетахъ, состоявшая потомъ въ тойже должности при Больницѣ Св. Лазаря, показала, что Луиза плакала день и ночь и, умирая у ней на рукахъ, призналась, что по согласію съ любовникомъ своимъ убила свою тетку, дабы взять у ней 600 франковъ.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Я желалъ бы знать, говорила ли Луиза Фёшеръ свидѣтельницѣ о томъ, кто былъ сей любовникъ?

Фелисите Даміень. Нѣтъ.

През. Фридрихъ Бенуа, слышали ли вы сіе показаніе?

Бенуа. Слышалъ.

През. Вы слышали, что Луиза Фёшеръ обвиняла себя и любовника своего, въ убійствѣ своей тетки!

Бенуа. Не знаю, почему это: она была не виновата.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Имѣли ли вы короткія связи съ сей дѣвицей?

Бенуа. Никакихъ.

Эме-Досье, другая свидѣтельница, объявила также' что Луиза, предаваясь горести, признавалась ей, что причиною оной было воспоминаніе объ убійствѣ ея тетки, зарѣзанной человѣкомъ, который ее саму обвинялъ, но былъ осужденъ за то къ уплатѣ убытковъ и протирей.

Другіе свидѣтельницы, именно: Гжа Тьерсъ съ сестрою, Адель Герино и Сусанна Эстеръ, молодая, прекрасная дѣвочка, двадцати одного года, крайне смѣшавшаяся при объявленіи, что находилась вмѣстѣ съ Луизою въ Маделонетахъ, показали, что Луиза предавалась задумчивости и весьма часто говорила о смерти тетки своей, но ничего на счетъ Фридриха Бенуа.

Нотаріусъ города Нанси Лашассъ, у котораго Фридрихъ жилъ въ качествѣ писца, сообщилъ, что онъ разсказывалъ ему о смерти матери своей вышеобъясненныя въ обвинительномъ актѣ обстоятель-

ства. Но Грегуаръ, писецъ Лашасса, объявилъ напротивъ, что ему Фридрихъ разсказывалъ о смерти матери своей обстоятельства чрезвычайныя и совершенно неправдоподобныя.

През. За чѣмъ говорили вы такую ложь?

Бенуа. Чтобъ отвязаться отъ вопросовъ, коими мнѣ надоѣдали.

Шлегель, другой писецъ, объявилъ, что Бенуа старался обратить подозрѣнія на Лабова, при коемъ, говорилъ онъ, мать моя имѣла неосторожность класть золото въ ящикъ. Онъ прибавилъ, что въ тѣлѣ матери его нашли воткнутой ножъ, необыкновенной формы.

Бенуа. Я говорилъ только, что Лабовъ отдавалъ, не за долго предъ умерщвленіемъ матери моей, точить ножъ, котораго послѣ у него не нашли.

Сверхъ того, Шлегель и Грегуаръ объявили, что Фридрихъ издерживалъ много золотыхъ денегъ; равно какъ Г. Дидье, часовщикъ, Гжа Моро портреписшка и Г. Банкъ сапожникъ изъ Нанси.

Г. Тасси, одинъ изъ настоятелей игорнаго дома подъ N 129 въ Пале-Роялѣ объявилъ, что обвиненный выигралъ однажды 800 фр. а на другой день еще 4000, но тогда же опять ихъ проигралъ, увеличивая куши.

Г. Мате-Дюбрейль показалъ, что онъ продалъ Фридриху часы, 12 Іюля 1831 года; а черезъ день или черезъ два потомъ видѣлъ его опять и онъ сказалъ ему, что отправляется въ Версаль.

Бенуа. Я не ходилъ тогда въ Версаль.

Пренія относительно матереубійства заключились показаніями многихъ свидѣтелей, представленныхъ Фридрихомъ для своего оправданія.

Г. Матье, Слѣдственный Судья, объявилъ, что имъ найденъ былъ деревянный крюкъ, посредствомъ коего убійца могъ открыть окно и проникнуть извнѣ въ домъ Гжи Бенуа.

Лабовъ всталъ и съ жаромъ началъ жаловаться, что ему не былъ показанъ крюкъ сей.

Г. Матье. Утверждаю, что всегда, когда имѣлъ я надобность говорить съ Лабовомъ, я упоминалъ объ этомъ крюкѣ.

Здѣсь Г. Кремье, защитникъ Фридриха, хотѣлъ завести преніе о характерѣ и поступкахъ Лабова, съ намѣреніемъ доказать, что онъ не достоинъ быть въ числѣ доносчиковъ и что свидѣтельство его не заслуживаетъ вѣроятія; но Президентъ прекратилъ сіе преніе, какъ не принадлежащее къ настоящему дѣлу.

Когда свидѣтели касательно матереубійства были допрошены, то Судъ отложилъ до завтра допросъ свидѣтелей объ убійствѣ Формажа. На другой день, Г. Нобль, Докторъ Медицины въ Версали, объяснилъ о ранахъ, нанесенныхъ Формажу, о невозможности самоубійства, о слѣдахъ доказывающихъ, что убійца вытиралъ орудіе свое и мылъ руки; что у Фридриха оказалась на колѣнѣ царапина и когда его заставили положить колѣна на диванъ, то царапина сія нашлась въ соотвѣтственности съ перекладиной дивана; о бумагѣ, въ которой былъ завернутъ брит-

венной футляръ, о порѣзахъ, оказавшихся на рукѣ обвиняемаго, и о прочемъ, что уже выше изложено.

Г. Ше-д'Эсп-Анжъ. Объяснилъ ли Бенуа, отъ какихъ причинъ произошли порѣзы на рукахъ его?

Г. Нобль. Онъ сказалъ, что одинъ изъ нихъ получилъ, закрывая окно, а другой, садясь въ карету.

Бенуа. Я сказалъ, что порѣзъ на большомъ пальцѣ былъ у меня еще въ Вузье, но я развередилъ его, отламывая желѣзо отъ окна.

Г. Нобль. Мнѣ кажется это невѣроятно: края порѣза были очень ровны и происходили повидимому отъ орудія весьма остраго.

Одинъ изъ Присяжныхъ пожелалъ, чтобы у лекаря города Вузье, Г. Ганьера, спросили, могла ли Гжа Бенуа, когда ей нанесли ударъ, кричать.

Г. Ганьеръ. Дыхательное горло у ней было перерѣзано: она могла произвести только легкое хрипѣнье.

През. Могъ ли обвиняемый, ежели онъ спалъ, слышать сіе хрипѣнье?

Г. Ганьеръ. Ежели спалъ, не могъ.

Бенуа. Я всегда говорилъ, что въ эту минуту я не спалъ.

Г. Ренаръ, Докторъ Медицины въ Версали, объяснилъ тоже, что и Г. Нобль.

През. Бенуа, узнаете ли вы сей диванъ?

Бенуа (поспѣшно, но съ твердостью). Нѣтъ.

На него надѣли редингот, жилетъ и галстукъ въ которыхъ онъ былъ 21 Іюля минувшаго года.

Когда онъ снова вошелъ въ залу присутствія, то Г. Шевре, винопродавецъ въ Версали, на улицѣ Помпъ, объявилъ, что 21 Іюля, въ 11 часовъ вечеромъ, пришли къ нему два молодые человѣка и просились ночевать. Онъ отвелъ ихъ къ Вуазеню; тогда былъ дождикъ: одинъ изъ молодыхъ людей ссудилъ его своимъ зонтикомъ.

През. Можете вы узнать сихъ молодыхъ людей?

Шевре. Одного узналъ я въ лицѣ убитаго въ гостинницѣ Бани, другой—(указывая на Фридриха)—вотъ онъ!

Бенуа (съ живостію и твердымъ голосомъ). Нѣтъ не я!

Шевре. На немъ былъ жилетъ желтой, не такой, какъ теперь.

По приказанію Президента вынули изъ чемодана Фридрихова желтой жилетъ, который онъ тотчасъ надѣлъ.

Шевре. Это онъ самый.

Бенуа. Утверждаю, что вы ошибаетесь; я не былъ у васъ.

През. Узнаете ли вы его по голосу?

Шевре. Онъ говорилъ также громко, какъ и теперь.

Бенуа. Обыкновенно говорю я очень тихо, но теперь возвышаю не много голосъ.

Г. Кремье. Пили ли что нибудь у васъ эти молодые люди?

Шевре. Пили вино.

Бенуа. Я никогда не пью вина.

Г. Кремье. Г. Ганьеръ (лѣкарь въ Вузье) вѣроятно помнитъ, что послѣ операціи, учиненной Фридриху, ему было запрещено вино.

Г. Ганьеръ. Это правда: но я не знаю воздерживался ли обвиняемый.

Бенуа. Гг. Доссеро и Пинтаръ, думаю, не забыли, что я не пилъ никогда вина.

Гг. Доссеро и Пинтаръ, будучи спрошены, не объявили ничего на сей счетъ положительнаго.

Г. Кремье. Какаго цвѣта имѣлъ онъ волосы?

Шевре. Черные завитые.

Жена Шевре показала тоже, что и мужъ ея, но она не такъ замѣтила молодыхъ людей, чтобъ могла узнать ихъ.

Вуазень объявилъ, что къ нему приходили два молодые человѣка въ 11 часовъ вечера; онъ предложилъ имъ двѣ особенныя комнаты во второмъ этажѣ, но они пожелали лучше ночевать въ третьемъ за 30 су. Одинъ изъ нихъ казалось не довѣрялъ другому и требовалъ особенной комнаты. На другой день ушли они въ 7 часовъ утра.

През. Узнали ли вы того, который зарѣзанъ?

Вуазень. Я узналъ его по платью.

През. Узнаете ли вы обвиняемаго?

Вуазень. Нѣтъ. Я съ нимъ почти не говорилъ.

Жена Вуазеня показала тоже.

Жоберъ, хозяинъ гостинницы Бани, объявилъ, что узнаетъ обвиняемаго, что онъ отдыхалъ у него утромъ 22 Іюля, вышедъ отъ Вуазеня, у коего ему и его товарищу клопы препятствовали спать.

През. Вы объявили сначала, что не узнаете его?

Жоберъ. Въ первой разъ, явившись къ Слѣдственному Судьѣ, былъ я очень разстроенъ, такъ что когда сошелъ выпить стаканъ воды, меня надлежало вести. Въ другой разъ я узналъ его, но не столько по платью, какъ по голосу и лицу. Онъ былъ и прежде у меня и ночевалъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ.

Бенуа. Это въ Маѣ; я былъ точно съ Дюгепомъ.

Жоберъ. Я имѣю еще объяснить одно обстоятельство, о которомъ прежде забылъ: за пять или за шесть дней предъ убійствомъ, обвиненный былъ у меня и требовалъ комнаты; на немъ былъ тогда рединготъ, цвѣта губки, съ карманами на бокахъ.

Бенуа. У меня никогда не было рединготa съ карманами на бокахъ.

Жамберъ портной объявилъ, что онъ не шилъ для Бенуа никакого платья, кромѣ того, въ коемъ онъ явился къ суду.

Президентъ у жены Жобера. Узнаете ли вы обвиняемаго?

Жена Жоберъ. Я не узнаю его спереди, но сзади; ибо у него одно плечо выше.

През. Дѣйствительно доказано, что у него правое плечо выше лѣваго.

Маргарита Буланъ, привратница въ гостинницѣ Бани, разсказала извѣстныя уже обстоятельства пребыванія молодыхъ людей въ Версали. Она прибавила, что узнаетъ Бенуа, но что волосы у него тогда не были такъ черны, какъ теперь; они были темнорусые, и онъ завивалъ ихъ безпрестанно пальцами, что показалось ей очень смѣшно.

През. Замѣтила ли ты, что у него одно плечо выше?

Маргарита. Нѣтъ, я помню только, что рединготъ былъ на немъ застегнутъ до верху.

През. Слѣдственный Судья свидѣтельствуетъ, что три верхнія пуговицы рединготa, въ которомъ теперь обвиняемый, никогда не застегались.

Маргар. Утверждаю, что рединготъ былъ застегнутъ до верху.

Кремье. Не долгіе ли волосы имѣлъ молодой человѣкъ?

Маргар. Очень долгіе.

Соммье, слуга изъ гостинницы Бани, объявилъ, что не узнаетъ обвиняемаго.

Элеонора Буланъ, прачка гостинницы Бани, узнала Бенуа; онъ былъ по словамъ ея въ этой гостинницѣ 26 Мая съ Дюгепомъ; волосы у него были не черные, а темнорусые, весьма густые.

Бенуа. У меня волосы всегда были черные.

Г. Кремье. Это семейственный цвѣтъ. (Дѣйствительно замѣтили, что у старшаго брата Фридрикова, волосы были ярко-черные).

През. Бенуа! изъ слѣдствія явствуетъ, что вы водили Дюгепа въ улицу Вивіенъ къ парикмахеру, который красилъ ему волосы въ черной цвѣтъ?

Бенуа. Но парикмахеръ объявилъ, что мои волосы не были крашены.

Одинъ изъ Присяжныхъ. Надлежало бы спросить у парикмахера, можно ли красить черные волосы въ русые.

Генерал-Адвокатъ. Онъ объявилъ, что это совершенно невозможно; но обвиняемый могъ надѣть парикъ.

Элеонора. Не замѣтно было, чтобъ на немъ былъ парикъ.

През. Бенуа, вы иногда переодѣвались; у васъ найдены поддѣльные усы?

Бенуа. Я носилъ ихъ, чтобъ казаться старѣе; ибо по причинѣ молодости меня не пускали въ игорной домъ подъ N 113 въ Пале-Роялѣ.

Маленькой Левассеръ, служащій мальчикомъ у пирожника Древень, объявилъ, что, въ послѣднихъ числахъ Іюля, Бенуа былъ у него въ лавкѣ; волосы его тогда были бѣлокураго цвѣта.

Г. Феликсъ Луазелье показалъ, что зналъ Бенуа въ Реймской Семинаріи. Онъ видѣлъ его 23 Іюля 1831 года вечеромъ, а 24 завтракалъ съ нимъ.

Ше-д'Эсп-Анжъ. Какаго характера былъ онъ въ Семинаріи?

Луазелье. Когда разсердясь грозилъ онъ товарищу прибить его, то можно было быть увѣрену, что сдержитъ свое слово.

Бенуа. Это ложь.

Луазелье. Однажды вы продали за 13 су одному ученику ящикъ красокъ, который вамъ стоилъ 12 су; когда онъ не хотѣлъ платить, то вы его прибили.

Прочіе свидѣтели, въ томъ числѣ мать Формажа, дали показанія отчасти не касающіяся сущности дѣла, отчасти уже извѣстныя.

Іюня 15, выпребованы были для отобранія пояснительныхъ свѣденій, Г. Мишалонъ парикмахеръ, и знаменитый Докторъ Орфила.

Начались распросы съ Мишалона.

През. Извѣстны ли вамъ способы подкрашивать волосы различными цвѣтами?

Г. Миш. Извѣстны многіе.

През. Можно ли волосы совершенно черные перекрасить въ бѣлокурые или въ каштановые?

Г. Миш. Нѣтъ, сударь! Я никогда не слыхивалъ ни о чемъ подобномъ. Можно сдѣлать черные волосы нѣсколько рыжеватыми. Бѣлокурые волосы легко перекрасить въ черные или въ свѣтло-каштановые; но черные не могутъ совершенно перемѣнить цвѣта. Разсматривая обвиняемаго, я нахожу, что его волосы можно сдѣлать еще темнѣе, но свѣтлѣе, по моему, не возможно.

Г. де Берни, Совѣтникъ. Волосы обвиняемаго довольно густы. Не находите-ль вы возможнымъ надѣть ему парикъ такъ искусно, что съ перваго взгляда можнобъ было счесть этотъ парикъ естественными волосами?

Г. Мишалонъ (посмотрѣвъ внимательно на обвиняемаго). Это очень можно.

Явился Г. Орфила.

През. Не знаете ли вы способа перемѣнять цвѣтъ волосъ?

Г. Орф. Знаю. Можно перекрашивать каштановые и бѣлокурые волосы въ черные, равно какъ черные въ бѣлокурые, рыжіе и каштановые.

През. Употребляются ли парикмахерами эти способы?

Г. Орф. Не знаю, употребляются ли: но они есть. Способы сіи основываются на химическихъ свѣденіяхъ, которые парикмахерамъ едва ли извѣстны; но какъ я не дѣлаю тайны изъ дѣла науки, то готовъ объяснить, какъ можно это дѣлать. Есть для того два способа: одинъ, основанный на понятіяхъ химическихъ; другой, на составѣ самыхъ волосъ. Химическій способъ чернить волосы состоитъ въ приведеніи ихъ въ соприкосновеніе съ растворомъ висмутнаго серебра, ртути, или съ окислями сихъ металловъ. Эти окисли, соединенныя съ сѣрнымъ водородомъ, производятъ черный цвѣтъ. Можно также для сего употреблять помаду, называемую меленокомъ; она составляется изъ жира и Голландской сажи; ею можно намазывать волосы; но это сопряжено съ тѣмъ неудобствомъ, что помада скоро расплывается и мараетъ воротники сорочекъ и манишекъ. Что касается до способа превращать черные волосы въ бѣлокурые, каштановые или даже вовсе сѣдые, то онъ очень простъ: стоитъ только употребить растворъ хлора, болѣе или менѣе распущеннаго въ водѣ. Чѣмъ гуще хлоръ, тѣмъ дѣйствіе будетъ скорѣе; только это можетъ причинить головную

боль. Если время терпитъ, то должно хлоръ распустить въ водѣ какъ можно жиже: тогда, черезъ нѣсколько дней, волосы посвѣтлѣютъ. Когда надобно рыжіе волосы окрасить въ бѣлокурые, то стоитъ просто только вычесать ихъ гребнемъ, обмокнутымъ въ алкоголь. Рыжій цвѣтъ волосъ зависитъ отъ нѣкотораго рода масляности, которую алкоголь уничтожаетъ. Уже пятнадцать лѣтъ занимаюсь я сими опытами, увѣренный, что могутъ встрѣтиться дѣла, гдѣ подобные случаи будутъ имѣть мѣсто. Сегодня по утру, узнавъ изъ журналовъ предметъ, по которому я буду приглашенъ въ судъ, я запасся разными образчиками. Вотъ волосы, которые были совершенно черные, а теперь сдѣлались каштановыми; на другомъ образчикѣ, они еще свѣтлѣе; на третьемъ, еще свѣтлѣе; и наконецъ вотъ, гдѣ сдѣлались совершенно бѣлыми.

През. Много ли потребно дней, чтобы чернымъ волосамъ, подкрашеннымъ такимъ образомъ, возвратить опять ихъ естественный цвѣтъ?

Г. Орф. Весьма не много; даже можно сдѣлать это въ одну минуту, натерши селитрокислымъ серебромъ, помадою изъ окисленнаго свинца или составовъ изъ мѣла и негашенной извести.

Г. Формажъ, офицеръ линейнаго полка, старшій братъ Александра, умерщвленнаго въ Версали, былъ выслушанъ послѣднимъ изъ свидѣтелей. Онъ показалъ, что, во время пребыванія его въ Камбре, братъ, пріѣхавъ къ нему съ обвиняемымъ, обнаружилъ ему подозрѣнія на счетъ Бенуа, который, по сло-

вамъ его, видалъ по ночамъ страшные сны и говорилъ о убійствѣ своей матери, какъ будтобъ онъ или кто-нибудь изъ его семейства былъ виновникомъ сего злодѣянія.

През. Не можете ли вы вспомнить подробностей?

Г. Форм. Братъ мой говорилъ мнѣ, что Бенуа спалъ очень безпокойно и во снѣ обвинялъ себя не рѣдко въ умерщвленіи матери. Когда тотъ послѣ изъявлялъ ему свое удивленіе, то получалъ въ отвѣтъ: »это такъ—во снѣ!«

Бенуа. Я никогда этого не говаривалъ.

Наконецъ Г. Ше-д'Эст-Анжъ, адвокатъ истцевъ, началъ свою рѣчь. Онъ вошелъ въ матерію изображеніемъ ужасной сцены, происшедшей въ Версали, 22 Іюля. Перешедши потомъ къ взятію Бенуа подъ стражу, онъ съ особенною силою обратился на безчувственность, оказанную обвиняемымъ, когда онъ, приведенный на мѣсто, гдѣ дымилась еще кровь его друга, съ неестественнымъ хладнокровіемъ просилъ пить и напился.

Здѣсь Президентъ замѣтилъ, что обстоятельство сіе не находится въ протоколѣ слѣдствія, дѣланнаго Полицейскимъ Комисаромъ, Г. Ноэлемъ. Послали за Комисаромъ. Между тѣмъ Г. Ше-д'Эст-Анжъ предложилъ снова допросить свидѣтелей. Хозяинъ, слуга и служанка гостинницы, гдѣ было совершено убійство, подтвердили сіе обстоятельство.

Адвокатъ сталъ продолжать свою рѣчь. Съ ясностію, въ порядкѣ и съ жаромъ, онъ излагалъ всѣ подозрѣнія, обвинявшія Бенуа. Черновое письмо Формажа, гдѣ содержится угроза открыть тайну, привело его

къ умерщвленію Гжи Бенуа. Здѣсь онъ коснулся подозрѣній, павшихъ на Лабова, стараясь показать ихъ неосновательность и доказывая, что онѣ были внушены и поддерживаемы недоброжелательствомъ къ нему, какъ либералу. Потомъ обратился къ поведенію Бенуа въ ужасную ночь преступленія. Кромѣ невозможности проникнуть убійцѣ снаружи дома, онъ обратилъ и здѣсь вниманіе на неестественную холодность, оказанную Бенуа въ то время. »Несчастный!« воскликнулъ онъ, обращаясь къ Бенуа: »умерщвленная мать его можетъ быть еще дышетъ. . . а онъ и не думаетъ ее видѣть! «

Бенуа, который, во все продолженіе рѣчи, разливался въ слезахъ и испускалъ глухіе стоны, при сихъ словахъ зарыдалъ громко. Адвокатъ прервалъ свою рѣчь.

През. Бенуа! Я прекращаю аудіенцію!

Бенуа (испуская ужасные крики). Нѣтъ! я не виноватъ! Это не я!

Старшій братъ его бросился къ нему, схватилъ его въ свои объятія и вскричалъ: Нѣтъ! это не онъ!

Бенуа отецъ (обнимая обоихъ сыновей и сжимая руки обвиняемаго). Успокойся, сынъ мой! Мы знаемъ, что ты невиненъ!

Бен. Нѣтъ! это не я.

Старшій братъ. Это не онъ! Это не онъ!

Сцена была ужасная: у зрителей глаза наполнились слезами. Президентъ объявилъ аудіенцію прекращенною и приказалъ дать нужныя пособія Бенуа. Между тѣмъ явился Комисаръ Полиціи, Г. Ноэль, который показалъ, что Бенуа точно просилъ пить

и напился въ Версали, но не помнитъ, въ той ли именно комнатѣ, гдѣ совершилось убійство. Аудіенція возобновилась. Обвиняемый продолжалъ рыдать изрѣдка, закрывъ лице платкомъ, съ судорожными потрясеніями.

Адвокатъ продолжалъ свою рѣчь исчисленіемъ прочихъ обвиненій и заключилъ наконецъ обращеніемъ къ обвиняемому:

»Вы умертвили Формажа! Вы умертвили его, чтобъ скрыть ваше первое злодѣяніе. Вотъ что долженъ былъ я обнаружить, не изъ постыдной злобы или корысти, а для того, чтобы возстановить честь Лабова, такъ несправедливо обвиненнаго, и обвиненнаго самымъ виновникомъ злодѣянія!«

»Вотъ обязанность, которую принялъ я съ ужасомъ, но исполнилъ безъ трепета!«

»Сіе ужасное зрѣлище содержитъ въ себѣ урокъ для насъ важный и поучительный. Не только голосъ изсякаетъ повторяя сіи безчисленные разсказы: они терзаютъ, рвутъ сердце! Помышляя о убійцахъ, о той безнаказанности, подъ коей они такъ долго скрывались, о томъ ужасномъ предубѣжденіи, которое, покровительствуя виновнымъ, готово было разразиться надъ невиннымъ; видя сіе страшное торжество преступленія, сію глубокую бездну униженія человѣческаго, мудрено ли пагубному сомнѣнію овладѣть нашими душами, мудрено ли спутаться и превратиться всѣмъ нашимъ понятіямъ о нравственности, о добродѣтели, о Провидѣніи?«

»Но не будемъ слѣпцами! Въ жребіи, предназначенномъ каждому изъ дѣйствовавшихъ въ сей ужасной драмѣ, признаемъ торжественное знаменіе правосудія небеснаго!«

»Преслѣдуемый ужасными подозрѣніями, испытанный ужасными бѣдствіями, Лабовъ наконецъ обрѣтаетъ правду: его невинность торжествуетъ!«

»Луиза увлеченная злодѣемъ, котораго любила, сдѣлалась орудіемъ страшнаго преступленія: она помогала совершенію матереубійства. Говорятъ, что ея преступленіе осталось ненаказаннымъ! Ахъ! не забудьте ея медленной пытки, ея ужасныхъ мукъ! Подумайте о ея страданіяхъ, о дняхъ проводимыхъ безъ покоя, о ночахъ безъ утѣшительнаго сна! Подумайте о страшныхъ привидѣніяхъ, непрестанно окружавшихъ одръ ея! Какъ угрызенія приводили въ трепетъ самыхъ подругъ ея, бывшихъ свидѣтельницами послѣднихъ ея минутъ! Сіи минуты были ужасны! Она умерла не на эшафотѣ, можетъ быть потому, что была не столько виновна, сколько слаба!«

»А Формажъ! Онъ пораженъ рукою имъ любимою, палъ жертвою пагубной тайны, которая была ему довѣрена. Отецъ и мать! Вы теперь плачете. Жизнь его не была безукоризненна: ибо онъ уступилъ обольщенію порока. Но смерть поразила его за преступленія, въ которыя развратъ долженъ былъ вовлечь его раньше или позже. Онъ палъ жертвою адскаго благоразумія человѣка, который въ послѣдствіи могъ бы обезпечить его молчаніе, не перерѣзавъ ему горло, а запятнавъ его руки кровью, дабы вмѣстѣ съ собою обречь эшафоту!«

»И такъ, ММ. ГГ. не дерзнемъ обвинять Провидѣнія, которое замедлило казнь преступника, дабы, умноживъ свидѣтельства его злодѣяній, представить тѣмъ поразительнѣйшій, тѣмъ ужаснѣйшій примѣръ правосуднаго возмездія!«

Г. Легоррекъ, Генерал-Адвокатъ, объявилъ, что послѣ краснорѣчивой рѣчи защитника истцевъ, ему не остается ничего прибавить противъ обвиняемаго и что онъ предоставляетъ себѣ отвѣчать на рѣчь, которая будетъ произнесена въ его защиту.

Тогда Г. Кремье, адвокатъ обвиняемаго, вышелъ на нѣсколько минутъ для приведенія въ порядокъ своихъ мыслей, возвратился сопровождаемый членами семейства Бенуа и объявилъ, что готовъ разсѣять подозрѣнія, скопившіяся надъ его кліентомъ. Бенуа, въ продолженіе его рѣчи, находился въ глубочайшемъ изнеможеніи. Опрокинувшись на своей скамьѣ, онъ лежалъ почти безчувственный, едва дыша, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ.

Г Кремье истощилъ всѣ усилія доказать неимовѣрность столь ужаснаго злодѣянія, со стороны молодаго человѣка девятнадцати лѣтъ, въ отношеніи къ матери, которая питала его своимъ молокомъ и еще недавно съ такою попечительностью ходила за нимъ въ ужасной болѣзни. Потомъ старался показать основательность подозрѣній, возникшихъ противъ Лабова.

»Никогда« — говорилъ онъ — »никогда можетъ быть уголовное дѣло не сопровождалось уликами, болѣе важными, какъ дѣло Лабова въ Судѣ Мезьерскомъ. Умерщвленіе Гжи Бенуа совершено было орудіемъ острымъ, съ ужасною ловкостью. Но Лабовъ мясникъ

по ремеслу; за недѣлю до преступленія, онъ выточилъ ножъ длиною въ девять дюймовъ, который не извѣстно куда дѣвался. Лабовъ съ такимъ искусствомъ билъ скотину: онъ хвастался предъ свидѣтелями, что можетъ рѣзать животныхъ такъ ловко и проворно, что кровь не брызнетъ и ножъ почти не замарается кровью!«

—»Говорятъ теперь о невозможности проникнуть убійцѣ въ домъ Бенуа снаружи. Но въ продолженіе шести мѣсяцовъ думали совершенно противное, полагали достовѣрнымъ, что убійца не могъ находиться внутри дома. Посему присяжные Арденскаго Суда раздѣлились на равное число голосовъ; и Лабовъ сложилъ бы на эшафотѣ свою голову, еслибы седьмой присяжный, который сначала его осуждалъ, не перемѣнилъ своего мнѣнія. Этотъ присяжный былъ семидесяти-лѣтній старикъ, который въ послѣдній разъ исполнялъ сію тяжкую обязанность.«

Берни, Совѣтникъ. Вы не можете входить въ подобныя подробности.

През. Вы не должны открывать того, что могло происходить въ святилищѣ присяжныхъ.

Адвокатъ дошелъ потомъ до трагической сцены въ Версали и старался оправдать своего кліента противорѣчіемъ обвиненій, основываемыхъ то на его безчувственности, то на несвязности его рѣчей, какъ будто бы въ подобномъ положеніи легко сохранить голову и не потеряться.

—»Лабовъ признается, и никто не находитъ того удивительнымъ, что онъ потерялъ голову во время процесса и что, въ слѣдствіе сей растерянности

ума, писалъ безимянныя письма, сдѣлавшіяся для него такъ пагубными. Если вы допускаете подобное смущеніе въ Лабовѣ, то допустите его и въ Бенуа; и потомъ, не противорѣчьте сами себѣ, упрекая его, что онъ въ другихъ обстоятельствахъ не показывалъ смущенія.«

Послѣ сихъ предварительныхъ понятій, Г. Кремье объявилъ, что не будетъ слѣдовать порядку своего противника, который превратилъ естественный ходъ обвиненія. Хронологическій порядокъ требовалъ начать съ преступленія совершеннаго въ Вузье, а не съ Версальскаго, которое случилось позже.

Здѣсь онъ вошелъ въ весьма пространныя объясненія: и разными остроумными соображеніями старался доказать не только слабость подозрѣній, возникшихъ противъ Бенуа, но даже совершенную ихъ неимовѣрность.

Засѣданіе было прекращено.

Іюня 16, Г. Легоррекъ, Генерал-Адвокатъ, Помощникъ Генерал-Прокурора, открылъ послѣднее засѣданіе рѣчью, въ коей опровергнулъ всѣ защищенія обвиняемаго.

Бенуа, въ началѣ засѣданія сохранявшій спокойствіе, къ концу повергся снова въ изнеможеніе. Аудіенція была прервана. Старшій братъ обвиняемаго схватилъ его въ свои объятія, умоляя ободриться.

Г. Кремье снова отвѣтствовалъ на рѣчь Генерал-Адвоката.

Засѣданіе продолжалось до глубокаго вечера. Наконецъ Президентъ изложилъ вкратцѣ содержаніе преній.

Въ одиннадцать часовъ вечера, присяжные объяви-

ли, по всѣмъ пунктамъ, Фридриха Бенуа виновнымъ въ матереубійствѣ и убійствѣ.

Между тѣмъ какъ Судъ разсуждалъ о наказаніи и о назначеніи протирей и убытковъ, требуемыхъ родителями Формажа, обвиненный, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, кричалъ, поражая себя въ грудь:

»Батюшка! я не виноватъ! Господа присяжные! я не виноватъ!«

Четверо солдатъ едва могли вытащить его изъ залы, во время совѣщаній Суда. Въ сосѣдней комнатѣ, онъ продолжалъ кричать:

»О матушка! сойди съ небя и оправдай меня! Она знаетъ, что это не я!«

Судъ, черезъ четверть часа, велѣлъ ввести Бенуа и объявилъ, что онъ осуждается къ казни отцеубійцы, то есть, быть отведеннымъ на эшафотъ въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами и головою, покрытою чернымъ покрываломъ.

(J. d. D.)

VII.

ГЕРЦОГИНЯ БЕРРІЙСКАЯ.

Въ журналахъ Французскихъ повторяется изреченіе дѣвицы де Керсабьекъ, взятой вмѣстѣ съ Герцогинею Беррійскою, что *«еслибы Марія Луиза имѣла въ половину предпріимчивости и твердости противъ матери Генриха V, то Герцогъ Рейхштадскій не умеръ бы въ Шенбруннѣ.*

Въ самомъ дѣлѣ, Герцогиня Беррійская во время странствованія своего по западу Франціи, показала столько отважности и самоотверженія, что нель-

зя не отдать справедливости ея характеру. Исторія ея, не совсѣмъ еще извѣстная, имѣетъ всю прелесть романа.

По достовѣрнымъ извѣстіямъ открыто, что Принцесса, отправившись изъ Массы, послѣ неудачнаго покушенія произвесть возстаніе въ Марсели, вышла на берегъ въ Сіотатѣ, съ Г. де Кергорле, Экс - Перомъ Франціи, и другими спутниками. Отсюда, въ сопровожденіи только трехъ особъ, она успѣла, избѣгая всѣхъ преслѣдованій Полиціи, пробраться, чрезъ крутыя горы Департамента Варскаго, то пѣшкомъ, то верхомъ на мулѣ, до границъ Сардинскихъ, гдѣ таможенные приставы, не зная ее, пропустили безъ всякаго затрудненія.

Вызванная снова во Францію письмами роялистовъ, Герцогиня возвратилась и скрывалась нѣсколько дней въ Верхнемъ Провансѣ, въ домѣ одного дворянина, приверженнаго къ старой династіи. Сей послѣдній, хотя былъ отцомъ многочисленнаго семейства, взялся быть ея проводникомъ по всей Южной Франціи, пока достигши Вандеи, погибъ наконецъ въ пожарѣ Пенисьерскомъ.

Подъ руководствомъ его и еще двухъ усердныхъ приверженцевъ, Герцогиня, переодѣтая молодымъ рыбакомъ Провансальскимъ, прибыла вскорѣ въ Департаментъ Устья Роны, гдѣ отдыхала два или три дня въ одномъ замкѣ близь Арля. Здѣсь подъ предсѣдательствомъ Бурмона держанъ былъ совѣтъ, въ коемъ рѣшено, чтобъ Принцесса отправилась въ Вандею.

Отсюда Герцогиня продолжала свой путь съ большею смѣлостію, въ каретѣ, сопровождаемой двумя всадниками, въ платьѣ своего пола, только подъ

большимъ зеленымъ покрываломъ. Такимъ образомъ она проѣхала Департаментъ Устья Роны, часть Департамента Гардскаго, и остановилась близъ Соммьера, въ окрестностяхъ Монпелье. Это было въ началѣ Мая.

Смѣлость ея безпрестанно увеличивалась. Середи бѣлаго дня проѣхала она чрезъ Монпелье и, оставивъ вправѣ Тулузскую дорогу, снова остановилась въ деревушкѣ Вильнев-ле-Магелонъ, между моремъ и дорогою въ Сетъ. Отсюда она отправилась къ озеру То, переплыла чрезъ него въ рыбачьемъ челнокѣ и вышла на берегъ въ Мезѣ, небольшой пристани Департамента Эро, населяемой одними рыбаками. Здѣсь ожидала ее почтовая коляска, которая домчала ее до Каркассоны. Отдохнувъ не много въ сельскомъ домикѣ, неподалеку отъ города, она продолжала путь свой до Тулузы, гдѣ проведши нѣсколько дней, пустилась далѣе.

Такимъ образомъ, путешествуя, то большими дорогами, то проселками, она проѣхала Гвіенну, Лимузень, Пуату, и должна была достигнуть окрестностей Нанта въ послѣдней половинѣ Мая.

Много романическихъ подробностей разсказываютъ о средствахъ, коими она проникала въ Нантъ. Однажды, переодѣтая крестьянкою, въ сопровожденіи дамы, также переодѣтой, Герцогиня шла въ городъ босая, держа въ рукахъ свои толстые башмаки, которые натерли ей ноги; на мосту встрѣтилась съ ними настоящая крестьянка, которая просила ихъ помочь ей поднять корзину весьма тяжело нагруженную, что и было исполнено обѣими странницами, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія. Въ другой разъ, ее внесли въ городъ въ вязанкѣ сѣна. Разъ

одинъ Нантскій житель узналъ ее въ толпѣ народа, въ платьѣ Сестры Милосердія, и сказалъ ей только: »*вы очень неосторожны!*«

Вѣроятно, тайна пребыванія ея въ окрестностяхъ Нанта, хотя давно уже подозрѣваемая правительствомъ, долго не обнаружилась бы безъ предательства. Она продана была Стефаномъ Гонзагомъ Дейцомъ, Жидомъ, родомъ изъ Кельна, крестившимся въ Римѣ 1826 года. Жидъ сей, племянникъ Верховнаго Раввана, долго былъ агентомъ Герцогини. Его шуринъ, по имени Дракъ, находился при особѣ Герцога Бордосскаго, что и доставило ему средства пріобрѣсть довѣренность Герцогини. По ея порученіямъ, онъ ѣздилъ въ Франкфуртъ, въ Римъ и въ Лиссабонъ къ Дону-Михаилу. Отсюда, съ письмами къ Герцогинѣ, онъ воротился прямо въ Парижъ, гдѣ сторговался, какъ увѣряютъ, за милліонъ, предать свою покровительницу. Въ Нантъ уже посланы были извѣстія о его измѣнѣ. Но Герцогиня не повѣрила имъ. Дейцъ былъ принятъ ею въ домѣ дѣвицы Дюгиньи и, пробывъ у ней нѣсколько минутъ, далъ знать Полиціи, что *она садится за столъ.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 17 дня, 1832 года.

Цензоръ *Н. Лазаревъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1832 N 20

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

СОВРЕМЕННОЕ НАЗНАЧЕНІЕ ФИЛОСОФІИ а).

При нынѣшнемъ состояніи вещей философія должна: или а) отказаться отъ независимости, подчиниться прежнему авторитету, возвратиться къ среднимъ вѣкамъ; или б) продолжать волноваться въ кругу прежнихъ системъ, взаимно другъ друга разрушающихъ; или наконецъ в) отдѣлить все, что въ каждой изъ нихъ есть истиннаго и составить такимъ образомъ философію, которая возвышалась бы надъ

а) Статья сія служитъ предисловіемъ къ *Кузеневу* переводу Исторіи Философіи Теннемана (Manuel de l'Histoire de la Philosophie). Для Русской публики, начинающей заниматься философіей, она можетъ служить образцомъ настоящаго ея состоянія во Франціи, гдѣ *Кузенъ* по справедливости долженъ быть признанъ современнымъ ея представителемъ. *Прим. Пер.*

всѣми системами, всѣ ихъ себѣ подчиняя, которая не была бы какая либо особенная философія, но философія сама по себѣ, въ своей сущности и своемъ единствѣ.

Первое не возможно. Вопервыхъ потому, что философія есть только слѣдствіе, а не причина. Независимость и, такъ сказать, круговращеніе мысли происходятъ отъ общаго духа независимости и круговращенія всѣхъ вещей, наукъ, искусствъ, промышленности. На семъ основаніи задача легко разрѣшается. Новѣйшее просвѣщеніе не можетъ обратиться назадъ, а слѣдственно и философія, его представляющая. Здѣсь-то и оказывается анахронизмъ ѳеократическаго ученія. Ѳеократія есть законная колыбель возникающихъ обществъ; но она не слѣдуетъ за ними въ ихъ развитіи, развитіи необходимомъ, произтекающемъ изъ природы вещей; а какъ природа вещей не можетъ быть отдѣльною отъ намѣреній Промысла, то и слѣдуетъ отсюда, что всякая борьба съ оною есть борьба съ самимъ Провидѣніемъ; и потому намѣреніе остановить просвѣщеніе есть возстаніе противъ самаго Бога,

гдѣ никакой въ мірѣ умъ не въ силахъ одержать побѣду. А вовторыхъ, что̀ служитъ основаніемъ всей полемики ѳеократовъ противъ философіи? Нынѣ всѣмъ оно извѣстно: это паралогизмъ. Они разумомъ нападаютъ на разумѣ и такимъ образомъ употребляютъ тотъ самый авторитетъ, который опровергаютъ и въ безсиліи котораго хотятъ убѣдить. Нѣсколько строгости и послѣдовательности привели ѳеократическое ученіе къ отверженію не какой либо системы философической но къ отверженію духа всѣхъ системъ вообще, т. е. къ отверженію свободнаго мышленія, или, что̀ все равно, самой философіи. Болѣе строгости и послѣдовательности привели бы его къ безусловному скептицизму, или возвратили бы его къ философіи. Безъ сомнѣнія послѣ великихъ движеній, въ послѣднее время столь глубоко и различно волновавшихъ общество, и мышленіе человѣческое, не будучи въ состояніи удовлетворить безпокойной надеждѣ людей, желающихъ посѣять и пожать въ одинъ и тотъ же день, безъ сомнѣнія, говорю, послѣ нихъ возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ и слѣпому авторитету могло прельстить

умы, утомленные соблазнами нововведеній и ложнымъ видомъ строгой послѣдовательности. Отсюда отреченія отъ философіи, порожденныя робостью и отчаяніемъ, которыя ненаблюдательному взору казались признакомъ ея упадка и возвращенія къ прежнему авторитету. Но теперь тайна открыта, миръ и невинность среднихъ вѣковъ извѣстны; доказано, что слѣпая вѣра въ побореніе разума самимъ разумомъ есть не что иное какъ малодушный паралогизмъ; и одна сія истина, будучи обнародована, теперь достаточна, чтобы покровительствовать философіи и удерживать ея отступниковъ.

Съ другой стороны оставить философію въ томъ видѣ, въ какомъ девятнадцатое столѣтіе возпріяло ее отъ вѣковъ минувшихъ, значитъ мыслить весьма неблагоразумно, значитъ согласиться на опроверженіе философіи посредствомъ ея самой, значитъ врагамъ ея и преслѣдующей ее ѳеократіи предоставить самое опасное оружіе: это не значитъ бороться съ духомъ времени, но быть ниже его. Дѣйствительно, качество, насъ отличающее, котораго мы наиболѣе ищемъ и которымъ наибо-

лѣе гордимся, есть всеобъемлемость. Во всѣхъ частяхъ: въ политикѣ, въ искусствахъ, въ литературѣ, мы стремимся къ цѣлому; не допускаемъ себя осѣпляться одною стороною вещей, въ какомъ бы блескѣ она ни являлась, но хотимъ обозрѣть ихъ послѣдовательно, чтобы составить вѣрную и совершенную идею о предметѣ, нами разсматриваемомъ. Это хорошо: но худо то, что у насъ недостаетъ энтузіазма и большой оргинальности; говорю большой, ибо мелочною мы изобилуемъ. Въ такомъ общемъ расположеніи умовъ, какую перелесть могутъ имѣть обветшалыя системы, порожденныя новѣйшею философіей при ея возникновеніи и которыя въ продолженіе двухъ столѣтій были сто разъ ею возпроизводимы, не будучи ни одна въ состояніи удержаться? Очевидно, что всѣ системы, завѣщанныя намъ семнадцатымъ и осьмнадцатымъ вѣками, несовершенно ложны, ибо могли существовать, и несовершенно истинны, ибо разрушились при разсвѣтѣ абсолютной истины, которая, еслибы появилась во всемъ блескѣ, то покорила бы всѣ умы. Ни одна изъ нихъ не ускользнула отъ строгой критики. Нѣтъ ни одной, которая не была бы насквозь

проникнута, изобличена и убѣждена въ нестерпимыхъ ошибкахъ. Пусть явится теперь одно изъ началъ, кои въ свое время увлекали столько умовъ; нѣтъ никого, чтобы тотчасъ не представилъ ему цѣпи постепенно имъ произведенныхъ послѣдствій, его изобличившихъ. Намѣрены ли вы изъяснить способности умственныя посредствомъ столь прославленаго ученія чувствованій, которое еще въ недавнее время съ непреоборимою прелестью увлекало всѣхъ перомъ Локка и Кондильяка? Въ наше время безъ великой мудрости и діалектики, съ небольшою начитанностію, всякой усмотритъ возлѣ обольстительнаго начала его ужасныя послѣдствія, возлѣ Локка — Мандевиля и Коллина, возлѣ Кондильяка — Гольбаха и Ламетри и всѣ ужасныя сатурналіи матеріялизма и атеизма. Хотите ли вы всѣ знанія человѣческія вывести изъ однихъ свойствъ духа, мышленія и его законовъ, что̀ казалось бы довольно естественнымъ? Этотъ благородный спиритуализмъ помрачается выспренними, химерическими отвлеченностями, къ коимъ онъ, будучи столь благоразуменъ въ своемъ началѣ, привелъ не одно знаменитое ученіе. Хотите ли вы

сомнѣваться? Ужасы скептицизма передъ вами. Желаете ли сосредоточиться во внутреннее чувство? Но кто жъ вамъ заранѣе не укажетъ наклонность, которая увлечетъ васъ къ мистицизму? Такимъ образомъ ни въ началахъ, ни въ послѣдствіяхъ нѣтъ ничего не предвидѣннаго, слѣдственно ничего, что̀ бы могло ввести въ заблужденіе; ибо — въ этомъ не должно ошибаться — умъ, равно какъ и воображеніе гоняется, только за неизвѣстнымъ и безконечнымъ. А въ нынѣшнее время какая система имѣетъ сію прелесть? Достоинство человѣческаго разумѣнія не увлекается ничѣмъ, кромѣ истины, не говорю абсолютный, но по крайней мѣрѣ считаемой за таковую; и въ наше время нѣтъ ни одного хорошо организованнаго ума, который бы не зналъ, что системы, порожденныя новѣйшей философіею, по строжайшему анализу, суть только системы частныя, которыя могутъ содержать болѣе или менѣе истиннаго, но которыя смѣшно было бы принимать за самыя истины.

Итакъ намъ остается избрать третье. А исключивъ фанатизмъ къ какой либо особенной системѣ, фанатизмъ, порождаемый наклонностью къ энтузіазму и одностороннимъ воззрѣніемъ на вещи, который поч-

ти и невозможенъ относительно нашихъ качествъ и относительно нашихъ пороковъ, я не вижу для философіи, если она не хочетъ подвергнуться игу ѳеократіи, инаго способа, кромѣ правдивости, умѣренности, безпристрастія и мудрости. Признаюсь, способъ отчаянный, но я не нахожу другаго. Странно покажется, чтобъ одинъ только здравый смыслъ имѣлъ вліяніе на воображеніе людей. Но всѣ другія средства уже обветшали. Всѣ фанатическія роли въ философіи, всѣ роли несправедливости и безумія, словомъ всѣ роли, подчиненныя, похищены у девятнадцатаго столѣтія вѣками предыдущими, и оно какъ бы приговорено къ новой роли, съ перваго взгляда болѣе скромной, но въ самомъ дѣлѣ лучшей и величайшей; эта роль — быть справедливымъ ко всѣмъ системамъ, не увлекаясь ни которою; изучать всѣ, и вмѣсто того, чтобы слѣдовать за какой либо изъ нихъ, всѣ соединить подъ свои знамена, и вести ихъ такимъ образомъ къ изысканію и покоренію истины. Это направленіе — не отвергать ни одной системы и ни одной совершенно не слѣдовать, оставлять одно, принимать другое, во всемъ избирать толь-

ко то, что̀ истинно и изящно, а слѣдственно и долговѣчно: однимъ словомъ это — эклектизмъ!

Эклектизмъ! Знаю, что одно сіе названіе изключаетъ всякое частное ученіе. Но можно ли удивляться, если мнѣніе, которое кажется нѣсколько новымъ, встрѣчаетъ живое сопротивленіе? Особливо такое мнѣніе, какъ эклектизмъ. Предложите партіямъ пожертвовать своими тиранническими требованіями общему служенію отечества. А всѣ изключительныя ученія въ философіи суть то же, что̀ въ государствѣ партіи. Эклектизмъ имѣетъ цѣлію противупоставить ихъ бурному и безпорядочному дѣйствію твердое и умѣренное направленіе, которое употребляетъ всѣ силы, не изключая ни одной, но которое ни одной изъ нихъ не жертвуетъ общею пользою. Предположите, что между сими мнѣніями, стремящимися къ безусловному преобладанію, есть одно, которое болѣе полу-вѣка имѣетъ общій и неоспоримый авторитетъ, привыкло получать почести и быть почитаемымъ, какъ бы нѣкая религія. Дерзните оспоривать владычество сего всеобщаго идола, предложите ему сойти съ своего престола, показаться

въ толпу, посреди оной заставить почитать права свои, быть просто мнѣніемъ, какъ и всѣ другія, какъ всѣ другія заключать въ себѣ истинное и ложное, принимаемое одними, отвергаемое другими, словомъ сказать: предложите ему точнѣйшее изслѣдованіе — и вы увидите, что разразится ужасная буря. По сему и я ожидалъ жаркой полемики; но надѣялся, что она будетъ основательною. Вмѣсто возраженій встрѣтилъ восклицанія и обвиненія. Дѣйствительно мнѣ казалось, что ученіе сенсуалистовъ сильнѣе. Но, еслибъ то было въ моей власти, то отнюдь не ослаблая, я напротивъ усилилъ бы его, далъ бы ему представителя благоразумнаго и достойнаго; ибо оно содержитъ высокія истины, и я въ самомъ дѣлѣ почитаю несчастіемъ жалкое состояніе, до котораго оно дошло у насъ. Искренно сожалѣю, что Г. де Траси, обезоруженный лѣтами, не можетъ вступить въ состязаніе съ новѣйшею философіею. Такой противникъ не сталъ бы искать оружія въ арсеналѣ Іезуитовъ: онъ нашелъ бы его въ глубокомъ изученіи философіи, въ анализѣ и строгой логикѣ, коей онъ показалъ столько примѣровъ; и тогда могла бы произойти закон-

ная и ученая полемика. Мы первые станемъ требовать ея, ревнуя общей пользѣ науки. Между тѣмъ ни я, ни друзья мои не такъ слабы, чтобы остановиться при видѣ препятствій, около насъ посѣваемыхъ. Мы не для того вступили на поприще, чтобы собирать легкомысленныя похвалы, но чтобы дѣйствовать въ пользу философіи. Что̀ касается до меня, то изучивъ болѣе, нежели одно ученіе, дабы дать себѣ отчетъ въ прелестяхъ каждаго изъ нихъ и въ достоинствѣ, которое совершенно различныя системы, какъ на примѣръ Кондильяка и Рейда, имѣютъ въ глазахъ лучшихъ мыслителей и знаменитѣйшихъ писателей, Ларомигьера и Ройе-Колара, коихъ наставленіями самъ я пользовался: давно увидѣлъ я, что авторитетъ сихъ различныхъ системъ происходилъ отъ того, что всѣ онѣ имѣютъ нѣчто истинное и хорошее; я подозрѣвалъ, что онѣ въ самомъ дѣлѣ не столь противуположны другъ другу, какъ кажутся; увѣрился, что всѣ онѣ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, могутъ другъ съ другомъ сблизиться, и предложилъ имъ мирный договоръ на основаніи ихъ взаимныхъ соотношеній. И тогда я произнесъ слово: эклек-

тизмъ. Ежели оно не нравится, то я добровольно отъ него отказываюсь, лишь бы только мнѣ оставили самое дѣло. Одно сіе слово, само по себѣ точное, уже употребленное тѣми, которые въ продолженіе вѣковъ имѣли почти одинаковую идею, вообще принятое въ языкѣ Философической Исторіи кажется мнѣ такъ прекраснымъ, какъ только можетъ быть названіе, и я не вижу никакой причины его отвергать. Вразсужденіи же самаго предпріятія, размышленіе и ученіе болѣе и болѣе меня къ нему привлекаютъ. Самый видъ фанатизма, къ которому можетъ привести какое либо изключительное ученіе, болѣе и болѣе заставляетъ меня слѣдовать умѣренности и благоразумію; и потому мое искреннее желаніе и, смѣю сказать, надежда состоитъ въ томъ, чтобы во Франціи эклектизмъ девятнадцатаго столѣтія руководствовалъ философію.

съ Франц. Н. Огаревъ.

II.

МІРОЗДАНІЕ

по монгольскимъ понятіямъ а).

— „Сначала былъ хаосъ.“ — Смѣлѣе!
Ну, что-жъ? Сначала былъ хаосъ. —
„Тамъ въ немъ движенье родилось.“...
— Да это что за ахинея?
Однако-жъ дальше, продолжай! —
— „И то начальное движенье
Произошло отъ духовенья.“...
— Ты не хлебнулъ-ли черезъ край?

Такъ разговаривалъ я не очень давно съ однимъ Забайкалскимъ Ламою, моимъ хорошимъ пріятелемъ. Человѣкъ онъ кажется дѣльный и начитанный.

А какъ забывчивъ, думалъ я,
И что-же вышло на повѣрку? —
Что намъ другихъ судить нельзя
На нашу собственную мѣрку...

Онъ очень хорошо помнилъ наизусть свое Шагя-Муніанское писаніе. Теперь, ког-

---

а) Отрывокъ изъ *Расказовъ Сибляка*, въ коихъ шутливымъ, юмористическимъ тономъ излагаются религіозныя понятія Монголовъ или ученіе Шагя-Муни. *Расказы* сіи приготовлены къ печати, и скоро выдутъ въ свѣтъ. *Изд.*

да я навелъ справку объ этомъ предметѣ въ моей драгоцѣнной тетрадкѣ: я увидѣлъ, что и въ ней, ни дать, ни взять, то-же самое; и такъ я продолжаю за него.

Отъ движенія дуновенья составилось облако; изъ облака родились воды;

Потомъ изъ водъ — земля и камень;
Потомъ отъ тренья сихъ началъ
Во тьмѣ хаоса просіялъ
Неугасимый, яркій пламень.

Наконецъ, то ли изъ грубаго вещества, то ли изъ пѣны, какъ говорятъ иные, составилась величайшая гора Сюммэръ. Она видна только до половины, но и этого довольно съ насъ грѣшныхъ. Вообразите себѣ, что отъ поверхности воды до вершины этой горы, Монголы считаютъ ровно 640,000 верстъ. . . . . Дистанція огромнаго размѣра, сказалъ бы почтенный Скалозубъ, еслибы ему удалось насъ подслушать. Другая половина Сюммэра находится въ водѣ и лежитъ своимъ основаніемъ на необъятной златоцвѣтной черепахѣ.

Въ то же время около Сюммэра образовались четыре великихъ міра: одинъ на сѣверъ, другой на югъ, третій на западъ, и четвертый, разумѣется, на востокъ. . . . .

— „Скажите же мнѣ, господинъ разскащикъ, который изъ нихъ наша земля, какъ ее зовутъ по Монгольски, и въ которой она сторонѣ? Да только пожалуйста покороче!“ —

Ахъ! прелестная Катинька,

Какъ въ васъ порывисты желанья!
Какъ о землѣ сказать вамъ вдругъ,
Что Самбу-Тибъ ея названье
И что лежитъ она на Югъ?

Согласитесь, что это довольно трудно; но передъ вами уничтожаются всѣ препятствія... Вамъ стоитъ захотѣть.... попросить.....

Нѣтъ! вы приказывайте смѣло!
И вотъ, для пробы хоть одной,
Скажите мнѣ: „будь мужъ ты мой!“
И тотчасъ будетъ въ шляпѣ дѣло.

Однакожъ, послѣ такой волшебной силы вашихъ словъ, мнѣ какъ-то невольно хочется

Поразпросить васъ кой о чемъ.....
Пусть мы, на этой грязной глыбѣ,
За грѣшныя дѣла живемъ:
Но вы зачѣмъ на Самбу-Тибѣ?
Для васъ бы могъ Шагя-Муни
Отвесть на Сюммарѣ квартиру,

Гдѣ бы, блистая, ваши дни
Текли, какъ звѣзды, по эѳиру;
Васъ осѣнялъ бы вѣчный свѣтъ,
Вы бъ наслажденьями дышали,
И только ими, числа лѣтъ
Въ прелестной думѣ повѣряли.
Порой, быть можетъ, съ той горы
Взглянувъ на грѣшниковъ съ участьемъ;
Вы бъ насъ знакомили со счастьемъ. . . . .
А! . . . понимаю! . . . вы добры:
Вамъ стало жалко насъ страдальцовъ,
О нашемъ благѣ вы пеклись,
И изъ далека принеслись
Земныхъ утѣшить постояльцовъ.

Но вы можетъ быть, спросите меня о фигурѣ нашего Самбу-Тиба; или вы можетъ быть скажете: „Да это ужъ извѣстно, что онъ шарообразенъ, что онъ сжатъ у полюсовъ и возвышенъ подъ экваторомъ.“ — Заблужденіе, прелестная Катинька! . . . весь нашъ ученый міръ въ страшномъ заблужденіи. . . . Какіе тутъ полюсы? и что такой за экваторъ? . . . Земля наша есть просто тріугольникъ. . . . вы не вѣрите? Такъ загляните же въ любую миѳологическую Монгольскую книгу, и вы увидите, что это самая неприкосновенная истина. . . . .

Я думаю, когда Шагя-Муни
Открылъ, что міръ нашъ треуголенъ,
Навѣрно сряду онъ три дни
Собой ужасно былъ доволенъ.
Да, разсудя по моему,
Съ нимъ не могло и быть иначе:
Онъ слѣпо ввѣрился уму —
Такъ стало вѣровалъ удачѣ.

Но въ сторону сомнѣнія: это статья уже рѣшеная. Всѣмъ извѣстно, что по срединѣ вселенной находится высочайшая гора Сюммэръ; что на югѣ отъ ней лежитъ нашъ треугольный Самбу-Тибъ; на востокѣ круглый Улюмджи-Біишу-Тибъ, то есть земля прекрасныхъ лицъ.

Ужь вы, мой ангелъ, на Самбу
Не гостья ли съ Біиша-Тиба,
Тогда, благодаря судьбу,
Я бъ ей сказалъ за васъ спасибо.....
Вотъ хорошо!.... я и забылъ,
Что люди тамъ аршиновъ въ восемь;
Ай, да Шагя! покорно просимъ,
Какъ онъ ихъ ростомъ наградилъ!....

На западъ отъ Сюммэра, третій міръ, имѣющій видъ полумѣсяца, называется: Укэръ-Эддекчи-Тибъ, то есть земля, привольная для рогатаго скота.

Что если, Господи прости!
Шагя придумалъ, для примѣра,

На тучныхъ пастбищахъ Экара
Всѣ лбы рогатые пасти?
Тогда, по смерти, безъ сомнѣнья,
Какъ многихъ не увижу я
Изъ васъ, знакомцы и друзья,
Коль самъ умру безъ украшенья.

Квадратный Моду́ту-Тибъ, есть четвертый міръ, находящійся на Сѣверѣ. Здѣсь, и по сію пору тридцати двухъ аршинные великаны живутъ по десяти столѣтій. Вотъ жизнь — такъ жизнь!

Наконецъ я вамъ долженъ сказать, что у каждаго изъ этихъ четырехъ главныхъ Тибовъ, есть по два маленькихъ спутника; стало быть вся система состоитъ изъ двенадцати разнокалиберныхъ міровъ..... Люблю за это: и уютно, и покойно!.... Однакожъ, вѣрно Шагя-Муни думалъ и о потомствѣ: онъ разлилъ вокругъ Сюммэра четыре океана: къ сѣверу желтый, къ югу синій, къ востоку бѣлый и къ западу красный. Такимъ образомъ,

Создавши новую природу,
Чтобъ избѣжать провѣрки словъ,
Онъ всѣ концы своихъ міровъ
Благополучно спряталъ въ воду.

Окружность вселенной простирается до 30,000,000 верстъ, разумѣется, выклю-

чая солнце, луну и звѣзды, которыя сотворены послѣ и то по особенному случаю; я вамъ разскажу объ немъ въ другое время, а теперь поговоримте о Сюммэрѣ.

На нижней полосѣ этой горы живутъ злые духи. Они ..... но вамъ страшно, Катинька? — подымемся на середину..... Видите ли вы Ассурй?.. Это существа, среднія между человѣкомъ и демономъ: то есть они сбиваютъ и на того, и на другаго..... Однакожъ, посмотрите.... проклятыя начинаютъ волочиться за вами — полетимте пожалуста на верхъ.... Какъ тутъ все хорошо! Какое разнообразіе въ великолѣпіи и красотахъ! Какія необъятныя, блистательныя картины!.... Мнѣ чрезвычайно пріятно, что все это такъ занимаетъ васъ....

Прекрасное во всемъ любя,
Вы рады каждой здѣсь бездѣлкѣ:
Вы здѣсь какъ дома у себя, —
А я такъ не въ своей тарелкѣ;
Въ странѣ невыразимыхъ благъ,
Вездѣ вамъ ровная дорога;
Я спотыкаюсь каждый шагъ —
Мнѣ какъ-то совѣстно немного....

Въ этакомъ случаѣ всего лучше смотрѣть вверхъ: будто чему-то удивляемся.... а чему тутъ удивляться?

Есть ли у васъ, мой прелестный ангелъ, какая нибудь любимая звѣздочка?.. вѣрно есть!... это и въ модѣ, и къ тому-же, не знаю отъ чего, всегда, какъ только увидишь ее, на сердцѣ дѣлается такъ тепло, тако весело!... Намъ надобно еще взглянуть на самую вершину Сюммэра, и потому потрудитесь вообразить, что вы отыскиваете свѣтлую свою любимицу...

Закиньте вверхъ свою головку....
Какъ вы въ пріемахъ хороши!
Но мнѣ васъ жалко отъ души:
Вамъ эшакъ, можетъ быть, не ловко?
— „Нѣтъ, ничего" — Я очень радъ!
Взгляните-же, какъ *онъ* параденъ;
Ну, что? каковъ собой на взглядъ?
— „Изряденъ." — Только что изряденъ?

Странно!.... Такъ вамъ не понравился Шагя-Муни?... Боже мой! вѣдь я и позабылъ, что онъ передъ смертью постился пятьдесятъ два года: до красоты-ли тутъ?...

Да! не ворошится она,
Хоть *онъ* и сѣлъ на пышномъ тронѣ;
За то, какъ будто на ладонѣ
Ему вселенная видна:
Оттуда судитъ *онъ* и рядитъ
Своихъ Монголовъ и Бурятъ,

И около себя сподрядъ
За выслугу и службу садитъ.

— „По этому у него можно выслуживаться?“ —

По этому можно; только я никакъ не могу говорить обо всемъ въ одно и то-же время.... Сперва узнайте понятія Монгольцовъ о минувшемъ и будущемъ, относительно природы.

Если міры когда-то составились, говорятъ Шагя-Муніанскіе мудрецы, то они непремѣнно должны когда нибудь и разрушиться. Все, что имѣетъ начало, имѣетъ и конецъ.... Дѣло!... Но этотъ неизбѣжный, бѣдственный случай, разсказанъ у нихъ еще замысловатѣе, нежели процессъ созданія.

Вотъ какъ случится это чудо:
Не вѣдомо когда, откуда,
Зачѣмъ, и почему, и какъ,
Вдругъ солнце, (сверху безъ сомнѣнья),
Какъ злобный демонъ разрушенья,
На всѣ міры съ размаха — брякъ.
— „Они и разлетятся стало?“ —
Нѣтъ, одного толчка имъ мало,
Имъ такъ достанется, что страхъ,
За то что крѣпки на ногахъ.

Послѣ этого перваго солнца упадетъ другое побольше, тамъ третье еще больше, наконецъ седьмое доконаетъ вселенную.

Другіе разсказываютъ объ этомъ произшествіи совершенно иначе.

Они, въ острастку для народа,
Безъ умолку твердятъ ему,
Что онъ по сердцу и уму
Все будетъ хуже годъ отъ года;
Что ждетъ его конецъ одинъ;
Что онъ и ростомъ меньше станетъ,
И хорошо, когда дотянетъ,
Чтобъ быть ему хотя съ аршинъ.
А жизнь? — умора да и только!
Какъ десять лѣтъ?... вѣдь курамъ смѣхъ!
Хоть-бы прибавили для всѣхъ
Еще-бы столько, да полстолько;
И что потомъ, какъ родъ людской
Дойдетъ совсѣмъ до развращенья,
Тогда, предтечей разрушенья,
Прольется голодъ надъ землей.
Семь лѣтъ продлится истязанье,
Потомъ въ послѣдніе семь дней,
Слетятъ на землю семь мечей, —
И все живущее созданье,
И весь людской грѣховной родъ,
Подъ этой казнію умрётъ.

На каждомъ изъ опустошенныхъ міровъ останется только по одному добродѣтельному семейству. По окончаніи кутерьмы они выйдутъ на бѣлый свѣтъ, и станутъ себѣ жить, да поживать. Лѣта ихъ жизни будутъ постепенно увели-

чиваться, потомъ опять уменьшаться. и наконецъ снова та-же исторія. Весь этотъ промежутокъ отъ одного разрушенія до другаго называется Гал-Абъ; 56 Гал-Абовъ составитъ Гал-Абъ-Эргихў, то есть всеобщее разрушеніе самыхъ міровъ.

На ряду съ подобными гипотезами, вы встрѣтите у нихъ понятія о безначальности и безконечности; но этаго еще мало. Въ слѣдующемъ предположеніи они развиваютъ идею, что въ пространствѣ не можетъ быть пустоты. Какъ созданіе существующихъ нынѣ міровъ было не первое, то и разрушеніе ихъ будетъ не послѣднее: въ цѣлой безконечности одно станетъ замѣняться другимъ. Затѣйливо сказано, но впрочемъ

Я эту мысль не принимаю,
Она нелѣпая мечта,
И я, по опыту я знаю,
Что есть въ пространствѣ пустота.
Въ немъ важно мѣсто занимая
Торчитъ иная голова,
И умной кажется сперва,
А вѣдь какая ужь пустая!
Во всемъ собаку съѣлъ иной,
А смотришь — сохнетъ и худѣетъ,
За тѣмъ, что съ полной головой,
Пустой желудокъ онъ имѣетъ;

Иной вездѣ нашелъ обманъ,
Не удается все иному,
И онъ хлопочетъ по пустому,
Затѣмъ что пустъ его карманъ....
Да! странно племя все людское!
Нашъ путъ житейскій страхъ смѣшонъ!
Какъ ни смотри: со всѣхъ сторонъ
Льютъ изъ порожняго въ пустое.

Станемте продолжать. Послѣ великой мысли о возобновленіи міровъ.... Какъ вы думаете, что̀ вы найдете послѣ этой мысли?.... Что вмѣстѣ съ мірами будутъ перемѣняться и боги.... О Шагя-Мѹни! Шагя-Мѹни!

Твоя система управленья
Въ накладъ товарищамъ твоимъ,
И послѣ свѣтопреставленья
Гдѣ дашь ты мѣсто отставнымъ?

Но это ужъ его дѣло... а мнѣ остается только сказать вамъ, что въ слѣдствіе такого порядка вещей и самые верховные существа, судя по времени, имѣютъ особенныя названія. Такимъ образомъ всѣ боги, которые управляли мірами, существовавшими прежде, называются: О-Ме-То-Фо; то, которое управляетъ нынѣшними — есть: Ши-Кеа-Фо; а всѣ тѣ божества, которые будутъ владычествовать надъ но-

выми вселенными, называются теперь Ме-Ли-Фо.

Въ настоящее время Шагя-Муни, какъ Ши-Кеа-Фо нашей вселенной, сосредоточивъ въ себѣ всю возможность власти общаго управленія надъ существующими теперь мірами, пріятельски подѣлился съ другими Бурханами, относительно частей. Такъ на примѣръ Бурхану Мандари и будущему преемнику его Мандзошири, онъ препоручилъ наблюдать, чтобы все въ мірѣ шло своимъ порядкомъ; Бурханъ Хурмуста долженъ хлопотать о благѣ всѣхъ тварей; грѣшники сдаются на руки Эрлык-Номун-Хану; Очирбани завѣдываетъ бурями, метелями, ураганами и т. д.

У Бурхановъ, которые начальствуютъ надъ водою во всѣхъ возможныхъ ея измѣненіяхъ, состоятъ въ распоряженіи ужасные драконы. Отъ нечего дѣлать водяные цари позволяютъ имъ гулять по поднебесью: тутъ-то пиръ горой!... Эти чудовища летаютъ такъ быстро, что слѣдомъ за ними вспыхиваетъ огонь, а намъ кажется, что это зарница или молнія;

Когда-же разыгравшись часомъ,
Въ потьмахъ, въ разгульи дождевомъ,

Они *ау* затянутъ басомъ —
Мы думаемъ, что это громъ.

Дно океана есть зимнія квартиры этихъ чудовищъ. Благополучно царствующіе нынѣ Богдо-Ханы Манжуйской, Данчинской (т. е. воинственной) династіи, признали изображенія ихъ своимъ гербомъ.

Адъ....

В. Соколовскій.

II.

ПЕРЕПРАВА ЧРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.

(окончаніе)

— „Моя бѣдная племянница сошла съ ума": примолвилъ медикъ послѣ минутнаго молчанія.

— „Ахъ! сударь!" продолжалъ онъ, схвативъ руку Г. д' Альбона: „какую жизнь вела эта женщина, такъ молодая, такъ чувствительная! Въ Вильнѣ, неслыханнымъ несчастіемъ, она была разлучена съ великодушнымъ гренадиромъ гвардіи, котораго звали Флеріо. Тогда она въ продолженіе двухъ лѣтъ, принуждена была оставаться при арміи, забавою и игрушкою негодяевъ. Мнѣ сказывали, что она,

скитаясь босая, оборванная, оставалась цѣлые мѣсяцы безъ всякаго призора, безъ пищи; то держали ее въ госпиталяхъ, то гоняли, какъ безмысленное животное! Богу одному извѣстна жизнь несчастной. Она пережила столько бѣдствій!.. Наконецъ ее заперли въ сумасшедшій домъ, въ одномъ маленькомъ Нѣмецкомъ городкѣ, между тѣмъ какъ родственники ея здѣсь раздѣлили все ея имѣніе, считая ее мертвою.

— „Въ 1816 году, гренадиръ Флеріо узналъ ее въ одномъ Страсбургскомъ трактатѣ, куда она пришла, бѣжавъ изъ своего заточенія. Нѣкоторые поселяне увѣряли Флеріо, что Графиня цѣлый мѣсяцъ жила въ лѣсу и что они гонялись за ней, чтобъ поймать ее, но безуспѣшно.

— „Я былъ тогда въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Страсбурга. Услыхавъ о дикой женщинѣ, захотѣлъ я лично удостовѣриться въ нелѣпыхъ басняхъ, которыя объ ней ходили. Что̀ сталось со мной, когда я узналъ Графиню?.. Флеріо расказалъ мнѣ все, что̀ зналъ изъ ея плачевной исторіи. Я увезъ его съ племянницей своей въ Овернь. По несчастію, скоро лишился я этого добраго человѣка. Онъ имѣлъ нѣкоторую власть надъ Гжею де Вандьеръ. Одинъ онъ

могъ принудить ее одѣваться. . . — „*Прощай!*“ это слово, которое составляетъ весь ея языкъ, прежде произносила она рѣдко; Флеріо хотѣлъ пробудить въ ней нѣкоторыя идеи посредствомъ этихъ двухъ слоговъ: но старанія его были безуспѣшны; онъ только пріучилъ ее чаще выговаривать это печальное слово. Гренадиръ умѣлъ играть съ ней; онъ умѣлъ . . . я надѣялся при помощи его . . . но.“ . .

Г. Фанжа, такъ назывался дядя Юліи, умолкъ на минуту.

— „Здѣсь“ — продолжалъ онъ — „нашла она другое существо, съ которымъ, кажется, сдружилась. Это дурочка крестьянка, которая, не смотря на свое безобразіе и глупость, полюбила одного каменьщика. Каменьщикъ хотѣлъ на ней жениться, потому что у ней было нѣсколько участковъ земли. Бѣдная Женевьева, въ продолженіе цѣлаго года, была счастливѣйшимъ созданіемъ въ свѣтѣ. Она танцовала по воскресеньямъ съ Дальо, наряжалась, понимала любовь; въ ея сердцѣ и смыслѣ нашлось мѣстечко для чувства. Но Дальо поразмыслилъ; нашелъ другую молодую дѣвушку, у которой земли было двумя участками больше, чѣмъ у Женевьевы,

и которая была не дура. Тогда бросилъ онъ Женевьеву; и бѣдное твореніе потеряло послѣднюю искру смысла, которую любовь въ ней раздула; она теперь негодится ни на что, кромѣ пасти корову и рвать траву. Эти двѣ несчастныя какъ будто соединены невидимою цѣпью ихъ общей судьбы, чувствомъ, которое было причиною ихъ сумасшествія! . .

— „Посмотрите, посмотрите!“ . . сказалъ Г. Фанжа, подводя Г. д' Альбона къ окну.

Въ самомъ дѣлѣ, Судья увидѣлъ прекрасную Графиню, сидѣвшую на землѣ, въ ногахъ у Женевьевы. Крестьянка, вооруженная большимъ костянымъ гребнемъ, съ глубокимъ вниманіемъ разчесывала длинные черные волосы Юліи. Сія послѣдняя позволяла ей это охотно. Она испускала слабые крики, которые болѣе означали удовольствіе, чѣмъ отвращеніе.

Г. д'Альбонъ содрогнулся, замѣтивъ безпечность, рѣшительно скотскую, въ положеніи Графини, изобличавшемъ совершенное отсутствіе души.

„Филиппъ! Филиппъ!“ вскричалъ онъ. „Прошедшія несчастія твои ничто!“

„Итакъ нѣтъ никакой надежды?“ спросилъ онъ у Г. Фанжа.

Старый врачь поднялъ глаза къ небу.

„Прощайте, сударь!“ сказалъ Г. д' Альбонъ, сжавъ руку старика. „Другъ мой ждетъ меня: вы скоро его увидите!“..

— „Такъ это она?“.. вскричалъ Г. де Сюси, выслушавъ первыя слова Маркиза. „О! я еще сомнѣвался!“..

И нѣсколько слезъ выкатилось изъ его черныхъ глазъ, коихъ выраженіе обыкновено было такъ сурово.

„Да! это Графиня де Вандьерь!“.. отвѣчалъ Судья.

Полковникъ вскочилъ и бросился одѣваться.

„Что̀ съ тобою, Филиппъ?“.. сказалъ изумленный Маркизъ. „Не съ ума ли ты сошелъ!“.

— „Но — я уже больше не страдаю!“.. отвѣчалъ Полковникъ. „Эта новость утишила всѣ мои скорби... И... какую новую грусть могу я чувствовать въ присутствіи Юліи.. сумасшедшей?.. иду туда... видѣть ее, говорить съ ней, вылѣчить ее... Она теперь свободна... Счастіе вѣрно улыбнется намъ, или... Но ты думаешь, что эта

несчастная можетъ слышать меня и не образумишься !“ . .

„Она уже видѣла тебя и не узнала“ . . . отвѣчалъ кротко Судья, который, замѣчая изступленную надежду въ своемъ другѣ и сомнѣваясь въ успѣхѣ, старался внушить ему спасительныя сомнѣнія.

Полковникъ задрожалъ: но потомъ улыбнулся, сдѣлавъ легкое движеніе недовѣрчивости.

Никто не смѣлъ противиться намѣренію Г. де Сюси. Въ нѣсколько часовъ, онъ уже расположился въ старомъ пріорствѣ, подлѣ медика, подъ одною кровлею съ Графинею де Вандьеръ.

— „Гдѣжь она ?“ . . вскричалъ онъ, пріѣхавъ.

„Тс !“ отвѣчалъ ему дядя Юліи. „Она спитъ. Смотрите, вотъ она !“

Слѣдуя за Г. Фанжа, Полковникъ увидѣлъ несчастную сумасшедшую, лежавшую ничь на скамейкѣ, противъ солнца. Голова ея прикрывалась отъ зноя, густымъ лѣсомъ волосъ, разбросанныхъ по лицу; руки прелестно висѣли до земли; тѣло распростерто въ прекрасномъ положеніи отдыхающей серны; ноги подогнуты безъ всякаго принужденія; грудь колыха-

лась правильными, равномѣрными движеніями; цвѣтъ кожи ея блисталъ фарфоровою, прозрачною бѣлизною, которой мы такъ любуемся въ младенцахъ.

Неподвижно подлѣ ней Женевьева стояла, съ тополевой вѣткой въ рукѣ, которую Юлія безъ сомнѣнія сломила на самой верхушкѣ дерева, и махала ею тихонько надъ своею спящею подругою, чтобъ отгонять мухъ и освѣжать воздухъ. Дурочка взглянула на Г. Фанжа и Полковника; потомъ, какъ животное, знающее своего господина, медленно оборотила голову къ Юліи и продолжала надзирать за ея сномъ, не показавъ ни малѣйшаго признака удивленія или смысла.

Атмосфера дышала палящимъ зноемъ. Каменная скамья, казалось, сверкала яркими блестками; и лугъ возносилъ къ небесамъ дымчатые пары, кои, подобно волшебнымъ тѣнямъ, кружились и блестѣли надъ травою, какъ золотая пыль; но Женевьева, по видимому, не чувствовала зноя.

Полковникъ сжалъ сильно обѣ руки Г. Фанжа. Слезы, брызнувшія изъ глазъ воина, покатились вдоль суровыхъ щекъ его и оросили траву у ногъ Юліи.

„Государь мой!“ сказалъ дядя: „вотъ уже два года, какъ сердце мое разрывается ежедневно... Вскорѣ и съ вами будетъ тоже... Вы не станете плакать: но ваша скорбь будетъ гораздо глубже.“..

— „Вы ходили за ней!“.. сказалъ Полковникъ, глаза коего выражали сколько благодарности, столько и ревности.

Они оба поняли другъ друга; и, снова пожавъ крѣпко другъ другу руку, остались недвижимы, разсматривая удивительное спокойствіе, проливаемое солнцемъ на сіе прелестное созданіе. Время отъ времени, Юлія испускала вздохи; и каждый изъ нихъ, имѣя всѣ признаки чувствительности, заставлялъ трепетать отъ радости несчастнаго Полковника.

„Увы!“.. сказалъ ему кротко Г. Фанжа. „Не обманывайтесь, сударь! Вы теперь видите ее во всемъ ея разумѣ!“..

Тѣ, кои проводили цѣлые часы, наслаждаясь созерцаніемъ сна нѣжно любимой особы, коей взоры должны улыбнуться имъ при пробужденіи, поймутъ сладкое и вмѣстѣ ужасное чувство, волновавшее душу Филиппа: ибо для него этотъ сонъ былъ обольщеніе, а пробужденіе должен-

ствовало быть смертью, ужаснѣйшею всѣхъ смертей!

Вдругъ молодая коза въ три прыжка подскочила къ Юліи и начала ее обнюхивать. Этотъ шумъ пробудилъ ее. Она быстро вскочила на ноги, не причинивъ нималѣйшаго испуга прихотливому животному: но, когда примѣтила Филиппа, бросилась прочь, сопровождаемая своею четвероногою подругою, и отбѣжала къ шпалернику, изъ бузинныхъ кустовъ. Потомъ, испустила легкій крикъ, подобный писку испуганной птицы, который Полковникъ слышалъ уже у рѣшетки, гдѣ Графиня въ первый разъ явилась Г. д'Альбону. Наконецъ, вскарабкавшись на ракитовое дерево и усѣвшись въ его зеленыхъ вѣтвяхъ, начала смотрѣть на новое лице, со всѣмъ любопытнымъ вниманіемъ дикаго соловья рощи.

— Прощай, прощай, прощай! повторяла она, безъ всякаго выраженія души и смысла.

Это была безчувственность птицы, высвистывающей свою природную пѣсню!

— „Она не узнаетъ меня!" вскричалъ Полковникъ въ отчаяніи. . . „Юлія! Юлія! Это я . . . Филиппъ . . . твой Филиппъ." . .

И бѣдный воинъ пошелъ къ дереву.

Когда онъ былъ шагахъ въ трехъ отъ ракиты, Графиня взглянула на него, какъ будто желая подразнить, не смотря на выраженіе боязни, изобличавшееся въ ея взорахъ; потомъ, однимъ прыжкомъ, перескочила съ ракиты на акацію, оттуда на близь стоявшую сосну, гдѣ, перепрыгивая съ сука на сукъ, съ неимовѣрной легкостью, добралась до вершины и стала на ней качаться.

„Не преслѣдуйте ее!" сказалъ Г. Фанжа Полковнику. „Иначе вы можете поселить въ ней отвращеніе, которое можетъ сдѣлаться непреодолимымъ. Я помогу вамъ свыкнуться съ ней и пріучишь ее къ себѣ. . . Подите на эту скамью. Если вы не станете обращать на нее вниманія . . . то увидите, что она сама нечувствительно приблизится къ вамъ, чтобъ разглядѣть васъ." . .

— „Юлія меня не узнаетъ . . . бѣжитъ меня!" . . повторялъ Полковникъ, садяся.

Онъ прислонился спиной къ дереву, коего листья осѣняли простую садовую скамью, и голова его склонилась на грудь.

Г. Фанжа хранилъ молчаніе.

Вскорѣ Графиня спустилась тихо съ вершины сосны, порхая какъ блудящій огонекъ и увлекаясь колебаніями, кои вѣтръ сообщалъ дереву. Она останавливалась на каждомъ сучкѣ, чтобъ высматривать незнакомца; но, видя его неподвижнымъ, соскочила наконецъ на траву, и пошла къ нему медленно по лугу.

Когда она остановилась подъ деревомъ, шагахъ въ десяти отъ скамьи, Г. Фанжа сказалъ тихо Полковнику.

„Возмите поискуснѣе у меня въ карманѣ нѣсколько кусочковъ сахару. Покажите потомъ ей... Она придетъ къ вамъ... Ради васъ, я охотно отказываюсь отъ удовольствія давать ей лакомства. Сахаромъ вы можете сдѣлать изъ ней все, что̀ угодно... Она до него страстная охотница.“ ...

— „Ахъ!“ отвѣчалъ печально Филиппъ: „когда она была женщиной, у ней не было этой страсти.“ ..

Полковникъ взялъ промежь большаго и указательнаго пальца правой руки кусочекъ сахару и показалъ его Юліи: она испустила снова дикой крикъ и бросилась стремительно къ Филиппу; но вдругъ остановилась, удерживаемая ин-

стинктуальнымъ чувствомъ боязни, которую внушало ей незнакомое лице. То посматривала она на сахаръ, то отворачивала голову, какъ несчастныя собаки, коимъ господа запрещаютъ прикасаться къ корму, пока онѣ не кончатъ до послѣдней буквы алфавита, медленно повторяемаго. Наконецъ животная страсть восторжествовала надъ страхомъ: Юлія бросилась къ Филиппу. Она боязливо протянула свою миленькую ручку, чтобъ схватить добычу, и должна была коснуться руки Филиппа. Потомъ схватила кусокъ и убѣжала.

Эта ужасная сцена довершила отчаяніе Филиппа. Онъ залился слезами и убѣжалъ самъ въ залу пріорства.

„Неужели любовь будетъ имѣть меньше бодрости и мужества, чѣмъ дружба?“ сказалъ ему Г. Фанжа, который за нимъ послѣдовалъ. „Я не теряю надежды, Г. Баронъ!.. Моя бѣдная племянница была гораздо въ хуждшемъ положеніи!“..

— „Въ худшемъ!“ вскричалъ Филиппъ.

„Да!“ отвѣчалъ медикъ. „Она ходила нагая!“..

Полковникъ сдѣлалъ движеніе ужаса и поблѣднѣлъ. Г. Фанжа, принявъ сію блѣдность за дурной признакъ, пощупалъ у

него пульсъ. Сильная горячка пылала во всемъ его составѣ. Медикъ добился отъ него, чтобъ онъ легъ, и приготовилъ ему легкій пріемъ опіума, дабы доставить сонъ, сколько возможно спокойный и чуждый болѣзненныхъ призраковъ.

Прошло около осьми дней, въ продолженіе коихъ Баронъ де Сюси часто былъ жертвою лютѣйшихъ мукъ: но вскорѣ въ глазахъ его не стало слезъ, и сердце, которое безпрестанно рвалось, не умѣя привыкнуть къ плачевному зрѣлищу сумасшествія Графини, наконецъ какъ будто помирилось съ симъ ужаснымъ положеніемъ. Онъ нашелъ отраду своей скорби: страдалъ болѣе или менѣе, но все страдалъ. Его героизмъ не зналъ никакихъ предѣловъ. Онъ имѣлъ мужество пріучить къ себѣ Юлію, выбирая ей самыя лучшія лакомства съ расточительной щедростью. Наконецъ, употребляя всевозможныя ласки и нѣжности, дабы овладѣть постепенно симъ животнымъ инстинктомъ, послѣднимъ лоскуткомъ смысла несчастной Графини, онъ умѣлъ сдѣлать ее болѣе *ручною*, чѣмъ была она когда-либо въ настоящемъ плачевномъ состояніи.

Когда Полковникъ сходилъ поутру въ паркъ и искалъ напрасно Юлію, не зная,

на какомъ деревѣ она прохлаждалась, съ какой птичкою или съ какимъ звѣркомъ играла, на какой кровлѣ гнѣздилась, онъ насвистывалъ извѣстную Французскую пѣсню: *Partant pour la Syrie!* съ коей соединялось воспоминаніе объ одной трогательной сценѣ ихъ прежней любви: и тогда Юлія немедленно прибѣгала къ нему съ быстротою молодой лани.

Вскорѣ Филиппъ пріучилъ ее садиться къ себѣ на колѣна, обвивать свои гибкія, бѣлыя руки вокругъ его шеи: и въ семъ положеніи, столь драгоцѣнномъ для любящихся, кормилъ ее всякими сахарными сластями. Юлія наконецъ совершенно призналась и привыкла къ Барону. Она болѣе не боялась его. Часто, поѣвши весь сахаръ, она обыскивала, съ комичеческимъ любопытствомъ, всѣ карманы своего друга; и ея жесты имѣли всю механическую быстроту движеній обезьяны. Когда наконецъ удостовѣрялась, что ничего больше не было, то смотрѣла на Филиппа глазами прозрачными, безъ мысли, безъ чувства, и играла съ нимъ: то пыталась снять съ него сапогъ, чтобъ видѣть его ногу; то рвала перчатки его; то надѣвала шляпу. Она позволяла ему расчесывать пальцами

ея длинные волосы, брать ее въ свои объятія; принимала отъ него безъ всякаго удовольствія пламенные поцѣлуи и безмолвно глядѣла на него, когда онъ проливалъ слезы. Она понимала очень хорошо свистъ пѣсни: *Partant pour la Syrie!* но Полковникъ потерялъ напрасно труды, стараясь выучить ее произносить собственное свое имя: *Юлія!..*

Надежда, поддерживавшая его въ сихъ ужасныхъ страданіяхъ, не исчезала. Если, въ прекрасное осеннее утро, онъ видѣлъ Графиню, спокойно сидѣвшую на скамьѣ, подъ сѣнію поблекшаго тополя, то ложился у ея ногъ и смотрѣлъ ей въ глаза, до тѣхъ поръ пока она позволяла себя видѣть. Тогда онъ сторожилъ внимательно живой блескъ, сверкавшій изъ ея зѣницъ, все надѣясь, что это зеркало перестанетъ быть безчувственнымъ и что пламя сіе наконецъ загорится смысломъ. Иногда, обманывая себя, онъ увѣрялся, что сіи твердые, неподвижные лучи, снова сотрясались, умягчались и оживали; тогда вскрикивалъ онъ:

— „Юлія!.. Юлія!.. Ты меня понимаешь... Ты меня видишь!“..

Но Графиня слушала эти восклицанія, какъ шумъ, какъ усиліе вѣтра, колышаща-

го деревья, какъ мычаніе коровы, на которую часто взлѣзала; и Полковникъ ломалъ руки въ отчаяніи, которое возобновлялось безпрестанно. Время и сіи тщетныя покушенія только что умножали его скорбь.

Однажды вечеромъ, когда небо было тихо, посреди воцаряющейся тишины и безмолвія, Г. Фанжа замѣтилъ Барона, заряжающаго пистолетъ. Старый врачь понялъ, что Филиппъ потерялъ всякую надежду. Онъ почувствовалъ, что кровь хлынула къ его сердцу, и, если смогъ воспротивиться круженію, которое овладѣвало имъ, то потому что охотнѣе желалъ видѣть племянницу свою живою и сумасшедшею, чѣмъ мертвою. Онъ побѣжалъ къ Барону.

„Что̀ вы дѣлаете?“ сказалъ онъ.

— „Это для меня“ — отвѣчалъ Полковникъ, показывая ему на скамьѣ уже заряженный пистолетъ — „а это — для ней“.. прибавилъ онъ, вколотивъ цыжь въ другой, который находился у него въ рукахъ.

Графиня валялась по землѣ, играя пулями, играя смертью.

„Итакъ вы не знаете“ — перервалъ хладнокровно медикъ, стараясь скрыть свой ужасъ — „что нынѣшнею ночью, во снѣ, она промолвила: „Филиппъ!“..

— „Она выговорила мое имя!“ вскричалъ Баронъ, уронивъ пистолетъ, который Юлія тотчасъ подхватила.

Тогда, вырвавъ съ ужасомъ изъ рукъ Графини смертоносное оружіе, онъ схватилъ со скамьи заряженный пистолетъ и бросился бѣжать.

— „Бѣдная! Несчастная!“ вскричалъ медикъ, радуясь успѣху своей хитрости.

Онъ прижалъ сумасшедшую къ своей груди и продолжалъ:

„Онъ хотѣлъ тебя убить... Эгоистъ!.. Онъ хотѣлъ тебя видѣть мертвою, потому что страдаетъ... Онъ не умѣетъ тебя любить ради тебя, бѣдное дитя!.. Мы ему прощаемъ, не правда ли?.. Онъ безуменъ, а ты?.. ты только сумасшедшая... Такъ! Одинъ Богъ долженъ тебя воззвать къ себѣ... Мы считаемъ тебя несчастною, потому что ты не раздѣляешь нашихъ бѣдствій... О какъ мы глупы!“..

Потомъ, посадивъ ее на свои колѣна, примолвилъ:

„Напротивъ ты счастлива! Ничто не принуждаетъ тебя; ты живешь, какъ вольная птичка, какъ рѣзвая серна.“ . .

Она бросилась на овсянку, которая прыгала по лугу, схватила ее, и, повторивъ нѣсколько разъ крикъ удовольствія, задушила птичку и бросила къ корню дерева, не думая о ней больше.

На другой день, едва разсвѣло, Г. де Сюси вышелъ въ садъ и искалъ вездѣ Юлію. Онъ предавался надеждѣ, вѣрилъ счастію. Не находя ее долго, онъ свиснулъ. Когда Графиня явилась, взялъ онъ ее за руку; и въ первый разъ вмѣстѣ пошли они оба подъ сѣнь поблекшихъ деревьевъ, коихъ листья безъ всякаго сопротивленія обрывались дыханіемъ утренняго вѣтерка. Полковникъ сѣлъ: Юлія сама по себѣ стала передъ нимъ. Филиппъ трепеталъ отъ радости.

— „Юлія!“ сказалъ онъ, осыпая руки Графини пламенными поцѣлуями. „Юлія! я Филиппъ!“ . .

Она взглянула на него съ любопытствомъ.

— „Поди ко мнѣ!“ продолжалъ онъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ. „Чувствуешь ли ты біеніе моего сердца? . . Оно би-

лось только для тебя... Я все люблю тебя!.. Филиппъ не умеръ!.. Онъ здѣсь... подлѣ тебя... Ты Юлія, а я Филиппъ!"...

„Прощай!" говорила она: „прощай!"

Полковникъ задрожалъ: ему показалось, что онъ сообщилъ несчастной свое изступленіе. Раздирающій крикъ, возбужденый надеждою, послѣднее усиліе вѣчной любви, неугасимо кипящей страсти, должно было найти отзывъ въ его подругѣ.

— „О моя Юлія!.. Мы будемъ счастливы!"..

Она испустила крикъ радости и щеки ея оцвѣтились неопредѣленнымъ мерцаніемъ смысла...

— „Юлія!.. Она узнаетъ меня!. Юлія!..

Полковникъ чувствовалъ, что сердце его надмѣвалось, глаза взмокли. Но вдругъ онъ увидѣлъ, что Графиня показывала ему маленькой кусочекъ сахару, который нашла, обшаривая его, когда онъ говорилъ. Эти поиски и эта находка была причиною его заблужденія; онъ принялъ за человѣческій смыслъ эту низшую степень разума, эту лукавую смѣтливость обезьяны.

Филиппъ упалъ безъ памяти.

Г. Фанжа нашелъ Графиню сидѣвшую подлѣ своего друга. Безчувственно грызла она сахаръ, дѣлая разныя гримасы удовольствія, коимъ можнобъ было подивиться, еслибъ она была въ своемъ разумѣ, и которыми она весьма забавно передразнивала попугая и маленькаго котенка, бывшихъ предметами особенной ея любви.

— „Ахъ! другъ мой!“ вскричалъ Филиппъ, пришедши съ себя: „я умираю всякой день, всякую минуту! . . Я слишкомъ люблю ее. . . Мнѣ бы легко было перенесть все, еслибъ, въ сумасшествіи своемъ, она сохранила хотя сколько нибудь женскаго, человѣческаго. . . Но видѣть ее утратившею всякой стыдъ . . . видѣть одичавшею до такой степени.“ . .

„Такъ вамъ надобно оперное, театральное сумасшествіе?“ . . сказалъ строго Г. Фанжа. „Ваша страсть, ваше самоотверженіе, покорены предразсудкамъ? Эхъ, сударь! Для васъ отказался я отъ печальнаго удовольствія кормить мою бѣдную племянницу; вамъ уступилъ наслажденіе играть съ ней; оставилъ себѣ только самыя тягостныя обязанности. . . Когда вы спите, я надъ ней бодрствую. . . Ступайте, сударь, покиньте ее! Оставьте эту

печальную пустынь! Я умѣю жить съ этимъ несчастнымъ, прелестнымъ твореніемъ; я понимаю ея сумасшествіе, разумѣю ея движенія, раздѣляю всѣ ея тайны. . . Когда-нибудь вы будете мнѣ благодарны!" . .

— „Прощайте!" вскричалъ Филиппъ.

Полковникъ оставилъ аббатство и не возвращался болѣе.

Г. Фанжа былъ испуганъ дѣйствіемъ, которое произвелъ на своего гостя. Онъ полюбилъ его наравнѣ съ своей племянницей. Если изъ двухъ любовниковъ кто-нибудь заслуживалъ сожалѣніе, то безъ сомнѣнія это былъ Филиппъ: не одинъ ли онъ несъ всю тяжесть ужаснѣйшей скорби! . .

Медикъ старался провѣдать о Полковникѣ и узналъ, что несчастный удалился въ помѣстье, которое имѣлъ близъ Сен-Жерменя.

Увлекшись послѣднею мечтою отчаянія, Баронъ придумалъ средство возвратить Графинѣ ея разумъ: и безъ вѣдома доктора, провелъ весь остатокъ осени въ приготовленіяхъ къ исполненію своего плана.

Небольшая рѣчка протекала въ его паркѣ. Зимой она разливалась большимъ болотомъ, которое отчасти походило на заводь, простиравшуюся вдоль лѣваго берега Березины. Полковникъ употребилъ множество работниковъ, чтобъ выкопать каналъ, который могъ бы представить пагубную рѣку, поглотившую сокровища Франціи, Наполеона и великую армію.

Вспомоществуемый своими воспоминаніями, Филиппъ успѣлъ скопировать въ своемъ паркѣ обрывистый берегъ, на которомъ Генералъ Эбле устроилъ мосты. Онъ набилъ свай и опалилъ ихъ, такъ что они имѣли видъ черныхъ полу-сожженныхъ сошекъ, кои, торча у обоихъ береговъ Березины, удостовѣряли отставшихъ, что дорога во Францію имъ пресѣчена. Полковникъ велѣлъ нанесть обломковъ, подобныхъ тѣмъ, изъ которыхъ товарищи его бѣдствій построили себѣ плотъ. Наконецъ, онъ раззорилъ свой паркъ, чтобы довершить обольщеніе, на которомъ основывалъ послѣднюю свою надежду. Онъ заказалъ мундиры и оборванные костюмы, въ кои одѣлъ отъ семи до осьми сотъ крестьянъ; настроилъ шалашей, бивуаковъ, батарей, которыя сжегъ, не забывая ни-

чего, чтобъ воспроизвесть весь ужасъ сцены; и — достигъ своей цѣли.

Около первыхъ чиселъ Декабря, когда снѣгъ пріодѣлъ землю толстымъ бѣлымъ покрываломъ, онъ призналъ Березину. Россія представлялась въ его паркѣ во всемъ ужасѣ истины. Онъ позвалъ нѣсколькихъ свидѣтелей роковаго отступленія, которые затрепетали, при видѣ сей страшной картины ихъ прежнихъ бѣдствій. Ничто не было опущено, даже до деревни В***, которая, находясь на возвышеніи, каймила сію ужасную сцену, подобно какъ Студенка облегала равнину Березинскую. Семь или восемь сотъ работниковъ, въ числѣ коихъ было нѣсколько старыхъ солдатъ, повторяли свои роли довольно умно и вѣрно: они, казалось, не выходили изъ обыкновенной своей жизни, играя несчастіемъ, голодомъ и холодомъ. Г. де Сюси хранилъ во глубинѣ своего сердца тайну сего трагическаго представленія, о которомъ, въ ту пору, во многихъ Парижскихъ обществахъ говорили, какъ о сумасшествіи.

Въ началѣ Января, 1820 года, Г. де Сюси сѣлъ въ карету, подобную той, въ коей Г. и Гжа де Вандьеръ ѣхали изъ Моск-

вы до Студенки, и отправился въ Иль-Адамскій лѣсъ. Въ карету были запряжены лошади, похожія на тѣхъ, которыхъ съ опасностію жизни досталъ онъ на Русскихъ аванпостахъ. Самъ онъ былъ въ запачканномъ, безобразномъ нарядѣ, вооруженный и убранный точно также, какъ былъ 29 Ноября 1812 года, даже отпустивъ себѣ бороду и волосы, замаравъ лице грязью, дабы ничего не было опущено для совершеннаго представленія ужасной истины.

„Я угадываю васъ!" вскричалъ Г. Фанжа, увидѣвъ Полковника, выходившаго изъ кареты.

Оба друга обнялись.

„Если вы хотите, чтобъ планъ вашъ былъ успѣшенъ, не показывайтесь въ этомъ нарядѣ и экипажѣ. Сегодня вечеромъ, я дамъ ей небольшой пріемъ опіума; потомъ, во время сна, мы одѣнемъ ее, какъ она была одѣта подъ Студенкою, и положимъ ее въ карету. . . Я самъ поѣду за вами въ берлинѣ." . .

Около двухъ часовъ утра, Графиня была перенесена въ карету. Два или три крестьянина освѣщали это странное похищеніе. Юлію уложили на подушкахъ, окутали грубымъ одѣяломъ; и, по прика-

занію Полковника, начали бросать снѣгъ на карету, какъ вдругъ пронзительный крикъ раздался въ тишинѣ ночи. Филиппъ и медикъ увидѣли Женевьеву, которая выскочила полу-нагая изъ нижней комнаты, гдѣ спала. Дурочка только что проснулась. Ея бѣлые волосы были растрепаны; она заливалась горючими слезами.

— Прости! .. прости! .. все кончено! .. прости! .. кричала она.

„Что ты, Женевьева! что̀ съ тобою?“ .. сказалъ ей Г. Фанжа.

Женевьева махнула головой съ выраженіемъ отчаянія, подняла глаза къ небу, взглянула на карету, испустила дикой продолжительной визгъ, обнаруживавшій глубокой ужасъ, и ворошилась назадъ, безмолвная.

— „Это благопріятное предвѣщаніе!“ вскричалъ Полковникъ. „Дурочка жалѣетъ, что у ней не будетъ подруги... Она можетъ быть *видитъ*, что Юлія возвратитъ разумъ.“ ..

„Дай Боже!“ .. отвѣчалъ Г. Фанжа изъ глубины сердца.

По расчисленію Полковника, Юлія должна была въ десять часовъ утра въѣхать на берега вымышленной Березины... Она разбу-

жена была взрывомъ пороховаго ящика, шагахъ во ста отъ сцены. То былъ сигналъ.

Тысяча крестьянъ испустили ужасный крикъ, подобный тому отчаянному ура, которое поразило самихъ Русскихъ, когда двадцать тысячь несчастныхъ увидѣли себя преданными въ добычу смерти или плѣна.

При семъ крикѣ, при семъ взрывѣ, Графиня выскочила изъ кареты. Съ бѣшенымъ неистовствомъ побѣжала она по снѣжной равнинѣ, увидѣла сожженные бивуаки и роковой плотъ, который бросали въ полузамерзшую рѣку. Маіоръ Филиппъ былъ здѣсь, сверкая саблею надъ мятущеюся толпою. Юлія испустила крикъ, который оледенилъ всѣ сердца. Она стала предъ Г. де Сюси, который трясся всѣмъ тѣломъ — и, какъ будто, вошла въ себя. Сначала взглянула она блуждающимъ, неопредѣленнымъ взоромъ на эту страшную картину. Съ минуту глаза ея сверкали тѣмъ безмысленнымъ блескомъ, коему дивимся мы въ яркой зѣницѣ хищной птицы; но потомъ положила себѣ на лобъ руку, съ явнымъ выраженіемъ человѣческаго размышленія, всмотрѣлась въ это живое воспоминаніе, въ эту прошедшую жизнь, предъ ней воскрешенную, обернулась быстро къ Филиппу

и — *увидѣла его!* Ужасное безмолвіе царствовало. Полковникъ едва переводилъ духъ и не смѣлъ произнести ни слова. Г. Фанжа рыдалъ. Прекрасное лице Юліи оцвѣтилось легкимъ румянцемъ; потомъ, разгараясь болѣе и болѣе, заиграло всею огненною свѣжестію юности, покрылось яркимъ пурпуромъ. Кровь, жизнь, одушевленныя вспыхнувшимъ смысломъ, разливались, какъ пламя пожара. Судорожное сотрясеніе проникло весь составъ ея, до глубины сердца. Наконецъ, сіи явленія, возникшія въ одно мгновеніе, какъ будто слились въ одинъ фокусъ, когда очи Юліи сверкнули небеснымъ лучемъ, разумнымъ пламенемъ. Она ожила, она опамятовалась... все тѣло ея содрогнулось.. Самъ Богъ вторично разрѣшилъ этотъ оцѣпенѣвшій языкъ и возжегъ свой огнь въ этой погасшей душѣ. Воля пробудилась...

— „Юлія! Юлія!“.. вскричалъ Полковникъ.

— Ахъ! это Филиппъ! промолвила несчастная Графиня.

Она бросилась въ трепещущія объятія, кои Полковникъ простеръ къ ней; и сладостное объятіе двухъ любящихся даже устрашило зрителей. Юлія заливалась слезами.

Вдругъ она остановилась и сказала слабымъ голосомъ:

— Прости, Филиппъ!.. Я люблю тебя!.. Прости!..

— „Ахъ! Она умерла!“ вскричалъ Филиппъ, открывая свои объятія.

Старый врачь принялъ въ свои руки бездушное тѣло Графини; и, схвативъ ее съ силою юноши, утащилъ на близь лежавшій костеръ дровъ. Здѣсь онъ сѣлъ и взглянулъ, положивъ на сердце ея слабую, судорожно трепещущую руку.

Сердце уже не билось.

„Такъ это правда!“ вскричалъ онъ, смотря попеременно то на неподвижно стоявшаго Полковника, то на лице Юліи, которое смерть окружила блистательнымъ сіяніемъ красоты, залогомъ свѣтлаго, блаженнаго безсмертія.

„Да! Она умерла!“..

— „Ахъ! эта улыбка!“ вскричалъ Филиппъ. „Посмотрите на эту улыбку! Можетъ ли это быть?“..

„Она уже охладѣла!“.. отвѣчалъ Г. Фанжа.

Г. де Сюси сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобъ оторвать себя отъ ужаснаго зри-

лица . . . но остановился . . . началъ насвистывать арію, которую понимала сумасшедшая . . . и, не видя Юліи бѣгущей къ нему по обыкновенію, какъ прежде, удалился колеблющимися шагами, словно пьяной, продолжая свистать, но уже не оборачиваясь болѣе. . .

Генералъ Филиппъ де Сюси считался въ свѣтѣ человѣкомъ весьма любезнымъ и особенно очень веселымъ. Назадъ тому нѣсколько дней, одна дама сдѣлала ему лестный комплиментъ на счетъ его пріятнаго нрава и всегдашней ровности характера.

— „Ахъ, сударыня!" сказалъ онъ ей; „я очень дорого плачу за свою веселость, вечерами, когда бываю одинъ." . .

„Развѣ вы бываете одни? . .

— „О нѣтъ!" отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

Еслибы опытный знатокъ природы человѣческой могъ видѣть тогда выраженіе лица Графа де Сюси, онъ бы конечно содрогнулся.

„Зачѣмъ вы не женитесь?" продолжала таже дама, у которой было много дочерей въ пансіонѣ. „Вы такъ богаты,

знатны; происхожденіе ваше такъ благородно; у васъ столько талантовъ, такая богатая будущность . . . все вамъ улыбается.“ . .

— „Такъ!“ отвѣчалъ онъ: „но эта улыбка меня умерщвляетъ!“

На другой день дама узнала съ изумленіемъ, что Графъ де Сюси застрѣлился ночью.

Въ обществѣ ходили разные толки объ этомъ необыкновенномъ приключеніи. Каждый искалъ угадать причину его, по своему образу мыслей. Одни приписывали игрѣ, другіе любви, третьи честолюбію, иные тайному распутству, сію ужасную катастрофу, послѣднюю сцену драмы, начавшейся въ 1812 году, на берегахъ Березины.

Только два человѣка, Судья и Медикъ, знали, что Графъ де Сюси былъ одинъ изъ тѣхъ могущественныхъ людей, коимъ Богъ даетъ несчастную силу выходить ежедневно побѣдителями изъ ужасной борьбы съ чудовищемъ, ихъ грызущимъ, но которые, если Онъ, хотя на мгновеніе, отыметъ отъ нихъ Свою всесильную десницу, неизбѣжно погибаютъ! . .

IV.

ВѢКЪ РЫЦАРСТВА.

(ИЗЪ ВИЛЬМЕНЯ)

Въ Романской литературѣ заключалось столькожъ истины, сколько и баснословія. Подъ странными и безобразными разсказами, наполняющими большую часть стихотворныхъ романовъ XII и XIII столѣтій скрывается рѣзкое изображеніе современной жизни. Говорятъ, что рыцарство есть совершенная выдумка: вымышленныя принадлежности, приписанныя ему въ новѣйшее время, заставили сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи его. Но рыцарство было настоящимъ историческимъ фактомъ, великимъ учрежденіемъ среднихъ вѣковъ. Образъ его проявляется въ романахъ, наполненныхъ чародѣями и великанами. Нравы, одежда, образъ жизни, самыя приключенія и все, что въ нихъ находится естественнаго, человѣческаго, носитъ на себѣ отпечатокъ тогдашняго времени. Въ семъ отношеніи рыцарскіе романы можно назвать хроникою среднихъ вѣковъ, столь же справедливою, какъ и хроника Сен-Дени.

Хотя имя поэта означаетъ сочинителя, хотя названіе трубадура или трувера соименно изобрѣтателю; но мы уже сказали, что поэтъ изобрѣтаетъ или творитъ идеалы изъ однихъ только происшествій и господствующихъ идей своего вѣка. Воображеніе есть не что иное, какъ живое воспоминаніе: оно рисуетъ иногда одни только несовершенные образы. Ему удивляются, когда творческая сила его осуществитъ оные. Что есть рыцарство? Рыцарство есть олицетворенная жизнь среднихъ вѣковъ; оно есть почетная стража феодализма. Невозможно представить феодальной системы безъ сей толпы воиновъ, которые поддерживали оную, безъ сихъ страстей, безъ сихъ понятій о чести, безъ сего энтузіазма, которые, оживляли и украшали ее; посему-то ученый Сент-Пале, желая опредѣлить отличительныя черты рыцарства, какъ воинственнаго и религіознаго учрежденія, искалъ ихъ въ романахъ среднихъ вѣковъ, и въ семъ случаѣ не ошибся. Сочинители рыцарскихъ романовъ среди чудовищныхъ вымысловъ представляли вѣрное изображеніе обрядовъ, свойственныхъ рыцарству. Со-

ображаясь съ ихъ свидѣтельствомъ, онъ разсматривалъ жизнь рыцарей.

Когда у какого-нибудь дворянина раждался сынъ и съ возрастомъ показывалъ живость и ловкость, то по прошествіи семи лѣтъ, брали его изъ рукъ нянюшекъ; и съ того времени онъ исключительно упражнялся въ бѣганіи, прыганіи, борьбѣ; потомъ дѣлали его отрокомъ, варлетомъ или пажемъ, двѣ обязанности, похожія другъ на друга, смѣшиваемыя и различаемыя въ разныя времена. Тогда удаляли его изъ дома родительскаго и отдавали какому нибудь сильному барону или сосѣдственному вельможѣ. Онъ прислуживалъ господину или госпожѣ замка, сопровождая ихъ или развозя ихъ письма, если они умѣли писать. Онъ также завѣдывалъ всѣми военными и охотническими снарядами, спускалъ и скликалъ соколовъ, сражался копьемъ и мечемъ, освоивался со всѣми трудами и опасными предпріятіями, всего жъ болѣе занимался воинскими упражненіями.

Столовая служила для конюшихъ и рыцарей школою, въ которой, по словамъ Фруассара, образовывались молодые пажи, слушая разговоры о воинскихъ подвигахъ и любви.

Среди таковыхъ упражненій, которыя несравненно занимательнѣе Греческихъ и Латинскихъ уроковъ нашего времени, пажъ достигалъ до четырнадцати или пятнадцати лѣтъ. Послѣ того онъ дѣлался конюшимъ (ecuyer). Были различныя степени конюшаго: почетный конюшій, который сопрождалъ рыцаря или госпожу замка, конюшій кравчій, конюшій виночерпій и проч. Вы знаете, что сообразно съ обычаями дикой Германіи, а, можетъ быть, Греческой Имперіи, нѣкоторыя домашнія должности сдѣлались титулами и почетными названіями. Молодой человѣкъ, производимый въ конюшіе, былъ вводимъ въ храмъ; здѣсь совершаемо было надъ нимъ начало религіозныхъ обрядовъ, часто возобновляемыхъ въ послѣдствіи; ибо въ рыцарствѣ соединялись два предмета, составлявшіе преимущественное занятіе среднихъ вѣковъ: религія и война. Молодой конюшій заимствовалъ образованіе болѣе изъ обращенія и практики, нежели изъ систематическаго ученія. Преимущественно воинское воспитаніе было совершаемо со всею строгостію и производило чудеса, подобныхъ коимъ не возможно найдти въ древности. Рыцарь во всемъ вооруженіи бѣгалъ и перепрыгивалъ рвы.

Когда среди таковыхъ упражненій молодой дворянинъ достигалъ до двадцать перваго года, тогда наступало время произвести его въ рыцари. Замѣтимъ, что въ понятіяхъ тогдашняго времени, въ которое дикая свобода соединялась съ величайшимъ самоотверженіемъ, подобный обрядъ считался таинствомъ. Производимый въ рыцари, долженъ былъ провести нѣсколько ночей на стражѣ предъ церковію. Его сопровождали къ алтарю отецъ и мать или родственники, которые несли въ рукахъ восковыя свѣчи. Священнослужитель, по совершеніи литургіи, бралъ съ жертвенника мечь и перевязь и препоясывалъ имъ рыцаря. Сему предшествовало множество символическихъ обрядовъ: омовеніе, облеченіе въ бѣлую льняную одежду, всенародная исповѣдь, причащеніе, присяга, въ которой излагались всѣ обязанности и добродѣтели рыцаря. Наконецъ подводили къ церкви боеваго коня; юный рыцарь прыгалъ отъ радости, вскакивалъ на него во всемъ вооруженіи, заставлялъ его дѣлать различные прыжки; и всякой признавалъ въ немъ добраго христіанина и отличнаго рыцаря.

Нѣтъ сомнѣнія, что все различіе между дѣйствіями настоящаго рыцаря и повѣстью

о Тристанѣ Леонскомъ или Гюонѣ Бордосскомъ заключается только въ чудесномъ. Они подвергались таковымъ же испытаніямъ; они были вооружены точно также. Религія, война и любовь, съ одинакою силою занимали всѣ ихъ мысли. Кто усумнится въ чрезвычайномъ вліяніи рыцарства на средніе вѣки? Никто! Рыцарство составляло иногда опору государей, иногда оплотъ независимости бароновъ. Оно поддерживало огромное зданіе феодализма, тяготѣвшее надъ народомъ. Рыцарство сохраняло свои предразсудки съ непонятнымъ упорствомъ, даже на полѣ сраженія. Такъ, въ одномъ достопамятномъ сраженіи, гдѣ возмутившійся народъ вооружился дубинами и вилами, блистательные отряды рыцарей, покрытыхъ латами, рѣшились лучше умереть безъ защиты, нежели извлечь мечи противъ безоружной черни. Это былъ предразсудокъ, надъ которымъ смѣялся Сервантесъ, и который казался такъ страннымъ для Санхо, когда били его погонщики муловъ и когда Дон-Кихотъ, слѣдуя ему, не хотѣлъ защитить своего оруженосца отъ сихъ обидчиковъ. Въ семъ карикатурномъ изображеніи представлено съ величайшею справедливостію понятіе рыцарей о чести.

Пораженіе многихъ рыцарей служитъ тому доказательствомъ.

Наконецъ, чтобы сократить и дополнить историческія подробности сего времени, приведемъ стихотворную сказку XII столѣтія: въ ней увидите вы точное изображеніе рыцарства въ описаніи Крестовыхъ Походовъ. Сіи произшествія современны: въ то самое время какъ политическія учрежденія развивали рыцарство, священная война на востокѣ открывала ему обширнѣйшее поле и исполняла воображеніе мечтами о сихъ отдаленныхъ и чудесныхъ странахъ. Завоеванія имперій и царствъ, составляющія содержаніе тогдашнихъ романовъ, взяты изъ произшествій дѣйствительныхъ: Маркизъ Монт-Феррать сдѣлался Королемъ Солунскимъ; Бодуинъ Императоромъ Греческимъ. Но возвратимся къ нашей стихотворной сказкѣ, какъ историческому свидѣтельству. Въ ней говорится, что Саладинъ былъ сдѣланъ рыцаремъ. Сіе произшествіе покажется страннымъ съ перваго взгляда; оно по видимому есть анахронизмъ, свойственный всѣмъ писателямъ среднихъ вѣковъ. Саладинъ, герой Ислама, разрушитель Христіанскаго Царства въ Палестинѣ,

подвергающійся всѣмъ набожнымъ обрядамъ рыцарства! Это не понятно! Между тѣмъ Латинскія хроники свидѣтельствуетъ, что одинъ Французъ сдѣлалъ Саладина рыцаремъ, по его требованію.

Изъ сего анекдота трубадуръ составилъ сказку, которую нельзя почесть образцовымъ поэтическимъ произведеніемъ, но въ которой весьма точно изображены обряды, соблюдаемые при вступленіи въ рыцарство.

„Я намѣренъ переложить въ стихи „повѣсть объ одномъ языческомъ Государѣ, „который нѣкогда былъ очень сильнымъ „Монархомъ и добрымъ Сарациномъ. Его „звали Саладинъ. Онъ былъ жестокъ, „многократно наносилъ зло нашей вѣрѣ, „своею гордостію и насиліями причи„нялъ великій вредъ нашей націи. Въ одно „время случился на сраженіи Князь Гуго „Табари; съ нимъ находилось множество „Христіанскихъ рыцарей, его подданныхъ. „Онъ учинилъ множество знаменитыхъ „подвиговъ; но Царю славы не угодно „было даровать намъ побѣду. Князь Гуго „былъ взятъ въ плѣнъ. Его повели къ Са„ладину, который привѣтствовалъ рыца„ря по Латыни: ибо хорошо зналъ Ла-

„тинской языкъ: — „Клянусь Могометомъ, „сказалъ Король, мнѣ весьма пріятно „имѣть тебя въ своей власти, и я отдаю „тебѣ на выборъ: хочешь умереть или „дать мнѣ большой выкупъ?“ Гуго отвѣ„чалъ: — „Государь, вы предоставили мнѣ „выборъ: я избираю выкупъ, ежели въ силахъ „буду заплатить его.“ — „Можешь, от„вѣчалъ Государь: я требую 100,000 бе„зановъ.“ — „Государь я не могу сего зап„латить, продавши даже все мое Княже„ство.“ — „Ты легко можешь исполнить „сіе.“ — „Какимъ образомъ Государь?“ — „Ты весьма храбръ и воинственъ; ни „одинъ рыцарь не откажетъ тебѣ въ зна„чительномъ подаркѣ, если ты его по„требуешь для выкупа; такимъ образомъ ты „заплатишь самъ за себя.“ — „Но какимъ „образомъ я освобожусь отсюда?“ — Са„ладинъ отвѣчалъ ему: „Гуго, ты дай мнѣ „честное слово, что ровно чрезъ два го„да пришлешь за себя выкупъ или возвра„тишься въ темницу. Такимъ образомъ ты „можешь ѣхать.“ — „Благодарю, Государь, и „обѣщаю исполнить ваше требованіе.“ — „Тогда просилъ онъ отпуска и хотѣлъ уда„литься въ свое государство; но Царь „взялъ его за руку повелъ въ свою комна-

„ту и тихо началъ просить его: „Гуго, „заклинаю тебя Богомъ, котораго ты „исповѣдуешь, научи меня, какимъ обра„зомъ ставятъ въ рыцари.“ — „Великій Го„сударь, сказалъ Гуго: я не могу сдѣлать „этого. Святый Орденъ рыцарства вамъ „совсѣмъ не приличенъ: ибо вы держитесь „закона ложнаго, не имѣете вѣры ис„тинной, не омыты Крещеніемъ; и я пос„тупилъ бы несмысленно, покрывая грязь „тканью шелковой; я нанесъ бы Ордену „поруганіе, когда бы допустилъ въ него не„вѣрнаго; я подвергнусь за сіе самъ презрѣ„нію.“ — „Нѣтъ, для тебя это не будетъ „безчестіемъ, ты только будетъ исполни„телемъ воли моей; ибо ты невольникъ „мой.“ — „Государь! вижу, что не въ мо„ей волѣ отказаться; и я готовъ присту„пить немедленно.“ Рыцарь началъ показы„вать что̀ надлежитъ дѣлать Саладину. „Онъ приказываетъ убрать волосы, боро„ду и лице Саладина, по обыкновенію ново„избираемыхъ рыцарей, заставляетъ взой„ти въ ванну. Когда Саладинъ спросилъ его: „что̀ это значитъ?“ Гуго Табари отвѣ„чалъ ему: „Государь! ванна, въ которую по„гружаетесь, означаетъ, что вы, подобно „младенцу, выходящему изъ купѣли чистымъ

„отъ первороднаго грѣха, должны выйти „безъ всякой скверны, и принять по„мазаніе чести, любезности и добро„ты.“ — „Клянусь Богомъ, воскликнулъ Ко„роль, прекрасное начало!“ — Выйдя изъ ван„ны, онъ возлегъ на великолѣпное ложе. — „Гуго скажи мнѣ истинное значеніе сего „ложа?“ — „Ложе означаетъ, что посредст„вомъ рыцарства надлежитъ пріобрѣсть „мѣсто въ раю, которое Богъ уготовалъ „любящимъ Его. Это будетъ мѣсто по„коя; тотъ будетъ глупъ, кто не пріоб„рѣтетъ его.“ — Спустя нѣсколько времени „онъ всталъ съ ложа и былъ облеченъ въ „бѣлое льняное платье. Тогда Гуго сказалъ „ему по-Латыни:“ Государь, не презирайте „сей бѣлой одежды, она будетъ напоми„нать вамъ, что рыцарь долженъ соблю„дать чистоту тѣлесную, ежели хочетъ уго„дить Богу.“ — Послѣ сего надѣлъ на него „пурпуровую ризу. Саладинъ удивился то„му. — „Гуго, что̀ значитъ риза сія?“ — „Государь, риза сія означаетъ, что вы долж„ны проливать кровь свою, защищая церковь „отъ враговъ: ибо рыцарь долженъ дѣлать все „дабы угодить Богу.“ — Потомъ онъ надѣлъ „на него башмаки изъ черной ткани и сказалъ: „Государь, сія черная обувь будетъ напоми-

„нать вамъ о смерти на землѣ, по кото-
„рой вы пресмыкаетесь, изъ которой вы
„взяты и въ которую возвратитесь. Вы
„должны смотрѣть на нее, дабы не возгор-
„диться: ибо гордость не должна обладать
„рыцаремъ: онъ долженъ стремиться къ
„простотѣ." — „Пріятно слышать сіе, и
„мнѣ все это нравится." — Послѣ того онъ
„препоясалъ Саладина бѣлою перевязью,
„надѣлъ на ноги его шпоры и сказалъ:
„Государь! поражая лошадь шпорами, вы
„возбуждаете ее къ бѣгу; посему, онѣ означа-
„ютъ, что вы должны всю жизнь стремить-
„ся отъ всего сердца служить Богу." — Пос-
„лѣ сего препоясалъ его мечемъ и проч.

Я представилъ вамъ только краткое извлеченіе. Символическіе обряды продолжаются и наконецъ Гуго говоритъ:

„Я теперь вамъ другъ и занимаю у
„васъ на мой выкупъ."

Пятьдесятъ эмировъ сдѣлались рыцарями. Они на перерывъ способствуютъ къ его выкупу. Гуго пріемлетъ подарки, подноситъ ихъ Саладину и Саладинъ даруетъ ему свободу и всѣ деньги назначенныя за выкупъ.

Вы видите, какимъ образомъ трубадуры изображали обычаи рыцарства и воспоминанія о Крестовыхъ Походахъ. Въ нихъ непри-

мѣтно ни искры поэтическаго воображенія и таланта; нѣтъ ниодного Германскаго звука: но вы встрѣтите рѣдкое простодушіе, удивительную и даже мѣлочную вѣрность въ описаніи подробностей тогдашней жизни, съ примѣсью чудесъ изъ Крестовыхъ Походовъ или волшебства.

Богата ли, разнообразна ли была сія литература? Тысячи манускриптовъ, написанныхъ въ средніе вѣки, находятся въ Королевской Библіотекѣ. Въ нихъ видна вся жизнь тогдашняго времени. Потребно только терпѣніе, чтобы слѣпить изъ сихъ остатковъ истинный образъ прошедшаго. Но то, что должно составить предметъ изслѣдованій историческихъ, не войдетъ въ наше литературное обозрѣніе.

Мы не будемъ разбирать сей громады неизданныхъ произведеній. Только укажемъ на огромное число памятниковъ, обнаруживающихъ великую дѣятельность духа и направленіе, имъ полученное.

Фоме, писатель XVI столѣтія, составилъ біографію Французскихъ поэтовъ, жившихъ прежде 1300 года. Онъ насчитываетъ ихъ болѣе ста. Христіанъ де Труа, плодовитѣйшій изъ нихъ, сочинилъ нѣ-

сколько рыцарскихъ романовъ, заключавшихъ отъ десяти до двадцати тысячь стиховъ. Множество другихъ поэтовъ были современниками Христіана де Труа. Хотя они были помрачены его славою, однакожъ имѣли успѣхъ и были принимаемы при дворахъ государей. Гордый и учтивый Филиппъ-Августъ былъ покровителемъ наукъ и художествъ. Въ свое время стольже роскошный, какъ и Людовикъ XIV, онъ любилъ по своему душевныя наслажденія. Такимъ образомъ послѣ турнировъ онъ приглашалъ въ огромную дворцовую залу поэтовъ и пѣвцовъ. Стихи Христіана де Труа принимаемы были съ рукоплесканіями. Всѣ восхищались шутками фигляровъ. У государя былъ любимый поэтъ; онъ назывался Гелинатъ и получалъ пансіонъ. Болѣе ничего я не могъ узнать о немъ.

Впрочемъ онъ былъ столь уважаемъ, что имя его, по непонятному анахронизму помѣщено въ Александріадѣ. Онъ произноситъ пѣснь при столѣ Александра. Въ томъ же произведеніи, Королева Изабелла, супруга Филиппа-Августа, вышиваетъ палатку для Персіадскаго Царя Дарія. Кромѣ сихъ огромныхъ поэмъ, коихъ чудовищные вымыслы восхищали дворъ, читали не столь обшир-

ныя произведенія труверовъ. Сіи люди были подобны странствующимъ комедіантамъ. Они приглашаемы были нѣсколько разъ во дворецъ и въ замки, разсказывали рыцарскіе романы, и представляли стихотворныя басни; иногда пародировали самые священнѣйшіе обряды религіи. Они сочинили странную повѣсть подъ названіемъ: *Исторія Лисицы.* Лисица проложила себѣ удивительную дорогу: она была Епископомъ, Архіепископомъ, Папою. Сія шутовская піэса была представляема и возбуждала хохотъ въ придворныхъ рыцаряхъ и дамахъ Филиппа-Августа.

Все сіе изложено съ великимъ искусствомъ въ новѣйшей исторіи Филиппа-Августа, сочиненіи остроумномъ и глубокомысленномъ, въ которомъ со всею занимательностію новости отразился духъ старинныхъ временъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что царствованіе Филиппа-Августа не ознаменовалось истинными успѣхами просвѣщенія. Сіи длинныя и скучныя поэмы, сей самый не взыскательный дворъ, былъ каналомъ развитія Французскаго духа. Прежде Филиппа-Августа Французской дворъ былъ необразованъ и грубъ. Мы не говоримъ

здѣсь о дворѣ Карла Великаго. Еще при семъ монархѣ сдѣланы были первыя попытки, но попытки преждевременныя и потому безполезныя. Только со времени Ф.-Августа дворъ почувствовалъ вкусъ къ литературѣ; и умственныя наслажденія, каковы ни были, составили часть его увеселеній. Но до Людовика Святаго произведенія Французскія, любопытныя подобно древнимъ медалямъ, не представляютъ ничего значительнаго для вкуса. Только со времени сего государя языкъ началъ образоваться и отдѣляться отъ Провансальскаго, освободясь притомъ отъ Англо-Нормандской жесткости первыхъ Французскихъ поэтовъ, Роберта Васа и сочинителя романа Брутъ. Онъ принялъ образованіе, свойственное нынѣшнему Французскому языку, отбросивъ всю грубость языковъ сѣверныхъ. Людовикъ составляетъ достопамятную эпоху въ исторіи развитія національнаго духа. Вліяніе сего государя, котораго умъ былъ столь возвышенъ и образованъ съ такимъ тщаніемъ, не подвержено сомнѣнію. Онъ былъ благочестивѣйшій человѣкъ своего времени и не смотря на то умѣлъ противиться Римскому двору. Благочестіе не ослабило, а только освятило его. Въ немъ соеди-

нено было все, что воображеніе можетъ представить самаго изящнаго и величественнаго. Постановленія Св. Людовика, собраніе законовъ его, слишкомъ строго разобранное Монтескё, пребудутъ удивительнымъ памятниковъ XIII вѣка. Людовикъ былъ также весьма искусенъ въ государственномъ управленіи. Въ исторіи можно видѣть, какимъ образомъ сей государь въ нѣсколько времени поправилъ зло, причиненное Франціи Крестовыми Походами. Наконецъ его благочестіе, непоколебимое въ борьбѣ съ Папами, становится возвышеннымъ на полѣ сраженія. Не смотря на то, что разсудокъ охуждаетъ его рыцарскія похожденія, которыя не были необходимы для защиты Христіанства, и воспрепятствовали ему сдѣлать государству все, возможное для него, благо; нельзя не удивляться героизму, который показалъ онъ во время Египетской экспедиціи. Лейбницъ замѣтилъ, съ какою политическою дальновидностію сей государь избралъ Египетъ средоточіемъ всѣхъ военныхъ дѣйствій на востокѣ. Второй Крестовый Походъ, сдѣлавшійся неудачнымъ отъ своекорыстнаго эгоизма его брата, обнаруживаетъ въ немъ такое величіе, такое мужество и

такое самоотверженіе при смерти, что, мы забывая безразсудность его предпріятій, невольно ему удивляемся. Онъ болѣе оставилъ по себѣ памяти какъ человѣкъ, нежели какъ Король: пробужденіе душевной дѣятельности въ своемъ народѣ — вотъ важнѣйшая, но никѣмъ не замѣченная услуга сего государя! Этого не возможно схватить и подтвердить какимъ-либо частнымъ произшествіемъ. Но разсмотрѣвъ Францію до Людовика IX и послѣ него, вы увидите уже другихъ людей, умы болѣе возвышенные. Со временъ сего государя начала развиваться Французская образованность, и національный духъ, представитель народнаго усовершенствованія, разкрылся и ввелъ языкъ и произведенія Французскія въ общую сокровищницу Европейскаго генія.

Если, пробѣжавъ стихотворныя повѣсти XII столѣтія, вы возмете Жуанвиля, вамъ покажется, что цѣлые вѣки раздѣляютъ сіи произведенія. Но между ими мелькнулъ одинъ только великій человѣкъ и, возбудя умственную дѣятельность, произвелъ сію перемѣну.

Нужно ли отъ сихъ историческихъ воспоминаній возвращаться къ подробностямъ грамматическимъ? Нужно ли искать въ языкѣ слѣдовъ сего переворота? Для сего

довольно замѣтить, что, при совершенномъ отдѣленіи отъ южнаго нарѣчія, Французскій языкъ получилъ совершенно особенный идіотизмъ и характеръ. Сочиненія сего времени писаны по-Французски: ихъ не нужно переводить. Вотъ различіе, которое съ перваго взгляда замѣчается между Жуанвилемъ и Вилль-Гардуиномъ. Послѣ Вилль-Гардуина и Хроники Сен-Дени начинаются памятники національной исторіи на языкѣ простонародномъ. Сіи памятники несравненно вѣрнѣе Латинскихъ хроникъ: ибо выраженіе въ оныхъ составляетъ, такъ сказать, часть самыхъ произшествій. Въ Вилль-Гардуинѣ, несравненномъ живописцѣ нравовъ и подробностей, характеръ Французскаго нарѣчія мало развернутъ. Еслибы кому вздумалось показать, сколь тѣсно были соединены сѣверныя и южныя нарѣчія языка Романскаго, ему надлежало бы для того избрать Вилль-Гардуина: въ немъ еще встрѣчаются звучные слоги и остатки Латинизма, свойственные стихотвореніямъ Провансальскимъ. Впрочемъ, какъ живо изображены въ нихъ средніе вѣки съ ихъ великими, единственными предпріятіями! Нигдѣ лучше не отразилось тождество современныхъ произшествій съ вымыслами вѣка.

Что̀ заключается въ сочиненіи Вилль-Гардуина? Повѣствованіе о побѣдѣ, случайно пріобрѣтенной Французскими вельможами, которые сдѣлались крестоносцами на турнирѣ въ Шампаніи, переплыли море для возведенія на престолъ Константинопольскій низверженнаго Императора, вооружились противъ сего послѣдняго, завоевали Царь-Градъ и основали различныя государства и княжества въ Греціи и Азіи. Сіе сочиненіе есть вмѣстѣ и хроника и рыцарскій романъ. Изъ него вы видите, что турниръ былъ сборнымъ мѣстомъ — вѣчемъ рыцарей. Буйная независимость феодализма, напыщенная гордость Бароновъ обнаружилась здѣсь въ полной мѣрѣ. Не испросивъ позволенія у своего Монарха, по одному мановенію Папы, они отправляются и пріѣзжаютъ въ Константинополь. Преждевременная образованность Италіянскихъ городовъ, противоположная дикой храбрости феодальныхъ вельможъ, способствовала сему предпріятію. Имѣя коней, копья, мечи, Французскіе Бароны принуждены были прибѣгнуть къ торговому городу Венеціи, съ прозьбою о корабляхъ. Прибывъ къ Константинополю, они возводятъ новаго Императора, восхищаются своимъ

дѣйствіемъ. Наконецъ, осмотрѣвъ сей огромный и великолѣпный городъ, въ которомъ было такое множество прекрасныхъ храмовъ, они думаютъ, что гораздо лучше взять его себѣ, нежели подарить другому, и покоряютъ Константинополь. Бодуинъ сдѣлался Константинопольскимъ Императоромъ и получилъ прекрасную добычу. Но сіи Бароны, сіи рыцари, довольные тѣмъ что произвели Императора, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, пріобрѣсть на свою долю, какое нибудь княжество. Жоффруа Вилль-Гардуинъ, послѣ многихъ похожденій, получилъ на свою часть, городъ Месиполь въ Ѳессаліи; здѣсь онъ умеръ около 1313 года, и его фамилія, вступившая въ родство въ Константинопольскими Императорами, существовала долгое время на востокѣ и обладала Коринѳомъ и Аргосомъ. Такимъ образомъ въ началѣ XIII столѣтія система феодальнаго правленія перенесена была въ Грецію. Многіе Французскіе вельможи по примѣру Вилль-Гардуина заставили уступить себѣ замки и земли. Эта побѣдоносная колонія принесла съ собой свои обыкновенія. Отроки, пажи изъ Пикардіи и Туреня, стремились для воспитанія въ Грецію: покореніе Мореи Виль-

рельмомъ Шамплетомъ увеличило сіе вліяніе. Писатели того времени утверждаютъ, что въ Мореѣ также хорошо и также пріятно говорили по-Французски, какъ въ Парижѣ. Все сіе составляетъ часть картины среднихъ вѣковъ, въ коихъ предпріимчивость безпокойной дѣятельности мѣшалась съ невѣжествомъ и неопытностію. Если вы углубитесь въ сочиненія тогдашняго времени, то увидите, что сношенія между людьми были рѣдки и затруднительны. Было множество жителей, которые, не выѣзжая изъ своихъ городовъ, думали, что предѣлы міра находятся на концѣ ихъ полей. Они не имѣли понятія о разстояніяхъ и мѣстахъ. Въ началѣ XII столѣтія, монахи Фердьерскіе въ Сенской Епархіи не знали, что есть во Фландріи городъ Турне. Можно собрать множество мелкихъ анекдотовъ подобнаго рода. Парижскій мѣщанинъ, отправляясь въ Аміень, дѣлалъ духовную. Такъ опасны были дороги, столь много было хищныхъ рыцарей, безсовѣстныхъ правителей, которые нарушали свои клятвы и грабили несчастныхъ путешественниковъ. Но смѣлость тѣхъ, которые презирали бѣгу жизни, которые не боялись приключеній,

не имѣла предѣловъ. Они ѣздили въ Вавилонъ, предлагали свои услуги Королю Солунскому. Не зная, гдѣ лежитъ Солунъ, рыцари, въ числѣ двадцати и тридцати человѣкъ пускались въ дорогу. Венеціяне, которые были несравненно разсудительнѣе, которые посредствомъ торговли и оборотливости пріобрѣли расторопность, доставлявшую имъ поверхность надъ другими, предлагали услуги свои рыцарямъ твердой земли. Они доставляли имъ корабли и брали съ нихъ за проѣздъ. Надлежало расплачиваться съ ними посредствомъ войны. Отъ сего-то, набожные странники, которые отправились изъ Франціи для освобожденія Гроба Господня, окончили свои предпріятія взятіемъ Константинополя и разграбленіемъ Храма Св. Софіи.

Послѣ романовъ Круглаго Стола, переложенныхъ на Французское нарѣчіе Англо-Нордманами, около половины XII столѣтія, повѣсть Вилль-Гардуина есть древнѣйшій памятникъ Французской прозы. Въ семъ отношеніи она достойна величайшаго вниманія. Здѣсь языкъ гораздо виднѣе, чѣмъ въ рифмованныхъ отрывкахъ труверовъ. Она гораздо занимательнѣе послѣднихъ по живости и правдивости разсказа: это не историкъ; это

человѣкъ, который разсказываетъ съ величайшею простотою все, что видѣлъ и дѣлалъ и какимъ образомъ сіе происходило. Вся книга его есть безпрерывное изображеніе дѣйствительности. Еслибы геніальный талантъ вздумалъ подражать ему въ наше время, въ самомъ счастливомъ изображеніи тотчасъ замѣтили бы поддѣльное. Нетрудно узнать остроумца XIX вѣка подъ простодушными выраженіями повѣствователя XIII столѣтія. Въ писателѣ XIII вѣка вы найдете истину не только въ цѣломъ повѣствованіи, но въ каждомъ словѣ; вы увидите торжество сочинителя, времени и произведенія.

Откройте повѣсть Вилль-Гардуинову, и вамъ представится святой мужъ по имени Фулька Нессли. Онъ былъ священникомъ въ семъ приходѣ. Фулькъ началъ проповѣдывать Бога во Франціи и въ другихъ земляхъ. Римскій Папа Иннокентій III приказываетъ ему проповѣдывать Крестовый Походъ. Въ слѣдующій годъ, по его гласу; на одномъ турнирѣ въ Шампаніи, множество рыцарей вступило въ Крестоносцы. Нужны были корабли. Шесть крестоносцевъ отправились для сего въ Венецію. Вилль-Гардуинъ былъ въ числѣ ихъ. Они представились Дожу Дандоло, человѣку благо-

разумному и храброму, который принялъ ихъ благосклонно. Историкъ даже не замѣтилъ, что сему Дожу, пламенному любителю великихъ предпріятій, было тогда девяносто лѣтъ. Но послѣдуемъ за Вилль-Гардуиномъ во дворецъ Дожа, въ Совѣтъ и въ народное собраніе, въ прекраснѣйшую въ мірѣ церковь Св. Марка. Вамъ представятся сцены удивительныя. Прежде всего Вилль-Гардуинъ и его товарищи ведутъ переговоры съ Дожемъ и знатнѣйшими членами Сената; потомъ заставляютъ ихъ отнестись съ прозьбою къ народу; ибо въ Венеціи было тогда демократическое правленіе. (Какое зрѣлище для феодальныхъ вельможъ среднихъ вѣковъ!). Жофруа Вилль-Гардуинъ, Маршалъ Шампаніи, начинаетъ рѣчь: „Высокомощные Господа! „могущественные Вароны! Франція прислала насъ сюда для возбужденія въ душахъ „вашихъ сожалѣнія къ Іерусалиму, который находится въ рабствѣ у Турковъ, и „заклинаетъ васъ именемъ Бога, чтобы вы „помогли отомстить за Іисуса Христа. „Васъ избрала она на дѣло сіе: ибо знаетъ, что вы на морѣ могущественнѣе „всѣхъ народовъ въ мірѣ. Повелѣла намъ „повергнуться къ стопамъ вашимъ и не

„вставать дотолѣ, доколѣ вы не дадите „обѣщанія вступиться За Св. землю, ле„жащую за моремъ.“

Шесть посланниковъ со слезами повергли́сь на колѣна: Дожъ и все собраніе, воздѣвъ руки къ небу, воскликнули въ одинъ голосъ: Согласны, согласны! Земля поколебалась отъ шума и крика.

Въ сей рѣчи, въ семъ повѣствованіи, произшествіе представлено съ такою ясностію, которой никакое новѣйшее искусство подражать не въ силахъ. Вилль-Гардуинъ продолжаетъ подробно разсказывать о медлительныхъ приготовленіяхъ къ Крестовому Походу. Тибо, Графъ Шампанскій, которому надлежало быть предводителемъ, преждевременно умеръ; по смерти его обратились къ Герцогу Бургонскому, къ Графу Бар-ле-Дюку и наконецъ къ Маркизу Мон-Ферратскому. Бароны и поклонники со всѣхъ сторонъ стекались въ Венецію; отсюда надлежало выступить войску. Тогда-то престарѣлый, слѣпый девяностолѣтній Дожъ, созвавши народъ въ церковь Св. Марка, объявилъ, что онъ пріемлетъ крестъ и хочетъ умереть съ путешественниками къ Граду Господню. Наконецъ флотъ отплылъ въ Корфу. Трудно-

сти мореплаванія, зависть и раздоры надменныхъ предводителей представлены живо, простодушно и чистосердечно. Хотя историкъ участвуетъ во всѣхъ предпріятіяхъ, но онъ о себѣ говоритъ очень мало и притомъ съ величайшею искренностію. „Я Жофруа, маршалъ Шампаніи, написавши сіе повѣствованіе, подтверждаю оное.“ Сей драгоцѣнный памятникъ Французской національной исторіи можетъ быть занимательнымъ въ различныхъ отношеніяхъ. Захочетъ ли кто изучать въ немъ свойства языка: онъ найдетъ здѣсь сходство его съ южнымъ Романскимъ нарѣчіемъ, увидитъ справедливость замѣчаній и правилъ ученаго Ренаура; здѣсь встрѣчается много южныхъ окончаній: segnor, tremor, emperlor; vos, dolorous. Опущеніе буквы *s* во множественномъ числѣ сохранено повсюду; словосочиненіе просто и правильно; выраженіе кратко и живописно.

Но величайшая занимательность сей книги заключается въ исторической живописи. Это сближеніе Грековъ и Франковъ, противоположныхъ другъ другу и соединенныхъ въ одномъ повѣствованіи. Ни что не можетъ представить столь необычайнаго зрѣлища, какъ сближеніе Константинопольскихъ Грековъ, сихъ одряхлѣвшихъ

выродковъ западной Имперіи, съ юнымъ поколѣніемъ Франкскихъ воиновъ. Хитрость и робость Греческаго двора, обуреваемаго безпрерывными заговорами; грубая и заносчивая надмѣнность Крестоносцевъ: все это описано весьма живо. Едва новый Императоръ, Алексій, былъ возведенъ Латинцами на престолъ, какъ вознамѣрился удалить сихъ опасныхъ гостей и отправить въ Крестовой Походъ. Но они не торопились оставить свою добычу. Взаимныя жалобы и переговоры умножались: наконецъ вспыхнула война. Греки сожгли корабли Латинянъ. Алексій погибъ отъ измѣны; мѣсто его заступилъ одинъ вельможа двора его. Тогда-то союзники ополчились всею своею силою. Константинополь былъ взятъ и разграбленъ въ Вербное Воскресенье: радость побѣдителей была неизъяснима, когда они нашли множество серебра, посуды, драгоцѣнныхъ камней, шелковыхъ тканей и горностаевъ. Важный историкъ повторяетъ при семъ случаѣ любимое свое выраженіе: „Я Жофруа, Маршалъ Шампаніи, свидѣтельствую съ полною увѣренностію въ истинѣ, что отъ начала міра, ни въ одномъ городѣ не взято такого множества богатствъ.“ Бѣдное и грубое войско овладѣло

сими богатствами. Всякой занялъ домъ, который ему понравился; но ихъ еще осталось много. Такимъ образомъ воины провели Вербное Воскресенье и Пасху, въ удовольствіи и радости, кои даровалъ имъ Господь; но вскорѣ, подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви, великая часть добычи принесена была въ общее казнахранилище. Предводители войска приступили къ избранію Императора. Бодуинъ, Графъ Фландріи, предпочтенъ былъ Маркизу Мон-Ферратскому, который удовольствовался Солунскимъ Королевствомъ. Такое множество предпріятій не возможно было совершить безъ частныхъ совѣщаній. Вилль-Гардуинъ часто произносилъ въ нихъ рѣчи съ важностію и благоразуміемъ. Это составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ его книги. Здѣсь исторія не смотря на простоту выраженія пріемлетъ характеръ политическій. Вы видите въ ней сеймы Латинянъ; вы усматриваете, какъ изготовляется и какъ оправдывается сей необычайный оборотъ, по которому оружіе, назначенное для освобожденія Іерусалима, обращается противу Христіанскаго Государства. Основаніе новой Имперіи, смерть Бодуина, возшествіе на престолъ брата его Генриха, из-

браннаго Французскими Баронами, составляютъ весьма занимательную повѣсть; и мы сожалѣемъ, что онъ не продолжалъ ее далѣе. Въ самомъ дѣлѣ Вилль-Гардуинъ остановился по смерти Маркиза Мон-Ферратскаго, въ 1207 году; и мы должны искать въ Византійскихъ историкахъ продолженія, въ коемъ описывается царствованіе иноземной династіи въ Константинополѣ. Вліяніе сихъ завоевателей было кратковременно и не остановило упадка Греціи. Константинополь, подъ правленіемъ грубыхъ обладателей, сохранилъ свой языкъ и свое вѣроисповѣданіе. Франки предоставили себѣ только рыцарскія игры и воинскія упражненія. Они согнали Грековъ съ ипподрома и давали на немъ турниры. Между тѣмъ сіи раболѣпные льстецы заимствовали нѣкоторыя преданія у своихъ властителей. Въ семъ отношеніи можно найти въ Византійскихъ историкахъ любопытныя черты, только не столь простодушныя; хотя Византійцы были также не просвѣщенны, какъ и Латины. Западные рыцарскіе романы съ описаніемъ Европейскихъ обычаевъ были приняты ими за подлинныя исторіи. Спустя пятдесятъ лѣтъ, когда прекратилась Французская династія, и когда возобновилось слабое существованіе Греческой Им-

періи, многіе Константинопольскіе вельможи гордились тѣмъ, что были въ родствѣ съ Роландомъ и Ренодомъ. Безпримѣрное заблужденіе, показывающее сильное вліяніе рыцарскихъ романовъ, столь сообразныхъ съ бродяжническою жизнію тогдашняго времени!

Я оканчиваю здѣсь разборъ книги, достойной особеннаго изслѣдованія и вниманія. Сочинитель ея, бывшій важнѣйшею особою того времени, осуществляетъ предъ нами въ своихъ дѣйствіяхъ рыцарство, котораго идеалъ находится въ романахъ среднихъ вѣковъ. Воинъ и политикъ, онъ обнаруживаетъ благоразуміе, праводушіе и честность, среди самыхъ безразсудныхъ и несправедливыхъ предпріятій. Онъ сообщаетъ намъ понятіе о строгихъ и непреклонныхъ характерахъ рыцарей, подобныхъ сталь, ихъ покрывавшей.

V

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— СТИХОТВОРЕНІЯ ДЕНИСА ДАВЫДОВА. *Москва, въ тип. А. Семена*, 1832.

— ЗАМѢЧАНІЯ НА НЕКРОЛОГІЮ Н. Н. РАЕВСКАГО, *изданную при Инвалидѣ* 1829 *года. Съ прибав-*

леніемъ его собственныхъ записокъ *на нѣкоторыя событія* 1812 *года, въ коихъ онъ участвовалъ. Сочиненіе Дениса Давыдова. Москва, въ тип. А. Семена*, 1832.

Имя *Давыдова* сопряжено съ незабвенными воспоминаніями 1812 года. Въ сей величественной эпопеѣ Русскаго героизма, его удалыя наѣздничества, провожавшія враговъ, истинно по-Русски, изъ предѣловъ оскорбленной отчизны, составляли блистательный эпизодъ! Онъ явился тогда поэтомъ не слова, а дѣла: сыпалъ огонь, а не рифмы; рубилъ саблею, а не цезурою! Но, когда умолкъ шумъ брани, когда Русской мечь, увитый лаврами, опочилъ въ своихъ ножнахъ, поэзія души его, не привычной къ прозаическому бездѣйствію, должна была пробить себѣ другой истокъ, обнаружиться въ словѣ; сабля уступила мѣсто перу, и —

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Оставя бой кровавый,
Сталъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Любви, вина и славы! . .

Стихотворенія *Давыдова* ловили съ жадностью при ихъ появленіи. Нѣкоторыя изъ нихъ ввѣрялись крыльямъ періодическихъ листковъ; другія, въ завѣтныхъ рукописныхъ лоскуткахъ, переходили изъ рукъ въ руки, утѣхою молодежи и соблазномъ степенниковъ. Теперь они собраны вмѣстѣ и составили небольшую книжечку.

Въ литературѣ весьма часто печать бываетъ тѣмъ же для рукописи, чѣмъ, по общему повѣрью, Гименей для Амура — ложемъ смерти. Отъ того ли, что съ рукописью сопряжена

всегда прелесть тайны, не всѣмъ извѣстной, или отъ того, что печать, сообщая характеръ окончанности произведенію, даетъ право быть къ нему внимательнѣе и строже: какъ бы то ни было, но многочисленные опыты доказали, что подъ гнетомъ типографическаго станка сглаживаются многія долголѣтнія репутаціи, прикованныя общимъ мнѣніемъ къ манускриптамъ. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ *Давыдова*. Вылившись, или лучше сказать, выбрызнувъ изъ его кипящей души, онѣ сверкаютъ, подобно пѣнѣ шипучаго аи: но ихъ искрометный газъ испаряется, какъ скоро летучіе брызги уляжутся спокойно въ кристаллѣ. Посему, для пользы и чести поэта, мы не желали бы видѣть преданными тисненію всѣ лоскутки, исписанные въ веселыя минуты разгульнаго вдохновенія. Таково н. п. слѣдующее стихотворенице, напечатанное въ собраніи, подъ именемъ *Рыцательнаго Вечера*:

Сегодня вечеромъ увижусь я съ тобою;
Сегодня предъ отцомъ въ словахъ не лицемѣрь,
Иль руку съедини мою съ своей рукою,
Иль ею покажи мнѣ дверь!

Тогда я съ горести, какъ зюзя, натянуся,
На тройкѣ ухорской стрѣлою полечу;
Прославшись до Твери, въ Твери опять напьюся,
И пьяный въ Петербургъ на пьянство прискачу.

Но если счастіе назначено судьбою
Тому, кто цѣлый вѣкъ со счастьемъ не знакомъ,
Я, по пословицѣ, напьюсь свинья свиньею,
И съ радости пропью прогоны съ кошелькомъ.

Здѣсь конечно есть одушевленіе, есть поэзія: но одушевленіе, которое не должно выходить за предѣлы веселаго круга пирующихъ друзей, гдѣ оно и раждается; поэтическій соръ, котораго не слѣдуетъ выносить изъ дому. Еще менѣе слѣдовало бы предавать тисненію тѣ забубенныя вспышки гусарскаго вдохновенія, гдѣ для печатнаго выраженія многихъ словъ не нашлось буквъ въ типографической азбукѣ, а поставлены только начальныя литеры съ точками. Оставатьсябъ имъ счастливо въ портфейляхъ или въ памяти любителей, не оскорбляя своею полу-прозрачностью тѣхъ, коимъ гусарская техника не по душѣ, не по сердцу!

Но, сдѣлавъ сіе безпристрастное замѣчаніе, относительно нѣкоторыхъ поэтическихъ шалостей *Давыдова*, считаемъ пріятною обязанностію, отдать должную справедливость прочимъ его стихотвореніямъ. Въ нихъ плещетъ и разливается истинная жизнь: онѣ кипятъ неподдѣльною поэзіею. По странному, хотя и естественному, совмѣщенію крайностей, въ нихъ соединяется пылъ буйнаго изступленія съ дѣтскою простосердечною искренностію. Нерѣдко сія искренность сверкаетъ молнійными струями яркихъ, сильныхъ мыслей. Возьмемъ въ примѣръ мастерской очеркъ, гдѣ поэтъ изобразилъ самъ себя, въ костюмѣ *полу-солдата:*

Нѣтъ, братцы, нѣтъ: полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!

Вы видѣли: я не боюсь
Ни пуль, ни дробника Куршицца;
Лечу стремглавъ, не дуя въ усъ,
На ножъ и шашку Кабардинца,

Все такъ — но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохотъ обуялъ толпой,
И клики вторятся горами,

И все кипитъ, и все гремитъ;
А я, межъ вами одинокой,
Нѣмою грустію убитъ,
Душой и мыслію далёко!

Я не внимаю стуку чашъ
И спорамъ, вкругъ солдатской каши;
Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши.

Таковъ ли былъ я въ вѣкъ злашой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ.

Бывало слово: другъ, явись!
И ужь Денисъ съ коня слѣзаетъ;
Лишь чашей стукнутъ — и Денисъ
Какъ тутъ, и чашу осушаетъ.

На скачку, на борьбу готовъ,
И чтимый *выродкомъ* глупцами,
Онъ, расточитель острыхъ словъ,
Имъ хлещетъ прозой и стихами.

Иль въ карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской буркѣ;

Или вкругъ свѣтлаго костра
Танцуетъ съ дѣвками мазурки.

Пѣтъ, братцы, пѣтъ: полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полюжины ребятъ,
Да щи, да чакра въ запеканкой!

Такъ говорилъ наѣзднихъ нашъ,
Оторванный судьбы велѣньемъ
Отъ крова мирнаго въ шалашъ,
На сѣчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.
Араксъ шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араксу вторитъ ключь нагорный,
И Алагъезъ, нахмурясь, спитъ,
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ;
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Арарратомъ.

Но воинъ нашъ не упоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края. . .
Съ Кавказа глазъ не сводитъ онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека груда снѣговая. . .
На немъ знакомый вихрь, на немъ громады льда,
И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая, недоступномъ,
Горитъ родная звѣзда!

Коротко сказать, поэзія стихотвореній *Давыдова* представляетъ непрерывный огнедышущій диѳирамбъ, или лучше, говоря собственными его словами,

. . . вся чувство, вся восторгъ
Какъ Пиндара строфа живая! . .

Иногда поэтъ-наѣздникъ, оставляя шумъ бранный предается нѣгѣ чувства. Этотъ переходъ весьма естественъ и давно угаданъ древнею Греческою поэзіею, изображавшею Арея въ объятіяхъ Афродиты. *Давыдовъ* самъ весьма наивно представляетъ сіе дружеское соединеніе лавра и мирта, хотя (мимоходомъ сказать) съ нѣкоторыми грамматическими промахами:

Въ насъ сердце не всегда *желаетъ*
Лишь *ужасъ*, *стонъ*, *кровавый бой*;
Ахъ! часто и гусаръ вздыхаетъ,
И въ киверѣ его весной
Голубка гнѣздышко свиваетъ. . .

Но вообще должно сказать, что поэтъ лучше умѣетъ воспѣвать раздолье гусарской жизни, чѣмъ таять въ нѣжныхъ мечтаніяхъ. Вотъ его собственное признаніе:

На вьюкѣ, въ торокахъ цѣвницу я таскаю;
Она и подъ локтемъ, она подъ головой;
Межь конскихъ ногъ позабываю
Въ пыли, на влагѣ дождевой. . .
Такъ мнѣ ли ударять въ разлаженныя струны
И пѣть любовь, луну, кусты душистыхъ розъ?
Пусть загремятъ войны перуны,
Я въ этой пѣснѣ виртуозъ!

Не льзя не замѣтить еще особенной характеристической черты, отличающей поэзію *Давыдова*. Это нѣкоторый родъ живаго веселаго юморизма, чуждаго саркастической желчи, но растворенного какимъ-то безпечнымъ, простодушнымъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ презрѣніемъ къ мѣлочнымъ суетамъ прозаической жизни. Такое расположеніе весьма естественно въ душѣ воина, привыкшаго играть жизнью. Для примѣра выпишемъ нѣ-

сколько стиховъ изъ одного посланія къ *Бурцову*, прославленному поэтическою пріязнію *Давыдова:*

Пусть не сабельнымъ ударомъ
Пресѣчется жизнь моя!
Пусть я буду Генераломъ,
Какъ ихъ много видѣлъ я!
Пусть среди кровавыхъ боевъ
Буду блѣденъ, боязливъ:
А въ собраніи героевъ
Остръ, отваженъ, говорливъ!
Пусть мой усъ, краса природы,
Чернобурый, въ завиткахъ,
Изсѣчется въ юны годы
И исчезнетъ, яко прахъ!
Пусть фортуна, для досады,
Къ умноженію всѣхъ бѣдъ,
Дастъ мнѣ чинъ. . . .
И Георгья за совѣтъ!
Пусть я буду вѣкъ въ заботахъ,
Членомъ въ Мемельскихъ расчетахъ,
Иль . . . пожарный Капитанъ!
Пусть . . . но полная лохань
Ужъ сухая остается!

Или прочтемъ его *Гусарскую Исповѣдь:*

Я каюсь! Я гусаръ давно, всегда гусаръ,
И съ просѣдью усовъ, все рабъ младой привычки:
Люблю разгульный шумъ, умовъ, рѣчей пожаръ
И громогласныя Шампанскаго отпычки.
Отъ юности моей врагъ чопорныхъ утѣхъ,
Мнѣ душно на пирахъ безъ воли и распашки.
Давай мнѣ хоръ цыганъ! Давай мнѣ споръ и смѣхъ
И дымъ столбомъ отъ трубочной затяжки!

Бѣгу вѣкъ сборища, гдѣ жизнь въ однихъ ногахъ,
Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
Гдѣ откровенность въ кандалахъ,

Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;
Гдѣ спесь до подлости — вельможа да холопъ;
Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эполеты,
. . . . . .
Гдѣ столько пузъ затянуто въ корсеты! . .

Очевидно, это юморизмъ не Гораціанскій. Царедворецъ Августа брезговалъ жизнью отъ пресыщенія: нашъ поэтъ напротивъ отъ непривычки къ душной тѣснотѣ жизни прозаической, отъ тоски бездѣйствія, слишкомъ тягостнаго для души, привыкшей въ вольному воздуху бивуака. Отсюда его ироническая насмѣшливость гораздо искреннѣе и наивнѣе, даже самая вакхическая жажда упоенія, въ коемъ любитъ онъ потоплять свое негодованіе на скуку непривычной жизни, гораздо естественнѣе и извинительнѣе, чѣмъ въ брюзгливомъ эпикурейцѣ, пропивающемъ съ досадой жизнь, коей истинной цѣны никогда не имѣлъ случая извѣдать. Но, повторимъ снова, то не извинительно въ нашемъ поэтѣ, что онъ, забывалсь, позволяетъ себѣ слишкомъ явное оскорбленіе всякаго приличія въ выраженіяхъ, которое въ Горацiѣ могла сносить только безнравственность дряхлаго Рима. Въ приведенной выше тирадѣ мы должны были пропустить цѣлый стихъ, въ коемъ неприличіе послѣдняго слова слишкомъ оскорбительно выглядываетъ изъ за точекъ.

Таково наше мнѣніе о *Давыдовѣ*, какъ о поэтѣ. Признаемся, мы пожалѣли, что онъ не писалъ, не пишетъ больше! Что̀ касается до прозаическихъ его *Замѣчаній на Некрологію Н. Н. Раевскаго*, то долгъ безпристрастія заставляетъ насъ желать, чтобъ онъ такою прозою писалъ менѣе. Отдаемъ полную справедли-

вость его намѣренію и не входимъ въ изслѣдованіе историческаго достоинства сей брошюрки: но относительно изложенія и языка замѣтимъ, что она слишкомъ ниже славнаго имени *Давыдова*. Строгая критика, съ однимъ грамматическимъ дозоромъ, моглабъ найти въ ней много грѣховъ, кои, изъ уваженія къ поэту, покрываемъ молчаніемъ.

Впрочемъ эту грамматическую несостоятельность не должно ставить въ большую вину *Давыдову*. Вотъ что повѣствуется въ автобіографіи, приложенной къ его *Стихотвореніямъ*, которая, не смотря на недостатокъ мѣры и рифмъ, дышетъ поэтическою жизнію:

„Розга обратила его (*Давыдова*) къ ученію. Но какъ тогда учили? Нашпирали ребятъ наружнымъ блескомъ, готовя ихъ для удовольствія, а не для пользы общества, учили лепетать по-Французски, танцовать, рисовать и музыкѣ; тому-же учился и Давыдовъ до тринадцати-лѣтняго своего возраста. Тутъ пора было думать о будущности: онъ сѣлъ на коня, захлопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаею гончихъ собакъ по лѣсамъ и болотамъ — и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе.“

„Между *порошами* и *брызгами*, живя въ Москвѣ безъ занятій, онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда въ Университетскомъ Пансіонѣ. Они доставили ему случай прочитать Аониды, полупеpіодическое собраніе стиховъ, издаваемое тогда Н. М. Карамзинымъ. Имена знакомыхъ своихъ, напечатанныя подъ нѣкоторыми стансами и пѣсенками, помѣщенными въ Аонидахъ, зажгли его

честолюбіе. Онъ сталъ писать; мысли тѣснились, но какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою. Отъ нетерпѣнія своего онъ думалъ побѣдить препятствія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья — но не тутъ-то было! Тогда онъ обратился къ переводамъ, и вотъ первый опытъ его стихотворенія:

„Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
„О милая овечка! Когда я думала, что ты меня
„Завсегда будешь любить,
„Увы! по моему сердцу судя,
„Я не думала, что другу можно измѣнить!“

Вотъ съ чего началъ *Давыдовъ!* И такъ вмѣсто того чтобъ привязываться къ нему, подивимся лучше силѣ его генія, который, безъ всѣхъ пособій методическаго образованія, умѣлъ выработать изъ себя поэта и, начавъ *пастушкой Лизой*, наконецъ изобразилъ *Іюньскій Вечеръ* въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ; полупрозрачна тѣнь
Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали;
Зарницы бѣгали за синею горой,
И окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая,
И прислонясь къ лавровому кусту,
Дышала роза молодая! . .

VI

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

ПИСЬМО КЪ Г. ВАЗЕНЮ.

Пера, 1 Сентября, 1830.

Чтобы видѣть Константинополь во всей его обширности и окинуть однимъ взглядомъ, я всходилъ нѣсколько разъ на башню Сераскира. Лѣстница въ сей башнѣ, построенной на третьемъ холмѣ, имѣетъ 85 ступеней. Оттуда весь городъ представляется такъ, какъ мы видѣли его за нѣсколько лѣтъ въ панорамѣ. Я могъ бы вамъ назвать всѣ мѣста, которыя видны въ отдаленности, какъ напримѣръ: Босфоръ Ѳракійскій, Марморное и Черное Море и проч. Но будучи не въ состояніи представить сіи мѣста съ точностію и показать такъ, какъ я ихъ вижу, избавляю васъ отъ моей географіи, гдѣ вы нашлибы только однѣ названія, которыя не дадутъ пищи ни уму ни воображенію.

Столица Оттоманской Имперіи не походитъ ни на одну столицу Европы; она едва имѣетъ видъ большаго города. Кажется, видишь обширное поле, покрытое мѣстечками и деревнями, соединяющимися между собою; домы, окрашенные краснымъ, зеленымъ и бѣлымъ цвѣтомъ, кладбища усаженныя кипарисами, большія пространства, на которыхъ видны только закоптѣлыя развалины, одинокія стѣны, почернѣвшія отъ пожаровъ, минареты, возвышающіеся въ воз-

духѣ подобно нашимъ колокольнямъ, сады и необработанныя земли вокругъ великолѣпныхъ зданій: все это представляетъ зрѣлище, о которомъ я не могъ бы составить себѣ понятія, еслибъ не имѣлъ его теперь предъ глазами. Прибавьте къ сей картинѣ движеніе на пространствѣ, занимающемъ семь холмовъ, обширную пристань, покрытую кораблями всѣхъ націй, море съ трехъ сторонъ и ясное восточное небо. Вотъ что̀ возбуждаетъ удивленіе и чего не могутъ разрушить ни время, ни Турки! Итакъ Константинополь обязанъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ мѣстоположенію, солнцу, которое его освѣщаетъ, окрестностямъ и омывающимъ его водамъ: это чудеса, которыхъ не въ силахъ произвесть геній человѣческій; здѣсь не видно произведеній рукъ, передвигающихъ или сглаживающихъ каменья; видны только чудеса природы и творенія!

Въ сей безпорядочной кучѣ зданій и домовъ немного найдется такихъ строеній, которыя бы могли возбудить особенное вниманіе зрителя. Величіе въ цѣломъ и въ разнообразіи предметовъ! Если вы идете по улицѣ, то видите, что она худо вымощена и грязна, лавки тѣсны и не опрятны, домы худо построены: вы не встрѣтите ни одного памятника, который бы привлекъ ваши взоры, исключая мечетей и прекрасныхъ фонтановъ. Но станьте на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ: вы увидите восхитительныя картины. Кто хочетъ насладиться видомъ Константинополя, тотъ не долженъ смотрѣть вокругъ себя. Если вы въ Перѣ, то должны смотрѣть на Сераль и берегъ Скутари. Если вы въ Им-

ператорскомъ городѣ, смотрите на кварталъ Галаты, на колонны Свят. Димитрія, Эюба, на оживленный каналъ Босфорскій! Всѣ мѣста, представляющіяся въ нѣкоторомъ отдаленіи, привлекаютъ вниманіе; куда бы вы ни пошли, виды разнообразятся; новыя сцены представляются глазамъ вашимъ; всякую минуту вы перемѣняете горизонтъ. Посреди толикаго множества оптическихъ обмановъ, красоты ихъ всегда новы и никогда не прискучатъ, ибо ихъ нельзя видѣть вблизи. Когда вы подходите къ картинѣ, которая васъ привлекла, она замѣняется другими, показывающимися въ отдаленности и также васъ очаровывающими. Всѣ сіи чудеса, составляющія украшеніе города варварскаго, исчезающія, когда къ нимъ приблизишься, не имѣютъ ли нѣкотораго сходства съ надеждою, которая убѣгаетъ въ будущность и улыбается намъ издали среди бѣдности настоящаго? Или не образъ ли это небесныхъ рощъ, фантастическихъ садовъ и Турецкаго рая, въ нашемъ грубомъ мірѣ? Видите, любезный другъ, какъ я философствую; думаю, что въ семъ расположеніи духа, вы узнаете первое впечатлѣніе прекраснаго зрѣлища, которое теперь предъ моими глазами.

Путешественники, пріѣхавъ въ Константинополь, прежде всего осматриваютъ Св. Софію. Симъ начали мы прогулки свои по Императорскому городу. Церковь Св. Софіи была описана тысячу разъ. Воздвигнутый Константиномъ, сожженный фанатической сектою во времена Анастасія и вновь сооруженный Юстиніа-

аномъ, знаменитый храмъ сей попеременно принадлежалъ Католикамъ, Грекамъ и наконецъ поклонникамъ Аравійскаго Пророка. Отъ частыхъ передѣлокъ, прибавленій и перемѣнъ, наружность его имѣетъ въ себѣ нѣчто грубое и тяжелое: почему я не могъ открыть въ немъ тѣхъ изящныхъ и воздушныхъ формъ, кои приписываются ему историками и аншикваріями. Мы хотѣли-было посмотрѣть внутренность зданія: но туда ни кого не пускаютъ безъ фирмановъ Верховнаго Владыки, а сіи фирманы не охотно даются, особливо послѣ послѣдней войны. Это дѣлается изъ угожденія народу, который не заботится о томъ, что завоевываютъ предѣлы Оттоманскіе; но не хочетъ, чтобы преддверія мечетей осквернялись стопами невѣрныхъ. Впрочемъ Турки имѣютъ предчувствіе, что Св. Софія нѣкогда опять достанется Христіанамъ; и сіе предчувствіе или предсказаніе еще болѣе увеличиваетъ ихъ мрачный и ненавистный нравъ. Итакъ надлежало отказаться отъ любопытства или ожидать пока предсказаніе исполниться. До тѣхъ поръ прочту многотомныя сочиненія, оставленныя намъ Петромъ Грело и другими учеными путешественниками.

Поговорю съ вами о другомъ зданіи, въ которое иностранцы также не могутъ проникнуть: принадлежащія къ нему строенія покрайней мѣрѣ доступны и достойны любопытства: я говорю о сералѣ Верховнаго Владыки. Сераль есть самый замѣтный пунктъ въ Константинополѣ; на него обращаются всѣ взоры по пріѣздѣ въ столицу Османовъ; къ нему стремятся всѣ мысли, когда дѣло идетъ о Турціи и Оттоман-

ской Имперіи. Сераль Султана не есть только жилище Императора: его можно почесть за городъ среди большаго города; онъ имѣетъ свои законы, свои обычаи и свое правленіе.

Вотъ мы подходимъ къ Императорскимъ Воротамъ или къ Высокой-Портѣ (Баби-Гумаюнъ). Обороняемыя двумя старинными башнями и безъ всякаго наружнаго украшенія, онѣ имѣютъ видъ совершенно не соотвѣтствующій своему названію. Прежде вступаютъ на дворъ неправильнаго вида, немощеный, довольно похожій на шѣ, кои находятся при нашихъ замкахъ среднихъ вѣковъ. Влѣво отъ воротъ показали намъ древнюю церковь Св. Ирины. Теперь эта церковь служитъ кладовою древняго оружія; Турки хранятъ въ ней шлемы, копья и щиты, принадлежавшіе Христіанскимъ воинамъ. Нѣкоторые путешественники говорятъ, что въ сей кладовой хранятся машины, употреблявшіяся при осадѣ Никеи, во время перваго Крестоваго похода. Машины сіи были присланы Императоромъ Алексіемъ, который велѣлъ возвратить ихъ въ Константинополь, когда Никея отворила ему вороты. Мы полагаемъ, что сіе древнее оружіе простирается до временъ Грековъ, сохранено и умножено Турками. Я весьма жалѣю, что не могъ проникнуть въ сіе мѣсто, гдѣ бы могъ видѣть латы, мечи, луки и знамена древнихъ нашихъ рыцарей, смѣшанные съ варварскими. Церковь Св. Ирины представила бы мнѣ вмѣстѣ и памятникъ Греческой Имперіи и любопытную главу изъ лѣтописей военнаго искусства. Во всякомъ другомъ государствѣ старались бы по-

казывать остатки побѣжденныхъ народовъ; но Османы почитаютъ за правило все скрывать отъ иностранцевъ, даже собственную славу.

Мы вошли въ довольно обширное, но худо расположенное зданіе, близь церкви Св. Ирины. Тамъ чеканятъ или лучше сказать передѣлываютъ серебряную монету, на которой начертывается слово *адли*, что̀ значитъ *правосудіе*. Эта передѣлка монеты есть одно изъ величайшихъ бѣдствій Имперіи; и зло сіе безпрестанно увеличивается. Турецкіе піастры, которые пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ стояли нашихъ 3 франка, едвали равняются теперь 6 су. Монеты Императорской фабрики имѣютъ такое низкое достоинство, что имъ предпочитаются поддѣльныя. Управленіе монетнымъ дворомъ, много сгубило головъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ трое Армянъ, братья Доос-Оглу, коимъ было поручено сіе выгодное и вмѣстѣ опасное управленіе, были повѣшены у воротъ своего дома въ Босфорѣ; двое другихъ Армянъ, которые заступили мѣсто первыхъ, раздѣлались только своимъ имѣніемъ и ссылкою; принявшій ихъ должность Кассас-Арсинъ также принадлежитъ къ Армянской націи. Говорятъ, что онъ раздѣляетъ со всѣми зажиточными людьми прибыль отъ передѣлки монеты. Эта предосторожность не отвратитъ ожидающей его участи. Но будетъ ли отъ того лучше? Султанская монета будетъ ли высшей пробы? Можно весьма часто дѣлать замѣчанія Туркамъ, что строгость и наказанія у нихъ ни къ чему не служатъ. Принимаются за людей

и никогда за самую вещь; въ день правосудія или лучше сказать гнѣва, головы летятъ, а злоупотребленія остаются.

За монетнымъ дворомъ, со стороны моря, есть другое зданіе, котораго одно названіе родитъ печальныя мысли и которое можно почесть принадлежащимъ къ Императорскимъ финансамъ. Здѣсь также *бьютъ монету*, какъ нѣкто выразился: я говорю о тюрьмѣ Бостанджи-Баши, гдѣ предаются пыткамъ несчастные осужденные, которыхъ сокровища хотятъ присвоить. Правда, что Султанъ Махмудъ фирманомъ уничтожилъ конфискаціи; но фирманъ Его Высочества исключилъ *богатства худо пріобрѣтенныя*. Не нужно кажется сказывать, что̀ можно дѣлать при подобномъ исключеніи, подъ такимъ правленіемъ и въ такомъ государствѣ?

Войдя въ другія вороты, вы увидите на сводѣ знамена и трофеи. Сіи знаки побѣды должны бы возбуждать въ Туркахъ лестныя воспоминанія для ихъ націи; но другія воспоминанія омрачаютъ ихъ мысли, когда подъ сими мрачными сводами они встрѣчаютъ, такъ называемую *аджеллад-одала*, комнату палачей. Здѣсь совершаютъ казнь даже надъ вельможами, заслужившими немилость государя. Публицисты полагаютъ главною пружиною деспотизма Султановъ страхъ; очень естественно, что святилище его находится близь Сераля и что онъ нѣкоторымъ образомъ исправляетъ должность стража. Занятый размышленіями объ Оттоманскомъ правосудіи, я отыскивалъ мѣсто, гдѣ выставляются головы, отсѣченныя по пове-

лѣнію Султана, именуемаго *Тѣнью Божества*. Насъ повели ко внутренней стѣнѣ Сераля, на которой выставляются головы и даже трупы пораженныхъ Императорскимъ правосудіемъ. *Чіау* присутствуетъ при сей выставкѣ, имѣя въ рукѣ бѣлую палочку; на всякой головѣ находится *яфта* или надпись, изъясняющая причину, по которой она отсѣчена. Сіи яфты обыкновенно бываютъ весьма лаконически и не всегда положительно изъясняютъ дѣло. Я помню таковую на головѣ Галеда-Эффенди; сей любимецъ Махмуда былъ безъ всякаго основанія обвиненъ во многихъ преступленіяхъ: что будто подъ личиною вѣрности и добродѣтели развращалъ Мусульманъ и поселялъ между ними раздоръ. На головѣ его было написано въ родѣ пост-скриптума: *вотъ голова злодѣя, удавленнаго въ ссылкѣ*. Такое обвиненіе часто бываетъ однимъ доказательствомъ процесса и Турецкая публика имъ довольна; ибо увѣрена, что умирающіе по волѣ Государя всегда виновны и что самъ Богъ исключилъ ихъ изъ книги жизни. Головамъ Визирей, Пашей или Министровъ оказываютъ честь, выставляя ихъ на каменномъ или мраморномъ столбѣ, на деревянномъ или серебряномъ блюдѣ. Съ головами простолюдиновъ поступаютъ безъ церемоніи: иногда втыкаютъ на колъ или просто бросаютъ наземь. Всѣ сіи головы принадлежатъ Султану или Джелладу (палачу). Сей послѣдній отдаетъ или продаетъ ихъ семействамъ обезглавленныхъ, а иногда и иностранцамъ. Голова Али-Паши Янинскаго была прежде сторгована однимъ Англичаниномъ, потомъ продана Дервишу, который схоронилъ ее

близь воротъ Селиврійскихъ. Голова несчастнаго Галеда-Еффенди, предметъ народной ярости, была брошена въ море; ее вынули изъ воды, чтобы отдать дервишамъ Мевлеви въ Перѣ; потомъ сняли съ мавзолея; если кто хочетъ знать, гдѣ она теперь находится, долженъ спросить у ангеловъ смерти.

Я замѣтилъ, что мѣсто, назначенное для ужасныхъ выставокъ, начало заростать травою; сопровождавшіе меня сказали, что уже нѣсколько мѣсяцевъ не выставляютъ головъ въ Сералѣ. Въ этомъ должно отдать справедливость умѣренности Махмуда. Къ несчастію умѣренность не такъ легко водворяется въ Турціи. Не думайте, что правосудіе, которое для насъ такъ ужасно, производитъ подобное дѣйствіе на Турковъ. Оно чувствительно впрочемъ для людей должностныхъ, которые, по простонародному выраженію *ѣдятъ хлѣбъ Султана* и вступивъ однажды въ его службу уже *не имѣютъ ни головы, ни имущества.* Многіе изъ нихъ во зло употребляютъ его довѣренность, или могущество, и служатъ ненавистными орудіями деспотизма; въ семъ случаѣ деспотизмъ вооружается противъ самаго себя и самъ удовлетворяетъ народъ имъ утѣсняемый. Должно прибавить сюда, что причиною строгости Султана очень часто бываютъ народныя страсти; народъ при всякомъ возстаніи требуетъ головъ, такъ что часто власть находится въ рукахъ толпы. Послѣ сего не кричите о варварствѣ Турковъ: ибо теперь и у васъ въ Парижѣ толпа точно также требуетъ головъ Ми-

нистровъ, и радость ея была бы также велика, еслибъ она увидѣла весь Королевскій Совѣтъ на деревянномъ или серебряномъ блюдѣ.

Но возвратимся въ Сераль. За вторымъ дворомъ есть третьи вороты, которыя называются воротами блаженства *баб-ус-скадетъ*: за ними множество дворцовъ, дворецъ Султана, Принцессъ, который называется клѣткою, и дворецъ *Галекассъ* или Султаншъ. Не буду вамъ говорить объ Императорской Библіотекѣ, одной изъ тайнъ Сераля, которой не видалъ ни одинъ путешественникъ. Вы знаете, что тамъ еще надѣются найти Тита-Ливія и многія другія изящныя творенія, утраченныя нашими Европейскими учеными и можетъ быть сохраненныя Турками.

Кто любитъ противуположности, тому стоитъ только посмотрѣть на Сераль. Съ одной стороны варварства, заставляющія трепетать отъ ужаса; съ другой прелестные сады и очаровательное жилище сладострастія. Исторія разсказала намъ, что происходитъ на первыхъ дворахъ; остальное до сихъ поръ относилось къ вѣденію поэтовъ и романистовъ. Однако нѣкоторые путешественники имѣли возможность проникнуть во внутренность садовъ; они видѣли тамъ кипарисныя аллеи, мозаическія дорожки, позлащенныя рѣшетки, цвѣтники обсаженные буковыми деревьями, теплицы, водометы, зимній и лѣтній гаремы, великолѣпный кіоскъ, въ которомъ Султанъ проводитъ лучшее время года. Здѣсь вы моглибы ожидать отъ меня новыхъ подробностей, очаровательныхъ для воображенія;

но я долженъ вамъ признаться, что едва осмѣливался спрашивать, что̀ происходитъ въ семъ мѣстѣ, окруженномъ страхами. То увлекаемый любопытствомъ, то удерживаемый боязнію, я могу примѣнить къ себѣ слова знаменитаго нашего поэта:

Je brule de savoir et crains d'interroger.

Скажу вамъ только, основываясь на достовѣрности, что одинъ Шведскій дворянинъ а) недавно примѣтилъ здѣсь трехъ или четырехъ Грузинокъ, прекрасныхъ какъ Гуріи, кои скрывались въ хижинѣ садовника Нѣмца и подобно Галатеѣ Виргилія убѣжали за деревья, такъ что ихъ могли видѣть. Еще скажу вамъ, также по достовѣрному свидѣтельству, что одинъ Англійскій путешественникъ видѣлъ въ лѣтнемъ гаремѣ нѣсколько стклянoчекъ съ ярлычками, на которыхъ было написано *Андалская водка*, *Данцигская водка*. Докторъ Кларкъ въ своемъ путешествіи на Востокъ, хвалится, что видѣлъ также много чудесъ, между прочимъ спальню одалисокъ и желтыя туфли Султаншъ. Для сего онъ подвергалъ жизнь свою опасности. Что̀ касается до меня, то я не такъ любопытенъ: для меня достаточно было посмотрѣть на прекрасные Серальскіе сады, нарисованные Меллингомъ; совѣтую и вамъ сдѣлать тоже. Я охотно вѣрю всему, что̀ говорятъ; но это еще не совсѣмъ то, что̀ я желалъ бы знать. Мнѣ хотѣлось бы имѣть понятіе о нравахъ гарема, о ревности, интригахъ и страстяхъ,

а) Всѣ сіи подробности задостовѣрно разсказываютъ многіе Англійскіе путешественники.

одушевляющихъ сіе таинственное желище. Вѣроятно, ни кто не знаетъ о томъ ничего положительнаго: развѣ начальникъ черныхъ евнуховъ сдѣлаетъ величайшую нескромность, или не вздумается ли какой нибудь прекрасной одалискѣ подарить насъ *Записками Современницы*! Вообще въ Константинополѣ думаютъ, что Махмудъ начинаетъ имѣть отвращеніе къ Сералю и къ однообразію его утѣхъ; по крайней мѣрѣ вѣроятно, что онъ ищетъ наслажденій и въ другихъ мѣстахъ.

Осмотрѣвъ все, что позволено видѣть въ Св. Софіи и Серали, пойдемъ къ такъ называемому *Атъ-Мейдану*: это древній Ипподромъ. Здѣсь народъ, увлеченный страстями, часто угрожалъ спокойствію Имперіи, предаваясь партіи зеленыхъ или синихъ. Здѣсь, когда умъ выраждался, теряясь въ ѳеологическихъ тонкостяхъ, героизмъ и храбрость истощались въ борьбахъ цирка и бѣгахъ колесницъ. Удивительная нація, существовавшая десять вѣковъ съ зародышемъ смертной болѣзни внутри и, въ своемъ паденіи или лучше сказать въ нравственныхъ мукахъ, пережившая мраморные и мѣдные свои памятники! Ипподромъ потерялъ обширность и форму, которую имѣлъ во времена Грековъ. Сіе столь знаменитое мѣсто нѣкогда вмѣщало въ себѣ изящныя произведенія скульптуры; можно безъ преувеличенія сказать, что во времена Никиты въ немъ было болѣе каменныхъ и бронзовыхъ боговъ и героевъ, чѣмъ теперь жителей. Большая часть памятниковъ, украшавшихъ Ипподромъ, истреблены завоеваніемъ Латиновъ въ

1204 году. Бронзовыя статуи Августа и многихъ Императоровъ, статуи Діаны, Юноны, Паллады, Елены, представленной во всемъ блескѣ красоты, Геркулеса, въ положеніи показывающемъ силу, Париса, подающаго яблоко Венерѣ, и многія другія произведенія древнихъ, были брошены въ плавильную печь, обращены въ грубую монету а). Таково было варварство крестоносной толпы, пришедшей изъ прекрасныхъ странъ Франціи и Италіи; одно время могло произвести такую противуположность, что искусства и *чудеса* въ нихъ процвѣтающія, служатъ теперь предметомъ всеобщаго удивленія.

На одной сторонѣ Ат-Мейдана находится Мечеть Ахмета, а на другой только развалившіеся домы, не заслуживающіе даже имени развалинъ. Изъ всѣхъ древнихъ памятниковъ, которые тамъ находились, осталось только три. Скажу вамъ прежде о обелискѣ, ниспровергнутомъ землетрясеніемъ и возстановленномъ въ царствованіе Ѳеодосія б); еслибъ могли разобрать гіероглифы, начертанные на четырехъ его бокахъ, то узнали бы къ какой династіи царей онъ принадлежалъ и гдѣ украшалъ площадь, въ Ѳивахъ, Мемфисѣ, или Гіерополисѣ. Замѣчено, что сей

а) Никита дѣлаетъ поэтическое описаніе всѣхъ памятниковъ, украшавшихъ Ипподромъ; сіе описаніе помѣщаю въ III томѣ Библіотеки Крестовыхъ Походовъ.

б) Петръ Гилліусъ видѣлъ два обелиска въ Константинополѣ: одинъ въ срединѣ Ипподрома — тотъ, который и мы видѣли — другой лежащій на землѣ близь анлища Султановъ. Сей послѣдній былъ купленъ однимъ Венеціанцемъ для украшенія площади Св. Стефана въ Венеціи.

памятникъ составленъ изъ двухъ частей и въ одно время представляетъ характеръ и геній двухъ народовъ. Разсматривая величественную огромность обелиска, на которомъ начертаны какіе-то непонятные знаки, нельзя не признать величія и таинственной мудрости древняго Египта: взглянувъ на піедесталъ со множествомъ трофеевъ и надписей, кто не узнаетъ тщеславія Грековъ Восточной Имперіи! Внизу колонны изображенъ механизмъ машины, съ помощію которой она была поставлена Прокуломъ. Тутъ можно подивиться генію изобрѣтателя. Но остается узнать самое чудесное: какимъ образомъ сія огромная масса перешла сюда изъ Верхняго Египта или даже изъ Мемфиса? Моглали она плыть по Нилу? Какъ провезена чрезъ Архипелагъ и Пропонтиду? Какимъ образомъ очутилась въ Ипподромѣ? Вотъ что̀ намъ нужно было бы знать, особенно теперь, когда на площади Парижа ожидаютъ иголокъ Клеопатры и Люксорскихъ обелисковъ и пріискиваютъ средства перевести сіи массы гранита чрезъ Средиземное Море!

Въ то время, когда мы осматривали обелискъ, мимо насъ проходило нѣсколько Грековъ изъ Фанары или Перы: мы сдѣлали имъ вопросъ о памятникѣ... никакого отвѣта... Спрашиваю у одного духовнаго, въ какое время сей обелискъ воздвигнутъ: въ то время, когда люди были гораздо сильнѣе, нежели теперь — вотъ все, чего я могъ добиться. Я часто оплакиваю сіе глубокое невѣжество Грековъ въ собственной ихъ исторіи. Итакъ приходитъ время, когда величайшія націи бываютъ подобны развалинамъ, скрытымъ въ травѣ!.. Низ-

вергнутые или полуразвалившіеся памятники имѣютъ еще ту выгоду, что говорятъ намъ о своемъ происхожденіи и славѣ; народы исчезающіе едва знаютъ, что̀ они были!

Два другіе памятника, которые еще находятся въ Ат-Мейданѣ, суть колонны *Змѣиная* и *Историческая*. Послѣдняя показывала *разстояніе* въ бѣгѣ колесницъ. Исторія говоритъ намъ, что Константинъ велѣлъ обить сію колонну мѣдными листами. Греческая надпись внизу сравниваетъ ее съ знаменитымъ Колоссомъ Родосскимъ: но ничто такъ не повреждаетъ памятниковъ, какъ металлическія украшенія. Эта колонна представляетъ уже развалившуюся массу, паденіемъ своимъ угрожающую раздавить прохожихъ. Что̀ касается до колонны *Змѣиной*, она находилась въ храмѣ Дельфійскомъ, гдѣ употреблялась для поддерживанія славнаго золотаго треножника, посвященнаго Аполлону послѣ побѣды при Платеѣ: верхъ колонны, составленной изъ трехъ змѣй, вьющихся спирально, образовали головы сихъ пресмыкающихся; на нихъ ставился треножникъ: теперь уже сіи головы не существуютъ. Первое повреждение сего памятника приписываютъ Магомету II, который срубилъ одну изъ трехъ змѣиныхъ головъ своею сѣкирою: что̀ сдѣлалось съ другими, исторія не упоминаетъ. Могу только сказать, что древніе восточные памятники, должны страшиться трехъ непріятелей: времени, Турковъ и любителей.

Впрочемъ Стамбульское правительство совсѣмъ не заботится о сихъ памятникахъ и Ос-

маны всякой день бываютъ въ Ипподромѣ, не обращая вниманія ни на Историческую, ни на Змѣиную колонны, ни на обелискъ. Сіи остатки древности не имѣютъ для нихъ ничего національнаго; ничто не воспламеняетъ ихъ воображенія и патріотизма. Я долженъ присовокупить здѣсь общее замѣчаніе, что Турки никогда не воздвигаютъ монументовъ на публичныхъ мѣстахъ для украшенія ихъ городовъ: они не знаютъ ни обелисковъ, ни колоннъ, а еще менѣе изображеній людей или звѣрей на металлѣ или на камнѣ. Только иногда вздумается имъ украсить урну или фонтанъ: и такого рода памятники, послѣ мечетей и надгробныхъ камней, суть единственныя украшенія, которыя можно замѣтить въ городахъ востока.

Нѣкогда Турецкая молодежь упражнялась въ джеридѣ на Ат-Мейданѣ; тамъ собиралось множество зрителей, особливо женщинъ, которыя приходили дивиться быстротѣ Арабскихъ или Татарскихъ коей и ловкости молодыхъ *игогландовъ* (пажей); но съ тѣхъ поръ какъ стали заниматься преобразованіемъ военной силы, джеридъ вышелъ изъ моды: онъ уничтожится совершенно, подобно бѣгу колесницъ и играмъ цирка. Въ Ат-Мейданѣ видишь теперь только новообразованныхъ солдатъ, выстроенныхъ въ шеренги и дѣлающихъ пріемы на Европейскій образецъ.

Прежде нежели оставлю Ипподромъ, я долженъ сказать вамъ нѣчто о мечети Ахмета. Сперва входятъ на довольно обширный дворъ, усаженный прекрасными деревьями; такъ какъ этотъ дворъ проходной, то мѣлкіе торговцы

выставляютъ тамъ свои подвижныя лавочки, какъ то дѣлается при нашихъ церквахъ; но здѣсь не увидишь бѣдныхъ, ибо запрещено просить милостыню близь мечетей. Второй дворъ окруженъ двумя рядами колоннъ, которыя, говорятъ, были похищены изъ развалинъ Эфеса и изъ древнихъ городовъ Троады; въ срединѣ мраморный бассейнъ для омовеній. Взглянувъ на куполы сей наружной галлереи, я увидѣлъ стаи голубей, которые сидѣли тамъ, какъ въ голубятнѣ; дикое воркованіе ихъ смѣшивалось съ молитвою Мусульманъ. Я былъ во внутренности; она представляетъ величественную и важную простоту Лютеранскаго храма; четыре огромные столба поддерживаютъ огромный куполъ; нѣтъ ни стульевъ, ни скамеекъ, ни алтарей. Ковры и Египетскія циновки покрываютъ полъ; на стѣнахъ есть нѣсколько надписей золотыми буквами. Сквозь цвѣтныя стекла проникаетъ только мрачное мерцаніе подъ сіи священные своды; всегда горящія лампады замѣняютъ свѣтъ солнца. Направо отъ впадины, куда кладется Коранъ, показали мнѣ каѳедру, гдѣ стоитъ *Имамъ* во время молитвы (намаза); влѣвѣ такую же, гдѣ *Катибъ* каждую пятницу произноситъ *кеутбе* или молитву за Султана; недалеко оттуда возвышеніе за рѣшеткою, гдѣ Верховный Владыка присутствуетъ самъ при богослуженіи. Въ мечети Акмета случилось великое происшествіе въ наши времена: тамъ развернуто знамя Пророка противъ взбунтовавшихся янычаръ и въ присутствіи Улемовъ и всего собравшагося народа опредѣлено было уни-

чтоженіе сего столь долгое время страшнаго войска.

Близь мечети покоится прахъ Султана Ахмета и сына его Османа. У Турковъ нѣтъ особеннаго мѣста для погребенія Султановъ. Великій Солиманъ, Магометъ II, Баязетъ и многіе другіе Султаны погребены возлѣ мечетей, ими основанныхъ; и прекраснѣйшіе памятники Стамбула воздвигнуты подлѣ Императорскихъ гробницъ. *Имаретъ*, находящійся при мечети, питаетъ множество бѣдныхъ; такимъ образомъ религія первенствуетъ въ человѣколюбивыхъ заведѣніяхъ, и домъ бѣдныхъ какъ бы зависитъ отъ дома Божія. Такъ же есть заведенія для народнаго образованія; каждая большая мечеть имѣетъ свой *медрессе* или училище и библіотека его открыта для всѣхъ. По Корану наука пріятна Божеству; и распространять просвѣщеніе между людьми значитъ распространять благодѣянія Творца. Безъ сомнѣнія сіе правило прекрасно: но не всегда должно судить общество по правиламъ, которыя оно проповѣдуетъ.

Не подалеку отъ Ат-Мейдана, на второмъ холмѣ видна колонна нѣкогда называвшаяся *Порфирною*, а теперь *Обгорѣлою*. Множество торговыхъ лавокъ, пристроенныхъ къ ея піедесталу, препятствуютъ къ ней приближаться, и сіи лавки останутся тамъ до перваго пожара. На Обгорѣлой Колоннѣ, воздвинутой въ Римѣ, стояла прекрасная статуя Аполлона, сдѣлавшаяся въ послѣдствіи статуею

Константина (а). Въ срединѣ XII вѣка статуя была низвергнута и разбита ужасною бурею; случай сей показался несчастнымъ предзнаменованіемъ; во времена язычества его приписали бы гнѣву Аполлона. Мануилъ Комнинъ исправилъ поврежденія молніи и въ сохранившейся надписи обращается къ Іисусу Христу, Ходатаю міра, умоляя его о покровительствѣ столицѣ Имперіи. Колонна составлена изъ кусковъ порфира, почернѣвшаго отъ огня, и обита выпуклыми мѣдными обручами, которые скрываютъ связь камней (б). Сіи мѣдные обручи имѣютъ сходство съ цѣпями; и Аполлонова колонна показалась мнѣ издали образомъ генія, порабощеннаго варварствомъ. Константинополь вмѣщаетъ въ себѣ еще другіе памятники или лучше сказать развалины, которыя довольно любопытны для исторіи искусствъ. Одна изъ сихъ развалинъ есть колонна Марціана: она сдѣлана изъ одного куска бѣлаго мрамора и вышиною въ 75 футовъ; капитель и основаніе ея чрезвычайно повреждены; на ней замѣтны Римскіе орлы и почти сгладившееся изображеніе женщины, отъ чего Турки стали называть ее *Колонною Дѣвы*. Нѣкогда она стояла въ саду, огражденномъ со всѣхъ сторонъ стѣнами: теперь на мѣстѣ открытомъ, гдѣ растетъ крапива и дикій проскурнякъ. Мы видѣли колонну

а) Писатели говорятъ, что голова Императора была украшена нѣсколькими священными гвоздями, которые были употреблены при распятіи Спасителя.

б) Связь камней нѣкогда была скрыта подъ вѣтвями лавровъ, посвященныхъ Аполлону.

Аркадія, воздвигнутую на горѣ Заполусъ, противъ древней пристани галеръ; ее почитали соперницею колоннъ Траяна и Антонина; теперь отъ ней осталось только одно основаніе вышиною около 14 футовъ, въ которомъ находится лѣстница, украшенная нѣсколькими барельефами. У сего пiедестала стоитъ хижина бѣднаго Турка, который питается любопытствомъ иностранцевъ; въ сей части города онъ одинъ только не удивляется, что всѣ ходятъ смотрѣть эту груду камней или лучше безобразную скалу, коей блескъ и цвѣтъ помраченъ пожаромъ. Съ вершины сей развалины открывается довольно пространный горизонтъ; мы видѣли, не въ далекѣ отъ Мармарнаго Моря, сіи знаменитыя Златыя Врата, въ которыя входили древніе тріумфаторы, и Семибашенный Замокъ, названный Петромъ Грело Константинопольскою Бастиліею. Сей Французскій путешественникъ XVII столѣтія видѣлъ колонну Аркадія еще стоящею; окружавшіе ее тогда домы препятствовали къ ней подойти; не хотѣли даже, чтобъ Христіане ее осматривали. Разъ одинъ путешественникъ осмѣлился взойти на вершину колонны; явленія его было достаточно, чтобы поселить неудовольствіе въ сосѣдствѣ (а). Одни приняли его за душу Греческаго Императора,

---

а) Петръ Гилліусъ, который тщательно измѣрилъ всѣ камни во внутренности колонны Аркадія, не имѣлъ смѣлости измѣрить такимъ же образомъ наружную часть ея, изъ боязни лишиться головы.

пришедшую занять прежнее мѣсто статуи; другіе были увѣрены, что онъ взошелъ на колонну для того, чтобы видѣть происходившее въ гаремахъ. Неблагоразумный путешественникъ былъ взятъ и, окруженный яростною чернью, отведенъ къ Су-Баши, гдѣ одно чудо могло избавить его отъ палокъ. Теперь иностранцы могутъ безъ опасенія видѣть остатки древнихъ памятниковъ; но сіе удобство произвело разнодушіе; число любопытныхъ съ каждымъ днемъ уменьшается. Я вышелъ изъ внутренней лѣстницы тѣмъ же путемъ, которымъ вошелъ, проходя чрезъ хижину бѣднаго Мусульманина; онъ жаловался, что никто не ходитъ смотрѣть колонну и что уже три мѣсяца, какъ онъ ничего не получилъ, на что бы могъ закурить свой *чибукъ*; его деревянная лодка совсѣмъ развалилась; онъ хотѣлъ, чтобы мы сжалились надъ его собственными развалинами и чтобы усердіе любителей помогло ему укрыться отъ дождя и вѣтра.

Я хотѣлъ бы избавить васъ отъ описанія сихъ Константинопольскихъ развалинъ; ибо онѣ уже описаны другими путешественниками; но я полагалъ, что не безполезно будетъ представить вамъ нынѣшнее ихъ состояніе. Онѣ измѣняются, приходятъ въ упадокъ каждый день; уже многіе памятники, которые существовали въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, изчезли; тѣ, которые еще существуютъ, легко могутъ исчезнуть въ свою очередь, и можетъ быть я буду послѣдній путешественникъ, ко-

торый ихъ видѣлъ (a). Вотъ что происходитъ съ дѣлами рукъ человѣческихъ! Грустно подумать. Но нашъ родъ человѣческій имѣетъ наклонность видѣть вещи съ одной хорошей стороны и, не думая о томъ, что время разрушило, всегда находитъ причину удивляться тому, что осталось. Я думалъ, любезный другъ, что вы также сотворены, какъ и всѣ; почему хотѣлъ доставить вамъ удовольствіе сими развалинами, пока еще время не унесло ихъ.

Я не видалъ древнихъ водопроводовъ Византіи; многіе изъ нихъ засыпаны; тотъ, который Турки называютъ водопроводомъ *Тысячи Колоннъ*, заключаетъ теперь въ себѣ шелковую сѣтку. Столица снабжается водою посредствомъ водопроводовъ изъ Бѣлграда и Пиргоса. Османы сохранили водопроводы Греческихъ Императоровъ и построили новые; я видѣлъ близь Косвенныхъ Воротъ (Эгрикапу) главное водохранилище, куда стекаетъ вода и откуда берется во всѣ части города. Нѣтъ ни одной мечети, при которой бы не было бассейна съ прохладною водою, ни одной улицы безъ водометовъ; Му-

---

a). Петръ Гилліусъ, бывшій въ Константинополѣ въ началѣ XVII столѣтія, и Бандури, ученый XVIII вѣка, упоминаютъ о памятникахъ, которыхъ уже нѣтъ: на пр. о колоннѣ, воздвигнутой на третьемъ холмѣ, носившей имя Ѳеодосія; двухъ другихъ колоннахъ, на седьмомъ холмѣ; и Пирамидѣ Вѣтровъ, стоявшей на мѣстѣ, называвшемся *Forum Pistorium*. На пiедесталѣ сей Пирамиды Вѣтровъ были изображены животныя, растенія, плоды, рѣзвящіеся амуры, дѣти дующія въ мѣдные трубы. Мѣдная птица, вертящаяся кругомъ, показывала направленіе вѣтровъ.

сульманинъ въ какой бы части города ни находился, можетъ утолить жажду, смыть грязь съ своего тѣла или одежды. Часто желѣзная, мѣдная или деревянная чаша, привѣшенная на цѣпи у фонтана, служитъ къ большему удобству проходящихъ. По мнѣнію Турковъ вода есть одно изъ величайшихъ благодѣяній Творца; и, по человѣколюбію ихъ, никто въ ней не имѣетъ недостатка.

Путешественникъ не можетъ забыть башенъ и наружныхъ стѣнъ Византіи; сіи стѣны, кои Никита упрекаетъ за то, что онѣ уцѣлѣли послѣ завоеванія Латиновъ, остатками своими окружаютъ еще городъ; я нѣсколько разъ ихъ осматривалъ, желая узнать съ какой точки Сарацины, Крестоносцы и Турки, осаждали городъ. То, что̀ осталось еще отъ Греческихъ укрѣпленій, особливо со стороны берега, представляетъ чрезвычайно живописные виды; тутъ вѣчнозеленѣющій плющь увивается вдоль вала и покрываетъ его зеленымъ ковромъ; далѣе растенія и кустарники пробиваются сквозь связи камней; богатѣйшая жатва прозябаетъ на развалившейся стѣнѣ. Мы видѣли на вершинахъ башенъ деревья съ красными плодами, величиною почти съ наши Тюльерійскіе померанцы. Прогуливаясь однажды, я нарвалъ прекрасныхъ фигъ при входѣ въ проломъ, сдѣланный, какъ говорятъ пушкою Магомета II. На многихъ воротахъ есть надписи въ честь Императоровъ, которые ихъ построили. Время изрыло камни и желѣзныя доски, на которыхъ онѣ были начертаны. Турки со времени завоеванія не прикасались къ стѣнамъ

Византіи; въ прошломъ 1829 году они не тронули ни одного камня для защиты себя отъ Русскихъ. Какая бы ни была тому причина, должно однакожъ благодарить ихъ за то, что они щадятъ сіи развалины, оставляя ихъ такими, какъ время ихъ оставило.

Посѣтивъ остатки древней Византіи, я вопрошаю иногда древнихъ нашихъ лѣтописателей священныхъ войнъ и въ разсказахъ ихъ люблю находить простодушное удивленіе временъ минувшихъ. Многіе изъ нихъ видѣли Императорскій городъ на пути въ Іерусалимъ. Посудите объ энтузіазмѣ, который внушало имъ зрѣлище, столь для нихъ новое. „О какой большой и прекрасный городъ!“ восклицаетъ Фулькъ Шартрскій: „сколько монастырей и дворцовъ! сколько чудесъ на „площадяхъ и на улицахъ!“ Вилль-Гардуинъ изъявляетъ не меньше удивленія: „Тѣ, кои не видали еще сего великолѣпнаго города, стали „его разсматривать, не вѣря, чтобы въ свѣтѣ „могъ существовать другой, такой прекрасной „и богатой; особенно когда увидѣли высокія „стѣны и прекрасныя башни, которыя его со „всѣхъ сторонъ окружали, богатые и величе„ственные дворцы, великолѣпныя церкви, ко„торыхъ такъ много, что еслибъ ихъ не видали, то не могли бъ и вообразить.“ Нельзя изъявлять больше удивленія. Вѣроятно наши оба лѣтописца описывали такимъ образомъ Константинополь въ сравненіи съ западными городами; съ удивленіемъ ихъ было сопряжено невѣжество. Я всегда жалѣю, что они ограничивались только изъявленіемъ своего уди-

вленія и что разсказы ихъ заключаютъ въ себѣ недостовѣрныя и неполныя сказанія о чудесахъ, которыя они видѣли. Одонъ де Дёль, сопровождавшій Людовика VII во второмъ Крестовомъ Походѣ, говоритъ о Византіи, какъ наблюдатель болѣе просвѣщенный. Онъ раздѣляетъ энтузіазмъ пилигримовъ; но не лѣнится описывать съ нѣкоторою подробностію то, что видѣлъ. Въ его только разсказѣ найдете вы столицу Грековъ такою, какъ видѣли ее Крестоносцы. „Константинополь" — говоритъ онъ — „слава Грековъ, богатый знаменитостію и всѣмъ, что въ немъ находится, имѣетъ „видъ треугольника; во внутреннемъ углѣ его „Св. Софія и дворецъ Константина. Городъ съ „двухъ сторонъ омывается моремъ; подъѣзжая, на „право, видишь рукавъ Св. Георгія, налѣво при„стань или Золотой Рогъ, который простирается „почти на четыре мили. Въ углубленіи дворецъ, „называемый Влахернскій, построенный на низмен„номъ мѣстѣ, но замѣтный по своей пышности, ар„хитектурѣ и вышинѣ; будучи расположенъ на „трехъ рубежахъ, онъ представляетъ обита„телямъ своимъ пространный видъ: моря, полей и го„рода. Тамъ повсюду блистаетъ золото, смѣ„шиваясь съ тысячью цвѣтовъ; вездѣ мраморные „полы. На третьей сторонѣ треугольника видно „поле: эта сторона укрѣплена стѣною съ баш„нями, простирающеюся отъ моря до дворца „на пространствѣ двухъ миль. Во многихъ мѣ„стахъ городъ лишенъ свѣта; богатые, за„строивая улицы, предоставляютъ бѣднымъ „и иностранцамъ нечистоту и мракъ; тамъ „происходятъ воровства, убійства и другія пре-

„ступленія, которымъ благопріятствуетъ тем-„нота. Такъ какъ правосудія нѣтъ въ семъ „городѣ, гдѣ столько царей, сколько бога-„чей, и столько воровъ, сколько бѣдныхъ, „то злодѣи не знаютъ здѣсь ни страха, ни „стыда; преступленіе не наказывается ни ка-„кимъ закономъ и никто объ ономъ не можетъ „узнать. Городъ сей славится всѣмъ; если онъ „превосходитъ всѣ прочіе богатствомъ, то пре-„восходитъ также и пороками.“

Въ другомъ мѣстѣ своей книги, Милостынераздаватель Людовика VII снова возвращается къ Константинополю. „Константинополь“ — говоритъ онъ — „гордящійся своими обманчивыми „богатствами, развращенный, безъ религіи, дол-„женъ столько же самъ страшиться своихъ сокро-„вищъ, сколько страшенъ другимъ своими злодѣй-„ствами безвѣріемъ. Еслибы онъ не былъ такъ „развращенъ, то его можно бъ было предпочесть „всѣмъ мѣстамъ по температурѣ воздуха, по „плодородію почвы, и удобству положенія для „распространенія вѣры. Рукавъ Св. Георгія, ко-„торый его орошаетъ, соленостію воды и изо-„биліемъ рыбы походитъ на море, а удобствомъ „переплыванья по семи или восьми разъ въ „день — на рѣку.“

Нельзя болѣе изъявить удивленія къ городу Константина и вмѣстѣ отвращенія отъ его жителей; со всѣмъ тѣмъ должно полагать, что описаніе Одона де Дёля не совсѣмъ было чуждо истины въ XII вѣкѣ. Но съ тѣхъ поръ сколько произошло перемѣнъ! Еслибъ Одонъ де Дёль могъ видѣть Константинополь такимъ, каковъ онъ теперь, еслибъ онъ

прошелъ съ нами по всѣмъ улицамъ и площадямъ Стамбула, то почти ничего бы не встрѣтилъ, что бъ могло его порадовать или даже огорчить. Вообразите себѣ удивленіе монаха Св. Діонисія, вообразите его горесть, когда бы онъ увидѣлъ минареты и мечети вмѣсто безчисленныхъ церквей во имя Угодниковъ и Св. Дѣвы, дворецъ и гаремъ Султана въ этомъ *внутреннемъ углѣ*, гдѣ обитало духовенство Св. Софіи! На томъ мѣстѣ, гдѣ возвышались великолѣпные дворцы Константина, Вуколеонъ и Влахернъ, историкъ втораго Крестоваго Похода увидѣлъ бы только хижины, деревянные домишки и нѣсколько огромныхъ строеній, называемыхъ Турками *сера* или *конаки*, коихъ голыя стѣны, рѣшетчатыя окна и уединенные дворы при первомъ взглядѣ представляютъ наружность монастырей или тюрьмъ. Во время Крестовыхъ Походовъ, не видно было этихъ кипарисныхъ деревьевъ, посвященныхъ Мусульманами гробницамъ и растущихъ на кладбищахъ внутри и внѣ города. Греки Восточной Имперіи не знали также этихъ богатыхъ базаровъ, кои составляютъ украшеніе нынѣшняго города. Прекрасный холмъ Перы, которая кажется намъ теперь другимъ городомъ, въ средніе вѣка былъ покрытъ фиговыми деревьями и виноградникомъ. Широкіе городскіе рвы, покровительствуемые долговременнымъ миромъ, прежде были садами, гдѣ произрастали всякаго рода растенія и овощи и гдѣ Императоры держали иногда красныхъ звѣрей. Въ столицѣ Османовъ нѣтъ уже тѣхъ затѣйливыхъ зданій, кои закрывали улицы

мрачнымъ сводомъ и превращали ихъ въ подземныя галлереи; нѣтъ ни того великолѣпія вельможъ, ни той вольности народа, которыя описаны такъ живо Милостынераздавателемъ Людовика VII. Теперь другая роскошь, другой развратъ, другое общество, другіе бѣдные, другіе богачи, другая нищета, другіе безпорядки, другія добродѣтели, другіе пороки! Чтобы вкратцѣ представить сравненіе Константинополя въ различныхъ вѣкахъ, довольно сказать, что домы, публичныя зданія, улицы, правительство, религія, народъ, все перемѣнилось. Путешественникъ грядущихъ временъ узнаетъ Императорскій городъ только по географическому положенію, тріугольной фигурѣ, очаровательнымъ окрестностямъ, прелести климата, Золотому Рогу, похожему на море, и проливу Св. Георгія, похожему на большую рѣку.

Не буду болѣе останавливаться на остаткахъ Византіи; ибо намѣреніе мое показать вамъ городъ такимъ, каковъ онъ теперь. Хочу разсуждать съ вами не о минувшихъ переворотахъ, но о тѣхъ, которые случились въ наше время и которыхъ еще должно ожидать; оставимъ поэзію древнихъ развалинъ, древнія надписи и медали, чтобы разсмотрѣть современные памятники и живыя медали: я разумѣю подъ симъ законы, характеръ и физіогномію настоящаго вѣка. Отнынѣ я буду заниматься тѣмъ, что̀ живетъ, дышетъ, а не тѣмъ, что̀ мертво и не можетъ воскреснуть. Если хотите, то можете видѣть градъ Константина или градъ Кесарей въ Бандури, Дюканжѣ и особенно въ Петрѣ Гилліусѣ,

который знаетъ объ немъ гораздо болѣе, чѣмъ я. Въ слѣдующихъ письмахъ буду говорить болѣе о городѣ Султановъ и нынѣшнемъ его народонаселеніи.

Мишо.

VII.

LE ROI S'AMUSE

(КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ),

ДРАМА

ВИКТОРА ГЮГО.

Послѣдніе Парижскіе журналы и газеты наполнены толками о новой драмѣ Виктора Гюго, разнорѣчащими другъ другу также, какъ ежедневные слухи объ экспедиціи и побѣдахъ Дона-Педро, разсѣваемые листками разныхъ двѣшовъ и партій. Одни провозглашаютъ торжество поэта: другіе горько сѣтуютъ или злобно радуются его паденію. Не смотря на сіи разнорѣчія, очевидно, что торжество В. Гюго, на сей разъ, болѣе чѣмъ сомнительно. Самые ревностнѣйшіе его партизаны только что стараются заглушить шумъ его паденія. Помѣщаемъ здѣсь сужденіе *Журнала Преній*, который, какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ, держится умѣренной средины и посему имѣетъ больше правъ на довѣренность.

„Произведеніе сіе не имѣло успѣха, хотя не льзя сказать, чтобъ оно было больше освистано, чѣмъ осыпано рукоплесканіями. Артиллерія свистковъ и рукоплесканій дѣйствовала равными силами. Піэса шла до конца между двухъ противуположныхъ огней, такъ что не льзя утвердительно сказать, былъ ли вызванъ авторъ или нѣтъ. Но, чего не льзя скрыть и что наиболѣе повредило произведенію, есть совершенное отсутствіе драматическаго интереса: не было ни одного мѣста, которое бы поразило зрителей, которое возбудилобъ въ ихъ душахъ глубокое сотрясеніе чувства. Если публика отдавала единодушную справедливость нѣкоторымъ мѣстамъ, то ея одобреніе относилось къ красотѣ выраженія, къ достоинству стиховъ, а не къ ситуаціямъ, не къ событіямъ, не къ драмѣ."

„Сіе паденіе не льзя относить собственно къ произведенію Виктора-Гюго: это паденіе цѣлаго рода! *Le Roi s'amuse* было плодомъ и выраженіемъ всѣхъ блистательныхъ теорій, кои съ нѣкотораго времени проповѣдуются смѣлыми нововводителями, отваживающимися преобразовать искусство. Здѣсь предполагалось торжественнымъ опытомъ утвердить навсегда владычество новой *романтической* драмы, отлитой въ Шекспировскія формы, на развалинахъ древней *классической* драмы, созданной Корнелемъ и Расиномъ. Забавное должно было явиться подлѣ серьознаго, гротескъ идти обруку съ патетическимъ. Драма, говорили намъ, должна сдѣлаться наконецъ полнымъ изображеніемъ человѣческой жизни, а не вымышленною картиною, не условнымъ и лжи-

вымъ представленіемъ человѣка и его страстей. Мечты энтузіастовъ, разсыпавшіяся въ прахъ, какъ скоро дошло до исполненія ихъ на самомъ дѣлѣ! Жизнь человѣческая, въ сей новой всеобъемлющей формѣ, представилась не болѣе истинною, а только болѣе отвратительною. Если герои старинной классической трагедіи были часто слишкомъ выше человѣческой природы, то герои новой романтической драмы слишкомъ ниже ея. Смѣшеніе высокаго и шутовскаго, признанное существенною принадлежностью сего рода представленій, сбивало и запутывало зрителей весьма непріятнымъ образомъ. Отсюда происходило, что забавное часто казалось очень печальнымъ, а патетическое отзывалось гротескомъ."

„Не смѣемъ надѣяться, что Гюго, вразумленный симъ жестокимъ урокомъ, откажется отъ своихъ любимыхъ системъ, конечно остроумныхъ и обольстительныхъ, но неисполнимыхъ; что возвратится наконецъ къ тѣмъ вѣчнымъ законамъ вкуса, кои установлены не Аристотелемъ и Буало, а мудростію и опытами тысячелѣтій. Тяжко отречься отъ блестящихъ замысловъ преобразованія, стоившихъ толикихъ трудовъ и пожертвованій, отъ благородной надежды указать духу человѣческому новое невѣдомое поприще и ниспровергнуть то, что цѣлые вѣки утвердили по видимому на незыблемыхъ основаніяхъ! Но пусть примѣръ его послужитъ въ пользу по крайней мѣрѣ тѣмъ, кои захотятъ идти въ слѣдъ за нимъ, по той же дорогѣ! И онъ палъ, сей мужъ, одаренный воображеніемъ столь могущественнымъ и смѣлымъ, даромъ творчества столь разнооб-

разнымъ и непостоянимымъ! Онъ, творецъ *Парижскаго Собора Богородицы*, пѣвецъ *Оріенталей!* Что̀ жъ будетъ съ тѣми, кои захотятъ ему подражать и, какъ всѣ подражатели, только что станутъ увеличивать его недостатки, не обладая ни однимъ изъ достоинствъ? Гдѣ погибъ учитель, тамъ чего могутъ надѣяться, чего не должны опасаться ученики?" . .

„Войдемъ въ подробное разсмотрѣніе содержанія піэсы: и увидимъ, лучше ли она удовлетворяетъ условіямъ театра, чѣмъ старинныя трагедіи; съ большею ли вѣрностью представлены въ ней нравы, страсти, интересы изображаемаго общества; коротко сказать, вѣрнѣе ли виденъ дворъ Франциска I въ *le Roi s'amuse*, чѣмъ дворъ Нерона въ *Британникѣ* Расина?"

„Въ драмѣ В. Гюго басня вымышленная, но лица историческія: ибо все дѣйствіе обращается на Францискѣ I и шутѣ его Трибуле. Мы находимся въ Луврѣ; Король, какъ говаривали тогда, даетъ балъ. Всѣмъ извѣстно, что балъ на театрѣ сдѣлался уже вещью довольно обыкновенною, изношенною. Мы видѣли балъ въ *Фіэско*, въ *Марино Фальэро*, конецъ бала въ *Гернани;* теперь снова балъ въ *le Roi s'amuse*: признаться, это становится уже очень скучно. Ничего не можетъ быть холоднѣе: ничего нѣтъ менѣе похожаго на балъ!"

„Францискъ I поручилъ Трибуле забавлять гостей своими разными дурачествами и выходками. Трибуле выполняетъ свою роль на счетъ всѣхъ вельможъ, Герцоговъ, Графовъ и Бароновъ, попадающихся ему на глаза. Всѣ злятся на него; но какъ

отмстить шуту, и притомъ шуту Королевскому! Одинъ изъ нихъ, Г. де Симіанъ, придумываетъ средство; онъ знаетъ, что шутъ Трибуле любимъ красавицею, живущею близь Порт-де-Бюсси: похитимъ любовницу Трибуле, если она хороша, и отдадимъ ее Королю; тогда и Королю и намъ будетъ весело! Въ тотъ же вечеръ они сбираются исполнить этотъ благородный заговоръ. Всѣ сіи пажескія шутки и затѣи довольно понаскучили публикѣ. Ея вниманіе одушевилось прекрасною сценою или лучше прекрасными стихами, которую произноситъ Г. де Сен-Вальеръ. Сей послѣдній узнаетъ о безчестіи своей дочери, знаменитой Діаны де Пуатье, и, не смотря на стражу и придворныхъ, проникаетъ въ Луврь, является на балѣ и горько упрекаетъ Короля за его безчестное, развратное поведеніе. Это еще довольно понятно: но чтобы Францискъ I, человѣкъ по характеру своему весьма нетерпѣливый, цѣлую четверть часа, могъ выслушивать, среди своихъ придворныхъ, самыя горькіе и оскорбительные упреки, какіе подданный могъ когда-либо высказывать своему монарху, это не совсѣмъ понятно. Г. де Сен-Вальеръ оканчиваетъ свою рѣчь, проклиная Короля и шута Трибула, поругавшагося его сѣдинамъ. Мы предполагали, что заклятія и проклятія уничтожены новымъ поэтическимъ кодексомъ; кажется, совсѣмъ напротивъ. Впрочемъ Г. де Сен-Вальеръ есть лице совершенно эпизодическое: онъ является еще одинъ только разъ, для того чтобы опять сказать почти тоже самое: его можно выпустить безъ всякаго ущерба дѣйствію драмы. Поэтому онъ подаетъ толь-

ко случай къ тирадѣ прекрасныхъ стиховъ. Не смѣемъ порицать его за это; ибо стихи, вложенные въ уста сему оскорбленному старцу, дышутъ истинно высокою поэзіею: за то и апплодировали имъ съ восторгомъ. Впрочемъ это замѣчаніе идетъ и ко всему представленію: вездѣ, гдѣ только авторъ возвышался до истинной страсти, одушевлялъ діалогъ великою мыслію или глубокимъ чувствомъ, пробуждалась единодушная симпатія и всѣ литературныя секты отдавали ему справедливость; но какъ скоро впадалъ онъ въ шутовское, тривіальное, низкое, то вниманіе прекращалось и раждалось отвращеніе."

„Во второмъ дѣйствіи, сцена раздѣляется на двѣ части: съ одной стороны внутренность дома, съ другой улица. Много смѣялись надъ стариннымъ классическимъ единствомъ мѣста, въ силу коего тиранъ и заговорщики собирались въ однихъ чертогахъ: не знаемъ, больше ли истины и даже больше ли обольщенія въ этомъ новомъ способѣ дѣлить театръ на клѣтки; думаемъ только, что единства гораздо меньше. Какъ бы то ни было, это домъ Трибуле; передъ воротами, одинъ удалецъ (brave), просто наемный убійца, предлагаетъ ему свои услуги. Онъ беретъ не дорого и убиваетъ гдѣ угодно, на дому и въ городѣ; половину цѣны получаетъ впередъ наличными, а другую при выдачѣ трупа. Все это, положимъ, хорошо: но, по нашему мнѣнію, если уже пошло на злодѣянія, сцена, гдѣ Нарциссъ подстрекаетъ Нерона къ умерщвленію брата, кажется заключаетъ въ себѣ болѣе драматической сановитости, достойнѣе изящной сцены."

„Трибуле, на всякой случай, беретъ адресъ удальца и входитъ въ домъ. Онъ находитъ тамъ не любовницу, а дочь, прелестную Бланку, которую любитъ всей душей и которая составляетъ для него единственное утѣшеніе посреди всѣхъ бѣдствій. Самое огорчительное бѣдствіе для него то, что онъ сознаетъ свое уничиженіе; презираемый всѣми, и еще болѣе самимъ собой, въ объятіяхъ дочери, которая одна не вѣдаетъ постыднаго ремесла, возлагаемаго на него Королевскими прихотями, онъ наслаждается нѣсколькими минутами блаженства. Монологъ, въ коемъ Трибуле описываетъ всю горечь своей презрѣнной жизни, составляетъ одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ драмы.“

„Трибуле видитъ свою дочь, говоритъ съ ней языкомъ трогательнѣйшей дружбы; но скоро долженъ ее покинуть; наступилъ часъ, когда ему должно забавлять Короля. Но Король уже безъ него промыслилъ себѣ забаву. Едва бѣдный отецъ оставилъ свою дочь, какъ подкупленная дуэнна вводитъ къ ней переодѣтаго любовника: это Францискъ I, подъ именемъ Готье Мейе, бѣднаго школьника, который видѣлъ Бланку у обѣдни и мимоходомъ *толкнулъ ея скамью*. Онъ говоритъ ей о любви, и какъ Король и какъ школьникъ; Бланка слушаетъ его съ удовольствіемъ, какъ вдругъ раздается у дверей шумъ; Францискъ I спасается заднею дверью.“

„Перейдемъ теперь въ другую половину сцены, на улицу, гдѣ происходитъ шумъ. Все Французское дворянство собралось тамъ: Г. де Коссе, Д. де Монтшеню, Г. де Пардальянъ,

Г. де Монморанси: всѣ, за тѣмъ чтобъ похитить любовницу Трибуле. Нѣжный отецъ, безпокоимый родительской ревностью, возвращается. Само собою разумѣется, что его присутствіе смѣшало заговорщиковъ. Но одинъ изъ нихъ, именно Клеманъ Маро, которому въ піесѣ дана самая глупая и самая жалкая роль, придумываетъ средство: онъ увѣряетъ Трибуле, что дѣло идетъ о похищеніи одной женщины изъ палатъ де Коссе, сосѣднихъ съ его домомъ, проситъ его дозволить завязать себѣ глаза и подержать для нихъ лѣстницу. Трибуле соглашается; ему завязываютъ глаза; онъ держитъ лѣстницу; похищеніе совершено; и бѣдный шутъ узнаетъ обманъ тогда, какъ поправить уже поздно. Можно понять, какова ярость его!"

„Въ третьемъ актѣ, похитители, приведши Бланку въ Лувръ, разговариваютъ между собою. Послѣ театральныхъ баловъ, мы не знаемъ ничего нелѣпѣе и скучнѣе этой болтовни придворныхъ, гдѣ неизвѣстные господа, въ фуфайкахъ и съ длинными шпагами, называютъ другъ друга славными именами Рошефуко, Монморанси, Бриссакъ, Морне, и сыплютъ другъ другу пошлыя остроты. Подобной болтовни видали мы по крайней мѣрѣ до двадцати опытовъ: всегда она казалась намъ холодною и вялою, и всегда угощаютъ насъ ею. Это, говорятъ, печать мѣстности! Но Богъ съ нею, съ этою мѣстностью, которая душитъ насъ нестерпимою скукою!"

„Пока они смѣются, является Король, одѣтый въ нѣкоторый родъ тлафрока, который также можетъ быть ознаменованъ печатью мѣст-

ности, но не смотря на то показался намъ очень смѣшнымъ. Они расказываютъ свой ночной походъ Королю, который смѣется въ свою очередь. Наконецъ онъ требуетъ видѣть красавицу: она приходитъ. Король перестаетъ смѣяться и приказываетъ удалиться. Здѣсь можно было ожидать сцены прелестной, даже трогательной; можно было предполагать, что школьникъ Готье будетъ испрашивать прощенія Королю Французскому и что онъ столько любитъ свою красавицу, что почтитъ ее своимъ уваженіемъ; ничего не бывало: онъ говоритъ какъ Король и какъ Король приказываетъ любить себя и повиноваться его волѣ. Мы знаемъ, что Францискъ I точно не любилъ церемоній; что его благородство въ любовныхъ похожденіяхъ столь же мало имѣетъ исторической истины, какъ и рыцарская честность; знаемъ, что онъ далъ вѣроломное истолкованіе условіямъ Мадритскимъ и что поносная смерть Рамбулье была наказаніемъ поноснаго распутства: но когда общее народное преданіе издревле придало ему рельефъ благородства и любезности, то какъ прискорбно видѣть себя разочарованнымъ на сценѣ, куда идешь предаваться обольщенію, а не огорчаться?"

„Наконецъ Король говоритъ бѣдной Бланкѣ языкомъ такъ яснымъ, такъ положительнымъ, что бѣдная дѣвушка спасается бѣгствомъ; но, въ смущеніи, она ищетъ убѣжища въ спальнѣ Королевской. Францискъ, менѣе смущенный, беретъ ключъ въ своемъ карманѣ, отпираетъ дверь и снова запираетъ за собой. Надобно Королю позабавиться!"

„Тогда Трибуле входитъ вмѣстѣ съ придворными, которые трунятъ и издѣваются надъ нимъ; онъ знаетъ уже, что дочь его заперта въ сосѣдней комнатѣ съ Королемъ; и съ какимъ Королемъ? Хочетъ выломать дверь; но всѣ его отталкиваютъ. Ярость его не знаетъ предѣловъ; даже кажется, что она заходитъ уже слишкомъ далеко. Такъ, когда онъ говоритъ симъ вельможамъ, столь надменнымъ своимъ происхожденіемъ:

Vos mères aux laquais se sont prostituées!

и когда сіи послѣдніе терпѣливо сносятъ это оскорбленіе, шутъ кажется уже болѣе чѣмъ шутомъ, а вельможи менѣе чѣмъ вельможами. Только тогда, когда онъ бросается предъ ними на колѣна, когда отъ угрозъ переходитъ къ мольбамъ, плачетъ, проситъ пощады своей дочери; тогда онъ истинно высокъ и глубоко трогателенъ.“

„Слѣдующая сцена удивительно какъ странна и противна всѣмъ требованіямъ искусства; непонятно, какъ поэтъ могъ придумать ее. Бланка выходитъ изъ спальни Короля; ей бы слѣдовало произнесть одно слово: „отецъ мой! я обезчещена!“ и бѣжать немедленно изъ мѣстъ, свидѣтелей ея позора: Ничего небывало: она остается; расказываетъ отцу, какъ Король, скрывшись подъ именемъ школьника Гошье, встрѣтилъ ее въ церкви, какъ проникъ въ домъ ея, какъ наконецъ она сама полюбила его. Этотъ длинный расказъ тогда, какъ ей оставалось только плакать, и плакать одной, возбудилъ чувство, совершенно противоположное соболѣзнованію; выраженія цѣломудренныя подали поводъ къ соблазнительнымъ перетолковані-

ямъ; и лютѣйшая скорбь, какую только можетъ испытывать благородная дѣвушка, возбудила смѣхъ въ зрителяхъ."

„Во второмъ актѣ, сцена была раздѣлена на двое; въ четвертомъ на трое. Вправо набережная Нотр-Дамъ, на лѣво комната удальца, съ коимъ встрѣтился Трибуле и у котораго на всякой случай взялъ адресъ; потомъ еще надъ сею послѣднею комнатою родъ антресолей, гдѣ живетъ сестра убійцы. Молодецъ чиститъ свою шпагу, сестра вышиваетъ въ ожиданіи лучшаго занятія. Трибуле толкается въ дверь. Одинъ кавалеръ, говоритъ онъ удальцу, придетъ къ тебѣ сегодня вечеромъ; ты убьешь его и положишь въ мѣшокъ; вотъ десять пистолей въ задатокъ; еще десять, когда получу отъ тебя мѣшокъ съ трупомъ. До свиданія въ полночь!"

„Кавалеръ дѣйствительно приходитъ: это Францискъ I полу-пьяный! Какимъ образомъ Король Французскій, въ такую пору, является одинъ въ подобной берлогѣ, чтобъ не сказать еще хуже? Какъ Трибуле предузналъ это? Ничто не объясняетъ сей тайны. Впрочемъ публика огорчилась не одною темнотою дѣйствія, не одною недостаточностію приготовительныхъ средствъ. Другіе, болѣе важные, вопросы заняли ее. Такіе ли нравы искусство должно выводить на сцену! Это ли цѣль, къ которой должны привести насъ сіи новыя хвастливыя теоріи? Въ древнемъ театрѣ, санъ царскій, гонимый бѣдствіями, находилъ убѣжище при подошвѣ Киѳерона, опираясь на рамена Антигоны; у насъ теперь, царское достоинство, пьяное и развращенное, волочится по

вершенамъ распутства и злодѣянія! Вотъ что называется успѣхомъ, совершенствованіемъ, реформовъ!"

„Если Король приходитъ сюда весьма странно, то уходитъ еще страннѣе. Магделона, сестра убійцы, находитъ Франциска себѣ по вкусу и хочетъ спасти его. Братъ самъ на то согласенъ; но ему надобенъ трупъ къ полночи; какъ честный человѣкъ, онъ хочетъ сдержать свое слово; но въ такую позднюю пору, гдѣ промыслить человѣка на убой? Жертва сама представляется. Это Бланка. Отецъ расказалъ ей все, даже доставилъ возможность быть свидѣтельницею распутствъ Франциска. Это ничего для ней: она рѣшается пожертвовать ему своею жизнію; въ полночь, переодѣвшись кавалеромъ, толкается въ двери и падаетъ, пораженная смертнымъ ударомъ. Такая развязка нисколько ни тронула зрителей. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему было жертвовать собой развратнику, человѣку, который надъ ней такъ жестоко употребилъ во зло свою силу и могущество, который обезчестилъ ее, тогда какъ бы долженъ былъ возвратить ей честь и возвысить ее въ собственныхъ своихъ глазахъ?"

„Здѣсь оканчивается дѣйствіе. Развязка была уже всѣми предугадана заранѣе. Трибуле приходитъ въ полночь, доплачиваетъ условленную цѣну и беретъ мѣшокъ съ трупомъ. Слѣдуетъ длинный монологъ, который, не смотря на возвышенность философическихъ идей, показался смертельно скучнымъ. Мысль: *вотъ Король, вотъ шутъ!* повторялась безпрестанно въ разныхъ варіяціяхъ. Началась оглушительная война сви-

стковъ и рукоплесканій. И посреди шума, намъ едва удалось понять, что Трибуле, прежде чѣмъ бросилъ трупъ въ рѣку, хочетъ видѣть лице развратника, обезчестившаго дочь его. Онъ распарываетъ мѣшокъ кинжаломъ и вмѣсто врага своего находитъ умирающую дочь; хочетъ возвратить ее къ жизни, но тщетно; несчастная умираетъ въ его объятіяхъ."

„Такова сія драма, гдѣ, повторяемъ, высокія поэтическія красоты соединены съ самыми безобразными нелѣпостями! По крайней мѣрѣ должно сознаться, что если В. Гюго упалъ, то не отъ скудости силъ и генія, а отъ существеннаго недостатка своей системы: отъ того, что хотѣлъ живописать нравы, отвергаемые приличіемъ или, если угодно, лицемѣріемъ нашего вѣка; отъ того что считалъ себя въ правѣ и въ силѣ переходить отъ одного рода къ другому или лучше смѣшивать всѣ роды. Тогда какъ онъ сознаетъ свою ошибку и возвратится къ строгому, изящному величію древняго искусства, онъ займетъ непререкаемо первое мѣсто между современными драматургами. Даже и эта піэса, какова ни есть, могла быть создана только его геніемъ!"

Не имѣя подъ руками драмы В. Гюго, мы не можемъ ничего прибавить къ сужденію Парижскаго рецензента. Скажемъ только, что піэса сія, послѣ перваго представленія, оффиціально запрещена въ самомъ Парижѣ, какъ оскорбительная для общественной нравственности. Avis aux lecteurs!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Духи. * * * 45
Слезы. (*Н. Тепловой*). 186
Куликово поле. (*В. Красова*). . . 809

ПРОЗА:

Испанскій Грандъ. Повѣсть (*Бальзака*) 46
Переправа чрезъ Березину. (*Бальзака*) . . . . . 186,312 и 440
Рожденіе Наполена. Изъ Сценъ Военной Жизни (1769). 254
Мірозданіе, по Монгольскимъ понятіямъ. (*В. Соколовскаго*). 427

НАУКИ И ИСКУССТВА:

Римское Право. (*Ѳ. Морошкина*). 3 и 137
Божественная Комедія Данта. (Изъ *Вильменя*) . . . . . 65 и 214
Новая Классификація Животныхъ, основанная на организаціи ихъ Тѣла. (*Г. Фишера*). 127
Статистика Духовныхъ Учебныхъ Заведеній, за 1831 годъ. 266
Современный Духъ Анализа и Критики 273
Современное Назначеніе Философіи. Перев. съ Франц. *Н. Огаревымъ*. . . 416
Вѣкъ Рыцарства. (Изъ *Вильменя*) . 470

КРИТИКА

Повѣсти Михаила Погодина. *Три Части* . . . . . .

Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Вторая Книжка.*

Андрей Безымянный. *Старинная Повѣсть.* . . . . . .

Досуги Инвалида. *Часть Первая.* I Матушка-Мадамъ. II. Марихенъ. . . 97

Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ въ 1830 году. *Часть I и II.* . . . 244

Русскій Жилблазъ. Похожденіе Александра Сибирякова или Школа Жизни, *соч. Геннадія Симоновскаго. Двѣ Части.* . . . . . .

Семейство Холмскихъ. Нѣкоторыя Черты Нравовъ и Образа Жизни, семейной и одинокой, Русскихъ Дворянъ. Шесть Частей. 376

Стихотворенія Дениса Давыдова . .

Замѣчанія на Некрологію *Н. Н. Раевскаго*, изданную при Инвалидѣ 1829 года, съ прибавленіемъ Его Собственныхъ Записокъ на нѣкоторыя событія 1812 года, въ коихъ онъ участвовалъ, *соч. Дениса Давыдова.* . . 500

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ:

Процессъ Фридриха Бенуа въ Парижѣ. (Іюнь 1832). . . . . 109 и 385

Общественное Состояніе Жителей Океаніи *(Бальби)* 244

Герцогиня Беррійская 422
Константинополь. Посьмо къ Г. Базеню. (*Мишо*). 311
Le Roi s'Amuse (Король Забавляется). Драма *Виктора Гюго* 53

Къ сей части приложенъ портретъ Герцогини Беррійской.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ТЕЛЕСКОПЪ,

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

НА 1833 ГОДЪ,

будетъ издаваться, по тому же плану и съ той же обширностью, какъ въ прошлые два года. Издатель, признательный къ благосклонности публики, только усугубитъ свое усердіе къ доставленію ей полезнаго и пріятнаго чтенія во всѣхъ отношеніяхъ. Въ подтвержденіе сей ревности, не словами, а дѣломъ,

МОЛВА,

ГАЗЕТА

МОДЪ И НОВОСТЕЙ,

выходящая при *Телескопѣ* въ видѣ особаго прибавленія, будетъ раздаваться, вмѣсто *двухъ*, по *три* раза въ недѣлю.

Распространенная такимъ образомъ *Молва* умножитъ и оразнообразитъ извѣстія, какъ отечественныя, такъ и иностранныя, входящія въ составъ ея. Она поставитъ для себя обязанностью переда-

вать немедленно всѣ занимательныя новости, любопытныя явленія, замѣчательныя произшествія, изобрѣтенія и открытія по части наукъ и художествъ, современные анекдоты, слухи и толки. Сверхъ того въ составъ ея будетъ входить библіографія всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгъ, съ подробными рецензіями, и театральная хроника. Лѣтописи модъ дополнятъ ея разнообразіе.

Въ свою очередь, *Телескопъ*, уступивъ *Молвѣ* часть своего содержанія, получитъ возможность давать больше мѣста собственно занимательному чтенію или произведеніямъ Изящной Словесности, коей кругъ доселѣ не могъ быть довольно обширенъ. Періодическое изданіе *Ученыхъ Записокъ* при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, въ составъ коихъ будутъ входить собственно *ученыя* статьи, облегчитъ *Телескопъ* отъ необходимости иногда жертвовать полезному занимательнымъ. Посему теперь содержаніе его будетъ преимущественно составляться изъ повѣстей и описаній, отрывковъ изъ лучшихъ произведеній современной литературы, біографій, характеровъ и портретовъ знаменитыхъ представителей просвѣщенія, кар-

тинъ современныхъ нравовъ. Критическая часть *Телескопа*, отдавъ всѣ библіографическія подробности *Молвѣ*, предоставитъ себѣ общія обозрѣнія современнаго просвѣщенія по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Въ нихъ извѣстія, сообщаемыя *Молвой*, будутъ возводиться подъ одинъ совокупный взглядъ. Такимъ образомъ *Телескопъ* сдѣлается менѣе дробною, но болѣе полною лѣтописью современнаго просвѣщенія.

Для достиженія сей цѣли, Издатель значительно умножилъ число выписываемыхъ имъ иностранныхъ Газетъ и Журналовъ.

Полное изданіе, на 1833 годъ, будетъ состоять изъ 24 книжекъ *Телескопа* и 156 листковъ *Молвы*, съ гравированными портретами, картинками модъ, мебелей, экипажей и другихъ модныхъ издѣлій, нотами, очерками картинъ и другими рисунками и чертежами.

Цѣна за годовое изданіе остается таже: здѣсь въ Москвѣ 45 рублей, съ пересылкою въ другіе города 50 руб. асс. Отдѣльно ни *Телескопъ*, ни *Молва* не получаются.

Подписка принимается: въ Москвѣ: у Издателя, живущаго *у Покрова въ Левшинѣ*,

въ домѣ Г. Загоскина; въ *Университетской книжной лавкѣ*; въ Библіотекѣ для чтенія у *Н. Глазунова*; въ книжныхъ лавкахъ *А.* и *П. Глазуновыхъ*; въ СПБ. въ книжныхъ лавкахъ *Сленина* и И. и А. *Глазуновыхъ*. Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ Газетную Экспедицію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Почтамта или къ самому Издатель. Только въ семъ послѣднемъ случаѣ Издатель беретъ вѣрность пересылки на свою отвѣтственность.

Н. Надеждинъ.

NN 21 и 22 *Телескопа* выдутъ къ Новому Году; остальныя двѣ книжки въ первой половинѣ Января.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 22 го дня 1832 года.

Цензоръ Николай Лазаревъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.